А.А. НОВОСЕЛЬСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА

«НАУКА»

А.А. НОВОСЕЛЬСКИЙ

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ
НОВОСЕЛЬСКИЙ
(1891—1967 гг.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХИВ

А.А. НОВОСЕЛЬСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

МОСКВА «НАУКА»
1994

ББК 63.3(2)4
Н74

Составитель
кандидат исторических наук Л. Г. ДУБИНСКАЯ

Ответственный редактор
доктор исторических наук Б. В. ЛЕВШИН

Рецензенты:
доктор исторических наук А. И. КОМИССАРЕНКО,
Н. К. ТКАЧЕВА

Н $\frac{0503020200-304}{042(02)-94}$ 86—93, II полугодие

ISBN 5—02—008645—2

© Российская академия наук
© Архив, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге представлены не опубликованные при жизни труды Алексея Андреевича Новосельского, являющегося одним из классиков исторической науки. Его монографии, статьи, исследования в коллективных трудах посвящены социально-экономическим и внешнеполитическим проблемам русского феодализма[1].

Неопубликованная часть научного наследия А. А. Новосельского по объему не столь уж велика. Она представляет собой труд, над которым он работал последние годы жизни и не успел завершить,— «Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в.», том второй,— продолжение монографии, которая была его докторской диссертацией. А также несколько ранних работ по региону, которым он позднее не занимался,— Белозерскому у., что, очевидно, было связано с его работой в начале 20-х годов в Древлехранилище (ныне Российский государственный архив древних актов). К двум группам примыкают исследования, условно присоединенные к ним. Определяя структуру сборника, составитель имел в виду в основном тематическое содержание, а не хронологический принцип.

Публикуемая впервые «Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в.» представляет собой первую редакцию текста незавершенной работы по второму тому монографии, первый том которой вышел в 1948 г. Первая часть охватывает хронологически первую половину XVII в. и, безусловно, является основной и непревзойденной работой в советской историографии, рассматривавшей внешние отношения России не только с Крымским государством, но и с Украиной, Речью Посполитой, Оттоманской портой, Дунайскими княжествами в их взаимосвязи. Незавершенный второй том, который должен был закончиться Бахчисарайским миром 1681 г.[2], конечно, не может претендовать на такое же место в историографии. За двадцатилетие между написанием и выходом в свет второго тома ряд исследователей занимались проблемами, так или иначе составляющими содержание книги Новосель-

---

[1] См.: *Павленко Н. И.* О научном наследии А. А. Новосельского; *Черепнин Л. В.* Памяти Алексея Андреевича Новосельского // Дворянский и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 17—27; *Комиссаренко А. И.* А. А. Новосельский как историк крестьянства России XVII в. // Советская историография отечественной истории: Ученые и их труды. М., 1988. С. 110—124.

[2] Бахчисарайским миром закончилась русско-турецкая война 1676—1681 гг. По этому договору Турция признала протекторат Московского государства над Левобережной Украиной. Турции отошла Западная Украина. Статья в первоначальном тексте договора о том, что запорожские казаки остаются «в стороне царского величества», а султану и хану «до них дела нет», в окончательный текст договора не вошла.

ского, хотя именно тема русско-крымских конфликтов и дипломатических связей в том объеме, который мы предлагаем в публикуемой монографии, никем не рассматривалась. Монография Г. А. Санина, вышедшая в 1987 г., исследует только период 1654—1657 гг.[3] Труд Л. В. Заборовского[4], всесторонне рассматривая взаимоотношения Речи Посполитой, России и Швеции, открывает новые аспекты политики России и способствует пониманию ситуации во внешней политике, так же как диссертация Т. Н. Копреевой[5] о русско-польских отношениях или книжка Л. Е. Семеновой о русско-валашских отношениях[6]. Тема русско-валашских и русско-мунтянских отношений представлена сборником документов[7].

Опять же Г. А. Санин в статье «Русско-польские отношения 1667—1672 гг. и крымско-турецкая политика в Восточной Европе» наиболее близко подошел к тематике Новосельского. В этой статье он делает вывод о том, что в 1667—1672 гг. Андрусовское перемирие помогло союзу России и Польши сдерживать экспансию Турции и Крыма. Эта же концепция о братстве России и Польши отражена в статье д.и.н. Е. В. Чистяковой «Идея совместной обороны южных границ России и Польши в русской публицистике второй половины XVII в.»[8]

Публикуемая в сборнике работа тесно связана с интенсивно разработанной в советской историографии темой воссоединения России с Украиной. Одним из авторов этих исследований был Новосельский[9]. В предлагаемой монографии ученый переступает хронологический рубеж, замалчиваемый в советской историографии, о вступлении России в новую полосу своей внешней политики как по отношению к Польше, так и к Украине.

Историография внешних сношений России с Польшей, Украиной и Крымом в XVII в. широко представлена в монографии Г. А. Санина[10]. Для хронологического периода 1657—1681 гг., о котором в основном идет речь во второй части монографии А. А. Новосельского, следует еще раз указать работы его достойных предшественников в русской историографии: труд С. М. Соловьева[11], богатый фактический материал которого подтвержден документами Архива Министерства иностранных дел и Малорос-

---

[3] *Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.

[4] *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981.

[5] *Копреева Т. Н.* Русско-польские отношения во 2-й половине XVII в. (от Андрусовского договора 1667 г. до Вечного мира 1686 г.). Л., 1952.

[6] *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII—начале XVIII в. М., 1969.

[7] Исторические связи народов СССР и Румынии. М., 1968. Т. 2.

[8] Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 276—286, 287—298.

[9] *Новосельский А. А.* Совместная борьба русского и украинского народа против турецко-татарских захватчиков // Докл. и сообщ. Института истории АН СССР М., 1954. Вып. 2. С. 14—25; История народов СССР в XVII в. Воссоединение Украины с Россией // Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955. С. 665—666; Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. В 3 т. М., 1953.

[10] *Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 5—25.

[11] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI.

сийского приказа (РГАДА), и исследования Н. И. Костомарова «Гетманство Выговского»[12] (на совершенно отличных от Соловьева материалах — малороссийских летописях) и другие монографии[13].

Публикуемая рукопись представляет большой дополнительный материал источников как периода, заканчивающегося смертью Богдана Хмельницкого в 1657 г. и изменением внешней политики России (мирные переговоры с Польшей и вступление в войну со Швецией в 1656 г.), так и далее, до 1681 г., что является особенно ценным. Узел проблем взаимоотношений России, Польши, Украины и Крыма до 1657 г. в основном освещен монографией Г. А. Санина и носит теперь уже фактически историографический интерес, хотя и вводит в научный оборот материал столбцов, помимо книг Посольского приказа[14] (последний использован в монографии Г. А. Санина наряду с другими источниками). Период же, начинающийся с переходом гетманской власти к Ивану Выговскому и расколом Украины, не имеет специальных исследований в советской историографии. А. А. Новосельским выявлен документальный материал и представлен в хронологической последовательности во всей своей реальной противоречивости, многогранности и неприглаженной правде. И те, кто будет писать исследования по этим и другим материалам, не сможет при любой политической ситуации обойти те факты, которые собраны и представлены Новосельским.

Составителем уточнены и сверены ссылки с текстом документов, редакционные поправки взяты в квадратные скобки; «...» означает, как указывается в примечаниях, сокращение текста цитаты А. А. Новосельским.

В первом разделе публикуется «Изюмская черта». Возможно, это был заказ для пятого тома Исторической энциклопедии, вышедшей в 1964 г. Предполагаемая дата создания — последние годы жизни ученого — характерны изменением почерка, имевшим место в конце жизни автора.

Мы публикуем все три фрагмента, находящиеся в фонде, считая, что они дополняют друг друга. Они не снабжены никакими ссылками на источники, по содержанию становятся как бы последней страницей публикуемой выше незавершенной работы.

Дополнением темы первого раздела является также статья «Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте». Возможно, что она писалась к одному из томов «Очерков истории СССР» как фрагмент истории русско-польской войны, но в «Очерки» вошла статья А. Н. Мальцева, освещающая все фронты первого этапа военных действий[15]. Если это предположение верно, то статью А. А. Новосельского можно датировать первой половиной 50-х годов.

---

[12] *Костомаров Н. И.* Собр. соч. СПб., 1903. Кн. I. С. 307—403.

[13] Там же. СПб., 1904. Кн. IV. С. 1—714 (Богдан Хмельницкий); Там же. Кн. V. СПб., 1905. С. 605—613 (Богдан Хмельницкий. Данник Оттоманской порты); Там же. СПб., 1905. Кн. VI. С. 5—366 (Руина. Гетманство Бруховецкого, Многогрешнаго и Самойловича).

[14] *Новосельский А. А.* Разновидности крымских статейных списков XVII в. и приемы их составления // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 182—194.

[15] Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 480—496.

Предлагаемый очерк военных действий представляет собой совершенно новый материал. Он интересен и тем, что раскрывает отношения в русской армии, дает характеристику военачальникам. В этом отношении труд является необычным для советской историографии и вводит в научный оборот новые источники. Все ссылки составителем были сверены с текстом документов и приведены в соответствие с современным справочным аппаратом РГАДА.

Неразобранное слово в автографе обозначается многоточием.

Второй раздел сборника открывается небольшой статьей «Отголоски опричнины в документах XVII в.» Автор делает попытку восполнить бедность источников по периоду опричнины и вообще материалов XVII в. в делопроизводстве Поместного приказа. По писцовым книгам 1626—1627 гг. Белозерского у. и столбцам Поместного приказа по Белозерскому у., отражающим испомещение служилых людей начиная с 1613 г. и далее, автору удается установить несколько случаев возвращения вотчин, отнятых в опричнину. При этом можно утверждать по источникам, что экспроприированная земля «на государя» перешла в черные земли и ее начали раздавать новым владельцам только после Смуты. Сведения, что в Белозерском у. были случаи раздачи этой земли в частное владение, отсутствуют. Статья написана не ранее 1951 г., так как имеется ссылка на книгу А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края» (М.; Л., 1951).

Текст литературных и архивных ссылок был сверен составителем и приведен в соответствие с современным шифром РГАДА.

В статье «Служилое общество и землевладение на Белоозере после Смуты» А. А. Новосельский дает территориально-административную и социально-экономическую характеристику уезда, то, что позже было обозначено в «Отголосках опричнины» (см. выше). Автор рассматривает уничтожение в период опричнины в данном уезде как княжеских гнезд, так и служилого землевладения. Отобранные земли пробыли в черных до их раздачи более 40 лет. После Смуты сразу началось испомещение служилых людей, и весь уезд, за исключением двух небольших дворцовых волостей и незначительного возвращения вотчин, был роздан в поместья служилым людям пестрого и демократического состава. Новосельский дает анализ принципа организации службы «по городу», ее условности и изжитости. Наделение землей по Белозерскому у. не могло обусловить службу именно по данному городу, так как обычно испомещение происходило по разным, часто далеким друг от друга уездам и помещик служил по тому уезду, где исстари имел земли. По Белоозерью в основном служили казаки и атаманы, впервые верставшиеся после Смуты. Очень ценны наблюдения автора о мене (обмене) земельными участками, их скрытой продаже и просто неиспользовании земли владельцами за дальностью уезда. Характерными были частые переходы жеребьев из рук в руки. Крестьяне были на оброке. Однако в документах немало сведений об их отказе платить оброк помещику: непонимание ими или противостояние новому правопорядку — распространению поместного землевладения и крепостнической системы в ее несколько измененной форме.

Борьба за «живущую» землю тоже представлена в обостренной форме злоупотреблений и насилия по отношению помещиков друг к другу, к вдовам, детям служилых людей и крестьянству. Мобилизация земли, по мнению автора, в этом северном уезде происходила быстрее, чем в центральных уездах.

Большую сложность для составителя представила сверка ссылок, так как расшифровка многих из них оказалась невозможной,— случаи ссылок на фонд Белозерского уездного суда, который находится теперь в составе фонда Белозерской приказной избы. Вязки и столбцы, на которые ссылается автор, разделены в архиве на дела. В ряде случаев удавалось разыскать нужный документ по описи, но это было возможно далеко не всегда. В последнем случае была оставлена старая авторская ссылка.

Следует сказать, что тема данной статьи неоднократно повторялась в творчестве А. А. Новосельского и рассмотрение ее по северному уезду значительно дополняет ранее опубликованные работы[16].

Статья «Рыбные промыслы в Белозерском у. в XVII в.» представляет собой строго документальный, конкретный и подробный рассказ об организации рыбного промысла в Московском государстве на примере Рыбного двора в Белозерском у.

Система ссылок предполагает состояние справочного аппарата фондов местных учреждений в довоенный период. Переформирование этих фондов началось до Великой Отечественной войны. Но в основном работа проходила после возвращения архива из эвакуации. Некоторые ссылки остались нерасшифрованными. Дела Белозерского уездного суда находятся в фонде Белозерской приказной избы. Однако документы Рыбного двора выделены в особый фонд — 1599. Вязки и столбцы, на которые ссылается А. А. Новосельский, расформированы. Составитель заново их выявлял по описям. Когда авторскую ссылку восстановить не удавалось, а документ представлял интерес, то в ссылку добавлялось: «например, см.»; ... — означает неразобранное слово, «...» — сокращение ссылки автором.

В статье «Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в.» рассматриваются аспекты организации военной службы, дополняющие опубликованные работы автора. Можно предположить, что это часть какой-либо большой статьи или ее вариант, например: «Правящие группы в служилом городе XVII в.» Однако осталась она неопубликованной по вполне понятным причинам: в ней отражены моменты отнюдь не доблестного поведения русской армии, что не поощрялось. Легенды и тексты ссылок на литературу и на документы Архива древних актов сверены и восстановлены составителем.

Статья «Аптека XVII в.» с автографа А. А. Новосельским не перепечатывалась. Частично текст восстанавливался по архивным и литературным источникам. Эта работа не была закончена, каж-

---

[16] Правящие группы в служилом городе XVII в. // Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН. М., 1928. Т. 5. С. 315—335; Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Ист. зап. 1938. Т. 4. С. 21—40; Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятням) // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 234—253.

дая ссылка в автографе представляла собой загадку. Составителю удалось большинство сносок, сопоставляя их с близкой по теме литературой, расшифровать. Сложнее было с архивными ссылками на «Дела Аптекарского приказа», которые приходилось выявлять по описям ф. 143, если текст этому сопутствовал: указан год, имя и т. п. Записи в приходо-расходных книгах д. 320 ф. 16 частично восстановлены, но на начало XVIII в. обнаружить документы не удалось, возможно ввиду отсутствия в фонде приходо-расходных книг за 1701—1708 гг. По тематике эта статья стоит особняком в творчестве А. А. Новосельского, хотя по методике разработки материала является для него характерной.

... — означает неразобранное слово в рукописи; «...» — сокращение цитаты Новосельским.

Публикуемые в данном томе «Научного наследия» труды А. А. Новосельского дополняют его творчество как в тематическом, так и в региональном плане, расширяют хронологические рамки его исследований социально-экономических и внешнеполитических процессов в XVII в.

При публикации составитель придерживался в археографической обработке текста правил публикации 1990 г.[17] Ссылки на литературу, опубликованные источники были сверены и уточнены. Архивные ссылки сверены и перешифрованы, кроме некоторых ссылок на вязки в статье: «Рыбные промыслы в Белозерском у.» и нескольких ссылок в статье «Служилое общество на Белоозере». Все добавления и исправления составителя в тексте или в справочном аппарате берутся в квадратные скобки или оговариваются под строкой. Замечания А. А. Новосельского — в круглых скобках.

Редакция приносит благодарность старшим научным сотрудникам Российского государственного архива древних актов Т. Д. Лаврентцовой, С. И. Сметаниной и И. А. Балакаевой за помощь в работе с архивными документами.

к.и.н. *Л. Г. Дубинская*

* * *

Алексей Андреевич Новосельский «являлся одним из ведущих историков, отдававшим все свои творческие силы, знания и опыт на развитие исторической науки на благо нашей Родины» (Б. Д. Греков. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 180. Л. 1). Вот как сам Новосельский писал в своей автобиографии: «Родился в 1891 г. в г. Тамбове. Сын учителя. Окончил историко-филологический факультет Московского университета с золотой медалью в 1915 г.[1] Был оставлен на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию и в течение 1915—1918 гг. выдержал все полагавшиеся магистерские испытания по русской и всеобщей истории и политической экономии. В 1919 г. по прочтении пробных лекций был зачис-

[17] Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

[1] Золотая медаль была присуждена за сочинение на тему «Верховный Тайный Совет в России», рукопись которого хранится в Архиве РАН (Ф. 1714. Оп. 1. Д. 2).

лен в состав преподавателей Московского университета. В 1918—1930 гг. работал в ведомстве Центрального архивного управления и Древлехранилища (ныне РГАДА). С 1935 по 1942 г. состоял научным сотрудником Музея антропологии Московского государственного университета. В 1922—1929 гг. состоял научным сотрудником 1-го разряда Института истории РАНИОН и был секретарем секции русской истории. Затем работал в Московском отделении Академии истории материальной культуры и в Государственном Историческом музее[2]. Преподавательскую работу вел, кроме Московского университета (1919—1920 гг.), в Тверском педагогическом институте, в Московском институте истории, философии и литературы в 1939—1941 гг., в Историко-архивном институте Министерства внутренних дел СССР сначала в качестве доцента, затем профессора и заведующего кафедрой истории СССР с 1943 по 1956 г. В ученой степени кандидата исторических наук утвержден Ученым советом Московского университета в 1938 г. Докторскую диссертацию защитил 17 июня 1946 г.[3] После этого по настоящее время (28 апреля 1958 г.) работаю в Институте истории АН СССР, сначала в качестве старшего научного сотрудника, затем зав. сектором аспирантуры, зав. сектором феодализма, заместителем директора института по 1953 г. После 1953 г. по настоящий момент — заведующий сектором источниковедения и издания исторических источников дооктябрьского периода» (Ф. 411. Оп. 58. Д. 273. Л. 9—9 об.).

«Ученый крупного масштаба и яркого научного дарования, А. А. Новосельский в течение последних двадцати лет своей жизни теснейшим образом связал свою научную деятельность с Институтом истории АН СССР. Будучи сотрудником Института истории, А. А. Новосельский написал и опубликовал свое капитальное исследование «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» А. А. Новосельский принимал руководящее участие в крупных коллективных работах Института истории — «История Москвы»[4], «Очерки истории СССР», «Учебник по истории СССР для исторических вузов». А. А. Новосельский является научным руководителем серий изданий исторических источников и непериодических сборников по проблемам источниковедения» (Ф. 1714. Оп. 1. Д. 182. Л. 16).

«Весьма плодотворна деятельность А. А. Новосельского и по подготовке научных кадров. Немало научных сотрудников Института истории гордятся тем, что они являются учениками А. А. Новосельского». Уйдя на пенсию 31 мая 1963 г., уже

---

[2] В музее Новосельский работал в 1922—1926 гг., а с 6 октября 1930 г. по 8 апреля 1935 г. он главный библиотекарь, а потом заведующий отделом рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Ф. 1714. Оп. 1. Д. 142. Л. 17).

[3] Эта диссертация, по словам В. И. Пичеты, «безусловно крупное явление в нашей исторической литературе... и по обширности привлеченного материала, и по прекрасной его разработке, и по убедительности и значимости выводов» (Ф. 1714. Оп. 1. Д. 213. Л. 2, 19).

[4] За т. 1 этой работы А. А. Новосельскому была присуждена премия Президиума Академии наук СССР 27 ноября 1953 г. (Ф. 1714. Оп. 1. Д. 145. Л. 3)

22 февраля 1964 г. в письме к своему ученику В. М. Важинскому он писал: «Вы скучаете об архиве. А я чуть ли не каждый день бываю в архиве, отдыхаю от тоскливого чувства скуки и оторванности от настоящего дела, до сих пор не могу освободиться» (Ф. 1714. Оп. 1. Д. 184. Л. 2). В это время он продолжал свою работу над монографией «Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в.», продолжал консультировать своих аспирантов и докторантов по МГИАИ и Институту истории СССР, руководить научным кружком ЦГАДА, участвовать в работах ученых советов ГАУ СССР, ЦГАДА, МГИАИ, Института истории СССР.

Как вспоминал Л. В. Черепнин, незадолго до смерти А. А. Новосельский присутствовал на заседании Ученого совета ЦГАДА, посвященном пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции: «Алексей Андреевич сказал тогда небольшое слово, которое оказалось прощальным. Он был уже болен и слаб, говорил тихо, и его было трудно слушать, но говорил проникновенно. И главная мысль, которую он хотел довести до присутствующих, особенно до молодежи, заключалась в том, что историк, не работающий в архиве, не может называться ученым. Алексей Андреевич вспомнил тех архивистов — Шереметевского, Чулкова, Богоявленского, чьим примером руководствовался всю жизнь, ибо, смолоду пойдя работать в архив, он там провел и последние свои годы, когда уже вышел на пенсию»[4а].

Скончался А. А. Новосельский 29 октября 1967 г. Свыше пятидесяти лет своей жизни он отдал служению отечественной науке.

Фонд Алексея Андреевича Новосельского поступил в Архив Академии наук 17 января 1980 г. от его вдовы — Нины Александровны Романовской. Он представляет собой комплекс документальных материалов 1912—1967 гг. в количестве 225 единиц хранения, на которые составлена одна опись.

Основную часть материалов фонда А. А. Новосельского составляют «Научные труды и рабочие материалы к ним за 1912—1967 гг.» — 150 д. За дореволюционный период сохранились автографы студенческих работ Новосельского. В университете он занимался у таких видных ученых, как М. М. Богословский, М. К. Любавский, А. Н. Филиппов и др. Первой дошедшей до нас работой является автограф доклада «Классы московского общества и политические программы в Смуту», датированный 13 февраля 1912 г.

20-е годы представлены в фонде статьями «Служилое общество и землевладение на Белоозере после Смуты», «Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в.», которые печатаются впервые в настоящем издании, фрагментами статей, опубликованными позднее под другими названиями: «Экономический кризис и переход к новому ратному строю», «Воеводские злоупотребления и служилые города на юге Московского государства в XVII в.», автограф статьи «Ап-

[4а] *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 228.

тека XVII в.», написанной в 1925 г. (вошел впервые в настоящее издание).

30-е годы представлены в фонде довольно скудно: это автографы статей «Опыт работы Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина по систематическому каталогу» (1934), автограф «Очерков истории деревни Рязанского края» (1936), «Сельское хозяйство в Московском государстве в XVII в.».

40-е годы представлены в фонде напечатанными на машинке статьями для дипломатического словаря (1943), «Экономической классификацией беглых на южной окраине Московского государства в первой половине XVII в.» (1944)[5], докторской диссертацией «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.»[6] и материалами к ней (1946), двумя редакциями статей «К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в.» (1948—1949)[7] и др.

50-е годы представлены в фонде вариантами критической статьи («К критике статей Б. Ф. Поршнева об истории феодализма»), написанной совместно с неустановленным автором в 1951 г., автографами статей «Разновидности крымских статейных списков XVII в. и приемы их составления» (1954)[8], «К вопросу о значении воссоединения Украины с Россией для борьбы с татарско-турецкими захватчиками» (доклад 1954 г.) и др.[9]

60-е годы представлены в фонде работами с более разнообразной тематикой. Здесь и автограф статьи «Основные черты состояния вспомогательных исторических дисциплин в СССР и их задачи» (две редакции 1961 г.) и материалы к ней и к готовящейся монографии на эту тему, статьи «Землевладение служилого города в XVII в. по "разборным десятням"» (1960)[10], «Суд в крестьянстве» в XVII в. на южной окраине Русского государства» (варианты, 1961)[11], «Вольные» и «перехожие» люди в южных уездах Русского государства в XVII в. и их роль в заселении новых городов Белгородской черты»[12] (автограф, 1961), монография «Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в.» и материалы к ней. Довольно много в фонде работ, которые не поддаются датировке. Это статьи: «Камарицкие драгуны в XVII в.» (авторизованная машинопись)[13], «Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте»[14], два варианта статьи «О служилом землевладении в Московском государстве в первую полови-

---

5 Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 58—64.
6 М.; Л., 1948. Т. I.
7 Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия М., 1952. С. 178—183.
8 Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 182—194.
9 Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 2.
10 Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 233—253.
11 Дела о «крестьянстве» как источник // Археограф. ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 147—155.
12 Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Сб. 5. С. 61—77.
13 Дворцовые крестьяне Камарицкой волости... // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 65—80.
14 Публикуется в настоящем издании.

ну XVII в.», «Народные революционеры 70-х годов XIX в.» (автограф) и др.

Широко представлены в фонде А. А. Новосельского лекции, прочитанные им в стенах МГИАИ,— 13 дел: здесь и планы семинарских занятий 1940—1946 гг. по русской палеографии, хронологии, метрологии, сфрагистике и другим вспомогательным историческим дисциплинам, тексты лекций по русской истории с древнейших времен и до конца XVII в., спецкурс «Восстание И. И. Болотникова и борьба русского народа с польско-шведской интервенцией» (1951) и др. Надо отметить, что тексты лекций по русской истории ученым постоянно дорабатывались вплоть до середины 50-х годов.

Раздел «Рабочие материалы к трудам» широко представляет в фонде творческую авторскую лабораторию: копии архивных (в основном РГАДА) документов, конспекты, выписки из литературы, а также составленные на основании архивных материалов росписи монастырских вотчин по писцовым книгам XVII в.

В документах о научно-организационной и педагогической деятельности нашли отражение тематика семинаров по Русской Правде, социальной истории России XVI—XIX вв., издательские договоры, дневники заведующего сектором источниковедения в 1953, 1957 гг., планы работы этого сектора, записка об основных задачах Института истории в области публикации источников и источниковедения, переписке с институтами и соискателями об оппонировании кандидатских и докторских диссертаций, рецензировании коллективных трудов, монографий и статей ученых, переписке с учеными-краеведами в связи с консультированием по различным вопросам истории России XVII в. и др.

Юбилейно-поздравительная документация представлена в фонде поздравительными письмами и телеграммами по случаю 65-, 70- и 75-летия со дня рождения.

Раздел «Переписка» в фонде А. А. Новосельского небольшой. Среди его адресатов д.и.н., доцент Липецкого пединститута Важинский Владимир Михайлович; корреспонденты: д.и.н. Андреев Александр Игнатьевич, Важинский В. М., Валк Сигизмунд Натанович, д.и.н., ст.н.с. ЛОИИ, среди иностранных корреспондентов — Костакэл В. А., профессор Богдан из Бухареста.

Наибольший интерес представляют отзывы С. В. Бахрушина, С. К. Богоявленского на книгу «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.», а также рецензии на его статью «Основные черты состояния вспомогательных исторических дисциплин в СССР и их задачи».

к.и.н. *А. К. Панфилова*

Раздел первый

БОРЬБА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С ТАТАРАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Русско-крымские отношения во второй половине XVII в. (точнее, 50—70-е годы до Бахчисарайского мира 1681 г., как намечено планом работы) отличаются гораздо большей сложностью, чем в предшествующий период. Конечно, и в XVI в. и в первой половине XVII в. русско-крымские отношения временами тесно переплетались с отношениями русско-польскими и русско-турецкими, что вытекало из общего положения Крыма как вассального от Турции государства, как промежуточного государства, до некоторой степени государства буферного, как государства по самой природе своей примитивно хищного. Однако самостоятельная его роль в отношении Русского государства, очевидность его крупной военной роли [была достаточно] велика, чтобы [границы] темы вызывали трудности. Иное положение создалось с 50-х годов XVII в. Взаимосвязанность внешнеполитических отношений сохраняется, как и раньше, но резко изменяется роль Крыма [по отношению к] России как участника крупной войны с Польшей (1654—1667 гг.), как участника первой войны России с Турцией (1672—1681 гг.). Громадную роль в архивных источниках занимают события на Украине, особенно в период «руины». Очень трудно подчас бывает выделить факты русско-крымских отношений из общей массы исторических сведений, рисующих события собственно украинские. Эти события слишком ярки и увлекательны, чтобы было легко от них отказаться. В то же время события на Украине в названный период слишком многозначительны и представлены таким грандиозным количеством материала, что освещать их между прочим совершенно невозможно; это самостоятельная задача, решать которую, мне кажется, надлежит историкам Украины. Поэтому темы, касающейся истории Украины изучаемого периода, мы лишь касаемся попутно, где она смыкается с русско-крымскими отношениями. Конечно, в этом состоит известная сложность, но скорее техническая, чем по содержанию. И раньше, как видно из нашей первой книги о «Борьбе Московского государства с татарами в первой половине XVII в.», заметную роль в русско-крымских отношениях имели другие народности, кочевавшие и обитавшие в южных степях и северном Предкавказье,— большие и малые ногаи и др. Появляются калмыки. Но с середины XVII в. ногаи, особенно калмыки, выступают гораздо ярче; калмыки начинают играть видную роль как боевая сила, отчасти как сила, содействующая русскому правительству, а подчас действующая вопреки его расчетам. Одним словом, изложение темы русско-крымских отношений за

50—70 годы гораздо сложнее, чем за предшествующий период. Особенно условно выделение из изложения событий украинских. В остальном построение второй части монографии совпадает с построением части первой, хотя различные ее разделы изложены одни полнее, другие короче.

Глава первая

РУССКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 50-Х ГОДАХ XVII В. ПРИ ГЕТМАНЕ БОГДАНЕ ХМЕЛЬНИЦКОМ

Напомним, не входя в подробности, отсылая к первой части нашей монографии, что в течение национально-освободительной войны украинского народа с Польшей под предводительством Б. Хмельницкого Крым, втянувшийся в войну, извлекал из нее громадную для себя выгоду; недаром крымские татары прозвали хана Ислам Гирея ханом «счастливым». Поэтому нападения татар на пределы Русского государства [временно] почти сошли на нет. Однако союз крымцев с Хмельницким воспринимался последним и всем украинским народом как вынужденное зло; Украина несла колоссальные жертвы полоном и от другого грабежа. Пожалуй, не менее важно было коварное вмешательство крымцев в политические результаты войны (припомним условия Зборовского договора и Белоцерковского мира)[a], снижавшее результаты военных успехов восставшего народа. Крымцы не скрывали, что полная победа украинского народа была бы им нежелательна. Полный отчет в задачах крымской политики давал себе Хмельницкий, да и весь украинский народ. Но в интересах успеха борьбы с Польшей союз с Крымом был неизбежным. Польский король упорно соблазнял хана выгодами мирного договора с ним против украинцев. Приемы привлечения [хана] на свою сторону были старыми и давно испытанными и не лишенными основания.

Словом, общая ситуация была ясной и не лишенной тяжелых и горьких соображений для руководителей украинского народа.

Новое обстоятельство и серьезное осложнение повлекли за собой начало и развитие переговоров Б.Хмельницкого с русским правительством. Крымцы получали хорошую информацию не столько из Москвы, сколько из Польши, где хан имел постоянного своего представителя, да и польское правительство было заинтересовано в осведомлении хана о всех сношениях с Москвой.

Новое в отношениях Русского правительства с Крымом обнаруживалось, когда начались переговоры Москвы с Польшей и с Хмельницким. Крымское правительство внимательно следило за переговорами и подозрительно рассматривало намерения и планы Хмельницкого, т. к., разумеется, не желало терять всех выгод своей позиции в конфликте Украины с Польшей.

В сентябре 1652 г. состоялась посылка в Крым посланников Демида Хомякова и Ермила Клочкова; переводчиком был с ними давний испытанный Кутломаметь Устокасимов и 4 толмача. Послан-

ники должны были выяснить, остается ли хан по-прежнему союзником Хмельницкого в войне с королем польским, как договорено с ним: «...им на недругов стоять заодно и чем укрепленность и на сколько лет...[6] а и не чаять ли от крымского царя, и от калги, и от нурадына с запорожскими черкасы какие шатости на Московское государство войною соединенья. И как ныне Польское и Литовское государство с Турским, и нет ли ныне во Царегороде и в турской земле меж царя и меж пашей розни». Об украинских переселенцах в пределы Московского государства [предписывалось] говорить, что бояться нечего; они били челом в службу, были наделены землей, «и ис тех черкас многие своровали, царскому величеству изменили и отошли в свою сторону»[1]

В декабре 1653 г. посланники прибыли в Крым на обычную посольскую стоянку на р Альме[2]

По приезде Демида Хомякова и Клочкова на место постоянной стоянки посланников на р. Альме непрерывным потоком стали поступать разнообразные сведения о Крыме. Некоторые из них касались внутренних дел Крыма. С самого начала января проникли слухи о намерении сменить Ислам Гирея, позднее отвергнутые. О посылке ханом султана Баб Гирея с 10 000 вооруженных людей мирить горских черкас с бестенеями[3]. Слухи о готовившемся калмыками нападении на Крым[4]. Об отказе хана совершить поход на донских казаков, потому что он, хан, связан договором с гетманом Хмельницким и не может его «выдать», пока он не управится с поляками[5].

Однако было очевидно, что в среде правящих кругов Крыма, ближних людей и мурз, обсуждались гораздо более важные вопросы; некоторые сведения об этом доходили до посланников. 29 января арбачей, захваченный нурадыном и допрошенный им, сообщил посланникам, что среди мурз и ближних людей идет разговор о том, что «в государевы украинные городы царевичем с воинскими людьми войною с степи никоторыми мерами пройти не уметь, потому что учинен вал накрепко и ров выкопан глубок. А за валом поставлены городы частые, а в городех устроены многие ратные люди. А как де царевичи с воинскими людьми пойдут к гетману к Богдану Хмельницкому на помочь против ляхов и в то де время от литовской стороны итти царевичем с воинскими людьми войною в государевы украинные городы»[6].

Мурзы верно оценили наметившееся стратегическое значение путей проникновения татар в пределы Русского государства. В крупном масштабе они осуществили прорыв в первый раз через Днепр в 1659 г. под Конотопом, преподав хороший урок русскому правительству и вынудив его к новым большим оборонительным строительствам.

---

[1] РГАДА (далее название архива опускается). Ф 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 33. Л. 135—136, 191.
[2] Там же. Кн. 34. Л. 54 об.— 55.
[3] Там же. Л. 80, 108 об.— 110.
[4] Там же. Л. 119—119 об.
[5] Там же. Л. 120 об.— 121.
[6] Там же. Л. 123 об., 126—126 об.

Лишь постепенно перед посланниками раскрывалась картина подлинного отношения Крыма к изменявшемуся положению Украины. Сведения о поведении Крыма подчас казались противоречивыми. От февраля 1653 г. посланники слышали об энергичной помощи хана гетману против поляков посылкой ему крупных сил в страшно опустошенной «литовской» земле от Днепра до Венгрии. «Целое место» сохранилось только по русским и немецким рубежам. Сообщалось о том, что будто сам султан приказывал своим «гранишным пашам» оказывать помощь Хмельницкому[7].

Гетман столь активно действовал в пользу Василия Лупу в Валахии[в], что господарь присылал 25 000 злотых в Крым в благодарность за помощь[8].

Однако 5 мая кн. Маметша Сулешев[9] сообщал противоречащий этим сведениям факт, что Муйнацкий царевич, ходивший на помощь гетману и вернувшийся из похода под Каменец-Подольский, подвергся сильному нажиму татар, которые к нему приходили «с большим шумом», что они «в долгом стоянии» «испроелись», и требовали, чтоб царевич велел им гетманское имение «воевать». Царевич отказал, но татары все-таки гетманское имение ограбили и «многих людей черкас з женами и з детьми в полон поимали. А перекопский де Батырша князь от того татар не унимал». Факт, возмутивший Хмельницкого. Гетман потребовал возврата захваченного полона, упрекая хана в нарушении шерти. По-видимому, связи с гетманом еще сохранялись. Муйнацкий царевич уже при обратном движении из похода отбирал захваченный татарами полон. Позднее хан по письму гетмана разыскивал полон в Крыму и в ногайских улусах и вернул будто бы 600 полонянников. Батыршу мурзу Перекопского снял с поста и назначил на его место прежнего бея Караш мурзу Ширинского. Ислам Гирей оправдывался и уверял гетмана в соблюдении шерти. Сам Ислам Гирей готовился к походу и лишь ждал верных известий о движении польского короля, чтоб напрасного «конобоя не учинить»[10].

27 июня кн. Маметша жаловался на погром донскими казаками кораблей и каторг, шедших из Турции в Крым с хлебными запасами: «а в Крыме де недород хлебной, купить хлеба негде». Казаки захватили в полон больше 300 человек. Против них были посланы стрелецкий голова с ратными людьми. Казаки убили стрелецкого голову и многих ратных людей. От языков узнали, что казаки выплыли в 25 стругах (до 1500 человек)[11].

К середине 1653 г. в целом позиция Крыма стала выясняться. В 20-х числах июля переводчик Кутломаметь Устокасимов слышал от самого кн. Маметши Сулешева, что «ведомо де царю (хану) учинилось, что гетман Богдан Хмельницкий бьет челом великому

---

7 Там же. Л. 128—132.
8 Там же. Л. 146 об.—147, 152—153, 178 об.
9 Князь Маметша Сулешев — официальный посредник при дипломатических сношениях с Москвой — амиат.
10 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 34. Л. 175—178.
11 Там же. Л. 170 об.—174.

государю, чтоб де он, великий государь, указал ево, гетмана, с черкасы принять под свою государеву высокую руку в вечное холопство... и указал ему строить городы по Осколу реке и по Донцу на князь Иванове лугу»[12].

Ислам Гирей послал к гетману Сеферь аталыка про то «проведать подлинно» и к гетману писал, чтоб он «по договору своему на правде стоял», «а он де царь (хан) с воинскими людьми к нему, гетману, на помочь против короля придет. А будет де он, гетман, и черкасы покою себе похотят, и он бы де, гетман, с черкасы перешел жить на крымской берег за Непр* реку и построил бы себе городы вечно». А если он «подлинно» бил челом великому государю в холопство, и он [тогда] Ислам Гирей, «сослався с польским королем пойдет на него, гетмана, войною большим собронием»[13].

От гонца Шабана, бывшего в Москве летом 1653 г. (в мае-июне), хан получил самые свежие новости из Москвы[14]. Ислам Гирей тогда же узнал об обращении гетмана Хмельницкого и всего запорожского войска о принятии в русское подданство. Гонцы сказали, что на Москве большое собранье ратных людей, обученных солдатскому строю. Сам царь делал смотр войскам. Войска готовятся к походу на Литву, «доступать Смоленска и иных своих государевых городов, которые за Литвою». По этим вестям Ислам Гирей послал к гетману требование, угрожая в противном случае идти войною против него. Если гетман откажется от своего намерения, то хан будет оберегать его и все войско от короля..

Решительно изменилось отношение Крыма к попыткам Хмельницкого укрепить свои позиции в Валахии и попытке восстановить Василия Лупу на престол. По указанию султана хан потребовал, чтобы гетман в валашские дела не вмешивался[15].

Д[емид] Хомяков и Е[рмола] Клочков выехали из Крыма 14 сентября. Перед отъездом они были приняты ханом и ближними людьми и получили довольно полную информацию о состоянии крымской политики. Конечно, реальный ее смысл выяснился несколько позднее. Незадолго перед отъездом из Крыма Ислам Гирей совершил поход против Польши с прямого одобрения [турецкого] султана, который прислал хану чауша с двумя кафтанами и двумя саблями. Кн. Маметша объяснял, что это означало поход на два государства, но на какие, ему неизвестно. С Ислам Гиреем пошли Буйнак царевич да кн. Ширинский. В Крыму остались калга [царевич] с немногими людьми. Пошли якобы на помощь Хмельницкому. Но это был лишь слух. На самом деле пошли воевать волошскую и мунтянскую земли[16г].

После отпуска от Ислам Гирея ближний человек, известная в то время фигура при ханском дворе Сеферь Газы ага, сказал

---

12 Там же. Л. 181.
* Днепр (здесь и далее примеч. составителя).
13 Там же. Л. 181—182.
14 Там же. 1653 г. Стб. 15. [Л. 47].
15 Там же. Кн. 34. Л. 197—197 об., 201 об.—202.
16 Там же. 1653 г Стб. 18. Л. 1—2.

посланникам, что хан учинил королю «многую шкоту», разорил места от черкасских городов до Львова и что о том известил [русского] государя. Посланники отвечали, что, когда они выезжали из Москвы, с королем Казимиром были «в дружбе, и в любви, и в вечном докончанье». Сеферь Газы говорил, что король «издавна неприятель и на своей правде непостоятель и Московскому государству»[17].

Казнадар Субхан Хазы рассказал посланникам о переговорах, которые он вел с [польским] королем о заключении мира. Субхан Хазы по настойчивым просьбам [русских] посланников [сделал] перевод с турецкого с изложением хода переговоров [с польским королем] об условиях мира [в отношении] днепровских казаков (о числе казаков, о размере дани). Будто бы переговоры закончились безрезультатно, потому что хан отказался отступиться от казаков и тем самым дело о мирном договоре с королем было «урвано»[18].

Сообщенные посланникам сведения явно маскировали действительное отношение Крыма к Польше. Хан и мурзы замалчивали соглашение свое с королем после сражения под Жванцем. Казнадар Субхан Хазы говорил посланникам, что король уговаривал (во время похода) хана идти войной на Московское государство и обещал им платить дань. Субхан Хазы отказался от такого соглашения. Хан-де не захотел с [русским] государем мира нарушить, дружбы и любви, а им-де «той ево королевской неправды навыкать нечево»[19].

Все эти заверения о мирных отношениях к Московскому правительству были довольно нехитрой мистификацией. Это обстоятельство обнаружилось тотчас по приезде новых посланников из Москвы, Сидора Лодыженского и Алексея Огаркова (время их посольства 1653 г. X. 18—1655 г. март).

Крым переживал тяжелое продовольственное положение. Хлеб был дорог. У посольских людей лошади либо пали, либо едва были живы, татары лошадей «с голоду съели»[20].

Кн. Маметша Сулешев сообщил новым посланникам о мире хана с [польским] королем на 40 лет и получении с него казны на 3 года. Он же сообщил об условиях договора. Из 40 тыс. золотых — 133 тыс. султану, 133 тыс. самому хану и 133 тыс. ратным людям на жалованье. Хмельницкому король обязался ежегодно платить по 10 тыс. золотых. Гетман согласился по-прежнему слушаться хана... На вопрос посланников, кого же гетман будет слушать, [польского] короля или [крымского] хана, мурза отвечал, что «слушать больши крымского царя и на помочь с ратными людьми ходить преже литовского короля х крымскому царю» — так дал клятву гетман[21].

---

[17] Там же. Кн. 34. Л. 212 об.
[18] Там же. 1653. Стб. 18. Л. 11—15.
[19] Там же. Кн. 34. Л. 216—217 об.
[20] Там же. 1653 г. Стб. 17. Л. 14—15.
[21] Там же. Л. 22.

26 февраля [1654 г.] посланники узнали о вступлении [русских] ратных людей в польскую землю. У хана просят помощи и король и гетман. От посланников Хмельницкого Лодыженский и Огарков узнали, что государевы люди заняли у короля ряд городов и сейчас стоят под Смоленском. Ислам Гирей «советует» с венграми, волохами, малыми ногаями о войне против Московского государства[22].

Очень интересные сведения получили Лодыженский и Огарков из самого ближнего окружения хана, от киевских полонянок, стариц, которые у хана Ислам Гирея «живут и перед него, царя с царицею, есть ставят», другим осведомителем был киевский поп Антоний. Сведения, которые сообщали старицы и поп о настроении хана и ближних людей, стилизованы в духе фольклора. В марте (19) Ислам Гирей сидел «в палате со своими ближними людьми, с Сеферь Газы агою и с дивянским китяпом*, и с казнадаром и с иными своими ближними людьми долгое время. А царица де ждала ево к себе и до него не ела». «И он, царь, всякое дело царственное думает все с нею». Обсуждался вопрос о мире с королем и о войне с Московским государством. Но эта служба «минулась», потому что приходившие в тот же день гетманские посланники решительно возражали против такого решения: они, черкасы, сейчас «под государевою высокою рукою», и если хан пойдет на Московское государство, запорожское войско встретит его за Перекопом и «совсем нечестью воротят», «И он де, царь, слушав тех черкасских посланцев речей, казнить их не велел и отпустил их к себе в Запороги, а велел де к себе прислать из черкас иных посланцев. А те старицы крымскому языку извычны, и от них царь и царица о всем не скрываютца»[23].

1 апреля Сеферь Газы ага вызывал к себе переводчика Кочукая и говорил ему, что [польский] король пытался поссорить хана с московским государем, но крымскому хану ведомо, что «король в своей правде не стоит», а что московский государь «издавна крымскому царю друг и советник и в правде своей стоит и казну присылает ежегод». Переводчик на вопрос Сеферь Газы аги отвечал осторожно, что о начале войны посланники до отъезда из Москвы не знали[24].

Одновременно с пребыванием Лодыженского и Огаркова в Крыму в Москву приехал крымский посол Айвас, не один раз принятый царем и в Посольском приказе у дьяков Алмаза Иванова и Ивана Патрикеева. 19 мая посол Айвас был на отпуске у царя на Воробьеве, а после того вновь у думных дьяков в Посольском приказе. На вопрос дьяков, пойдет ли крымский царь войной против [польского] короля, Айвас ответил уклончиво. Если король нарушит мир с черкасами, хан будет против него воевать. Посол слышал о подданстве гетмана московскому государю — это сам гетман сообщил крымскому царю. Дьяки сказали, что произошло это по-

---

[22] Там же. Л. 38—39.

* Китяп соответствует русскому дьяку.

[23] Там же. Л. 112.

[24] Там же. Л. 116—117.

тому, что король нарушил свой договор и прислал под Умань гетмана Потоцкого. Если это так, отвечал Айвас, то король действительно нарушил договор, но пойдет ли Ислам Гирей против короля, Айвас вновь отвечал уклончиво: нынешней зимой крымцы потеряли много лошадей. Вообще нынешней зимой крымцы никуда в поход не пойдут[25].

В начале апреля в Крым приехали новые посланники Тимофей Хотунский и Иван Фомин[26].

Посланники Лодыженский и Огарков и позднее приехавшие в Крым Хотунский и Фомин, конечно, действовали совместно, но каждый имел свою цель. Если первые имели в виду общее осведомление об отношении хана к Богдану Хмельницкому, то вторые выясняли, как крымцы реагировали на разрыв Б. Хмельницкого с польским королем, объявить подданство гетмана и черкасов московскому государю, в конечном результате склонить хана к войне против короля на стороне Москвы или в крайнем случае удержать хана от участия в войне на стороне Польши против Москвы[27].

В самом деле, несмотря на перемирие хана с [польским] королем, чего крымцы и не скрывали, колебания крымцев, и колебания сильные, еще сохранились. Можно думать, что была известная неясность и в политике Турции.

20 апреля [1654 г.] переводчик Кочукай Сакаев узнал о просьбе гетмана Богдана Хмельницкого к хану Ислам Гирею о военной помощи. Сеферь Газы ага отвечал, что они «о том станут думать». Проникли слухи, вызывавшие страх в Крыму, о готовящемся нападении запорожских черкас и донских казаков. По просьбе Богдана Хмельницкого Ислам Гирей послал ему «для береженья» мурз Ураковых (Малых ногаев) и улус Больших ногаев (Урмаметевых). Те мурзы кочуют недалеко от черкас «и торгуют они всякими товары вместе»[28].

Сеферь Газы ага тотчас же принял Хотунского и Фомина и допрашивал их тайно о цели их посольства. Содержание статейного списка Хотунского и Фомина ясно и полно раскрывает отношения Москвы и Крыма в этот момент. На вопрос Сеферь Газы аги посланники, ничего не скрывая, сказали, что их государь призывает хана идти всеми силами против короля, его недруга, «за многие его неправды и грубости». Ближний человек [хана] с такой же прямотой отвечал, что хан этого не сделает, потому что им с королем заключен «мирный договор» и что от короля ждут присылки казны, о чем уже получено извещение. Посланники возражали: в чем же Ислам Гирея и царевичей «правда», что они, зная, что король московскому государю «неприятель»... «с ним о мире договор учинили»? Самому Сеферь Газы аге следовало бы помнить о государевой к нему милости и жалованье. В просьбе о приеме Ислам Гиреем посланников в Бахчисарае было отказано до получения по-

---

25 Там же. 1653 г. Стб. 19. Л. 91, 161—166.
26 Там же. 1653 г. Стб. 17. Л. 118—120.
27 Там же. 1654 г. Стб. 2. Л. 41, 48, 61—62, 143—147; 1653 г. Стб. 17. Л. 125; 1654 г. Стб. 3. Л. 4, [5], 18 и др.
28 Там же. 1653 г. Стб. 17. Л. 125—128.

длинных вестей от Б. Хмельницкого. 30 апреля посланники вновь настаивали на приеме их Сеферь Газы агой. Но получили отказ. Крымский гонец Алкас прибыл от Хмельницкого. 3 июня посланники вновь настаивали на приеме их Сеферь Газы агой... Кн. Маметша Сулешев говорил посланникам, что Ислам Гирей не будет помогать против [польского] короля, потому что с ним заключен мирный договор. Если казна от короля (40 тыс. золотых) не будет прислана, то хан с ближними людьми «будет думать», а на чем положит, то неведомо. 18 июня Сеферь Газы ага принимал Хотунского и Фомина, которые настаивали на войне хана против короля в соответствии с шертной грамотой «другу другом быть, недругу недругом». Ответить на это было нетрудно. Сеферь Газы ага «при ближних людях» говорил, что когда Ислам Гирей 7 лет воевал с королем и звал московского государя принимать участие в этой войне, то государь отказал. Теперь же хан не может воевать с королем вследствие договора о мире с ним. Хотунский и Фомин ссылались на «вечное докончанье» с королем. Теперь же король впервые обнаружил все свои «неправды». Поэтому государь впервые просит о помощи. В ответ на предложение платить вдвое в крымскую казну в те годы, когда хан будет воевать против короля, ближние люди сказали: то «дело большое» и обещали доложить хану[29].

29 апреля [1654 г.] названный выше киевский поп Антоний сообщил посланникам о довольно бурном столкновении хана с гетманским посланцем полковником Семеном Савченко (или Сапченко). Послы гетмана сообщили хану о подданстве московскому государю. Хан на это «ничего... не молыл». Гетман [сказал посол] и все войско запорожское не допустят нападения татар на Московское государство. Ислам Гирей ударил полковника по щеке. Полковник не испугался. Хан выслал его из палаты. Но затем вызвал его к себе «в особую палату» и говорил с ним лично: «Как де ваш гетман и все вы черкасы забыли мою цареву дружбу и совет?» «И полковник говорил ему, царю: Какая де твоя царева дружба и совет? Приходил де ты к нам, черкасом, на помочь против польского короля, и ты де только лишь польскими и их, черкасскими, полоняниками корыстовался, наимал себе полону с своими ратными людьми и забогател, а им, черкасом, никакие помочи не учинил». Ислам Гирей отвечал, что, не зная об их подданстве московскому государю, он «дал свое слово польскому королю, что было ему учинить помочь против государевых московских ратных людей. А ныне он, царь, с своими ратными крымскими людьми к литовскому королю нейдет». А на Московское государство хан посылает белогородских, очаковских и ногайских татар с Каплан мурзой. И полковник-де Семен Ислам Гирею царю сказал: «С теми де татары и сами они, черкасы, управятся». Ислам Гирей Семену упрекал черкас в погроме ногайских татар (6000 человек) и захвате черкасами кн. Ширинского. Семен отвечал, что сделано это татарам за их «большую шкоду»[30].

---

[29] Там же. 1654 г. Стб. 3. Л. 7—69.
[30] Там же. 1653 г. Стб. 17. Л. 131—134.

Поп Антоний узнал от старицы Феодосьи, жившей при дворе хана, что Ислам Гирей говорил своей царице, что до возвращения от гетмана татарина Мустафу Чилибея Хотунского из Крыма не отпустит. Царица уговаривала хана на Московское государство и на черкас войною не ходить: «Ныне де многие государства поколебались, вряд де тебе царь, оберегать себя». «И царь сказал царице: "Как де откуды каковы вести будут, в те де поры и узнаю чему быть, а теперь де никуды не пойду"»[31].

От того же попа посланники узнали, что венгры просили у хана помощи против мунтян[д], а последние в свою очередь просили, чтобы хан венграм не помогал. Хан венграм отказал, а мунтяны обещали платить хану дань[32].

Из того же источника посланники узнали, что султан одобрял хана за установление мира с королем и запретил продолжение войны, но указал хану «управиться» с донскими казаками, которые разоряют турецкие места. Хан говорил, что он рад выполнять повеление султана, а донских казаков воевать станет, лишь бы султан не переменял его с Крыма[33].

30 мая «в ночи» от [Богдана] Хмельницкого приехали 2 человека татар и передали [хану] лист от гетмана Хмельницкого. Старица Феодосия в это время тут была и слышала, что в листе гетмана было писано: «Для де чего твоих государевых посланников (Тимофея Хотунского и подьячего Ивана) держишь и не отпустишь». И в грамоте содержался упрек за побои посланника по щекам: «ты не его де бил по щекам, меня». «И ты де то ведай (сказано будто бы в гетманской грамоте), что будет тебе хлеб за хлеб отдать в борзости. А буде не пустишь ты посланников твоих государевых вборзе, и я де пришлю к тебе вборзе иных воинских людей трицать тысеч судами под Крым, а сам де пойду степью. И сам де не уведаешь, с которой стороны оберегатца». Хан был напуган: «От такого письма вельми страшен был и от того страху не веда, что и делать»... Грамота Хмельницкого будто бы была писана русским письмом, «чтоб де все невольные ведали». В грамоте Хмельницкий упрекал хана за задержание посланников (Хотунского и Фомина). «А де тебя с радостью жду», писал Хмельницкий, «и ты де теперво иди воевать...» «А ты де как пойдешь на Московское государство, и ты де не зарекайся моим неводом рыбу ловить у меня в Непре. А я де у себя маю соль и перец: будешь варить и солить и перцем посыпать». «Коли будешь есть... уведаешь, какова тебе будет сласть. Ведай де о том царь, больши того посланников к тебе от меня не будет». Ближние люди советовали, выслушав лист, чтобы государевых послов отпустить «и ни за что не задиратца». Советовали на Московское государство ратных людей не посылать и никуда в войну не идти. Придя к царице, Ислам Гирей говорил: «николи де на меня такая беда не бывала». Царица советовала: «утвердися де царь на одном месте, никуды не ходи и не слушай

---

31 Там же. Л. 136.
32 Там же.
33 Там же. Л. 137.

ближних людей и с московским государем живи в совете». И царь обещал ей и слово дал. Царь объяснял царице задержки московских посланников: «Боялся де приходу в Крым воинских людей... А ныне де тотчас отпущу», потому что прихода воинских людей московских и черкас не ждет[34].

16 июня старица Феодосия рассказывала попу Антонию: «Пришел де царь к царице в большой скорби. И царица его спросила, что его такая большая скорбь? Я де чуть жив, как де и почал быть Крымом владеть, такая де скорбь не бывала». Ногаи просят ратных людей против черкас, грозят самовольно с царем управиться, потому что он не защищает от нападений со стороны[35].

30 июня [1654 г.] царь Ислам Гирей умер после непродолжительной болезни, болел недели две[36]. Его преемник, младший брат Магмет Гирей говорил, что Ислам Гирей умер «от страха», да и сам он, Магмет Гирей, «таков же страше»[37].

Смена хана, как это было и в данном случае, обычно сопровождалась неурядицами и попытками самовольных набегов на соседей. 12 июля посланники записали, что после смерти Ислам Гирея «в людех чинитца мятеж и шатость большая». Сеферь Газы ага, «боясь смертного убойства, из Бакчисарай хочет ехать в свои атары к Ширинскому князю» (Мелди Ширинскому). На войну собрался кн. Караш Перекопский, пользуясь междуцарствием в Крыму. Но кн. Мелди Ширинский и кн. Атемир Мангитский приостановили подготовку к набегу[38]. Ушли в поход самовольно лишь 300 человек, но поход под Усмань был неудачен[39].

Сама смена хана произошла не без спора между крымскими мурзами. Уже 1 июля калга Казы Гирей и нурадын Адил Гирей и другие царевичи и ближние люди съезжались и послали в Царьград гонца, чтобы султан прислал с ним в Крым царем младшего брата умершего хана Магмет Гирея. Но на совете не присутствовали князья Ширинские и Мангитские, и они заявили претензию, что рекомендация в ханы произошла без них. Царем мог быть калга Казы Гирей. Иван Выговский сообщил бывшим у гетмана московским посланникам Ивану Ржевскому и Григорию Богданову, что ближние люди в Крыму Ширин бей с товарищами послали встретить Магмет Гирея и предъявить ему требование: «будет он, Магмет Кирей царь, хочет быть в Крыму царем и ему б никаких дел без их ведома не делать и себе в ближние начальные люди иных на их место никого новых не выбирал, и чтоб он при тех послах, договорясь, учинил присягу». Если Магмет Гирей этого не захочет и «они ему велели отказать, что они ево за царя не прини-

---

34 Там же. 1654 г. Стб. 1. Л. 35—37; 1653 г. Стб. 17. Л. 138—139. Приведенные сведения повторяются в статейных списках Хотунского и Фомина, также в записях Лодыженского и Огаркова. Все они идут из одного источника. Есть некоторые различия в датировке (незначительные) и в изложении. По существу различия нет.

35 Там же. 1654. Стб. 1. Л. 38.

36 Там же. 1653 г. Стб. 17. Л. 142.

37 Там же. 1654 г. Стб. 1. Л. 38.

38 Там же. Стб. 3. Л. 88—89.

39 Там же. 1653. Стб. 17. Л. 145.

мают», «станут они себе промышлять иным царем»[40]. «Межеть» в Крыму продолжалась. Отразилась она и на поведении Б. Хмельницкого. К нему прибыли русские ратные люди под командованием Андрея Васильевича Бутурлина. Московские посланники настаивали, чтобы Хмельницкий с казаками не мешкая выступал в поход. Но гетман задерживал выступление, ссылаясь на неопределенность намерений Магмет Гирея. Гетман вышел в поле, стал обозом. Мурзы прислали гетману, что они с ним «по-прежнему в братстве и в дружбе быть хотят и помогать ему на польского короля будут. И он для подлинные ведомости послал в Крым своих посланцов и чаять тех посланцов назад вскоре. И как ему будет про крымских татар подлинно ведомо, что они к нему на помочь будут или хотя они к нему и не будут, а от польского короля отложились и войною на украинные черкасские городы приходить не будут, и он, гетман, со всем войском запорожским, дождався ногайских мурз и татар из под Очакова и ис под Черного лесу, которые мурзы ныне к нему присылали, что они хотят быть в подданстве у его царского величества и ему, гетману, помогать против польского корунного войска пойдут и корунные места и городы воевать велит. А не дождався де про крымских татар подлинные ведомости в дальние корунные места и городы войною итти вскоре ему не мочно»[41]. Правда, И. И. Ржевскому удалось уговорить Хмельницкого двинуться в поход.

6 октября [1654 г.] Магмет Гирей был уже в Крыму. 8 октября у хана была «дума» с калгой и нурадыном и ближними людьми. Отсюда же к Богдану Хмельницкому были отправлены гонцы, чтобы он по-прежнему был с Крымом в дружбе и шел бы на донских казаков. 9 октября Магмет Гирей пришел в Бахчисарай. Калга, нурадын и Сеферь Газы остались на своих постах, чего требовали мурзы Ширинские. Отношение Магмет Гирея к Московскому государству и к польскому королю осталось, как заявил хан, таким же, как говорил об этом Ислам Гирей[42].

Затяжные были переговоры о составлении шертной записи, в частности о царском титуловании. Их начал Тимофей Хотунский, но 19 октября 1654 г. он умер, не закончив их. После его смерти переговоры взяли на себя Лодыженский и Огарков. Хотунский настаивал на заключении шерти о войне с королем и на получении казны. Магмет Гирею нет оснований досадовать на подданство Б. Хмельницкого и черкас московскому государю, потому что черкасы «люди вольные». Жили они особо: у турецкого султана, и у литовского короля, и у Крыма в подданстве и в холопстве ни у кого не бывали. Московские подданство приняли из-за веры христианской, которая от насилий «поиссякла»[43]. Сначала Магмет Гирей отказался дать новую шертную запись, но затем согласился и потребовал золотых для изготовления грамоты. Как повелось, затем крымцы оспаривали занесение в запись нового титула московского государя «всея Великия и Малыя и Белыя Руси». Ближние люди говорили

[40] Ф. 229 Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 16 (5827). Л. 71.
[41] Там же. Стб. 16 (5827). Л. 43—44.
[42] Ф. 123. Сношения России с Крымом. 1653 г. Стб. 17. Л. 171, 173.
[43] Там же. Л. 178—179, 183—184; 1654 г. Стб. 3. Л. 105.

[посланникам], что «у нас де цари не похваляютца и похвалы своей ни в которое государство не пишут. Наш де Ислам Гирей царь с 600 городов повоевал и о том государю вашему похвалы своей и в иное государство не писывал». Посланники говорили, что государь наш то писал не для похвалы, а для братства и любви и «для обличенья польского короля ведомо учинил». Ближние люди говорили, что «во всяком де государстве по своему извычаю делают». Отпуская, сказали: «во всем де положиться на волю божью». Хан заключил, [что] титул [надо] оставить [прежний], как больше ста лет писали крымские цари[44].

Одновременно Магмет Гирей шертовал перед польскими аманатами: Станиславом Лянскронским, Яном Подкоморием, ротмистром Шлишковским[45].

Период 1655—1657 гг. освещен в документах посольств Дмитрия Жеребцова и Семена Титова (1655 г. II—III — 1656 г. II—III), Андрея Акинфова и Р. Жданова (1655 г. XII—1656 г.); Романа Жукова и Лариона Пашина (1656 г. XII — 1656—1657 г. X). [Иногда] эти посольства по времени совпадали.

Жеребцов и Титов привезли с собой поминки в обычном размере и грамоту с упреком хану за участие на стороне польского короля, «и великому государю то в великое подивленье, какими мерами те крымские люди царского величества с неприятели с польскими и с литовскими людьми соединясь царского величества на ратных людей приходили, а с стороны царского величества Магметь Гирею царю и калге и нурадыну к недружбе причины никакой не бывало...»[46]. В грамоте содержалось указание увещевать хана сохранить мир и с польским королем не соединяться.

В 1655 г. на приеме в Бахчисарае у Сеферь Газы аги последний отказался встать при произнесении царского имени: «Да и непристойное то дело...» Называют государя великим, «и велик де один бог, а он де, государь московский, и делает не так, как при отце ево было». Посланник пространно отстаивал большой царский титул: государь «не одной Москве государь, и многих государств государь и обладатель»[47].

Спор о титуле продолжался во все время пребывания Жеребцова в Крыму. В [декабре] 1655 г., когда шла подготовка к отпуску посланников, Жеребцов мотивировал новое титулование царя далекой исторической практикой царя Ивана Васильевича. «А ныне ему, великому государю, бог поручил и сверх того великое княжество Литовское все и коруны польские многие городы. А Малая и Белая Русь и Волынь, и Подолию все за ним, великим государем. И что ему, великому государю, бог дал, и тем за што не писатца»[48]. Так [говорили послы] делают и все другие государи. И Фердинанд, цесарь римский, так же делает. Позднее, 31 декабря, когда разговор этот был передан калге, то ему «стало за большую доса-

[44] Там же. 1653 г. Стб. 17. Л. 183—197.
[45] Там же. 1654 г. Стб. 3. Л. 27—28.
[46] Там же. Кн. 37. Л. 7 об.— 8.
[47] Там же. Л. 57 об.— 58 об.
[48] Там же. Л. 204, 213 об., 215 об.

ду, потому что бутто де государь их всем светом владеет. А на Востоке, и на Западе, и на Севере и оприч их есть многие государства. И такою де гордостью преже сего московские государи и отец ево государев не писывались, потому что то слово вымыслено не делом и богу грубо гораздо»[49]. Кн. Маметша Сулешев добавил от себя: если при царе Иване «хотя будет так и писали, и то де уже задавнело, а ныне тому быть непристойно»[50].

Крымские хан и его мурзы категорически отказывались писать в грамоте, чтобы на запорожцев не нападать: они «с восемьсот лет были в подданстве у польских королей, а после того у них (у крымцев) были в подданстве лет с семь». В эти годы они, крымцы, их от поляков защищали и кровь за них проливали. В ту пору черкас было только 8000 человек, а теперь их стало 20 000 человек и «черкасам то было любо». «А ныне де те запорожцы, черкасы им (крымцам) солгали и воровством своим от них отложились и доброту их забыли, а называютца государевыми. И вы де, посланники, то ведайте, что те воры и бунтовщики запорожские черкасы и царскому величеству солгут, так же как полякам и им солгали. А Магмет Гирей царю того учинить не уметь, что на таких воров войною не ходить и не разорять, разве де у всех крымских и ногайских людей не будет на руках нохтей или глаза их землею загребут, тогда де оне тем ворам запорожским черкасом воровства их и измены мстить не будут». Посланники энергично возражали против обвинений на запорожцев, считая их высказанными «не к делу и меж государств на развратт, а не к тишине и к покою». А Магмет Гирею, калге и нурадыну и ближним людям «за чужое стоять не пригоже»[51].

Посланники рассказывали о военных успехах русских и черкас. Сеферь Газы иронически заметил, что на том бою русские ратные люди захватили у поляков 12 пушек, «а больше де того ничего не бывало. А крымских людей на том бою было немного, да и те против государевых людей не бились. А только б де в те поры подоспел калга царевич с ратными людьми и он бы де всех государевых людей и с черкасы побил на голову»[52].

Очевидно, перепалка между крымскими ближними людьми и посланниками была достаточно горяча, хотя не достигала никакого результата. Действительное положение дел обнаруживается из других сообщений посланников. У хана был большой съезд с крымскими и ногайскими мурзами о походе вместе с поляками на черкас. Но ногаи опасались прихода калмыков. «И в том де ныне меж их распря». Получен указ султана на черкас не ходить, оберегаться калмыков. Если поляки с черкасами не помирятся — «и они бы помогли тому, хто из них будет сильнее»[53].

Хана Магмет Гирея в Крыму татары не любят, потому что он «перевел шарап и иные напитки и завел многие обрады». Говорили, что Магмет Гирею долго в Крыму не быть, т. к. у него есть со-

---

[49] Там же. Л. 215.
[50] Там же. Л. 215 об.
[51] Там же. Л. 85 об.— 87 об.
[52] Там же. Л. 96.
[53] Там же. Л. 123 об.— 124.

перники — Ислам Гиреева колена — Чебак Гирей, который с Магмет Гиреем «в большой недружбе»[54].

10 мая [1655 г.] посланники записали, что неделю назад черкасы разгромили ногаев улус Урмаметевых. 19 июня толмач Филипп Немичев сообщил, что ногайцев «забивают» в Крым по ханову указу, «боясь калмыков». Поляки обращаются к хану за помощью, но Магмет Гирей «боитца тово, што польских людей мочи не стало». Он думает «с мурзами и с агами»[55].

Из разных источников стало известно об указе султана, запрещавшем крымцам воевать с запорожскими черкасами; будто бы об этом к султану обращался с просьбой Богдан Хмельницкий. Но Магмет Гирей не соглашается и хочет сохранить за собой право воевать с черкасами[56].

От 18 и 23 июля [1655 г.] сведения о погроме донскими казаками Тамани и о приходе их на 60 стругах под Керчь[57].

Сборы [татар] в поход [отмечены] с начала августа. Сам хан собирался в поход не раньше 30 августа. Незадолго до похода посланники были на отпуске у хана, который «глухо» упомянул о своем походе. Впрочем, свое слово он закончил заверением блюсти мир и просьбой унять донских казаков. С ханом пошел Сеферь Газы ага. Наместником оставлен [был] Каи ага. Польских аманатов хан взял с собой (Станислава Лескоранского и др.)[58].

7 сентября 1655 г. переводчик Араслан Култумышев сообщал, что поход хана задержался ввиду слухов о походе на Крым русских ратных людей и калмыков. «И от того де в Крыму ныне учинилась заворошня большая. Калмыцкого приходу крымские люди страшны гораздо»[59].

Хан приказал калге выйти за Перекоп «для береженья Крыму и малово ногаю улусных людей, которые кочуют около Крыму»[60]. С царем, нурадыном ратных людей (крымцев, ногаев, черкес, очаковцев, белгородских татар) больше 100 000[61].

Во время похода царь встретил крымских послов, находившихся в Польше в аманатах (князя Маметшу Куликова и Алейя Чилибейя). Послы сказали, что король их отпустил, а казны с ними не прислал. Король просил отпустить польских аманатов (Станислава Лескоранского и др.) и звал царя в поход против московских ратных людей. Далее изложены в статейном списке сведения о неудачном для поляков сражении под Каменец-Подольском[62].

20 декабря [1655 г.] толмач Филипп Немичев сообщал о возвращении татар из похода без полона и добычи, будто бы помирившись с русскими и черкасами[63]. Кн. Маметша сообщал другие

---

54 Там же. Л. 124 об.
55 Там же. Л. 125, 157 об., 163.
56 Там же. Л. 165—166.
57 Там же. Л. 164—164 об., 166 об.— 167.
58 Там же. Л. 172—187.
59 Там же. Л. 189—190 об.
60 Там же. Л. 191.
61 Там же. Л. 191 об.
62 Там же. Л. 191 об.—193.
63 Там же. Л. 207—207 об.

сведения, содержание которых противоречит ранее полученным: будто бы Богдан Хмельницкий: «узнав свою немеру», помирился с ханом. Хан, взяв в полон [боярина], возвратил без выкупа «для государевы к себе дружбы»[64].

1 января 1656 г. переводчик Араслан Култумышев и толмач Филипп Немичев со слов армянина из Бахчисарая сообщили, что крымцы в походе были осаждены черкасами и московскими ратными людьми, татары понесли значительные потери убитыми. Крымцы спешно отошли. Отступали через Волошскую землю и на Очаков. Отступать на Днепр боялись [из-за] черкас, которые действительно ждали крымцев. Черкасы громили улусы мурз Урмаметевых. Переправа затянулась. Татары сами говорили о потерях татар в походе до 10 000 человек[65].

В феврале (7) [турецкий] султан указал [крымскому] хану помочь [польскому] королю против свейского короля[66].

27 февраля [русским послам] сообщили о нападении калмыков на улусы Урмаметевых и захвате у них полона и стад[67].

Статейный список Андрея Акинфова и Григория Жданова сохранился в неполном виде и лишь частично дополняет сведения с 1656 г., изобиловавшим бурными событиями в войне России с Польшей и Швецией. После размены, состоявшейся в апреле 1656 г., посланники достигли Крыма в конце этого месяца. За Перекопом они шли «немногии места дорогою, а больше того пашнями и степью». 12 мая были на посольстве у хана[68]. В Крыму было состояние некоторого успокоения. Казна из Москвы была прислана, «боятца де нечево», так рассуждали татары. Богдан Хмельницкий решительно требовал возвращения полона, захваченного татарами зимой. Магмет Гирей не возражал против возвращения полона, но татары сказали: «имали полон своими головами и кровью и им отдавать не уметь и бес полону им помереть голодом»[69]. Толмач Алтабаев сообщал об одном из мотивов отказа возврата полона (в Крыму полонянников человек 500 и больше): а слух-де был в Крыму, будто били челом кады и мурзы о полонянниках, чтоб их из Крыма не отпускать, потому только «де их отпустить», и у них работать будет некому.

На черкасской стороне Днепра Богдан Хмельницкий порубил и в полон взял в ураковых улусах татар больше 5000 человек, животы «поймал», стада отогнал[70].

6 мая съезжались к хану «калга и нурадын, царевичи, и князи, и мурзы, и крымские и ногайские из улусов многие на думу и была дума по 3 дни». Улусные мурзы настаивали на организации похода, но дума решила в поход никуда не ходить, оберегать свои улусы: если татары пойдут в войну, а улусы подвергнутся погрому, то хан им помощи не окажет[71].

---

[64] Там же. Л. 218—219.
[65] Там же. Л. 219 об.— 221 об.
[66] Там же. Л. 245—247 об.
[67] Там же.
[68] Там же. Кн. 39. Л. 20—27, 32.
[69] Там же. Л. 35, 37 об.— 38.
[70] Там же. Л. 39 об.
[71] Там же. Л. 40—40 об.

[В документах имеются] краткие сведения о победе [польского] короля [Казимира] над шведами и их изгнании из Кракова[е]. Шведский король оказался в осаде в Прусской земле. Передается слух о том, что цесарь римский мирит короля [Казимира] с русским государем, что предполагается и мир [короля] с Богданом Хмельницким, [по которому] Хмельницкий [будет] владеть черкасской землей «особно»[72].

Субхан Казы ага ходил с татарами на помощь [польскому] королю, вернулся с большой добычей. Свейских людей побили, многих взяли в полон, «и литовских людей король тотарам велит грабить и что им годно то имать, чтоб де ничем тотаровя у него, короля, скудны не были»[73].

Толмач Тихон Алтабаев, присланный в Москву с посольскими отписками, показал в Посольском приказе о неудачной попытке донских казаков захватить Азов. Атаман Павел Федоров был захвачен в плен, в Азове казнен. Голова его была послана в Царьград[74ж].

Толмач рассказывал, что по пути в Москву он видел в степи у Черного колодезя калгу с татарами (с ним 10 000 человек), на соединение с ним из-под Азова шло еще 4000 татар. Ожидают похода на Царев-Борисов и на Тамбов. В Крыму был слух, что царевич выходил за Перекоп в степь, опасаясь прихода калмыков[75].

Необычным путем достигли Крыма посланники Роман Жуков и Ларион Пашин зимой 1657 г., в январе-феврале: с р. Торца на Днепр и вниз по Днепру мимо Запорожского городка. Далее мимо Старого городища Кара Кермень, 7 февраля мимо Ислам Кермень и пришли к городу Шан (или Шен) Кермень, где ночевали. Это был каменный город с 4 башнями, со рвом глубиной в 3 сажени, с проезжей башней в одном дне пути от моря[76].

[Во время одиннадцатидневного пути шел снег и был] сильный мороз. Государевы люди поморозили руки и ноги: двое умерло. Татар умерло 17 человек[77].

Проходя черкасскими городками, слышали, что весной 3000 человек черкас собираются на Дон, т. к. там стало малолюдно. В нынешнюю зиму татары потеряли многие тысячи животины.

Султан указал в Крыму изготовить 15 каторг на войну с Венецией[3]. Поэтому едва ли поведут полонянников «на выкуп»: теперьде беспрестанно работают каторги. Станут продавать [полонянников] на каторги: полону в Крыму сильно умножилось. У простого татарина по 10 и по 20 полонянников, а у иных мурз есть человек по 100 и больше. Опасаются «большого дурна» от полонянников. «А литовского де полону множество. А Московского государства полону немного»[78].

---

72 Там же. Л. 42 об. — 44, 51—51 об.
73 Там же. Л. 63 об.—64.
74 Там же. 1656 г. Стб. 12. Л. 7.
75 Там же. Л. 10—11.
76 Там же. Кн. 40. Л. 57—65.
77 Там же. Л. 66.
78 Там же. Л. 342 об., 344.

По указу [турецкого] султана татары готовятся на помощь [польскому] королю. Ислам мурза (сын Сеферь Газы) послан на [устье] реки Днестра для мобилизации белогородских татар. Поход намечен через волошскую, мунтянскую и венгерскую землю, все их велено «разорять и пустошить»[79и].

30 марта 1657 г. на стан [к посланникам] приезжал Юсупко для покупки кож, которыми были укрыты коробьи с казной. Юсупко подтвердил сведения о сборе татар в поход, но выразил сомнение, что поход не пройдет дальше Днестра. В нынешнюю зимнюю пору, подобной которой давно не запомнят и в летописях за 90 лет не бывало, погибло много скота. Второй причиной, тормозящей поход, Юсупко указывал огромное количество полона. Царь велел всех полоняников перековать по двое. Сами посланники видели многих полоняников перекованных. Переводчик Абдул Байцын и др. говорили, что по настоянию духовных лиц полон был раскован[80].

23 апреля [сообщается в статейном списке] о том, что [из Турции] из Царьграда к [городу] Козлову, «где пристанища карабельное», приходят корабли для закупки ржи и пшеницы. В Царьграде большой недород. Покупают пшеницу «бешур крымской, а московская будет осьмина», по 8 и 9 золотых, а на русские будет деньги бешур по 7 рублей. Отпущено с хлебом с 200 кораблей. Хан под угрозой смертной казни указал, чтобы на корабли хлеба не отпускать больше, чтобы в Крыму не было голодно[81].

28 мая такое же было получено известие от толмача Ивана Свиридова из Козлова: «А в Козлев де из Царягорода пришло при нем пятнацать караблей, только де порожжие, а пришли де по пшеницу и по соль. И козлевской де воевода во пшенице им отказал впрямь, что отпуску из Козлева пшеницы не будет, а велел имать соль одну. И те карабленики почали имать соль и насыпать в карабли»[82]. Греки [с кораблей] объясняли свой приезд в Козлов с пустыми кораблями тем, что в Царьграде у многих торговых людей стали отнимать корабли даром.

17 июня те же лица снова подтвердили те же сведения. В Козлов пришло 18 кораблей, [а потом] пришло еще 6 кораблей. Все приходят «по пшеницу, и по соль, и по масло коровье». Корабельщики подтвердили, что они ушли из Царьграда «уходом», т. к. [султан] указал у торговых людей (турок, армян, греков) отнимать корабли даром, так как «уж воинских караблей не стало и делать некому». Султан ведет войну с «немцами», которые закрыли выход в Белое море, куда раньше ходили за хлебом. «Царьграду ставится тесно»[83].

От апреля-мая [имеются] сведения о приходе калмыцких послов с табунами лошадей, главным образом на продажу. По сообщению князя Маметши Сулешева послов было 30 человек.

---

79 Там же. Л. 347.
80 Там же. Л. 348—349 об., 356 об.
81 Там же. Л. 367 об.— 368 об.
82 Там же. Л. 396—396 об.
83 Там же. Л. 12—13 об.

Хотят будто бы быть в союзе с крымцами и кочевать недалеко от Крыма. Будто бы хан по совету с мурзами хочет разрешить им кочевать по Тору и Торцу. Калмыки предложили породниться с ханом. Хан [намерен] отпустить их после возвращения из похода[84].

Полонянники по поводу этих сообщений о количестве калмыков и пригнанных ими лошадей скептически заметили: «отнюдь тово не бывала, а ведаете де то и сами, что в Крыму без прибылых слов не бывает».

В то же время пришли кумыцкие послы*. Были одарены ханом и отпущены к султану [в Турцию][85].

Статейный список [Романа] Жукова и [Лариона] Пашина дает множество сведений о двух крупных событиях в Крыму в 1657 г.: о большой высадке в Крым казаков под Керчью и у устья Альмы и о походе татар в Венгрию. Сведения о походе поступали с весны. Они были разноречивы: не то [поход] против свейского короля, не то против Московского государства; хан засадил волошских и можарских гонцов[к] за приставов, предварительно их ограбив. Будто бы султан на эти страны и посылал хана. 30 мая от приехавшего из Перекопа пристава царева Дербыша [послы] услышали, что султан запретил походы против волохов и можар, а также на Московское государство под угрозой снятия с Крымского юрта хана. Много сведений разнообразного характера поступало о приготовлении к переправе татар через Днепр[86].

3 июня в статейном списке записано со слов полонянников (а те слышали от татар), что на походе настаивали сами татары. Они укоряли хана с «большим шумом», что он никак не соберется в поход, «и их де татар всех оголодал. И сказано де им давно было, с начала зимы и по ся мест; они лошади покупали дорогою ценою и кормили дорогим кормом и на войну готовились и одолжали великими долгами и от того обедняли. А будет де ты, царь, не пойдешь сам, и они де таторовя пойдут сами в войну куды хотят, и тогда де тебе, царю, в Крыме бесчестьнея и соромняю будет ото всего Крыму. И царь де осердясь и думав с мурзами, пошел впрямь к Днепру, а идет на черкас»[87]. Примерно около того же времени, почти буквально совпадая, русский посланник передавал князю Маметши, что говорят между собой люди князя Маметши. Переправиться через Днепр [татар] не допускают черкасы, т. к. не верят им — по пути они всегда грабят и уводят полон. Князь Ширинский перешел было у устья Днепра, но был разбит черкасами и отступил за Днепр обратно[88].

Черкасы требуют в аманаты 50 лучших мурз. Царь не знает, как поступить. «А татаровя де почали кричать на царя шумом, чтоб шел на войну куда-нибудь. А они де говорили царю, что де ты богат и от великого государя казну сам и мурзы емлетя и тем

---

[84] Там же. Л. 369 об., 379 об.— 380 об.
* Мусульмане, жившие на Тереке.
[85] Там же. Л. 388, 389.
[86] Там же. Л. 357, 358 об., 363—364 об., 365 об.— 366, 368, 369, 381—382 и др.
[87] Там же. Л. 401 об.
[88] Там же. Л. 402 об.— 403 об.

богатеяте. А у них де у татар ничего нет. Да им ж де ты, царь, велел сказать, с осени чтоб лошади кормили и запасы пасли. И они де, живучи в юртах своих, испроелись, и хлеб, и лошади покупали дорогою ценою»[89]. После того царь объявил им запретительный указ [турецкого] султана. «И после де того крымские татаровя пришли к царю и говорили шумом, коли де итить некуды, и они де, татаровя, пойдут на Московское государство. А ты де, царь, с ними пойдешь и поневоле. А в юрты де им теперя итить незачем, потому что есть стало нечево и ми де лутчи быть побиты на поле, нежели в юртах своих помереть з голоду»[90].

Переводчик Абдул Баицын и толмач Иван Свиридов слышали в Бахчисарае, что царь «по три дни плакал и итить на войну не хотел и пошел де поневоле, бояся крымских татар...» «А как де царь почал садитца на лошедь, и в те де поры плакал и с двора де своего поехал, плакав...»[91]

Черкасы энергично сопротивлялись переправе татар через Днепр. Они дважды перегоняли князя Ширинского на левую сторону Днепра. Ночью «плавною в струшках и в лотках» подходили черкасы под татарский табор, многих побили и говорили, что через Днепр не пропустят. Все же с жертвами татары переправились через Днепр. Было несколько боев. Раненые татары возвращались в Крым. Сведения эти записаны 24 июня, 12 и 19 июля [1657 г.]. Затем татары и черкасы помирились. Черкасы отбили попытку татар вторгнуться на территорию Украины. Добычи у татар не было никакой, «есть стало нечего». Вообще «чают над крымским царем большой погибели», на войне дела идут у него «нехорошо»[92].

В начале августа в Крым поступили сведения, что царь ходил на венгров и разбил их. Но при этом прибегли к обману...[93] Венгров было до 10 000. Стояли обозом. Царь потребовал от них казны, обещая им не биться. Венгры собрали с человека по 2 ефимка и отослали Магмет Гирею, но, когда венгры двинулись и «обозы распустили», татары на них напали. Однако результаты были плачевны. «И они де бились с крымскими татары, саблями секлись и ножами резались. Только де много и татар побито, а их де в полон взято немного, чаять де что человек десятка з два, потому что де был бой съемной, нихто жив не дался»[94]. Другое сообщение от наемного человека князя Маметши, его тума, подтверждает это: «и люди де к бою венгры жестокие, и ни один де жив не дался; разве де взято человек с пятнадцать, а животов у них никаких нет». И татар крымских и ногайских побито с 10 000[95].

Так с большими потерями и без добычи окончился поход, на котором настаивали сами татары. По-видимому, хан выполнил лишь указ султана, сведя счеты с князем Ракочи[л].

---

[89] Там же. Л. 403 об.— 404.
[90] Там же. Л. 404 об. — 405.
[91] Там же. Л. 406 об.
[92] Там же. Л. 407—408 об., 415 об.— 416, 424 об.— 425, 426—427.
[93] Там же. Л. 431—432, 433
[94] Там же. Л. 435.
[95] Там же. Л. 436—436 об.

Весьма неблагополучно обстояло дело и в Крыму во время похода Мамет Гирея за Днепр на Ракочи. Казаки в стругах высадились на побережье Крыма[96]. 26 июня толмач Иван Свиридов узнал в Бахчисарае, что из Кафы прибыл гонец с уведомлением, «что де между Кафы и Керчи донские казаки разоряют и животину емлют, и деревни жгут, и татар, и жон их и детей всех рубят, и животов де ничево не емлют, только емлют к себе в струги полон»[97]. 1 июля записан подробный рассказ о высадке из стругов у устья р. Альмы за водой и разгроме деревень по р. Булганаку. Казаки жгли деревни верстах в 3 от посольского стана. Пожары были видны посланникам[98]. Муртаза ага, которому была поручена охрана побережья, пытался отбить казаков от моря, но был ранен, лошадь под ним была убита. «Да ево ж казак ударил пищальным дулом и перешиб переносицу и обе губы расшиб и с лошеди сшиб, и внука ево на том бою ранили ж и лошедь под ним убили»[99]. Повезли Муртазу агу в Бахчисарай. У моря остался Велиша мурза. Захватили было татары одного казака и споре его «срубили». С Муртазой агой было всего плохо вооруженных 200 татар. Сообщали, что казаки выходили не для боя, а за водой, которую татары не хотели им дать. В тот же день было получено сообщение о появлении между Кафой и Керчью на море 65 (или 50) стругов. Под впечатлением появления казаков около побережья татары начали снова ковать полонянников, потому что многие полонянники ушли к казакам. Татары начали полонянников сажать в ямы (глубиной в 3 сажени), на ямы класть доски, а сами татары ложились на доски. В Крыму создалось настроение, близкое к панике. Муртаза настаивал на спешном возвращении татар из похода за Днепр, так как у него нет воинских людей для защиты побережья. Калга требовал «выбивать» в Перекоп всех татар, армян и «жидов». В случае прихода черкас с Перекопу всех полонянников он приказал рубить.

Глава вторая

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С КРЫМОМ В ГОДЫ ИВ. ВЫГОВСКОГО И УЧАСТИЕ ПОСЛЕДНЕГО НА СТОРОНЕ ПОЛЬШИ ДО СЕРЕДИНЫ 60-Х ГОДОВ

Выжидательная позиция Крыма в отношении России объяснялась влиятельной ролью Богдана Хмельницкого и довольно неопределенной внешнеполитической линией русского правительства. Началась война России с Швецией в 1658 г. и замирение с Польшей. Многое в поведении Ивана Выговского объясняется внутренними отношениями на Украине. Но исследование этого вопроса требует специального рассмотрения обстоятельств, как получилось, что

[96] Там же. Л. 406, 415.
[97] Там же. Л. 416—416 об.
[98] Там же. Л. 417 об.— 419 об.
[99] Там же. Л. 419 об.— 420, 422, 422 об.— 423, 430.

преемники Богдана Хмельницкого оказались на стороне Польши, с которой они так упорно и успешно боролись, опираясь на Россию и удерживая Крым в рамках допустимого. Надо войти в тонкости внутренних отношений правящих кругов Украины, чтобы понять резко изменившуюся ситуацию в сентябре 1657 г. после смерти Б. Хмельницкого. Но эта задача не входит в предмет нашего изучения. Нам представляется, что значительная доля ответственности ложится на резкие колебания руководителя внешней политики России А. Л. Ордина-Нащокина, оставившего в стороне интересы Украины. Едва ли можно всю вину возложить только на «измену» Ивана Выговского и его сторонников. Полагаем, что тема эта подлежит ведению историков Украины.

Во всяком случае до конца своей жизни (27 июля 1657 г.) великий гетман [Богдан Хмельницкий] сильной рукой держал твердо в узде крымских ханов.

Новые московские посланники Яков Якушкин и Гаврила Михайлов пришли на размену 27 ноября 1657 г., где встретились со своими предшественниками Романом Жуковым, Ларионом Пашиным (на реке Ураевой). Они привезли с собой в Крым не слишком радостные известия об ограблении легких поминков, посланных в Крым, на реке Тор[1], об убийстве крымского гонца Трухмаметя в Москве и убийстве татарами на размене подьячего Бельского. 28 декабря посланники пришли на стан на р. Альму[2].

6 сентября 1657 г. в ответ на обращение посланников об ускорении размены князь Маметша Сулешев отвечал, что «стало у великого государя не против прежнего. Наперед де сего бивали нас на размене, а ныне де почали послов и гонцов на Москве до смерти побивать, а ныне де которые и живы, и те биты ослопым и лежали при смерти. А убили де царева гонца Трухмаметя, и чаять де того, что царь велит оставить за тово гонца у посланника товарища подьячего или тебя, переводчика. И знатно де что идет на ссору, а не на любовь»[3]. Эпизод получил дальнейшее развитие. Когда переводчик Абдул Байцин и толмач Иван Свиридов были у ближнего человека по тому же поводу, присутствовавшие здесь татары подняли шум и грозили, бесчестили толмача и переводчика и грозили убийством. Шум услышал царь, выслал к ним копычейского голову и сообщил буйствовавшим татарам об обстоятельствах гибели Трухмаметя в Москве: стрелял из лука по государевым людям, «и как он делал, так и над ним самим так чинилось»[4]. Позднее переводчики добавили, что Трухмаметь учинил то убийство, напившись пьян. По поводу убийства подьячего Бельского Сеферь Газы ага сообщил решение царя казнить двух татар, убивших Бельского; однако осуществлено это указание не было, потому что их не разыскали[5].

---

[1] Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 438.
[2] Там же. 1657 г. Стб. 14. Л. 36.
[3] Там же. Кн. 40. Л. 445 об.— 446.
[4] Там же. Л. 456 об.— 457.
[5] Там же. Л. 467 об. — 471.

3 января 1658 г. на приеме у Сеферь Газы аги Якушкин и Михайлов на вопрос ближнего человека, почему государь указал убить гонца Трухмаметя, полностью описали все происшествие: государь Трухмаметы убивать не веливал, а смерть ему «учинилась от своей дурости: напився пьян с людьми своими, у Крымского посольского двора царского величества конюха били и, связав арканом, на двор к себе взволокли и стрельцов, которые по указу царского величества были у них для береженья на карауле, от посольского крымского двора отогнали и ружье их поймали и [с] ослопы за ними гоняли и из луков по них стреляли и одного человека, стрельца, ножем покололи. И в ночи, съехав з двора, на лошедях по улицам ездили и многих людей били и с саблями гонялись и его, Трухмаметя, в ночи русские люди, боронясь, от себя хотя и били, и те побои учинилися ему, Трухмаметю, от себя. И после того он, Трухмаметь, был здоров многое время, умер не от бою, своею болезнью. И по указу царского величества посылал к ним на крымской двор полковник и голова стрелецкий Аврам Лопухин, а велено ему у Трюхмаметя с товарыщи стрелецкое ружье и битого конюха с двора у Трухмаметя с товарыщи взять. И татаром, которые конюха и стрельцов били и из луков стреляли, учинил наказанье. И то учнено по челобитью крымских послов Умер бея с товарищами. А ныне для того меж государств ссоры и за то Магмет Гирею царю нелюбья иметь не для чево»[6]. Сеферь Газы говорил, что, хотя смерть Трухмаметя учинилась пьянством и от себя, все же не следовало посылать бить ослопом на другой день. Посланники отвечали, что если бы то учинилось в другом государстве, «и их бы за то всех велели перевешать». И стрельцы, если бы они не боялись царского указа, могли бы татар всех перебить из ружья, но они избежали столкновения[7].

Посланники установили личность татарина, зарезавшего подьячего Григория Бельского. Князь Маметша уверял, что тому верить нельзя, тот татарин спьяна говорил[8].

Посланники вновь были на приеме 5 января 1658 г. и в третий раз 27 февраля у Сеферь Газы аги и изложили свое поручение из Москвы: государь хочет с Магмет Гиреем быть в крепкой дружбе, предлагает условия: писать титул [русского] царя по новому образцу и взять на себя обязательство на черкас не нападать[9].

Уже в то время посланники знали о сношениях Ивана Выговского с Крымом и от князя Маметши услышали о целях этих сношений. Выяснился резкий поворот Выговского. «Для тово де прислал писарь гонцов своиз 3 человек, что им быть с крымским царем по прежнему своему договору, как было при Хмельницком, за один, и для того договору прислать к ним верного своего человека; и чтоб ему, писарю, с черкасы, которые ему послушны, договор и шерть учинить и, договоряся, итти им сопча на нижние их черкасские коши, чтоб их разорить. А он де, писарь, с запорожскими чер-

[6] Там же. 1657 г. Стб. 14. Л. 43, 53—55.
[7] Там же. Л. 55.
[8] Там же. Л. 117—121.
[9] Там же. Л. 128—130.

касы, которые ему, писарю, послушны, от московского государя отложился. А про то де ему, писарю, ведомо учинилося впрямь, что великий государь низовым черкасам жалованье посылает, чтобы им промысл учинить над ним, писарем, и над ево черкасы, чтоб ево, писаря, разорить и под государеву руку в подание подвесть. И ныне тот писарь, убоясь тово, хочет над ними над самими, сложась с крымскими людьми, на тех кошевых черкас итти войною. И они де, низовые черкасы, збираютца многие люди из Запороги и з Дону. И для тово послал крымской царь из Бакчисарая к нему, писарю, Селиш Кнгью с ево черкасы, которые от нево приезжали, чтоб он, писарь, шол на договор в Почак Кермень или на Дивянь. А как от него, писаря, будет весть, и для тово договору Магмет Гирей царь пошлет Перекопского Караша князя, чтобы им договоритца и, договоряся, итти заодно на низовых запорожских черкас, и на том учинить шерть. А им де, крымским людям, те низовые черкасы грубны за то, что оне, низовые черкасы, приходили под Перекоп войною и многия ногайские улусы повоевали и в полон поимали»[10].

Караш князь Перекопский сообщил переводчику, что был он у Ивана Выговского «и писарь де с ним договор учинил, что ему быть с крымским царем в дружбе. И которые черкасы хотят мимо ево, писаря, выбрать себе гетмана Хмельницкого сына[м] и будет которые черкасы от него, писаря, отложатца, чтоб де над теми черкасы ему, писарю, промысл учинить с крымским царем. А он де, писарь, хочет быть в поданстве у крымского царя, так же как Богдан Хмельницкой». Весь крымский полон, сыскав, отдаст в Крым. «А крымской бы де царь на него, писаря, войною не ходил и воинских людей не посылал, жил с ним в совете и в любви»[11].

«Да при них же де в Чигирине был у писаря от турского султана царя чеуш; а прислал де тово чауша к писарю турской царь с тем, что крымскому царю турской велел с ними, черкасы, помиритца и войною на них ходить не велел. А тот де чауш к черкасом прислан от турского царя по ево писаревой присылке, что он, писарь, прислал в Царьгород к салтану царю черкас своих для тово, чтоб салтан царь на них крымскому царю войною ходить не велел. И по их де письму и прошенью салтан царь послал в Крым к Магмет Гирею царю тово чауша своево, а для ведомости тому чеушу велел заехать к ним, черкасом. И тот же чауш из Запорог едет в Крым с ними, Карашем и с Селишем агою»[12]. Иван Выговский сказал князю Карашу, что московский государь присылает в черкасские города воевод, а он, Иван Выговский, у воевод «под началом быть не хочет, хочет теми черкасскими городами владеть сам, там же, как владел гетман Богдан Хмельницкий»[13].

Единственно, что осталось неизвестным Якушкину и Михайлову,— это отношение Ивана Выговского к Польше. Но эти отношения установились по условиям Гадячского договора в сентябре 1658 г.

---

[10] Там же. Л. 155—157.
[11] Там же. Л. 159—160.
[12] Там же. Л. 160.
[13] Там же. Л. 161.

Крымский хан отказался писать в шертной записи о черкасах, потому что они «люди вольные и на мире еще не стали и у царского величества еще не утвердилися»[14].

Толмач Никон Понарьин дополнил характеристику общего положения одной деталью (со слов волошских гонцов), что гетман «низовых казаков» Яков Барабаш заявил перекопскому князю Карашу, что он хочет быть в подданстве русского государя и мириться с Магмет Гиреем без царского указа не смеет[15]. Так отражен был в записях посланников конфликт Ивана Выговского с Яковом Барабашем.

В марте же Выговский уведомил Магмет Гирея, что он стал гетманом. Стало известно, что часть черкас вновь присягнула московскому государю и что в Запорогах вместо Якова Барабаша назначили «нового полковника», запретив ему ходить на крымцев войною[16].

25 апреля Никон Понарьин в Посольском приказе показал, что Иван Выговский приглашал татар на помощь против полтавского полковника Мартына Пушкаря. Посылавшийся на помощь перекопский князь Караш опасался, чтобы не учинить ссору с московским государем, потому что на стороне Мартына Пушкаря могли бы оказаться русские ратные люди[17].

Тот же Никон Понарьин рассказал об одном интересном событии. В Вербное воскресенье под Перекоп приходили запорожские черкасы (300 человек) под Комаметевы улусы ногаев, захватили 100 человек полона и 30 верблюдов. Татары их осадили. Черкасы отсиделись «в обозе», татар убили и переранили человек с 15. Татары завели с ними переговоры, указывали черкасам на то, что они с Иваном Выговским в мире, а они на татар нападают. Черкасы отвечали, что о мире и дружбе Ивана Выговского с Магмет Гиреем они не знают и что они подданные московского государя[18].

Все эти переговоры о мире уже не имели реального значения. «Дневная записка», составленная в Разряде, дает полный перечень военных действий татар по широкому фронту украинных городов[19]. Из числа крымских мурз участниками этих вторжений названы крымские салтаны и мурзы Карач, Маметша, Батырша и др. Кроме неудачной для русского войска битвы при Конотопе последовало затем крупное вторжение хана в пределы московской Украины (об этом ниже). Следует принять во внимание новое поражение довольно крупного русского войска под Чудновом под командованием В. Б. Шереметева[н].

К чему же могли сводиться приемы дипломатической политики русского правительства в такой обстановке?

В апреле 1659 г. в Крым были присланы новые послы вслед за Якушкиным и Михайловым — Иван Апухтин и Фирс Байбаков.

---

[14] Там же. Л. 163—164.
[15] Там же. Л. 175.
[16] Там же. Л. 176—178.
[17] Там же. 1658 г. Стб. 5. Л. 1—2.
[18] Там же. Л. 2—3.
[19] Там же. 1658 г. Стб. 14. Л. 1—8.

Они должны были, как это делалось обычно и прежде, указать крымскому хану на нарушение шерти о дружбе и любви, выразившееся во вмешательстве в войну против Московского государства на стороне царских «непослушников» («то в великое подивленье»), настаивать на соблюдении шерти, указать царевичу Селим Гирею и мурзам выйти из черкасских городов со всем войском, послать «на размену» своих послов и мурз в Москву[20].

Новые посланники, очевидно, считались способными, энергичными дипломатами. Им были отпущены более крупные денежные средства, они могли более щедро раздавать «почести», особенно ближнему человеку Сеферь Газы ага и обещать «поминки» в увеличенном размере. Русское правительство продолжало пользоваться старыми дипломатическими приемами, которые при обстановке обычной оказывали слабое действие на крымских политиков. Новые посланники хотели задержать или приостановить вмешательство крупных вооруженных сил крымцев в войну, а тем временем сосредоточить свои вооруженные силы в районе активных операций, намеченном Иваном Выговским и ханом. Даже если русское правительство развило бы исключительную деятельность в предполагавшемся объеме, оно имело бы мало шансов на успех. У татар была сделана крупная ставка на добычу, которую не могли бы компенсировать даже удвоенные или утроенные «поминки».

Слабость русской политики заключалась в том, что она была неспособна активно поддержать сторонников русской ориентации на Украине, а такие были. Мало того, что русское правительство не поддержало сторонников такой ориентации, но самых влиятельных из них, как Мартин Пушкарь, Яков Барабаш и др., прямо предало, оправдывая тем самым карательные меры Ивана Выговского. Без изменения направленности политики русского правительства в острый момент борьбы за Украину русское правительство неспособно было этой социальной направленности изменить, поэтому тяжелое развитие всего хода борьбы было неизбежно. Вследствие этого попытки русской дипломатии внести изменения в войну были безрезультатны и тщетны.

Переговоры Ивана Апухтина и Фирса Байбакова[21] с Сеферь Газы агой и ханом могут служить примером многословной дипломатической диалектики и настойчивости, но натолкнувшейся на столь же упорные и хитрые возражения крымских дипломатов, умевших вытягивать у русских посланников обильные «почести» и обещать, и вести свою линию, и разоблачать подлинные цели русского правительства.

19 марта 1659 г. Апухтин и Байбаков во время приема Сеферь Газы агой добивались скорейшего приема их царем. «И ага говорил: "на посольстве будете после, как те дела, с чем приехали, объявите"». Посланники произнесли обильную словами речь, изложенную «в большом статейном списке». В ней была уже не новая

---

20 Там же. 1659 г. Стб. 2. Л. 15—32.

21 Посольство Ивана Апухтина и Фирса Байбакова длилось с апреля 1659 по декабрь 1662 г. Апухтин умер в Крыму 17 сентября 1661 г.

мотивировка перехода черкас в русское подданство, говорилось об измене Ивана Выговского. Сеферь Газы ага говорил, что прежним посланникам он «многажды говорил, чтоб великий государь запорожских черкас не принимал, потому что они непостоянны и прежнему государю своему польскому изменили». Обещал он также передать их речи хану. В тот же день они были на приеме у хана, который сказал, что ответ велит дать «иным временем»[22].

20 апреля посланники вновь были приняты Сеферь Газы агой, который заявил, что царскую грамоту он «выразумел», и предложил посланникам объявить данный им царем «словесный приказ». Он сказал, что царевич Селим Гирей ушел от Выговского в расчете, что царские войска уйдут, но вместо этого стало известно, что ратные люди не только не ушли, а, напротив, «к прежним идут в прибавку и, збив их [черкас], хотят итти на Крым. И царь де (хан) послал к ним нурадына царевича на помочь от московских ратных людей оборонить»[23].

В тот же день на стан к посланникам приезжал «разменный князь» (князь Маметша Сулешев) и приглашал их к Сеферь Газы аге. Князь Маметша говорил, что ближние люди, выслушав царскую грамоту, приговорили посланников побить, только-де отговаривает ближний человек Сеферь Газы ага. Князь Маметша предлагал учинить ему почесть деньгами или соболями. «И то де знатно, что вы хотите царя обмануть и царя задержать, а в то время Малою Росиею и Крымом завладеть. Пойдет и сам царь войной»[24].

В апреле 27—28 у посланников, у переводчика и толмача и у вожа отобрали всех лошадей (числом 29), отвезли в город Мангуп°, от Бахчисарая верстах в 20. В дороге Сеферь Газы ага в третий раз говорил с посланником. «И ага говорил: только де от царского величества уступки черкасских городов не будет, и тех ссор без того не рознять. И вы объявите — о чем с вами наказано»[25]. Посланники повторяли прежние речи. Но ага настойчиво говорил: «Наказано ли то с вами, что царскому величеству теми черкасскими городами владеть, которые ему добили челом и которые учинились у них [Крыма] в подданстве и теми бы владеть им?» Посланники отвечали: «Того с нами не наказано и без указу нам православных христиан поступатца нельзя. А будет Магмет Гирей царь поход свой задержит и к царскому величеству гонца отпустит, и мы о том к великому государю писать учнем». И ага говорил: «То де вы говорите к продолжению, чтоб черкасами завладеть. Станут они (крымцы) за тех черкас, что с Выговским, стоять. Чает де он, ага, той наддачи городов черкасских, а казны и тьма тысяч не возьмем. А помолчав сказал: и про наддаточную де казну он царю доложит, и о том подумают, а гонцов к Москве не отпустят, а велел ехать в Мянкуп»[26].

---

22 Там же. 1659 г. Стб. 3. Л. 3, 33—35 [лист 3 очень ветхий, текст частично утрачен].
23 Там же. Л. 36—37.
24 Там же. Л. 37.
25 Там же. Л. 42—44.
26 Там же. Л. 45.

С тех пор посланники после обыска и отобрания всех вещей были заключены в тюрьму в Мангуп, расположенный «на высоких каменных горах», и держали в строжайшей изоляции. Объясняется это тем, что хан 19 мая двинулся в поход и посланники были посажены в яму и закованы в кандалы. А в Крыму был оставлен наместником Каит ага. В сентябре 1659 г. Магмет Гирей после битвы под Конотопом и большого похода на Русь пришел в Крым. 26 сентября 1659 г. посланники были раскованы[27].

Вследствие такой изоляции посланники располагали лишь очень скудными сведениями о событиях на Украине и на Руси.

В период времени с апреля 1659 г. до января 1661 г. наступил перерыв дипломатических отношений между Москвой и Крымом. Лишь в начале 1661 г. русское правительство сделало новые предложения, очевидно признав несостоятельность старых приемов дипломатических переговоров.

20 января* 1660 г. ближний человек принял посланников после длительного перерыва. Переговоры не принесли ничего нового. Посланники спросили его: «как впредь с великим государем нашим Магмет Гирею царю быти в дружбе и в любви и на которых статьях...» «И ага говорил: прежним де многим посланникам он говорил, чтоб великий государь черкас не принимал. И его словам не поверили. И ныне царского величества неправда, что присланы вы с обманом, чтоб царя в Крыме задержать, а своих со 100 тысяч ратных людей под Конотоп прислал на их подданных черкас и на нурадына царевича. И бог де не потерпел и малыми крымскими людьми многих царского величества ратных людей с 40 или 50 тысеч побил, и Пожарского и Львова в полон взял. И впредь московские ратные люди с татары полевым боем биться не станут»[28]. Посланникам приходилось изворачиваться, говорить, что русские ратные люди «вашего приходу не чаяли и не опасались, и то уж дело прошлое, чтоб ныне меж государи дружбу и любовь по прежнему постановить»[29]. Ага повторял не один раз, что они присланы обманом. Мир возможен лишь при условии, если государь отступится от черкас и захваченных городов польскому королю. Далее следовали угрозы новой войной и казнью посланников. Посланники, «видя их неуступные слова, говорили: нам вы о том говорите, чтоб великий государь с польским королем мир учинил, и вы начало тому делу учините, договор с нами постановите на урочные годы, что вам в те урочные годы в украинные и в черкасские городы войною не приходить и полякам не помогать, а о тех статьях, на чем с польским королем мир учинить, пошлите с нами к великому государю нашему ближнего своего человека про те статьи известить. А черкас нам никоими мерами поступиться нельзе»[30]. Ага отвечал: «знаем де мы к чему вы приводите в тех

---

[27] Там же. Л. 10—11.
* В рукописи ошибочно указана дата: 4 января.
[28] Там же. Л. 14.
[29] Там же. Л. 15.
[30] Там же.

пересылках — завладеть черкасы и поляки, придете и на Крым»[31]. «И ага говорил, только те им ныне гонца послать... на Москве скажут, что вы испужались»[32]. Ага категорически возражал против избрания на польский престол царева сына. «Только де им того допустить, что быти королем сыну великого государя вашего, то и Крым пропадет... а чтоб до того не допустить и черкас искоренить. Тридцать де два зуба во рте есть; хотя де один останется, и тем кусать»[33].

Ссылался ага Сеферь и на слова Пожарского, который угрожал завладеть черкасы, идти на Крым, а ему верить можно, потому что он «ближний человек». Посланники заметили, что Пожарский то говорил: «разве убоялся смерти и от страху не в целом уме». Но ага возразил: «только де вы не обманщики, не токмо полоненников лживите, и ближнего человека слова ставите в ложь, а свою в правду»[34]. После этих разговоров поднесли Сеферь Газы аге «почесть». В результате посланников из ямы перевели «в деревянную избу...»

24 декабря в Крым был приведен В. Б. Шереметев после поражения под Чудновом: сначала он был посажен в Сейменском приказе, закованный в кандалы.

Последующие переговоры с посланниками не дали никаких результатов. Посланники были отпущены [только 28.IV.1661 г.] на р. Альму на стан[35].

Дипломатические переговоры Якушкина, а затем и Апухтина протекали в крайне неблагоприятных условиях тяжелых поражений русских войск, явно не могли иметь никаких положительных результатов. Эти жалкие усилия лишь давали крымцам повод для лишних издевательств. Тем более Апухтин и Байбаков не знали всех обстоятельств войны, гораздо более тяжелых, чем они представляли. Они не знали о тяжелом поражении войска В. Б. Шереметева под Чудновом. В октябре 1660 г. в окопе под Чудновом было окружено подавляющими силами татар и поляков приблизительно до 10 000 ратных людей разных чинов. Бились врукопашную оглоблями, поленьем, резались ножами, потому что коварно были разоружены поляками, а затем в количестве примерно 8000 человек были выданы татарам[36].

В самом начале 1661 г. (январь) в Крым приехал дьяк Иван Татаринов в сопровождении переводчика Абдула Алтабаева с подьячим Дмитрием Титовым. Ему был дан обширный тайный наказ (который блюсти тайно) вести дело совместно с Апухтиным, а если невозможно, то единолично и самостоятельно. Ивану Татаринову надо было добиться свидания с В. Б. Шереметевым, выяснить ход сражения и причины его неудачи. Затем при личном свидании с

---

31 Там же.
32 Там же. Л. 16.
33 Там же. Л. 16.
34 Там же. Л. 17.
35 Там же. Л. 91.
36 Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 46. Ч. 1 (5857). Л. 21—71, 134—136 и сл.

Сеферь Газы агой и ханом ему надлежало договориться об условиях перемирия и выкупа полона[37].

Вся поездка Ивана Татаринова была выполнена очень быстро: он выехал из Москвы 6 декабря 1660 г., приехал в Бахчисарай 20 января 1661 г., а 21 января был уже принят и объявил легкие поминки. Сначала с В. Б. Шереметевым виделся переводчик Абдул Алтабаев. По случаю приезда Татаринова на боярина были наложены цепи 4 сажен, продетые через кандальное кольцо. Но ко времени прихода Алтабаева цепь была снята[38]. 26 января Сеферь Газы ага разрешил Татаринову встретиться с боярином. Шереметев рассказал об обстоятельствах поражения. Войско было окружено подавляющими силами татар и поляков, пути отступления отрезаны. Черкасы во главе с Цецурой отошли из обоза к гетманам польским. Юрий Хмельницкий прекратил попытку выручить Шереметева. Князь Борятинский не имел сил пробиться к нему навстречу по недостатку сил, и 25 октября состоялся договор о сдаче. Договора с поляками требовали товарищи В. Б. Шереметева, Осип Иванович Щербатой, кн. Григорий Козловский, Иван Акинфов и др. начальные люди, которые покинули воеводу одного и «учали пить». Многие начальные люди стали «отдаваться польским людям, бороды и головы побрили и учинили на головах хохлы»[39]. Поляки ограбили все животы О. И. Щербатого, а кн. Григорию Козловскому и Ивану Акинфову под их животы дали подводы[40]. Сам В. Б. Шереметев был отдан татарам. Хан принял его и сказал ему несколько успокоительных слов: [чтоб он] «не сумневался и не кручинился. Которые де государем своим служат верно, и над теми всегда то бывает»[41]. «Брат де ево царев, Ислам Гирей, был у польского короля в полону ж семь лет скован и после де в Крыме был царем»[42].

После длительных переговоров с Иваном Татариновым 20 марта у хана состоялось «сиденье с князьями и с мурзами и со всеми ближними людьми», во время которого были выработаны условия мира с московским государем. Виднейшие сановники князья Ширинские и Сулешевы, перекопский князь Караш, [желая] мира, решили Ивана Татаринова отпустить. Сеферь Газы ага сообщил Ивану Татаринову условия мира: 1) вывод ратных людей из Киева, Переяславля, Нежина; 2) мир [русского царя] с польским королем и возврат ему захваченных у него городов; 3) от черкас отступиться и 4) донским казакам запретить нападать [на Азов и] на все турецкие владения[43].

В тайном наказе Ивану Татаринову [было] дано право «сулить» крымцам сверх обычной посылки рухлядью 30, 40, 50 и 60 тысяч ефимками, в том числе половина ефимками, а половина

---

37 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1660 г. № 8. Л. 1—15.
38 Там же. Л. 16—26.
39 Там же. Л. 29.
40 Там же.
41 Там же. Л. 30.
42 Там же. Л. 32.
43 Там же. Л. 54—56.

рухлядью. Дача будет прислана один раз. По последней мере дать 100 000 ефимков. Дача будет общая царю, калге и нурадыну. Ближнему человеку обещано 1000 ефимков[44]. В Москву была прислана обширная грамота, написанная широковещательно и нравоучительно. Кроме обширного титулования хана, [предлагалось для союза] не искать других государств, не заявлять притязаний на новое титулование, проявлять больше скромности; [угрожали] походом под Москву, хотя бы зимой: «А татарские ратные люди сами ведаете, по вся времена готовы». Высказаны [были] упреки в насилии над мусульманскими народами, обитающими в Московском государстве, и т. п.

6 апреля 1661 г. Иван Татаринов был на отпуске у хана. Из Перекопа он выехал 11 апреля[45].

По-видимому, русское правительство пришло к заключению, что посулы денежных подачек — мера более действенная, чем длительные и однообразные убеждения, подобные тем, к которым прибегали Апухтин и Байбаков. Примерно вскоре после Ивана Татаринова в Крым была организована посылка дворянина Ефрема Юрьевича Бахметьева. Его наказ содержит те же цифры (40, 50, 60 тысяч и даже 100 тысяч) подачек ефимками и рухлядью. На выкуп Шереметева предписано обещать 10—20—30—40—50 тыс. серебром. Сверх денег сулить [отдать] Гонсевского, попавшего в Москву в полон[46].

После указанных посылок в Крым с денежными посулами дипломатические связи Москвы с Крымом прервались. Возобновились они тогда, когда начались переговоры между Польшей и Россией 1666 г. Промежуток 1661—1666 гг. наполнен разнообразными военными действиями.

Глава третья

НОГАИ И КАЛМЫКИ В 50-Х ГОДАХ В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ

Рассеяние Большой ногайской орды по территории южных степей имеет давнюю историю. Факты этой истории, относящиеся к XVI в., отчасти изложены нами в первой части нашей работы[1]. Там же более обстоятельно изложены события распада Больших ногаев в первой половине XVII в. Здесь мы продолжим изложение для 50—70-х гг. XVII в.

В XVII в. мощная волна калмыцкой орды привела в движение кочевые массы на всем пространстве от Яика до устья Дуная в степях, измеряемых тысячами квадратных километров. Исчисляя грубо, численность этих кочевников, включая крымцев, которые лишь

---

[44] Там же. 1660 г. Стб. 7. Л. 18—23.
[45] Там же. Стб. 8. Л. 64—68.
[46] Там же. 1661 г. Стб. 2. Л. 4, 16—70, 121—123.
[1] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 223—228, 290, 292, 337 и др.

в незначительной мере к XVII в. можно считать полукочевыми, ногаев, калмыков, некоторые народности Северного Предкавказья можно определить примерно в 300 тыс. активных бойцов. Подвижная, беспокойная эта масса то приливала, то откатывалась от границ Русского государства и Украины и создавала состояние вечного напряжения и опасность вооруженных столкновений.

В течение освободительной войны украинского народа под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого силы Крыма и кочевавших в степях татар были отвлечены от нападений на Русское государство. В годы 1648—1657 на южных границах Русского государства установилось затишье. Но затем, после смерти Богдана Хмельницкого, в 50—70-х годах начался период особенно ожесточенных вторжений с короткими мирными перерывами. Это [время] и подлежит нашему изучению.

К началу [наблюдаемого] периода ногаи распались. Часть их находилась под властью калмыков: некоторые из улусов Тинмаметевых[п] и алтыульских татар[р]. Часть удержалась под Астраханью: едисан[с] — 1500 дворов, юртовских[т] — 1000 дворов. Осенью 1645 г. под угрозой нападения калмыков несколько улусов Тинмаметевых[у] ушли к Тереку (за Терек улусы Чебан мурзы Уразлина с 1500 дворов). Основная масса Тинмаметевых кочевала между Волгой и Доном. Улусы Урмаметевых[ф] почти целиком кочевали между Доном и Днепром и за Днепром и находились в подчинении у Крыма.

Малые ногаи двух ветвей (источники говорят о двух «половинах»: Ураковы и Касаевы) подчинялись Крыму. Обитали они более или менее устойчиво на восточной стороне Азовского моря. Впрочем, в отдельные моменты они переходили ближе к Крыму на западную сторону моря. Улусы Урмаметевых нередко уходили за Днепр и обитали близко с одной стороны к запорожским казакам, с другой — к белгородской орде татар (под Аккерманом или Белгородом)[х]. Все эти подробности выяснятся в последующем изложении.

Остановимся в первую очередь на быте татар, обитавших под Астраханью.

По сообщению астраханского воеводы Федора Куракина, давно были установлены правила жизни татар под Астраханью и правила их поведения в городе. Мурз, приезжающих к воеводам для дел, приводят «без ружья», а лошадей ставят в Белом городе за Пречистенскими воротами. Ногайский кейкуват[ц] Янмамет мурза Тинмаметев (в то время единственный представитель власти в орде — правнук князя Измаила, 1555—1563 гг.) и едисанский Алей мурза Урусов, Ситыев, двоюродный брат кейкувата, ездят в виде исключения в город на лошадях, потому что кейкуват Анмамет стар, а Алей мурза «ногами болен, и до нас, холопей твоих, они в город на лошадях ездили ж». Все прочие ходят в город без ружья пешком и понемногу, «с приставами». В 152 и 153 г. были сделаны остроги мурзам и татарам едисанским подле деревянного города, пригороженные к городовой стене. А для юртовских татар [острог] «приведен к большому к старому каменному городу и к житному двору. А татарской базар, где оне торгуют, исстари у самого житного двора. Да

и татаровя, государь, дворами своими живут в юртах зимою и летом от старого каменного города и от житного двора сажен в пятидесяти, а в ыных местех и меньши. А ногайские, государь, мурзы и с ними улусные их лутчие люди кочуют в зимнее время подле реки Волги у самого Юртовского острогу, бояся калмыцкого приходу. И из дворов, государь, из юрт и из улусов мурзы и татаровя в денную пору по утрам съезжаютца на татарской базар на лошадях и пеши приходят многие, торгуют с русскими людьми и с гилянцы[ч], и с бухарцы всякими товары. И бывают, государь, на базаре мурзы и татаровя без ружья. А для всякого береженья велено быть на татарском базаре астраханцом, детем боярским, да с ними стрельцом»[2].

«А какое, государь, бывает от мурз и от татар непослушанье, и мы, холопи твои, призываем и им выговариваем против твоего государева указу и о том к тебе, государю, пишем, а наказанья им без твоего, государева указу чинить не смеем»[3]. «Расправы» [суды] меж русскими людьми и татарами и меж последних происходят в съезжей избе. А прежде мурзы и татары кочевали в степи и судов у них в городе бывало мало, расправу чинилй сами мурзы. А ныне они о всяких расправных делах между собой и на мурз, и на русских людей бьют государю и челобитные подают в съезжей избе воеводам «по вся дни и живут с русскими людьми об одну городовую стену. И многие, государь, татаровя крестились в православную христианскую веру и служат твои, государевы службы в стрельцах, а иные — в посадцких людях. И русские люди многие на новохрещеных татарках поженилися. А отцы тех татарок и братья и племя их живут же в юртах, и в едисанских, и в нагайских улусех блиско от Астарахани. И ко племенем своим в город татаровя приходят и русские люди к ним ходят не по нашему, холопей твоих, велению»[4]. «Унять, государь, их немочно», потому что [татары] живут от Астрахани близко. В городовом и каменном деле татары участвуют и получают за работу корм, как было и прежде, [с того времени] как стали около Астрахани кочевать калмыки. В зимнее время как «на Волге лед укрепитца, пускали в город татар на лошадях и с ружьем человек по десяти», потому что воеводы посылали их «в подъезды для проведыванья калмыцких людей приходу до реки Бузану»[5]. Так делается и теперь. Стрельцы бьют челом, что им «без татар в подъезд ездить не мочно». Татар пускали в город в одни ворота, Мочаковские, [в небольшом количестве].

1 февраля 1649 г. Салтанаш мурза Аксак Келмаметев (правнук князя Измаила) был переведен в Каменный город на особый посадский двор, ему дали охрану. Он согласился уговорить брата своего Салтаналы мурзу прикочевать к Астрахани и отойти от калмыков, но в том воевода не был уверен, потому что Салтаналы мурза «человек шаткий»[6].

---

[2] Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. 1649 г. Стб. 1. Л. 27—28.
[3] Там же. Л. 28.
[4] Там же. Л. 29—30.
[5] Там же. Л. 31—32.
[6] Там же. Л. 34—40.

Факты пребывания Чебан мурзы Уразлиева за Тереком показывают, сколь важное значение имел для русского правительства распад ногайской орды. В 1649 г. была сделана новая попытка примирения и возвращения под Астрахань из-за Терека Чебан мурзы с его улусами (с братьями и племянниками). В Терском городе воевода получил достоверные сведения, что Чебан мурза со своими улусами кочует реками Тереком, Аксаем и Коксою, за тремя реками к Таркам. С Тарковским шевкалом он заключил договор и породнился. Кочевавшие несколько особняком по реке Аксаю Аксаин мурза Иштерков и Карасаин мурза Яштереков, кочующий по р. Тереку меж казачьих городков и Андреевой (Ендери) деревней, соединяться с Чебаном не хотят, просили прислать из Астрахани Тударыш мурзу — сына Би мурзы и астраханских ратных людей, чтобы улусные Би мурзы вернулись к Астрахани. Сам Аксаин мурза обещал звать к Астрахани самого Чебан мурзу. При помощи астраханских ратных людей рассчитывали заставить последнего вернуться «в неволю». Аксаин мурза просил сделать это спешно, пока Чебан мурза кочует за тремя реками «в тесных местех и им де вскоре уйти будет некуды»[7]. Через татар терский воевода узнал, что Чебан мурза зимой 1648/49 г. обращался к кизилбашскому шаху о принятии его в холопство и что будто шах через Тарковского шевкала Суркая присылал Чебан мурзе подарки, а сам Суркай у шаха «в послушанье». Ф. Куракин выразил недоверие к предложению Аксаин мурзы: «он де то все говорит неправдою ж». Воевода предложил послать к Чебан мурзе астраханца Дмитрия Ефимонова с толмачом для договора вернуться к Астрахани и для разведки о сношениях Чебан мурзы с шахом[8].

Распадение большой ногайской орды сулило всевозможные неприятности, что доказано уже уходом улусов Урмаметевых за Дон. Уход Чебана мурзы с улусами своими и Би мурзой усиливало соседей — шевкала Тарковского и даже шаха персидского, что на самом деле и подтвердилось впоследствии.

Уход Чебана мурзы усиливал внутренние распри в орде и осложнял положение астраханских воевод. Управление ногайской ордой делалось все труднее, не только использование ногайских татар как боевой силы, но и удержание их только в повиновении становилось почти невозможным.

Ногайские мурзы во главе с кейкуватом Янмаметь мурзой (сын его Ямгурчей мурза), едисанские мурзы Алей мурза, Урусов Сатыев Янай мурза (сын Тиникея мурзы, двоюродный брат Би мурзы и дядя Чебан мурзы) с братьями и с многочисленным собственным потомством и табунные головы юртовских татар и с их улусными людьми подали воеводе Ф. Куракину челобитные с жалобой на Чебан мурзу на причиненные им разоренья. В последнее его нападение с участием казыевских (малых ногаев) татар и людей князя Муцала Черкасского на подавших жалобу мурз у последних были отогнаны табуны лошадей и взяты в полон жены и дети[9].

---

[7] Там же. Л. 46—48.
[8] Там же. Л. 48—53.
[9] Там же. Л. 53—63.

В мае 1649 г. в Астрахань был прислан из Терского города с денежной казной сын боярский Игнат Прохоров и сотник стрелецкий Михайло Молчанов. Они сообщили в Астрахань воеводе сведения о положении и поведении кочевавших за Тереком ногаев. В разных числах ногаи группами человек по 100 «приходили изгоном на терских гребенских казаков и городки по Тереку от Царева брода до урочища Моздока отгоняли лошадей и животину. Казаки, собравшись из городков, ходили на ногайские улусы, погромили Карасаин мурзу Яштерекова, захватили его жену и татарский полон человек 40 и животину отогнали. Воеводы по просьбе ногаев просили казаков вернуть все ими захваченное. Казаки «без окупу» вернули жену Карасаин мурзы, но животину вернуть отказались, потому что ногаи тоже не возвращают отогнанный ими скот. После того мурзы Яштерековы и Иштерековы с улусными людьми приходили приступом под казачий городок Сарафанников; казаки отбились и городок отстояли».

Татары улуса Чебан мурзы стали приходить «для воровства» на Терек, на заставы и на промысловых людей, грабили их и пленили. Они полонили астраханских стрельцов, терских «годовальщиков», 5 человек приказа Максима Матюшкина да конного терского стрельца да с Дудина островка от моря отогнали 30 лошадей. Чебан мурза отрицал, что он захватил стрельцов. Терские стрельцы со своей стороны захватили 5 татар и посадили их в тюрьму. Произошел обмен взятыми в плен людьми, а вместо отогнанных лошадей Чебан мурза прислал своих 15 лошадей. Вернувшийся от Чебан мурзы посеченный стрелец (астраханский) 5 мая сказал, что 3 апреля он передал Чебан мурзе лист от воеводы. Их держали 2 недели и 3 дня. Мурзы съезжались и заявляли, что все они государевы холопы, но ехать в Астрахань они не смеют, потому что раньше они делали такую попытку, но мурзы Тинмаметевы со своими улусными людьми, юртовскими и едисанскими татарами трижды приходили на них и их от Астрахани отогнали. Захваченную животину и лошадей назад отдавать у них не повелось и «по пятнам разменивать».

Астраханский сын боярский Дмитрий Ефимонов всячески их уговаривал[10]. Чебан мурза с братьями и детьми и с улусными людьми сказали, что вернутся при других воеводах, потому что Федор Куракин татар, на них нападавших, не наказал[11]. Аксаин мурза уговаривал Шатемир мурзу Мамбетева (Иштерекова) и других мурз, чтоб ему от Чебан мурзы «отстать» и идти под Астрахань. Но мурзы отвечали, что одни они то сделать «не смеют» — «ими всеми владеет Чебан мурза»[12]. От улусных людей Дмитрий Ефимонов и другие слышали, что Чебан мурза «с Кизилбашским шахом» сносится и что он учит человек со 100 стрелять из пищалей и что нынешней весной пошли под Астрахань для отгона коней и животины Яштерековы мурзы: Зорум мурза Шигимов да Тоган

10 Там же. Л. 71—77.
11 Там же. Л. 86.
12 Там же. Л. 87.

мурза Карасаинов. На упреки в этом Дмитрия Ефимонова Чебан мурза отвечал, что Яштерековы мурзы его не слушают. Но по мнению Ефимонова, то он говорил ложно, потому что Чебан мурза «владеет всем»[13].

В мае того же года от сына боярского Петра Балакирева, сопровождавшего [персидских или иранских] кизылбашских торговых людей, получено было подтверждение об установлении связей Чебан мурзы с [иранским] шахом[14].

В своей отписке терской воевода сообщал, что в январе 1659 г. Чебан мурза подал жалобу на терских казаков о погроме ими и пришлыми людьми и захвате у жены Карасаин мурзы 45 человек ясыря, 1000 коров, 40 верблюдов и 2000 овец. Чебан мурза просил терских воевод сыскать все захваченное и возвратить. Терские казачьи атаманы ответили воеводам, что, пока татары кочевали под Астраханью, от них никаких обид казакам не было. Когда же они откочевали от Астрахани за Терек, татары много раз приступали к их городкам и казаков побивали, жен и детей забирали в полон, лошадей и животину отгоняли, сено травили, вследствие этого жить на Тереке стало невозможно. Пришли с Дона донские казаки и хохлачи и, взяв с собою терских молодых казаков и «холозбу» (от голытьба), и погромили один ногайский улус, «а сидел де тот Карасаинов аул меж казачьих городков на выходе»[15]. На замечания старых казаков хохлачи и холозба угрожали казаков побить. Жену и сына Карасаина мурзы вернули, животину «приели», ясырь небольшой либо распродали, либо увезли с собой на Дон. На предложение воевод жить с ногаями в мире казаки отвечали, что миру у них с татарами «отнюдь не бывать», потому что ногаи их обманывают[16].

В течение июня—сентября приехал Би мурза Иштереков, и при посредничестве князя Муцала Сунчелеевича Черкасского состоялась договоренность мурз Аксаина и Шатемира, мурз Иштерековых, Карасаина и Каракасаина Яштерековых о возвращении их со всеми улусами под Астрахань. А Чебан мурза тем временем откочевал к Таркам, побивая и беря в полон русских ратных людей[17].

Что же в это время происходило под Астраханью? Астраханец Иван Суслов и толмач Михайло Герасимов виделись в калмыцких улусах с ногайскими мурзами, которые откочевали от Астрахани и находились под властью калмыков, и договорились об их возвращении обратно. Они добились того, что Сююнч мурза Абдуллов Тиникеев «по своей вере» шертовал от себя и за своего отца Абдулу мурзу Тиникеева, за дядю своего Аблы мурзу Тинбаева и за братью свою и за племянников, за Юсупа мурзу Тиникеева (дядю Сююнч мурзу), за ногайского Каспулата мурзу Мамаева Тинмаметева вернуться под Астрахань. Всех их будет 7000 человек. Для этого они выберут подходящее время и просили отвести им место для ко-

---

[13] Там же. Л. 88—89.
[14] Там же. Л. 95—96.
[15] Там же. Л. 226.
[16] Там же. Л. 227—229.
[17] Там же. Л. 232, 230—231, 235—247

чевья между Кичагом и Бузаном или за Волгой в Мочаках, так как на прежних кочевьях меж Астраханью и Бузаном им стало тесно[18].

По данным 1649 г. с калмыками кочевали: едисанские мурзы — Сююнч мурза Тиникеев, его отец Абдул мурза Тиникеев, Аблы мурза Тинбаев, Абдула мурза Тинбаев, Юсуф мурза Тиникеев (Тинбаев), Каспулат мурза Тинмаметев, Салтанаш мурза Аксаккельмаметев. У этих мурз было улусных людей до 7000 человек. Кроме того, под властью калмыков было сравнительно немного алтыульских улусов — до 700 дворов.

Общие сведения о кочеванье ногаев за Доном и далее за Днепром имеются в документах Малороссийского приказа. Со слов писаря войска запорожского Ивана Выговского в посольских документах Василия Унковского записано (1649—1650 гг.), что под Черным лесом татар не было, так как гетман указал им с кочевьем отойти. Ныне там кочевали улусы белгородских татар: за Днепром на Желтых водах от Чигирина в 150 верстах. А «по здешней стороне Днепра те же улусы татаровя кочуют на Волчьих водах». По эту сторону Днепра кочевали улусы Больших и Малых ногаев. Раньше кочевали от Перекопа к морю и к Калмиусу и в Керчи. Ныне, по ссылке гетмана с ханом, они кочуют от Полтавы за 2 мили на Орели и по Пселу и кочуют едва не до Днепра неподалеку от городов от Потока, Максимовки, Хорола, Лубен, Лохвиц, Глинска, Миргородка, от Ромен. Верст по 50—40—30 и 20-ти [от городов] и зимовать им здесь. Гетман разрешил им производить покупку в тех городах. А сошли они со старых кочевий, потому что саранча у них хлеб и траву поела. Друге говорят, что они сошли, боясь калмыков. Говорят, что их 12 000. От Путивля кочуют они на расстоянии 120 верст, от Валок — в 50-ти верстах[19].

Сведения об участии татар в походах вместе с Богданом Хмельницким проникли в Терской город и в Астрахань с самого начала войны.

По сведениям от захваченного азовского татарина, крымский хан весной 1648 г. ходил в поход в Литовскую землю и был в походе 2 месяца. Интересны указания на состав его войска: крымские татары, Урмаметевы (из Большого ногая), казыевские татары[ш] [Ураковы половины], «запорожские» татары (вероятно, «белгородские») и темрецкие черкасы. Они привели большой полон. Позднее, в августе-сентябре, вновь пошел в поход и до конца октября еще не возвращался[20].

В мае 1650 г. астраханские татары «отгромили» недалеко от Азова на реке Ие (Ее) у казыевских татар украинский полон и доставили его в Астрахань. Полон 8 человек — парни и девки, крестьяне — были оставлены в Астрахани. Казыевский татарин, взятый в полон, показал, что ходили они с крымцами и запорожцами в Литовскую землю, города и уезды воевали. Весной хан велел крымским и Урмаметевым к лету снова готовиться в поход. О том

---

18 Там же. Л. 97—102.
19 Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 7 (5818). Л. 212—214.
20 Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. 1649 г. Стб. 1. Л. 21—23.

же был дан указ казыевцам и азовским «бекам». Место сбора — Азов. Полонянники украинцы сказали, что год назад татары воевали в местах от Константинова до реки Вислы и полон многой взяли. Казыевцы, захватившие их, зимовали в Крыму, а затем повезли к себе. В пути их «отгромили»[21].

В ноябре 1650 г. астраханец Богдан Петин и толмач Фадей Алексеев, ездившие в Терской город, подтвердили, что Чебан мурза кочует за рекой Аксаем от Терского города в 2 днях. Аманатов не дает, потому что в Астрахани сидят в аманатах Би мурза Иштереков с сыном. В улусах Чебан имеет 2000 дворов, а сколько в других улусах, неизвестно. Чебан мурза жаловался не притеснения прежнего терского воеводы Венедикта Оболенского. В ногайские улусы были посланы астраханец Иван Доможиров и толмач Василий Зиновьевский с указом кочевать под Астрахань. Чебан мурза выгнал мурз Яштерековых Карасаина и Каракасаина из своих улусов. А мать, жен и детей их послал под Астрахань. Вновь подтверждаются слухи о намерении Чебан мурзы уйти в Крым[22].

Вместо смягчения отношений улусов Чебан мурзы с Терским городом и казаками произошло дальнейшее обострение, завершившееся прямыми боевыми столкновениями.

В октябре 1650 г. тарковского шевкала Суркая брат Касай мурза Илда Шевкалов жаловался, что на дороге в Кабарду «в греблях» в лесу казаки переранили людей его 4 человека и 5 лошадей убили. Шевкал просил воевод о сыске. 28 октября верхнего Черленого городка атаман Ларион Кирьянов и казак Артюшка Гусев в расспросе сказали: «воровские» кумыцкие люди отогнали у них животину, казаки настигли тех «воровских» людей на Нефтяной реке, в столкновении один казак был убит и один ранен, у кумыцких людей был убит один человек. После того приезжал [к ним] Кантемир мурза князь Муцалов сын Черкасской и сказал, что казаки убили его дядьку, который был в числе провожатых кумыцких людей Османовской дорогой. Казаки отпустили Кантемира мурзу с почестью. Воевода же заключил этих казаков в тюрьму[23].

Число калмыков по данным 1650—1651 гг.

У Элдеш тайши	с 4000 ч.
У Лаузан тайши	с 3000 ч.
У Дайчин	с 6000 ч.
У Сенжен (сын Дайчина)	с 1000 ч.
У Мамсрен (сын Дайчина)	с 3000 ч.
У Мергаен (племянник Дайчина)	с 1500 ч.
Всего	14000 ч.
Ногаев с ними	с 3000 ч.

Казаки отказались ехать в Терской городок для розыска «о погромном деле», так как приступают к их городкам Большого ногая Чебан мурзы Ищерековы улусные люди и их, казаков, «побили, а

21 Там же. 1650 г. Стб 1. Л. 4—8.
22 Там же. Л. 68—85.
23 Там же. 1651 г. Стб. 1. Л. 3.

иных многих переранили и животину у них многую из-под городков отогнали. Да и Тарковский де Суркай Шевкал с ратными людьми идет под их казачьи городки и они де оберегают своих городков»[24].

Суркай писал о сыске в Терской город про тот же погром, что казаки погромили животы его брата Касая и тарковских кумыков[щ] и Шемаханского Хусрев хана. А в челобитной Касая мурзы [к терским воеводам] про «погромные животы ничего не написано». 4-го июня воеводы писали Суркаю, что он пишет про погром животов «неделом»[25].

А вот что было на самом деле. 27 июня (1651 г.) шевкаловы и Чебан мурзы люди морем пришли на Чеченский остров (от Терского городка в 60 верстах), [напали] на рыбных ловцов и сонных побили, переранили и в полон захватили. Было убито разных приказов стрельцов 8 человек, ранено 8 и полонено 3. Шевкал и Чебан мурза «явно изменили». 10 августа шевкал Суркай, в свою очередь, жаловался, что казаки весь караван пограбили и... человек «головных людей» побили. В ответ на это было нападение на Чеченский остров, во время которого убили «человека другого», а иных полонили, последних Шевкал отпустил.

Воевода писал, что на острове не только людей убили и захватили, но разграбили все имущество: лодки, паруса, якори и всякую рухлядь. Казаки говорят, что от такой изгони хотят покинуть юрты свои, «с реки Терека брести врознь и на Дон». Шевкал вернул трех пленных, а рухлядь, сыскав, обещал вернуть. Астраханский воевода предложил потребовать сыска рухляди, а посаженных в тюрьму казаков отпустить на поруки[26].

Астраханский воевода указал Терским, чтоб Чебана мурзу через Терек не пропускать и от Чебана мурзы потребовать кочевать с улусами под Терским городом, а к Астрахани не идти, пока калмыки не уйдут на свои старые кочевья. В Терской [потребовали] дать аманатов. Чебан мурза ответил согласием на эти предложения, если из-под Астрахани Би мурза жен и сына его Тударыка вернет[27].

В декабре татары улуса Чебан мурзы (их было 20 человек) близ самой Астрахани захватили юртовских татар, связали и перевезли к себе в кош. Там оказались и другие татары. В 30 верстах от Астрахани захватили 2 новокрещен с пищалями, одному отрубили голову топором. Пищали и убитый были доставлены в Астрахань[28].

Можно было предвидеть дальнейшее осложнение положения в связи с уходом части ногайских улусов за реку Терек. Астраханские воеводы, очевидно, по согласованию с Москвой решились на более энергичные меры для обуздания слишком инициативного Чебан мурзы.

---

[24] Там же. Л. 4.
[25] Там же. Л. 4, 5.
[26] Там же. Л. 10—11.
[27] Там же. Л. 13—16.
[28] Там же. Л. 18—19.

На Терек были отправлены стрелецкий голова Борис Ермолов и 3 сотника стрелецких, до 500 стрельцов, с ними едисаны, ногайские и юртовские татары — 1100 человек[29]. В начале января 1651 г. Б. Ермолов со стрельцами и другими ратными людьми пришел в Терской город и в тот же день отправился вместе с Муцалом Черкасским и его узденями и другими мурзами против Чебана мурзы. К «терским де гребенским» казакам был послан приказ идти «в сход» на Царев брод[30]. Б. Ермолов сообщил, что 8 января он сошелся с Муцалом Черкасским и Андреевским Каганалп-мурзой[э]. Услышал, будто Чебан мурза пошел за реку Койсу к морю на Аксайскую степь[31ю]. Сведения оказались неточными. В тот же день к вечеру из артаула сообщили, что Чебан мурза «со своими людьми стоит на берегу у Койсы реки з знамены» и говорит, что он с государевыми ратными людьми биться готов. У р. Койсу произошла перестрелка из луков и пищалей, но, увидев государевых ратных людей, Чебан мурза в тот же день бежал к шевкалу Суркаю. Муцал Черкасский 9 января перешел р. Койсу. Сам Чебан мурза со своими улусы кочует «в окопи». Стада свои он отдал Суркаю, и тот укрыл их за своими «кабаками» в Кунтаркалы[32]. На требование Муцала Черкасского выдать Чебана мурзу шевкал Суркай отказал: «выдать ему его не уметь», да и шах указал ему: «велел ево оберегать и за нево стоять от твоих государевых и ото всяких людей»[33]. Муцал Черкасский в своей отписке в Терской город сообщал, что Чебан мурза в бегстве «пометал скот и ясырь и верблюды», 325 женок и ребят, 60 верблюдов и 7 человек татар[34].

Позднее выяснились некоторые подробности этих событий. Чебан мурза, узнав о наличии государевых ратных людей, в панике бежал за реку Койсу: «плавили реку во многих местех не по бродам, где хто поспел». А Ивана Доможирова (с ним толмач Василий Зиновьевский), посланного (с ним 10 человек стрельцов) для уговора кочевать под Терским городком и дать аманатов, держали за караулом[35]. Если бы государевы ратные люди поспешили, то легко могли бы захватить Чебана мурзу даже под Тарками. Чебан мурза скрылся с шахом и не оставлял своего намерения бежать в Крым. Для охраны реки Терека, так как он зимой переходим в любом месте, в Терской город были посланы в дополнение стрелецкий голова из Астрахани Петр Веревкин «с приказом, да детей боярских из верховых городов и астраханцов семнатцать человек, да нагайского Ямгурчея мурзу куйкувата Янмаметева з братьею и с племянники, да едисанских и юртовских молодых мурз, а с ними улусных людей две тысячи человек»[36].

По требованию астраханских ратных людей и стрельцов Муцал Черкасский разделил взятый в столкновении ясырь: Борису Ермо-

---

29 Там же. Л. 20.
30 Там же. Л. 23.
31 Там же. Л. 24.
32 Там же. Л. 25.
33 Там же. Л. 26.
34 Там же. Л. 28.
35 Там же. Л. 31.
36 Там же. Л. 38.

лову и всему приказу кормить и для береженья 107 человек, терским головам и детям боярским и другим тоже 107 человек, табунным головам и узденям — 110 человек. На три доли под ясырь разделили верблюдов (60). Лошади от бескормицы пали, рогатую скотину ратные люди «приели». Родство — ясырь (лучших людей матери, жены, братья, сестры и дети) из улусов, кочующих под Астраханью, будет возвращен[37].

Чебан же мурза [ждал на выручку крымских и калмыцких людей][38].

По позднейшим сведениям, улусам Чебан мурзы удалось скрыться, они кочевали в горах в Буинаках, в Утемышевых и в Карабуваках, и в Жигутеях[39].

Одновременно началось движение в калмыцких улусах. В январе 1651 г. из калмыцких улусов возвратились астраханец Дмитрий Ефимонов и толмач Андрей Герасимов. Дайчин тайша и Санжин тайша прислали своих послов и отпущенного ими полонянника астраханского стрельца Федора Иванова. Послы говорили, что калмыки готовы быть в мире и в совете и старого не вспоминать. Впредь подобного больше не будет. Пленных они обещали вернуть, когда будут возвращены их люди. Выразили они и готовность идти войной на государевых ослушников. Воевода поставил ряд условий и требовал подтверждения их шертью. Послы отвечали, что без повеления Дайчина тайши шерти принести на указанных условиях не могут (уйти за Яик, ногаев и весь русский полон вернуть и т. п.)[40]. 11 января послы шертовали в подданстве и в службе. В улусы для принятия шерти были посланы астраханец Яков Ушаков и толмач Дмитрий Аксенов[41].

Еще до получения шертования в улусах 12 января, как сообщали воевода кн. Михайло Пронский с товарищем, Лаузан тайша пошел за Волгу. Он форсировал ее между Царицыном и Черным Яром, а людей с ним калмыков и татар с 4000 человек. Шли на речку Сарпу «для зверовья», [хотел идти] к Дону и за Дон для конского отгона. В улусах говорили разное, что Лаузан тайша пошел будто бы по призыву донских казаков; иные говорили, что Лаузан тайша хочет идти в горы «отмеща кровь отца своего Урлюкая и братьи своей»[42].

16 февраля юртовский татарин, приехавший из калмыцких улусов, сообщил, что по крымской стороне повели калмыков «изменников» [Лаузан тайша], Салтаналы мурза Аксакельмаметев (из рода Тинаметевых) потому, что казыевских мурз Уроковой половины [улусы] кочевали за Доном вместе с Урмаметевыми меж Перекопом и Доном за рекой Калмиусами. Но Урмаметевы через перебежчиков, узнав об этом, скрылись за Перекопом. Сам Лаузан

---

37 Там же. Л. 44.
38 Там же. Л. 46.
39 Там же.
40 Там же. Л. 55—61.
41 Там же. Л. 62, 70.
42 Там же. Л. 75.

тайша и Салтаналы мурза остановились "на въезде" у Перекопа. Большую половину своих людей послали за Перекоп. Против них выступили Урмаметевы и Ураковы ногайские татары, а крымцы со своими царевичами пошли против Лаузана тайши и Салтаналы мурзы. Калмыки, вошедшие в Крым, были «все побиты». Не имели успеха калмыки под предводительством Лаузана тайши и Салтаналы мурзы, о чем сообщил в [калмыцкие] улусы прибежавший туда Аллачуват мурза Акимбетев (племянник Салтаналы мурзы)[43].

Был слух, что одновременно ходил на трухменцев Мамсрен тайша, но потерпел поражение в горах.

13 марта 1651 г. в Астрахань вернулся Карасаин мурза Яштереков из-за Терека, а с ним 22 [человека] улусных людей. Урак мурза Шигимов, племянник Карасаин мурзы, остался в Андреевой деревне (Эндери), дожидаясь улусных людей, захваченных Чебан мурзой[44].

Для проверки сведений о походе Лаузан тайши астраханские воеводы послали к донским казакам сотника стрелецкого Петра Балакирева. Вернувшись 2 мая, он сообщил со слов казаков, что Лаузан тайша приходил с 15 000 человек (как сильно расходятся цифры!). По ногайской стороне под Азовом громил небольшие татарские улусы и донских казаков «зверовщиков» и «гулебщиков» (взял 13 человек) и под верховыми [казачьими] городками учинил большую «шкоту». Он переходил и на крымскую сторону, где громил крымских людей[45].

Лаузан тайша в 1651 г. кочевал за Яиком. С ним кочевал Салтаналы мурза Аксаккелмаметев, участник похода под Крым. Летом калмыки вернулись на астраханскую сторону и стали кочевать по Яику и на урочище Камыш-Самаре[46].

В том же 1651 г. мурзы [Больших ногаев] сделали попытку хотя бы внешней консолидации орды. Воеводам была подана челобитная мурзами едисанским, ногайскими, юртовским о пожаловании княжеским званием Алея мурзы Сатыева (Урусова) за его службу и старость: «старее и честнее» этого мурзы у нас нет, писали челобитчики. Били челом об этом Янмамет мурза Янаев (Тинибаев-Тиникеев), Ян мурза Абдулов (Тиникеев-Тинбаев), Салтанаш мурза Аксаккельмаметев (Тинмаметев), Янгурчей (Ямгурча) мурза кейкуват Янмаметев (Тинмаметев) и юртовские табунные и кирпичные татар табунные головы, сотники и десятники и все черные люди. Последним князем в орде был Канай мурза Тинбаев (умер в 146 г.). С тех пор в орде князя нет[47].

В том же году астраханские воеводы сделали попытку установить сношения с малыми ногаями, подчинить их русскому подданству. Попытка эта связана была с обнаруженным калмыками намерением распространить свою власть на малых ногаев, а так-

[43] Там же. Л. 76—77.
[44] Там же. Л. 131.
[45] Там же. Л. 174—175.
[46] Там же. Л. 198—199.
[47] Там же. Л. 193—194.

же с подготовкой войны с Польшей. Русское правительство хотело мобилизовать все военные силы, которые могли быть использованы в войне.

В июле 1651 г. астраханец Федор Юдин и толмач Афанасий Борисов были посланы астраханским воеводой князем Михаилом Пронским в Казыев улус к Арсланбеку мурзе Каспулатову (улусы Касаевой половины) для приведения их к присяге московскому государю. В августе (16) они обнаружили ногайские улусы на реке Кабане (Кубань). Были приняты с честью. Арсланбек мурза с братьями и племянниками принесли шерть государю и согласились кочевать у вершин реки Кумы между Астраханью и Тереком. При Юдине Арсланбек откочевал от р. Кубани к реке Куме и к Пяти горам[48]. У него было 12 000 улусных людей. В это время через реку Кубань из-под Крыма перешел Девой мурза с братьями и детьми и всеми улусами (до 4000 человек) и сел под Кабардой «в полднище» и тоже принес шерть[49]. (Девой мурза, по-видимому, принадлежал к Ураковой половине мурз ногаев.) Кочевать в Мочаках близ Астрахани, чего добивались астраханские воеводы, [отказались] «для опасенья» калмыков.

В конце 1651 г. в Малые ногаи были посланы Алексей Дернов и толмач М. Герасимов. Оба посольства, Ф. Юдина и А. Дернова, собрали разнообразные сведения о состоянии дел у ногаев и среди всех смежных народностей.

Малые ногаи находились в тесных отношениях с кабардинскими мурзами Алегуком и его братом Хотоджуком. В то же время из-под (Касевы половины) Темрюка на сю сторону р. Кубани прикочевал Навруз мурза и стал кочевать под Пяти горами. Все указанные выше мурзы единодушно осуждали поведение кн. Муцала Черкасского, что он их отгоняет от милости государя «и ставит везде себя, а государского имени нам не славит». Казыевские все мурзы, малого ногая и горские кабардинские черкасы, абазинцы и бесленейцы[a] и кабардинский владелец Хотоджук говорили, что ссора и волокита от кн. Муцала и впредь бы ему, кн. Муцалу, ни в чем веры «не нять»[50].

Наконец стало известно, что Чебан мурза «убегом ушел в Кабарду». Чебан мурза узнал, что князь Муцал Черкасский «что жен ево... Чебановых и дочерей имал... к себе на постелю и их позорил». Чебан мурза поехал к Нарузу мурзе ногайскому и далее в Крым, он заезжал в Азов. Крымский хан хотел ему дать людей под Терек, но люди отказались идти, мотивируя тем, что лошади у них от литовского похода «худы». В августе улусные люди и Арсланбек мурза подтвердили о приезде в августе Чебан мурзы к крымскому хану[51]. Так закончилась история бежавшего из-под Астрахани ногайского мурзы и всего его улусу.

Алексей Дернов, бывший в Малых ногаях в конце 1651 г., подтвердил сведения о походе Лаузан тайши (с улусными людьми

---

48 Там же. 1651 г. Стб. 2. Л. 48—50, 71.
49 Там же. Л. 58, 60.
50 Там же. Л. 67.
51 Там же. Л. 51, 52, 53.

10 000 человек). Тайша подходил к Крыму и на крымской заставе убил двух мурз Мансуровых и всех людей, бывших на заставе, убили и отогнали 40 000 лошадей, пастухов побил. Лаузан тайша стоял у Перекопа с сутки и, собрав всех улусных людей из загонов, пошел к себе в улусы. С Лаузан тайшой приходил Масрен тайша (сын Дайчин тайши), а с ними было тысяч с десять. На четвертый день приходил к Перекопу крымский царевич нурадын. На восьмой день прибыл сам хан, но за калмыками в поход не пошел. Улусы Мансыровых и Уракмамаевых и Урмаметевых, сидевших в крепких местах у моря, были загнаны в [Перекоп под] Крым и расписаны все порознь по табунам. Ссылаясь на нападение калмыков, хан отказался выполнить указ султана о походе на волохов[52].

В 1651 г. Яков Ушаков и толмач Алексеев были посланы к Дайчин тайше для договора и для разведки о построении городов по Яику.

Ушаков сам досматривал, а где не мог, то разведывал. Сведения, собранные им, сводились к следующему. Он предлагал от Яицкого каменного городка вверх до Индерских гор (лошадьми 3 дня пути) поставить город. Тот город надлежало привезти готовым на судах по Яику в течение 3-х недель, потому что леса здесь нет. Здесь временами живут казаки от 40 до 100 человек, торгуют с калмыками. До Чеганского нижнего устья лес большой, где быть городу. А для привоза хлеба из того леса делать суда большие. От того места до Самары 5 дней пути, и хлебные запасы зимним путем можно возить из Самары на санях. Богдан Змеев, ходивший к яицким казакам, поспел с Самары на Яик в 6-й день. А с бухарской стороны против Чаганского устья текла речка Барбашевка. А прежде этим путем приходили бухарские и юргенчские люди на Самару торговать большими караванами, человек по 500 и по 600, и тот путь запустел от калмыков. А от Чегана до Илека 3 дня, место лесисто и угоже, и на том месте быть городку. А от того места до Чертовского, что бывал казачий городок, а от Чертовского до Уфы степью лошадьми 2 дня. А до Сакмары от Чертовского — день, и на том месте у Сакмарского устья быть городку. А от того места по Сакмаре реке в расстоянии дня кочуют башкиры и пашни пашут. А как у Сакмары будет город, и калмыки отойдут и пашни пахать у Сакмарского города можно. А все те города станут по Яику на ногайской стороне, и государевым людям, которые в тех городах будут запасы возить с Сакмары до Чеганского города зимнею порою санями, а езды будет 5 днищ. А от Чеганского города отпускают запасы вниз по Яику в Индерский город в судах, а суды делать в Чеганском городе. Привезти хлебные запасы можно из Чеганского города в Индерской вниз по Яику в 10 дней. А вверх по Илецкой и в Сакмарской город от Чеганского города в судах возить невозможно, потому что вода мелка и путь тяжел. При Ушакове к Дайчин тайши с данью и «окупать ясыр свой громленнай» приез-

[52] Там же. Л. 65—66.

жали трухменцы. Те трухменцы говорили, что если калмыков отогнать, то они бы из Бухары и Яргенчей приезжали с товарами в Яицкий городок и в Астрахань[53].

Дайчин тайша своим послам в Астрахань не давал указания о мирном договоре, «разве что брат приказывал Лаузан», «брат де мой человек вольной» и его, Дайчин тайшу, «ни в чем не слушает»[54]. Дайчин тайша, узнав о проекте построения городов, решил поставить в этих местах заставы по 1000 человек в каждой[55].

Сююнч мурза Абдулов (Тиникеев) поддержал проект построения городов: они, ногаи, кочевали бы под теми городами и над калмыками тогда «промысл учинить будет мочно»[56].

В 1654 г. астраханский воевода князь Иван Пронский с товарищи настаивал на присылке воинских людей от малых ногаев и ногаев кабардинских: от Алегука и Хотоджука — 1000 человек, Навруз мурзы — 1000 человек, Арсланбек мурзы — 800 человек, Девой мурзы — 200 человек. Воинским людям собраться в Терском городке к воеводе Андрею Лазареву. Мурзы решительно отказались выполнить это требование. Они высказывали опасение к калмыкам и сами просили о присылке для защиты от них ратных людей[57]. Было и более общее соображение — Арсланбек мурза говорил: «И мы, и предки наши никогда ратных людей не давывали и в шерти того не было». Если крымский царь узнает, что мы дали ратных людей, он нас разорит «одним днем: какая вам прибыль будет, что вы нас дадите крымскому на съедение»[58]. Сведения, полученные из ногайских улусов, показывают, что крымцы как раз в это время собирали дань не только с Малых ногаев, но старались откупиться от них Алегук и Хотоджук, темиргойский владелец, бесленейские и абазинские владельцы.

В 1654 г. посылавшиеся в ногайские улусы астраханцы и стрелецкие сотники установили, что среди татар «шатость и молва большая». Такое состояние связано было с началом войны с Польшей; с попыткой русского правительства мобилизовать на войну ногаев, а с другой стороны, с попыткой крымского хана направить татар против государевых украинных городов. В отписке астраханского воеводы в Москву со станичником астраханцем Богданом Северовым ногайские мурзы, высланные на службу Янибек мурзы, Эл (или Ил мурза), и Сеитей мурза Янмаметевы, братья, мурза Ислам, мурза Чубармаметев. Все они из рода Тинмаметева, вместо государевы службы пошли от Астрахани прочь. Однако из их числа Сеитей мурза, Яныбек мурза и Эл мурза с их улусными людьми и со всеми своими животы вернулись к Астрахани и кочуют по-прежнему в Мочках. Яныбек мурза даже дал в Астрахань в аманаты своего сына Кучук мурзу. Очевидно, настроение в ушедших от Астрахани улусах было колеблющимся. Так, Ислам мурза Чубармаметев с молоды-

---

53 Там же. 1651 г. Стб. 3. Л. 31—34.
54 Там же. Л. 21.
55 Там же. Л. 27.
56 Там же. Л. 29—30.
57 Там же. 1654 г. Стб. 1. Л. 34—39, 43—48, 56—60, 70—71.
58 Там же. Л. 72, 74.

ми мурзами и с ними 30 человек улусных людей ушли за Терек к Андреевскому Каганалп мурзе, Мангутову, Яныбек мурза, начавший было кочевать в 2-х днях пути от Астрахани в Бамачаках, собрался идти к Терской стороне, но был удержан и возвращен. Терскому воеводе было послано предупреждение на бродах на Тереке расставить заставы и ногаев на кумыцкую сторону не пропускать. Ислам мурза в Малые ногаи не шел, но к Астрахани не вернулся[59].

В мае через Муцала Черкасского и русских посыльных [стало ясно], что в улусах было получено указание от крымского хана всем быть готовыми к походу. Потом выяснилось, что имелся в виду поход под государевы города. Из Москвы было предложено по возможности перевести ногаев на ногайскую сторону Волги. Но ногаи считали это невозможным из-за недостатка корма и из опасения калмыков[60].

[Этот же сюжет] не менее интересен в сообщении статейных списков посланных из Астрахани астраханца Федора Юдина и толмача Ивана Макеева в Кабарду. Посыльные, явившись в Кабарду, потребовали на государеву службу от Алегука и Хододжука 1000 ратных людей, от Навруз мурзы — 1000 чел., от Арсланбек мурзы — 800 чел., от Девой мурзы — 200 чел. и всех ратных людей присылать в Терской город к Андрею Лазареву и к Андрею Плещееву. Требование не заключает ничего нового. В мае посланцы узнали о переписке Алегука и Навруза мурзы с крымским ханом о дани и ратных людях против калмыков. От Алегука в его улусах брали ясак в количестве 130 человек ясыря, кроме аргамаков, панцирей, сабель[61]. Тогда же в улусах Навруза мурзы узнали, что польский король помирился с ханом[62]. Там же стало известно, что Уракмамаевы улусные люди и мурзы вместе с Урмаметевыми, перейдя Днепр, кочуют близко от Б. Хмельницкого. Крымский хан потребовал, чтобы ногаи возвратились и кочевали ближе к Крыму. Татары отказались, мотивируя боязнью калмыков. Чебан мурза со своими улусами кочует вместе с Наврузом мурзой[63]. На новое требование ратных людей (от астраханца Михайлы Зверовщикова) ногаи отказали, потому что хан их разорит за это, да и калмыки им «больше недруги»[64]. Остальные сведения касаются похода крымцев на короля и о приглашении крымского царя Б. Хмельницким в поход на короля, а крымским царем на государевы города и что Навруз мурза приглашается «над всеми ратными людьми быть большим полководцем»[65].

В 1656 г. в ногайские улусы вновь был послан [Алексей Дернов] к Салтанаш мурзе Аксаккельмаметеву мурзе, Ислам мурзе, Чумбармаметову за принесением шерти и о возвращении к Астрахани. [Мурзы] сказали, что они и рады бы, да нельзя, что пора

---

59 Там же. Л. 2—7.
60 Там же. Л. 8—13.
61 Там же. Л. 24—28, 34—40.
62 Там же. Л. 29, 40.
63 Там же. Л. 41.
64 Там же. Л. 42—47.
65 Там же. Л. 50—53.

скудная, корм под Астраханью не припасен, а кочевать под Астраханью в степи [из-за] воровских людей не смеют. Мурзы объясняли [еще] свой отход от Астрахани моровым поветрием[66]. Дернов говорил, что вернуться надо весной рано. В том мурзы перед ним дали шерть[67]. Дернов упрекал мурз, что, приходя под Астрахань, их люди татар и русских людей на учугах побивают и в полон емлют и они бы захваченных людей сыскали и вернули, а участников нападений наказали. Мурзы сказали, что они сделать это рады[68]. Дернов слышал, что Чебан мурза убил сына Шатемир мурзы Кара мурзу, почему сидит у крымского хана в заключенье, а улусом владеет Дударык мурза (Би мурза), брат Чебан мурзы[69]. Дернов Алексей вернулся из улусов в октябре 1656 г.[70]

В Казыев улус ездил подьячий Иван Колесников и толмач Дмитрий Алексеев в 1657 г. На верховьях реки Кобани съехал Арсланбек мурза Казпулатов. Мурза уверял его в верности. Весной пришлет в аманаты своего сына. В улусах Иван Колесников проведал, что тайша Дайчин требовал от Арсланбек мурзы аманата и дани. Мурза согласился. Из Крыма Арсланбек узнал от Навруза намерение [крымского] хана идти с Чебаном, как лед станет под государевы городы... Арсланбек мурза сообщил, что весной Дайчин тайша посылал своих послов в Крым. Мурза сказал, что у вершин реки Кобани «для крепости своей» поставил каменный городок. Всего с мурзой и с его братьей больше 10 000 чел. улусных людей[71].

В марте 1657 г. принесли шерть Дайчин тайша, Мончак тайша [и другие калмыцкие тайши]. Дали в аманаты Маначакова шурина[72].

В отписке астраханского воеводы кн. Дмитрия Львова во второй половине 1658 г. сообщалось, что енбулуцкие, едисанские и ногайские мурзы выразили согласие вернуться под Астрахань. В конце года под Астраханью собралось мурз с улусными людьми (маозы) Катемир мурза и сын его Шатемир мурза Тинбаевы, Казы мурза Алеев сын Сатыев-Урусов (Яныбек мурза Алатуев(?)), Ямгурчей мурза Янаев Алатуев(?), Уш мурза Би мурзин сын Тинбаев, Урак мурза, Кан мурза(?). Всего привели с собой 244 улусных человека и 19 русских полонных людей.

В 1658 г. астраханский воевода кн. Дмитрий Львов посылал за Терек степью толмача Дмитрия Аксенова к Салтанаш мурзе Аксаккельмаметеву и к Ямгурчей мурзе Янмаметеву с призывом вернуться под Астрахань. Вторично посылал к тем же мурзам юртовских татар. В декабре те татары вернулись и сказали, что они «съехали» тех мурз с их улусами в одном [дне] пути от Терека. Мурзы сказали, что они жалованья не получали «и аманатов давать не для чего и они перед другими мурзами оскорблены». Просят прислать к ним доброго дворянина с жалованьем...[73] Сейчас

---

66 Там же. Л. 1—2.
67 Там же. Л. 3—4.
68 Там же. Л. 5—6.
69 Там же. Л. 7—8.
70 Там же. Л. 10.
71 Там же. 1657 г. Стб. 2. Л. 1—8.
72 Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1657 г. Стб. 1. Л. 19.
73 Там же. 1659 г. Стб. 1. Л. 14—18.

они кочуют под Терским городком, а под Астрахань они идти боятся. В своем листе, посланном с теми юртовскими татарами, мурзы писали, что в прошлом году на них приходил Чебан мурза и с темрюки, и с казыевцами. Салтанаш мурза соединился вместе с кумыками. 4 человека были убиты, 1000 лошадей взято. [Сообщили, что к Москве идет] крымский хан. Пошли в поход 12 000 человек крымских татар «с королевской ратью»[74].

Перевод с ногайского письма: челом бьет «Абдулла князь з братьями и з детьми, да Сююнч мурза з братьями и з детьми... да Салтанай мурза, Дестя мурза, Енмамет мурза, да Джан мурза, Салтанай Мурат мурза, Абазлей мурза, Навруз мурза, Хан Булат мурза челом бьют». Кочевали по Волге, жалованья им не стало, «в холопстве видеть учал не вдобре, и мнил недругом». «Да буди ведомо — Шамамет мурза, да Арслан мурзин сын мурза, Юсуп мурза, да Карашай мурза, да Исмаил мурза со всеми мурзы енбулуки... для чего нас в холопство не взяли и жалованья не стало?» Да Салтаналы мурза, Казбулат мурза, Бек мурза (Юнусов Тинмаметев), Адине Кучук мурза, Аллакуват мурза, Якшисат мурза, Маметь мурза с братьями и с детьми тоже удивляются, что нет жалованья. Магмет мурза Келегаской, ислам мурза, Атиш мурза (Ямгурчеев?) «И... четыре родства Исмаловых князя дети все единомысленно великому государю бьем челом». «Да буди государю ведомо, что меньшой воевода и архипископ меж государя и нами лживые слова говорит и за те лживые слова меж нами остуда учинилась. И ныне б тем лживым словам, государь, и вы, воеводы, не верьте. А только лживым таким словам учнете верить, и меж нами остуде быть...»[75]

Глава четвертая

РОССИЯ И ТАТАРЫ В 1659 Г. КОНОТОПСКАЯ БИТВА. ВТОРЖЕНИЕ ХАНА В МОСКОВСКУЮ УКРАИНУ

Избрание Ивана Выговского гетманом состоялось вскоре после смерти Богдана Хмельницкого (умер 27 июля 1657 г.), примерно через месяц (24—27 августа). Избрание Ивана Выговского сразу же вызвало оппозицию среди казачества. Эту оппозицию возглавили полтавский полковник Мартын Пушкарь и кошевой атаман низового казачества Яков Барабаш. Поскольку эти события выходят за пределы нашей темы и уже были предметом изучения, мы лишь кратко коснемся их. Новому гетману сразу пришлось принимать решительные меры, чтобы укрепить свое положение. Действия Ивана Выговского по укреплению своего положения в 1657—1659 гг. увенчались успехом. Он заручился поддержкой хана и султана. Новый гетман быстро подавил движение Я. Барабаша и

[74] Там же. Л. 20—22.
[75] Там же. Л. 41—43.

восстание под руководством Мартына Пушкаря. Две основные причины, кажется нам, следует привести для объяснения этого. Во-первых, Иван Выговский объединил огромное большинство казачьей старшины. Иван Выговский говорил, что он не хочет, как Богдан Хмельницкий, утверждения московской власти в украинских городах (воевод), а хочет сам владеть ими. Большинство полковников решительно поддержали его в этом. Вторая причина заключалась в том, что русское правительство было ослеплено и не поддержало противников Ивана Выговского, а, напротив, согласилось с толкованием Ивана Выговского, что это движение было проявлением своеволия и смуты, которую оно считало необходимым подавлять, подобно тому как оно считало необходимым это делать в России. Ивану Выговскому помогла классовая [ориентация] русского правительства, которое собственными руками предало Ивану Выговскому его врагов Я. Барабаша и М. Пушкаря.

Дальнейшие действия Ивана Выговского были направлены прямо против русского правительства. Пока оно разбиралось в новой ситуации на Украине, оно уже имело перед собой полностью мобилизованные силы запорожского казачества, объединенные с огромной ратью татар. [И] потерпело поражение под Конотопом от татарского хана, какого еще ни разу не пришлось ему терпеть в XVII в.

Поскольку Иван Выговский сразу же и решительно ориентировался на польское правительство и Турцию, то союз и поддержка Крыма были ему обеспечены. Крым уже давно ожидал удобного момента возобновить вмешательство в дела Украины, которое обеспечивало ему крупную добычу на долгий срок. Московские посланники, находившиеся в это время в Крыму,— Яков Якушкин и Гаврила Михайлов, уже зимой 1657/58 г. знали о сношениях Ивана Выговского с ханом Магмет Гиреем. 28 февраля 1658 г. к ним на стан заезжал кн. Маметша Сулешев и сообщил: «Для того де прислал писарь [Иван Выговский] гонцов своих, трех человек, что им быти с крымским царем по прежнему своему договору, как было при Хмельницком заодин и для того договору прислать к ним верного своего писаря с черкасы, которые ему послушны, договор и шерть учинить и, договоряся, итти им сообща на нижние их черкасские коши (на Якова Барабаша), чтоб их разорить. А он де, писарь с запорожскими черкася, которые ему, писарю, послушны, от московского государя отложился. А про то де ему, писарю, ведомо учинилось впрямь, что великий государь низовым черкаса жалованье посылает, "чтобы им промысл учинить и над ним, писарем, и над ево черкасы, чтоб его, писаря, разорить и под государеву руку в подание подвесть. И ныне тот писарь, убоясь тово, хочет над ними над самими, сложась с крымскими людьми, на тех кошевых черкас итти войною. И они де, низовые черкасы, збираютца многие люди из Запорог и з Дону"[1] для заключения договора и шерти и был послан князь Караш бей (Ширинский). А им де крымским людем, те низовые черкасы грубны за то, что они, низовые черка-

[1] Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1657 г. Стб. 14. Л. 156—157.

сы, приходили под Перекоп войною и многие ногайские улусы повоевали и в полон поимали». Несколько позднее кн. Караш сообщил переводчику Кутломаметю Уст-Касимову, что он был у Ивана Выговского и заключил договор, чтоб ему с крымским царем быть в дружбе. Договор касался совместных действий против отложившихся от писаря казаков и о подданстве Выговского у хана «так же как Богдан Хмельницкой». «А крымской де царь на него, писаря, войною не ходил и своих людей не посылал, жил с ним в совете и в любви». При нем же Караш мурзе в Чигирине был от [турецкого царя] Салтана чауш, чтоб крымский царь был с черкасами в мире. Чауш заезжал к Выговскому по пути в Крым, куда его посылал султан. Иван Выговский сказал Караш мурзе, что он не хочет принять московских воевод в черкасские города, и он, Выговский, «у воевод под началом быть не хочет, хочет теми черкасскими городами владеть сам так же, как владел гетман Богдан Хмельницкий»[2].

К весне 1658 г. около Чигирина скопилась масса татар. Мартын Пушкарь определял численность татар в 40 000 человек. Они готовились к переправе через Днепр. Сам Выговский с значительным войском стоял в Жовнине. Он же распоряжался переправой татар через Днепр, которая происходила в нескольких местах: под Кременчугом, у Максимовки и Сокирой[3]. Едва ли возможно было себе представить, чтобы татары не использовали положения для нападения и грабежей. Разгром восстания М. Пушкаря в июне 1658 г. и его сторонников развязывали татарам руки, но их самочинные действия встречали отпор. Слыша со всех сторон жалобы [казаков], Иван Выговский не противодействовал [их борьбе] с самочинными действиями татар. Так определяет поведение Выговского Н. И. Костомаров[4]. Неопределенное положение сохранялось до окончательного разрыва с Москвой после договора с Польшей 18 сентября на раде под Гадячем[a1]. После этого Иван Выговский во главе своих войск достиг границ Русского государства; впрочем, в этом случае Выговский утверждал, что имеет в виду лишь изменивших ему казаков.

В «Дневной записке», составленной в Разрядном приказе, перечислены потери, причиненные татарами, поляками и черкасами в течение 1658—1665 гг.

23 августа к городу приходили крымские и ногайские татары и черкасы к Недригайлову и на посаде 2 человека ранили, стада животинные отогнали и в уезде село Ольшанку разорили, многих людей побили и ранили и хлеб всякий потравили, потолочили и пожгли[5]. 1 сентября приходили татары и черкасы, «многие люди из полков Ивана Выговского под Каменное войною и на бою убили 2

---

2 Там же. Л. 160—161.
3 Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 41 (5857). Л. 223—232.
4 *Костомаров Н. И.* Собр. соч. СПб., 1903, Кн. 1. С. 345—346.
5 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1658 г. Стб. 14. Л. 5.

человека, конские и животинные стада отогнали»[6]. То же самое татары учинили под Олешней, «всяких чинов людей в полон поимали»[7]. 10 сентября пришли под Каменное татары с черкасами, и со многими воинскими людьми город осадили, и посад отняли и стали под Каменным таборами. С 10 по 19 сентября татары и черкасы конные и пешие многие люди приступали к Лебяжью, посад выжгли, многих лебединских черкас побили и в полон поимали и стада отогнали. Да Полтавского полка села и деревни татары и черкасы «жгут и людей побивают»[8]. 23 сентября приходили под Карпов татар с 300 человек «и больше и на посаде многих людей побили и в полон поимали. Олешинский, Валковский, Хотмышский и Карповский уезда "безвыходно воевали и людей побили, в полон имали и многие места разорили"[9]. Да под Каменное ж де приходили татаровя с ызменником» Иваном Выговским, и черкасы к Каменному приступали, и на приступах побито каменновцев человек с 30[10]. 7 октября из Белгорода от Г. Г. Ромодановского было получено сообщение о том, что стоит под Каменным гетман Иван Выговский да с ним же салтан... да с ним же Карачий мурза (Карач бей Перекопский), да Маметша князь Сулешев, да сын его Батырша мурза, а с ним 40 человек собираются приходить под другие украинские города[11]. 8 октября из Хотмышска от воеводы Истомы Сухотина получено сообщение, что 16 и 20 сентября приходили в Хотмышский уезд татары и черкасы, села и деревни воевали, а приходили они по «присылке» Ивана Выговского. Тогда же приходили в Валковский уезд (вероятно, Вольновский), «и вольновцов детей боярских и иных всяких чинов людей побили, а иных взяли в полон»[12]. Того же числа Истома Сухотин сообщил, что 20 сентября татары и черкасы приходили в Хотмышский уезд, меж Карпова и Хотмышского села и деревни повоевали[13]. 17 октября из Белгорода сообщали, что татары и черкасы Колонтаев «обвоевали», хлеб на поле и в гумнах весь пожгли. Городенский острог взяли и весь разорили. Не доходя Ахтырки на реке Густине в Новой черкасской слободе «татары и черкасы воюют и черкас побивают»[14]. В октябре же Г. Г. Ромодановский сообщил по отписке из Вольного, что пришли крымские татары и черкасы, пасеки многие разорили «и пасечников посекли и в полон поимали»[15]. 10 декабря, по-видимому, повторяя уже сказанное выше, приказный человек Алексей Бовыкин сообщил, что в 1658 г. в разных числах приходили много раз под Олешню полки Выговского, татары и черкасы, животину отогнали, приступали к Олешне «не поодно» время, посад весь и гумна и «всякий хлеб» пожгли и на «поле потравили»[16].

---

6 Там же. Л. 2.
7 Там же. Л. 1.
8 Там же. Л. 3.
9 Там же. Л. 2.
10 Там же. Л. 2—3.
11 Там же. Л. 3.
12 Там же. Л. 4.
13 Там же.
14 Там же. Л. 4—5.
15 Там же. Л. 5.
16 Там же. Л. 6.

В январе-феврале 1659 г., по данным той же «Дневной записки», война в пределах Русского государства приостановилась и сосредоточилась в уездах и городах Украины (Колонтаев, Лохвица, Сорочинцы, Ряшевка, Савичи), везде воюют села и деревни[17].

Словом, под руководством татар черкасы, подчинившиеся Ивану Выговскому, получили первые уроки погромов и грабежей не только московской Украины, но и городов и сел своих же черкасских городов и уездов.

Победа Ивана Выговского над Пушкарем и расправа над Яковом Барабашем не погасила восстания; напротив, оно расширилось и находило новых сторонников. Заключение Гадячского договора с Польшей 18 сентября 1658 г. не означало еще его ратификации и реальной поддержки от польского короля. Русские войска во главе с Г. Г. Ромодановским, а затем во главе с А. Н. Трубецким вступили в борьбу с Иваном Выговским. Неудачна была попытка [Данилы Выговского (брат)] захватить Киев[18]. А. Н. Трубецкой начал осаду Конотопа, где засел полковник [Стефан] Гуляницкий, решительный приверженец Ивана Выговского. Длившаяся с 21 апреля до 29 июня, она оказалась безуспешной. Осаду пришлось снять[19]. Иван Выговский настойчиво требовал помощи от хана.

Отношения Крыма к Москве хорошо отражены в дипломатической переписке русских посланников Я. Якушкина и Г. Михайлова и вновь присланных в Крым Ивана Апухтина и Фирса Байкова. Последние имели более широкие полномочия. По-видимому, русское правительство уже поняло резкую перемену, происшедшую на Украине. Впрочем, о всем этом мы уже рассказали выше.

Посланники узнали, что 18 мая хан собирается в поход, а 19 его начал. 27 июня посланники были закованы в кандалы и посажены в яму[20].

Сохранилось несколько рассказов о битве под Конотопом; не входя в детали, можно восстановить общий ход сражения.

Начало его дано в рассказе толмача Терентия Фролова в Посольском приказе 22 августа 1659 г.: 20 мая «по многим присылкам изменника Ивашка Выговского крымской царь с нурадыном царевичем и с ыными царевичи и со всеми своими ратными людьми из Крыму пошел в черкасские городы, а с собою взял в поход ево, Терентья, одного. А в Крыме оставил калгу царевича»[21].

«А шол крымский царь в черкасские городы на Голтву[61], да з Голтвы под Конотоп. А с ним из Крыму пошло крымских татар, нагайцов и белогородцов, и азовцов, и темрюкских черкас с 60 000. А Турского де салтана воинских людей с ними не было; только де было енычар 240 человек, которые живут в Крыме. И с Выговским де сошлись до Конотопа за 2 дни по сю сторону Днепра.

---

17 Там же. Л. 7.
18 *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Кн. 1. С. 355—357, 369, 372, 379 и сл.
19 Там же, С. 381—387.
20 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 3. Л. 10.
21 Там же. 1659 г. Стб. 7. Л. 9—10.

И тут хан с Выговским договор учинил. И Выговский де хану присягал на том, что ему со всеми черкасы быть у него в подданстве и в соединении вечно и на всякого недруга стоять заодно.

И после договору и присяги хан на Выговского, да на 12 человек полковников положил кафтаны». «А с Выговским де черкас, и болгар, и венгер, и мутьянов было с 40 000, И соединяся с ханом, пошли под Конотоп». По-видимому, Терентий Фролов не имел возможности наблюдать хода боя, поэтому сражение было дано кратко. В этом рассказе упомянуто, что много начальных и рядовых ратных людей захвачено русских, до 5000 человек. Хан указал всех казнить. В живых будто бы были оставлены только князь Семен Петрович Львов и дворян и жильцов 5 человек. В том же рассказе Т. Фролова упомянуто о приходе к хану еще 30 000 крымских ратных людей. При отступлении «обозом» полка Алексея Никитича Трубецкого от Конотопа к реке Семи татары «над обозом ничего не учинили», а сами понесли большие потери: черкас с 3000 и татар с 500 человек убитыми[22].

Чтобы не возвращаться более к версии, изложенной Н. И. Костомаровым, укажем, что в битве пало 3000 русских[23].

Более достоверные данные сообщал атаман Иван Безпалый, который с 2000 черкас принимал участие в битве против Ивана Выговского и татар.

По указаниям Т. Фролова, хан после того боя указал окольничего князя С. Р. Пожарского и весь полон казнить. Семен Романович Пожарский лишился головы за то будто бы, что в прошлых годах (1646 г.) приходил с государевыми ратными людьми под Азов на царевичей[24]. Мотив возможный, но известно, что С. Р. Пожарский вел себя перед лицом хана крайне дерзко, как об этом говорят современники. Смелые и дерзкие примеры его столкновений с татарами были вообще известны[25]. Окольничий С. П. Львов [не был казнен], но вскоре умер в татарском обозе. Несмотря на указ хана об истреблении всех пленных, по крайней мере часть полона, а может быть и его значительная часть была укрыта татарами, не в интересах которых было его уничтожение.

В 1661 г. переводчик Абдул Байцын, бывший в Крыму с дьяком Иваном Татариновым, со слов Перекопского бея узнал, что взятых под Конотопом ратных людей разных чинов, которых укрывали татары, было человек с 400[26].

Отступление обоза А. Н. Трубецкого к реке Семе происходило под непрерывными атаками черкас Выговского и татар, стремившихся «разорвать» обоз и захватить значительный полон. Потери нападающих были велики, причем явно преувеличены — «на одной помычке (схватке) побито с 6000 человек» и что обоз будто бы пришел к реке Семе «дал бог здорово»[27].

---

22 Там же. Л. 11—15.
23 *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Кн. 1. С. 384.
24 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 13.
25 *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Кн. 1. С. 384—385.
26 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1661 г. Стб. 2 Л. 1.
27 Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28 (5839). Л. 232, 238.

Все упоминающееся в летописных источниках, использованных Н. И. Костомаровым, опровергается отчетными данными, представленными из полков в Разряд. Цифра павших в бою под Конотопом в 30 000 человек явно преувеличена, потому что едва ли общее количество русских ратных людей, участвовавших в битве, достигало такой цифры.

Посланцы Ивана Безпалого[в1], есаул Семен Черкес с товарищами, и сам Безпалый в письме 26 июля сообщили более точные и конкретные сведения о битве под Конотопом. Боярин А. Н. Трубецкой снял осаду Конотопа «для великой нужи, что всяким запасом в войске нужно было и голодно». Отступая от Конотопа, русское войско подверглось нападениям Выговского и татар[28].

Посланцы Ивана Безпалого, есаул Семен Черкес с товарищами, в июле показали в Посольском приказе о битве под Конотопом и подали письмо Ивана Безпалого. В основном сведения, и устные и письменные, совпадают. 24 июня стало известно, что Иван Выговский посылал «подъезд» под войска А. Н. Трубецкого. Посланцев допрашивали, как у государевых ратных людей с черкасы и с татары бой был на переправах на Сосновке и на Поповке, они на том бою были и, какими причинами государевым людям учинился упадок, виделй. «А упадок учинился по таким причинам». Ратные люди отошли от табора 7 верст, и переправу перешед, на табор и на немец ударили смело без опасу, потому что объявились люди не само большие, а больших не начаялись, и хотели тех людей снести. И на них-де пришли сзади хан со всеми татары и черкасы, откуда их не чаяли и с которой стороны не опасались, потому что на той стороне, откуда они зашли, переправа большая, болото великое, в длину того болота сколько верст и про то сказать не ведают, а поперег на версту, тем де и подманило, и ударились татары иные близко боярского обозу. Татары «безвестно подъезд вашего царского величества со всех сторон обступивши побили». «Насилу, государь, через войска Выговского и татарские несколько десятков человек пробился». Все ратные люди по письму Ивана Безпалого «смертно побиты». Захвачены в плен кн. С. П. Львов и кн. С. Р. Пожарский.

«По росписям боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого с товарищи на государеве службе всяких чинов людей на боях и на приступех, и в посылках побиты и в полон поиманы (в 1659 г. 28 июня)

Полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого

окольничих (С. П. Львов и С. Р. Пожарский)	— 2 человека	перевотчиков	— 1 человек
стольников	— 1 человек	городовых и дворян и детей боярских 26 городов	— 887 человек
стряпчих	— 3 человека	рыльских казаков	— 25 человек
дворян московских	— 76 человек		
жильцов	— 161 человек		

Начальных людей:

рейтарского строю	— 51 человек	солдат	— 6 человек
драгунского строю	— 7 человек	стрельцов	— 1 человек

[28] Там же. Л. 233—237, 142—143.

Начальных людей:

рейтар	— 1302 человека	(Всего	— 2830 человек)
драгунов	— 397 человек		

Того ж боярского полку на отводе побито и без вести пропало:.

городовых дворян 6 городов	— 10 человек	солдат	— 10 человек
рыльской казак	— 1 человек	стрельцов	— 6 человек»[29]
драгунов	— 16 человек	(Всего	43 человека)

Всего в полку А. Н. Трубецкого потери определяются в 2873 человека. Видно, насколько преувеличены цифры, сообщаемые «очевидцами» и по показаниям современников, основанных на слухах.

Особенно скромны цифры потерь при отступлении «обозом».

«Полку стольника и воеводы князя Федора Куракина:

Каширян (рязанцов)	— 187 человек
На отводе:	
рязанцов	— 2 человека
стрельцов	— 36 человек
(Всего	— 225 человек)

Полку окольничего и воеводы Андрея Васильевича Бутурлина:

городовых дворян и детей боярских 18 городов	— 241 человек
одоевских казаков	— 12 человек
новокрещенов розных городов	— 37 человек
борович, караченцов	— 3 человека»[30]
(Всего	— 293 человека)

Полку окольничего и воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского:

дворян московских	— 3 человека
городовых дворян и детей боярских 14 городов:	— 297 человек
новокрещенов	— 10 человек
донских и яицких казаков	— 22 человека
начальных людей	— 10 человек
рейтар, копейщиков и драгунов	— 462 человека
На отводе:	
солдат	— 25 человек»[31]
(Всего	— 829 человек)

Полку окольничего и воеводы князя Семена Романовича Пожарского:

жильцов	— 3 человека
тулян, рязанцов, коломнич	— 241 человек
кадомских мурз и татар	— 18 человек
стрельцов	— 2 человека»[32]
(Всего	— 264 человека)

Полку окольничего и воеводы князя Семена Петровича Львова:

тулян, рязанцов, коломнич	— 165 человек
шацких, касимовских мурз и татар	— 51 человек

[29] Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1658 г. Стб. 14. Л.8—11.
[30] Там же. Л. 11—12.
[31] Там же. Л. 13.
[32] Там же. Л. 14.

драгунского строю начальных людей — 2 человека
драгунов — 58 человек
стрельцов — 3 человека»[33]
(Всего — 285 человек)

«Всего на конотопском на большом бою и на отводе: полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого с товарыщи московского чину, городовых дворян и детей боярских, и новокрещенов мурз и татар, и казаков, и рейтарского строю начальных людей и рейтар, драгунов, солдатов и стрельцов побито и в полон поймано 4761 человек»[34]. По нашему подсчету — 4769. В том числе «на отводе», когда войска отступали «отводом» (обозом), они понесли потери немногим больше 100 человек, если верить показаниям приведенной росписи.

От Конотопа, освободив из осады Гуляницкого, Иван Выговский и хан повернули на юг и «обманом» захватили города Ромны, Константинов, Глинский, Лохвицу; всех людей, захваченных при этом, погнали за Днепр, «а городы, и села, и деревни огнем без остатку выжег». Отсюда Выговский пошел на р. Псел и г. Гадяч «всеми силами з гранатами, с пушками, жестоко три недели безпрестанно города добывал», соблазнял жителей «прелестными листами». Но взять город [Гадяч] Выговский не смог. Войска Выговского понесли на подступах потери в несколько тысяч. А полковник Павел Ефремов (по Костомарову — Охрименко) с войском запорожским в городе отсиделись. А в городе с тем полковником было 2000 казаков и государевых ратных людей 900 человек. Город был «вельми крепок», только нуждается в присылке пушек. Такие сведения сообщил в Москву Иван Безпалый[35в1]

Примерно через месяц после битвы под Конотопом, т. е. в начале августа 1659 г., хан вторгся в пределы московской Украины. Надо думать, что часть войск он возвратил в Крым. В этот промежуток в тылу бывшего в походе татарского войска произошли некоторые неприятности. Было известно, что, находясь под Конотопом, А. Н. Трубецкой посылал от себя в Запорожье к Серко, чтобы он над крымскими татарами чинил промысл. А после, когда он пришел к Путивлю, А. Н. Трубецкой о том же посылал к донским казакам. Была ли установлена связь с действиями А. Н. Трубецкого, нет документальных данных, но известно, что Серко собрался с запорожцами и ходил воевать около Белгорода и повоевал многие улусы, взял двух мурз со всеми людьми и животы, литовский полон отпустил на волю, а крымский ясырь побил. Серко пытался расширить свои действия против Выговского[36]. Был слух, что черкасы ходили войной на ногайские улусы Большого ногая — улусы Урмаметевых и их повоевали.

[33] Там же. Л. 15.
[34] Там же.
[35] Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28 (5839). Л. 141—147.
[36] Там же. Л. 133.

Организацию этого нападения на ногайские улусы слух приписывал Юрасу Хмельницкому. Будто бы Ю. Хмельницкий писал хану: «Ты де воюешь чужую землю, а он де повоевал ногайские улусы».

Хан потребовал возвращения взятого ногайского полона; Хмельницкий отказал и угрожал, что, если хан пойдет на государевы города, он, Хмельницкий, повторит нападение на ногайские улусы. «И в том де у хана с Выговским был большой шум»[37]. «И в то де время крымский хан на Выговского сердитовал гораздо, а говорил: ты де меня призвал к себе на помочь, а без него черкасы нагайские улусы разоряют, и он, Выговский, довелся было за то сам срублен быть»[38]. Конечно, это были лишь хвастливые слова. В самом деле хан дорожил представившейся возможностью воевать. «А которые де крымские воинские люди имали в полон черкас, и тех татар хан за то казнил — обрезывал носы и губы для того, чтоб меж им, ханом, и Выговским ссор никаких не было, а быть везде заодин»[39].

Общей численности войска татар документы не указывают. Шел хан «большим собраньем». Войско, какое с ним было под Конотопом, современникам казалось огромным: «а было самое большое войско, как где на станех станут, и их де было и днем не мочно объехать»[40]. Едва ли все это войско хан взял с собой в поход, потому что под Конотопом оно оказалось излишним.

Вместе с татарским войском Выговский послал черкас с 4000 человек под командой белгородского полковника Ивана Кравченко. В походе к городам татары не приступали, а уезды пожгли и захватили большой полон. Князь С. П. Львов умер в татарском обозе, пройдя Карпов; тело его татары покинули в камышах[41].

К хану приходил посол от польского короля с поминками и был отпущен, не дойдя до Сумм[42].

Набег охватил огромную территорию. Хан вышел за вал 15—16 августа меж городов Верхсосенска и Усерда и стоял 2 дня за валом, дожидаясь воинских людей. С реки Тихой сосны перешел на реку Валуй и верховья реки Полатовки. Стоял здесь еще 2 дня. Шел с большим полоном[43]. Далее перешел реку Калитву.

Сохранилось два ряда цифр, отражающих потери, нанесенные походом Магмет Гирея. В столбце Белгородского стола дан перечень 18 городов с уездами с подведением итогов потерь. Другая таблица с указанием потерь 15 городов с уездами, но с отдельными показаниями еще по 3 городам с уездами*. В целом итоги существенно не расходятся.

---

37 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп.1. 1659 г. Стб. 7. Л. 14—15.
38 Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28 (5839). Л. 140.
39 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 24.
40 Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28 (5839). Л. 138.
41 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 15—16. Была попытка разыскать тело С. П. Львова и С. Р. Пожарского (Там же. Л. 25—28).
42 Там же. Л. 16.
43 Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 482. Л. 831.
* [В фонде Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1658 г. Стб. 14. Л. 17—24.]

Потери в августе 1659 г. в приход хана[44]

Города	Убито	Взято в плен	Сожжено дворов и гумен
1. Ефремов	46 человек	2650	321
2. Елец	146 »	5641	3914
3. Ливны	37 »	8069	1753
4. Чернавск	12 »	1157	311
5. Телецкий	»	21	250
6. Ст. Оскол	21 человек	760	—
7. Новосиль	25 »	3318	542
8. Мценск	17 »	489	—
9. Чернь	5 »	132	—
10. Курск	4 »	566	34 деревни
11. Обоянь	2 »	61	4
12. Карпов	7 »	28	— [4 деревни]
13. Болхово	—	4	—
14. Хотмышской	—	1	22 деревни
15. Вольной	31 человек	78	церкви «осквернены» и 2 деревни сожжены
16. Воронеж	20 »	2040	540
17. Усмань	4 »	207	47 дворов
18. Сокольск	2 »	226	73 двора
18 городов с 379 уездами		25402 чел. (25448)	[4674 двора и гумен с хлебом]

Общий итог — убитых 379 человек и около 25 500 взятых в полон — приблизительно соответствует цифрам итогов, указанным в документах. По таблице Разрядного приказа итог сожженных дворов весьма приблизителен — около 5000 дворов (4674).

В воеводской отписке из Епифани, кроме того, сообщено, что татары приходили в вотчину боярина Семена Васильевича Прозоровского, крестьян многих порубили и взяли в полон: «идут де те таторовя большим собраньем, а села и деревни все разоряют, жгут безостаточно. А к Михайлову их приход чаеть августа в 5 день на утренней заре. А от Михайлова де их приходу чаеть под многия резанския городы и под уезды»[45].

Очевидно, списки, составлявшиеся в Разряде, не полностью охватывают все опустошение, причиненное ханом. Есть сведения о Лебедянском и Яблоновском уездах, где крестьяне были освобождены от взимания недоборных денег вследствие их разорения в 1659 г. татарами[46].

Проследив по карте, легко заметить, что больше пострадали города (точнее, уезды), расположенные вне черты. Уезды лучше защищенные пострадали меньше.

[44] Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. № 872. Л. 90—94.
[45] Там же. № 370. Л. 114.
[46] Там же. № 463. Л. 400.

В 1660 г. самым крупным событием было поражение русского войска под Чудновом[г1]. Упомянем о нем лишь кратко. 9 сентября воевода боярин Василий Борисович Шереметев сообщил, что с ним было государевых ратных людей конных и пеших в походе 15 031 человек, полкового наряда — 33 пушки. С наказным гетманом Цецурою были полки конные и пешие: 20 000 человек, наряда — 7 пушек. И в октябре в черкасских городах меж местечек Чудново и Пяток боярина Василия Борисовича Шереметева с товарищами и его полка ратных людей всех и наряд и обоз крымские и ногайские татары и с ними польские и литовские люди «взяли за присягою, а иных побили»[47].

Совершенно очевидно, что отвлеченные ожиданием крупных боев на правобережной Украине, куда были направлены крупные русские силы, татары очень ограничили свои действия на южных границах Русского государства. Действия их были мелкими вторжениями. В мае под Валками, в июне под Бельским острожком, в августе под Демшинском татары появлялись, а в сентябре на Торских озерах близ Царева-Борисова было захвачено 16 человек в полон, под Демшинском переранили и убили 30 человек и больше. Побывали они в украинских городах (Переяславль, Колонтаев), но потери не указаны[48].

В 1661 г. состояние на западной стороне левобережной Украины с самого начала года резко изменилось по сравнению с предшествующим. Татары совершили множество вторжений в пределах Русского государства преимущественно в левобережные города и уезды Украины. В апреле 1661 г. князь Григорий Григорьевич Ромодановский сообщал в Москву разведанные им вести, что под Черным лесом недалеко от Чигирина кочует масса татар, а Карачбей с белгородской ордой пришел в Чигирин и хочет вместе с гетманом переправляться на левую сторону Днепра[49]. Кочевавшие под Чигирином под Черным лесом татары состояли из улусов Урмаметевых (Болших ногаев) и Ураковых улусов (Казыевских татар)[д1]. Помимо татар, которые собирались переправляться на левую сторону Днепра, здесь уже скопилось еще раньше значительное их количество из других улусов. Нападения татар начались еще с января месяца. В январе татары и черкасы совместно нападали на Ахтырку; бои происходили под самым городом[50]. 12, 18 и 19 января под Ахтыркой татары и черкасы в уезде повоевали села и деревни и черкас же побили 19 человек и хлеб пожгли. 2 февраля в Путивльском уезде побили 107 человек и взяли в полон 34 человека. В то же число в с. Поповке Конотопского уезда татары многих людей побили, в полон взяли, а село выжгли. 2 марта татары и черкасы разорили в Вольновском уезде 3 де-

---

47 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1658 г. Стб. 14. Л. 30—31.
48 Там же. Л. 28—29, 32.
49 Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. № 440. Л. 232—234.
50 Там же. Л. 155—157, 211—212.

ревни[51]. Осенью 1660 г. татары «большим собраньем» переправились через Днепр. Во главе татарской орды было 2 царевича и с ним 30 000 человек. От короля ждали Чарнецкого с поляками и немцами в числе 15 000 человек. Ю. Хмельницкий ждал к себе Карач бея Ширинского. Позднее языки называли численность татарской орды во главе с самим ханом в 80 000 человек, янычар — 2000 человек, Ю. Хмельницкий с 2000 черкас и с 1000 поляков. Хан с войском стоял на реке Семи на правой стороне меж Конотопом и Путивлем. В начале октября воевода князь Василий Волконский доносил, что «хан с изменники черкасы пришли под Переяславль и стали таборами и в черкасских городех всякое разоренье чинят»[52]. В ноябре крымцы и с ними литовские люди воевали Кромский уезд, села и деревни выжгли, в селах и деревнях и на посаде многих людей побили и в полон захватили. В ноябре же хан и черкасские люди всякое разоренье чинили в черкасских городах. В ноябре же крымские и ногайские татары приходили вторично к Недригайлову, людей многих побили, в полон забрали, скот отогнали, «а стоят в Недригайловских местех блиско города»[53]. В начале декабря много татар перешло на прежнюю сторону р. Семи и «многое кроворазлитие православным христианом чинили». Да они же были под Карповом и многих людей побили и в полон поимали[54]. В декабре они проникли в Елецкий уезд. Был слух, что г. Ефремов был взят ими.

Татарская война продолжалась и в течение 1662 г. Источники Разряда отмечают главным образом столкновения, происходившие на территории, ведавшейся им. Территория, охваченная татарскими погромами на Украине в малороссийских городах, указана суммарно, потому что она ведома в Приказе Малой России, а не в Разряде.

Что касается территории, ведомой в Разряде, то, по-видимому, основные действия татар в 1662 г. произошли в январе месяце. Наиболее обстоятельные сведения сообщил князь Григорий Куракин, защищавший Севский укрепленный район. В бою, происшедшем в начале января в селе Прудках (в 25 верстах от города [от Севска]), татары были разбиты наголову, много татар было побито, в полон захвачен князь Ширинский и [с ним] 3 татарина, отбито знамя, освобожден многочисленный русский полон: 10 000 человек детей боярских, рейтар и драгун и их жен и детей, разных уездов, разных чинов. Убитых не было, раненых 19 человек[55].

Мурза Ширинский показал, что хан крымский стоял «по сю сторону» Конотопа в местечке Красном, а с ним 4 салтана, татар с ним 80 000 человек, янычар 2000 человек; у Ю. Хмельницкого

[51] Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 14. Л.33—34.
[52] Там же. 1658 г. Стб. 14. Л. 36.
[53] Там же.
[54] Там же.
[55] Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. № 538. Л. 237—241.

черкас с 20 000 человек, поляков с 2000 человек. Татар крымских и ногайских с 20 000 человек; «хан отпустил их в войну и велел воевать с неделю и больши». С самим князем Ширинским было с 3000 татар[56]. Цифры татарского войска повторяются (см. выше. С. 72).

В другой отписке Григорий Куракин сообщает о посылке против татар 2 января в том же Севском уезде в селе Недолеске (от Севска в 20 верстах): татары были побиты, полона отбито более 2000 человек. В войну хан пустил трех ногайских мурз, а с ними 10 000 татар. На бою был убит один человек (рязанец). Голова, да рейтар 3 человека, да ранено служилых людей разных чинов 44 человека. «Язык» показал, что татары были из Большого ногая Уракаева улуса Арслана мурзы люди[57]. По-видимому, сведения не совсем точны: названные татары были не Большие ногая, а казыевские (Малые ногая), об Арслан мурзе было нами уже сказано выше. Арсланбек мурза уже присягал русскому правительству. Сам хан пошел в войну по повелению султана.

Возможно, что дело идет о двух разных боях под Севском. Одним руководил Григорий Бутурлин, а вторым — Иван Бабичев. В одной из отписок взятый в полон татарин показал, что они были посланы ханом под Севск для разведки: «посмотреть, что в городе (Севске) силы»[58].

Большие потери понесло население Рыльского уезда. В январе в уезде и к посаду крымские и ногайские люди «большие люди» приступали, но были отбиты; это произошло 6 января. 7 января вновь приступали, но вновь были отражены. В бою против татар принимало участие небольшое число ратных людей[59]. Было взято в полон 890 человек и убито 9 человек. Значительное число было отбито — более 400 человек, бежало из полона 5 человек.

Жестоко пострадал, судя по показаниям Разряда, Путивльский уезд. Здесь было взято в полон 2240 человек, да в трех деревнях дворы все были сожжены, люди все взяты в полон, «а сколько, про то допросить некого, не осталось никого»[60].

Под Курском татарская война длилась с 8 по 14 января: деревни жгут, разоряют, берут в полон. От самого города татары были отбиты. В Курском у., по показаниям пленных, в войне участвовало 4500 человек[61].

Татары появились в Карачевском, Орловском, Новосильском и др. уездах. В малороссийских городах татары воевали в Лубнах, Лохвице, Гадяче, Глинске, Переяславском. 12 июня из Переяславля люди выехали для конских кормов «и на них де нашод татаровя и ляхи и черкасы; стада отогнали и многих людей побили и в полон поимали»[62].

---

56 Там же. Л. 42.
57 Там же. Л. 247—249.
58 Там же. Л. 289.
59 Там же. Л. 295.
60 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1658 г. Стб. 14. Л. 38.
61 Там же. Л. 257—258.
62 Там же. Л. 39.

1663 г.

В июне 1663 г. Г. Г. Ромодановский составил расспросные речи выходца из полона (взятого под Чудновом) курчанина-рейтара. Он ушел из Крыма спустя 4 недели после «Великого дня». Там он слышал, что калмыки громили ногаев, многих побили и в полон поимали, а громили до самого Крыма. На Конских водах у калмыков стада были отбиты, но полон калмыки весь с собой увели. Крымцы отказали султану в помощи против кизилбаш [персов] и венгров, потому что калмыки «воюют Крым и приходят на улусы запорожские казаки»[63].

Из Полтавы получено сообщение Г. Г. Ромодановского, что в начале июня 1663 г. приходили татары, но были отбиты, взяли «живьем». Посылавшиеся к Маяку татары показали о погроме калмыками, о посылке на помощь королю «на конфедератов» одного салтана, с белгородскими татарами одного (и с очаковскими), одного на венгров, 4 мурз (с 4000 татарами) за Днепр, а 3 мурз послал для обереганья Азова от калмыков и от донских казаков. 15 числа Иван Брюховецкий писал Г. Г. Ромодановскому, что заднепровские казаки начали «ляхов побивать», и просил идти к Кременчугу, чтоб учинить промысл за Днепром[64].

Показания пленного татарина, что хан послал за Днепр 3 мурз Чиживутских и мурзу Аргинского, а с ними татар крымских и ногайских с 3000 человек. У них были взяты в плен мурза Аргинский и он, татарин. Другой татарин был взят калмыками при нападении калмыков меж Перекопа и Чунгар[e1]. По требованию султана для преследования хан послал сына своего Агмет [Гирея], а с ним 15 000 татар, под Азов на помощь против калмыков — мурз Ширинских, а с ними послал Большого ногая 3000 татар[65].

Сообщение об отражении обоянскими служилыми людьми воинских людей, нападавших на Обоянский уезд, от января 1662 г.[66] Досмотр повоеванных мест в Курском уезде в Обметцком стане в Богородицкой [монастырской] вотчине: церквей [разорили], крестьянские и служние дворы, гумна с хлебом выжгли, сожгли двор [попа], двор дьякона [и другие], взято в полон около 22—25 человек[67].

В 1663 г. военные действия развернулись главным образом в начале левобережной Украины, как об этом можно судить по «Записке Разрядного приказа». В марте месяце крымские татары и черкасы воевали под Голтвою и Кременчугом. К Голтве приступали дважды. Действия продолжались в течение всего года. Нападающие определяются значительным числом. Воевали под Гадячем, Лубнами, Ичней, Лохвицей, Глинском. Некоторые деревни «совсем взяли». Но в Разряде количество потерь не было точно из-

---

[63] Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Приказного стола. Стб. 230. Л. 106—107.
[64] Там же. Л. 107—109.
[65] Там же. Л. 117, 119, 121.
[66] Там же. № 231. Л. 35—36.
[67] Там же. Л. 77—79.

вестно, потому что «малороссийские городы ведают в Приказе Малые России»[68].

Однако вторжения распространились и на территории российских украинных городов. 16 апреля татары воевали села и деревни Путивльского уезда. В апреле же приходили в Карачевский уезд и захватили в полон 888 человек. В общей форме сообщали, что в Недригайловском уезде и на посаде и около города многих русских и черкасских людей побили. Были под Путивлем и Рыльском[69].

В начале июня Г. Г. Ромодановским из Полтавы было получено сообщение, что борьба на Украине носила более запутанный характер. Калмыки напали на ногайские улусы, их погромили и многих захватили, а громили до самого Крыма. На Конских водах у калмыков отбили стада, но полон ногаи удержали. Салтан крымский с татарами был послан за Днепр. Часть татар (2 доли) хан оставил с собой, потому что приходят калмыки и запорожские черкасы. Татары приходили под Полтаву, но были побиты и взяты «живьем». Захваченный под Маяком татарин рассказывал о погроме ногаев калмыками, о посылке на помощь королю «на конфедератов», а другого салтана с белгородскими и очаковскими татарами — на венгров, 4 мурз за Днепр (с ними 4000 татар), а 3 для обереганья Азова от калмыков и на донских казаков[70].

В июне же Иван Брюховецкий писал о готовящихся выборах «совершенного гетмана»[71].

Пленный татарин показал, что хан послал за Днепр по требованию султана 3 мурз Чиживутских и мурзу Аргинского, а с ними крымских и ногайских татар с 3000 человек. У них был взят в полон мурза Адил Аргинский. Другой пленный татарин, взятый калмыками меж Перекопа и Чонгара[к1], сказал, что по требованию султана были посланы на помощь (против [персов] и венгров) сын хана Агмет Гирей и с ним с 15 000 татар. Под Азов на помощь был послан каймакам мурза Ширинский, а с ним послан был ногаев и татар с 37 000 чел.[72]

Небольшой татарский отряд вторгался в Обоянский уезд и в Курский (в Обметцкий стан в Богородицкую вотчину) — забрали полону человек свыше 20, сожгли дворы, церковь и хлеб на гумне[73].

Переход через Днепр короля Казимира состоялся зимой (в ноябре-декабре 1663 г.)[31]. С ним было, по сообщениям воевод, польских войск конных с 10 000 человек и пехоты с 50 000 человек. Число татар не указано. Впрочем, татары уже присутствовали на месте действия. С королем [через Днепр] переправился гетман Станислав Потоцкий и воевода русский Чарнецкий[и1]. Переправившись, король распустил «загонных людей многих». На помощь к

---

[68] Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1658 г. Стб. 14. Л.41, 43—46, 69.
[69] Там же. Л. 41—44, 46—47.
[70] Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Приказного стола. Стб. 230. Л. 106—108.
[71] Там же. Л. 109.
[72] Там же. Л. 117, 119, 121.
[73] Там же. Стб. 231. Л. 35—36, 77—79.

Павлу Тетере пришли татары, немецкой пехоты у него было 500 человек. Приступали к Лохвице, Лубнам и Ромнам, многие города сдались. Г. Г. Ромодановский пошел на помощь Ивану Брюховецкому[74].

1664 г.

Прорыв польского короля со значительным войском на левую сторону Днепра, как известно, оказался несостоятельным. Описание военных действий польских войск не входит в план нашей работы.

Остановимся кратко на некоторых событиях этого вторжения. Уже в первых числах января силы Чарнецкого и короля были отражены от Батурина. Отошли к [«черкаскому»] городу Коропу. Татар с королем было всего 8000 человек[75]. Осердясь за невыплату денег, крымцы ушли от короля. Придя к Новгороду Северскому, король прислал лист с предложением сдачи 17 февраля, а 27 февраля он уже ушел на Стародуб. Чарнецкий ушел к Соснице, а далее хотел идти к Белой Церкви. Отмечается бой на Десне в 5 верстах от города; поляки понесли поражение, многие потонули в реке. были потоплены в реке пушки.

Г. Г. Ромодановский 22 февраля сообщал о беспрестанных успешных боях с поляками и о нецелесообразности и даже невозможности преследования: идти на Десну «никоими мерами не уметь», «переправа злая, а место это лесное и снега великие». Ободряющим обстоятельством для Ромодановского было известие о движении 6000 калмыков и о переправе уже их через Дон у Пяти изб. Запорожцы и калмыки замышляли поход на ногайские улусы за Буг.

Польские и литовские войска появлялись для погрома русской территории, побивали и полонили людей под Новгородом Северским, Карачевым, Рыльским. Но глубже за границы Русского государства они не ходили. Татары же по своему обыкновению захватили более широкую территорию — Ливенский уезд, Брянский, под Валуйкой и около Воронежа. Поход короля в военном смысле был неудачен, но погром, нанесенный польскими, литовскими и татарскими воинскими людьми, был весьма значителен. Погром принес Русскому государству не только людские потери, но выразился в грабеже хлеба и отгоне конских и животинных стад. Общие итоги гораздо показательнее описания частностей похода [польского] короля в пределы Русского государства: в 7 уездах (Севском, Рыльском, Путивльском, Карачевском, Орловском, Кромском и Курском) было взято в полон около 6360 человек, убитых было немного, сожжено более 5100 дворов, около 4300 гумн, 58 церквей, захвачено и уничтожено около 150 000 четвертей молоченого хлеба, более 15 000 копен хлеба немолоченого и хлеба в ямах, отогнано более 9600 лошадей, коров и всякой другой (мелкой) животины более 108 000, «выдрано» около

[74] Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. Стб. 523, Л. 12—17; Стб. 527. Л. 11—12, 211—212, 264.
[75] Там же. Стб. 527. Л. 80—87; Стб. 559. Л. 197—199.

4000 ульев. Эти цифры явно неполны, как можно судить по перечню уездов, охваченных погромом. Одновременно татары по частной инициативе заглядывали и в другие уезды. В июле 1664 г. за 2 часа до вечера приходили татары под Торские озера и «били на табор, которых работники по дрова и по траву ездили царево-борисовские черкасы». Захваченные в полон в расспросе показали, что ходили из-под Азова 95 человек и государевых ратных и работных людей никого не взяли. Царево-борисовские черкасы и донские казаки настигли татар в степи, их побили и захватили в полон: татар 7 человек и 7 человек горских черкас[76].

В войне намечался перелом, что сейчас же почувствовали в Крыму. 30 мая в статейном списке Якушкина и Михайлова записано под 30 мая 1664 г. о приезде от короля посланника с государевой грамотой о заключении мира (перемирия), потому что христианская вера едина. Однако «для исправления дружбы своей», не обослався с Магмет Гиреем, мира заключать король не хочет[77].

Московский посланник Кирил Пущин застал [польского] короля под Севском в селе Ушине и привез государеву грамоту с предложением нового съезда уполномоченных. Канцлер [Христофор Поль] ответил согласием и назначением уполномоченных[78].

Набег под Торозера

1664 г. Отправлено из Царева-Борисова и с Торозер ельчанина Степана Перцова о приходе в 172 г. 2 июля «за два часа до вечера» на Торские озера и «били на табор, которые работники по дрова и по траву ездили. Царево-борисовские черкасы показали при расспросе, что приходили из-под Азова 95 человек и государевых ратных людей и работных людей, которые на государя соль варят, никого в полон не взяли, а захватили черкас разных городов. Царево-борисовские черкасы и донские казаки настигли татар в степи, их побили, захватили в полон 7 татар и 7 горских черкас. Последние показали о войне турок с кизылбашами[79].

Сведения о состоянии сношений с Крымом в 1664 г.

Человек князя Ширинского Айвас сообщил о посылке кн. Имит Ширинского с 2000 ратных людей под Белгород для перевода ногаев (по требованию султана) на крымскую сторону Днепра.

Сведения о восстании башкир против русского правительства и сношениях их с крымским ханом (представители башкир 3 человека) астраханских юртовских [татар] 7 человек с просьбой о разрешении им кочевать в крымской степи. Причина тому, что государь московский потребовал от башкир посылки 80 700 человек башкир

---

[76] Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Приказного стола. № 218. Л. 55—57.
[77] Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1663 г. Стб. 2. Л.68.
[78] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1851—1858. Кн. III. С. 160.
[79] Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 218. Л. 55—57.

на войну против польского короля. Башкирцы откочевали от государя и по камской черте государевым городам учинили разоренье. Ныне кочуют на Самарском устье по реке Яику. Призывали Магмет Гирея в июле месяце с ратными людьми идти под Астрахань, а они, башкиры, пойдут навстречу и будут переходить Волгу[80].

Посланцы сообщили, что калмыки сообщили о нападении на них башкир и будто бы башкиры их разбили и после этого боя башкиры ходили войной «в украинные низовые городы за Белою реку и многое разоренье украинным городом учинили»[81]. Калмыки кочуют под Царицыном, а башкиры в 20 днях от них «в крепких местех», и калмыкам на них напасть невозможно[82].

У хана была «большая дума» о принятии башкир в подданство. Предполагалась посылка Субхан Газы аги для приема башкир. Под 1 ноября записано, что башкиры вновь приняли подданство русскому государю и в Крым «прихода» их «не будет»[83].

Под 30 мая записаны сведения о присылке к хану от польского короля посла с грамотой [русского царя к королю] с предложением о заключении мира, потому что «вера христианская едина». Но король «не обослався» с ханом, мира заключать [с московским «великим государем»] не хочет[84]. Под 16 мая в статейном списке со слов Маметши аги записано, что в ответ на просьбу польского короля о помощи хан «для подлинного ведома» послал в Польшу Дедеш агу, а к турецкому султану Айвас кегью с вестью. Пока от того и другого не получит ответа, в поход не двинется[85].

16.VI. Сведения о поражении белгородских татар [в бою с] казаками на Буге и о взятии Иваном Серко и Брюховецким Чигирина и Корсуни[86].

28.VI. От пристава Сефералея, что Латиф чилибей с Мавлютою агой прибежал в Крым с небольшими людьми после погрома за Днепром в черкасских городах государевыми ратными людьми с запорожскими черкасами и калмыками. На том бою много [крымских татар] было убито и в полон взято. Иван Серко препятствует на Днепре присылке из Крыма помощи Селемет Гирею, князю Имит Ширинскому и королю польскому[87].

24 августа. Стало известно, что Брюховецкий выпустил в государевы украинные города за Днепр всех мещан из Канева с семьями и животами, но все они были перехвачены Селемет Гиреем и князем Имит Ширинским. Брюховецкий в ответ совершил нападение на коши Селемет Гирея и князя Ширинского и учинил большой погром. На помощь хан посылает Маметшу агу Чиживутского с 5000 татар[88]. [Далее сведения] о поражении турок и татар в Венгрии и отступлении их к Белгороду. В конце года Агмет Гирей,

---

[80] Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1663 г. Стб. 2. Л.59—60.
[81] Там же. Л. 72.
[82] Там же. Л. 73.
[83] Там же. Л. 82—83, 85—86.
[84] Там же. Л. 68.
[85] Там же. Л. 67.
[86] Там же. Л. 69.
[87] Там же. Л. 69—70.
[88] Там же. Л.80—81.

бывший в походе в Венгрии с 3000 крымцев, вернулся с небольшим числом людей. Остальные погибли[89].

9.IX. Татарин из деревни Яшлова сообщил через толмача Никона Понарьина о нападении донских казаков с калмыками под Азовом и отгоне ими стад; о поражении азовского паши, преследовавшего казаков и калмыков. Сам паша убит. Азовцы просят помощи [крымского хана][90].

10.XII. [Запись о] требовании турецкого султана [к крымскому хану] вывести наконец ногаев Урмаметевых и Ураковых за Днепр на крымскую сторону, потому что ногаи волохам и мунтянам причиняют большие разорения, крадут детей, конские и животинные стада[91].

События 1664 г. подготовляли смену хана в Крыму. В начале 1665 г. возражения султана против Магмет Гирея совершенно отчетливо выявились и разразились сменой Магмет Гирея новым ханом Адил Гиреем.

Глава пятая

КРЫМ И РОССИЯ В ПЕРИОД АНДРУСОВСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ*

В 1665—1666 гг. в Крыму было известно о начавшихся переговорах о мире между королем и московским государем. В то же время ожидалась смена хана.

1 марта на стан к посланникам заезжал Маметша мурза Куликов, вернувшийся из Варшавы. Мурзы из рода Куликовых играли ту же роль посредников (амиятов) в отношении Польши, что и мурзы Сулешевы в отношении Русского государства. Маметша мурза Куликов был в курсе дел дипломатических переговоров России и Польши. Он высказал мысль, что, если его пошлют в Варшаву, он будет «радеть» о мире. Еще более любопытна его мысль о том, что роль ханов в Крыму временная: «а цари в Крыму временные, а их Маметшино дело юртовое — крымскому юрту надобно, чтоб впредь было надобно». Вопрос о мире в то время продолжал обсуждаться. Обсуждалась кандидатура посла в Москву. Послы (Я. Якушкин и Г. Михайлов) спрашивали, что будет самым главным при обсуждении договора о мире, и Маметша князь Сулешев говорил, «чтоб великий государь ваш своим государским думным людем о мире в договоре с царевым ближним человеком хотя бы малое что черкасов велел уделать». Мир будет невозможен, если государь о черкасах «уступки учинить не велит»[1].

31 марта в статейном списке Якушкина и Михайлова записано, что посылка посольства в Москву задержалась в связи с ожиданием

---

89 Там же. Л. 86.
90 Там же. Л. 84.
91 Там же. Л. 86.
* Глава редактировалась д. и. н. А. А. Преображенским
1 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1665 г. Стб. 3. Л. 74, 89.

приезда нового хана. О новом хане [сообщалось, что он] идет морем на 18 каторгах. [Еще правивший прежний хан] поэтому созвал «думу», на которой присутствовали калга, нурадын и другие царевичи, карачеи, уланы, аги и мурзы. Крымские феодалы сразу же решили: «турского султана письма и присылки не слушать и нового царя и калги и нурадына в Крымской юрт не пускать и на том» все «шертовали, что им против нового царя, калги и нурадына биться». Однако это решение было принято сгоряча, в Крыму была власть посильнее мурз и аг. Шейх, узнав о состоявшемся решении, потребовал от хана Магмет Гирея повиновения указу султана, потому что «турской царь в их басурманской вере начальной царь», что все прежние крымские цари были у султана в послушании и что Магмет Гирей царю «ныне так супротивно и меж басурман кровопролитие учинить непристойно». По письму «шиха» Магмет Гирей с калгой и нурадыном покинули Бахчисарай. В начале апреля князь Маметша сообщил посланникам, что Магмет Гирей через Карасу и «жанских черкас» идет из Крыма, а калга и нурадын уходят морем. Из Караса в сопровождении группы ближних людей отставленный хан прошел в Керчь. Попытка его увести с собой В. Б.Шереметева встретила возражение ближних людей. Магмет Гирей, сопротивляясь указаниям султана и не желая покидать престол, хотел опереться на Дорошенко[к1]. Но султан предупредил Дорошенко, чтобы тот в это дело не вмешивался[2].

Представители новой ханской власти сошлись в Крыму разными путями. Хан Адил Гирей и нурадын Девлет Гирей приплыли морем из Синопа в Кафу, калга Крым Гирей пришел по суше в Перекоп. 25 мая все новые правители Крыма собрались в Бахчисарае. Ближним человеком нового хана был Ислам Гирей, сын убитого Сеферь Газы аги. Это его «промыслом» хан Адил Гирей произвел заем в Царьграде. У калги ближним человеком стал Караш ага Перекопский (Ширинский), а перекопским был назначен Кутлу Гирей мурза Чиживутский[3].

По-видимому, новый хан Адил Гирей имел от султана более определенные инструкции по вопросам внешней политики. Султан в соответствии с крымскими известиями был «сердит» на польского короля, поскольку тот помогал венграм, [находившимся в состоянии войны с Турцией]. Этим объясняется посылка турецких войск под Каменец-Подольский. Отсюда князь Маметша Сулешев делал вывод, что у султана с королем мира не будет[4]. На первом приеме (2 июня) посланников Якушкина и Михайлова ближний человек Ислам ага сообщил им, что Адил Гирей хочет с московским государем быть в мире. На следующий день на втором приеме Ислам ага передал от имени хана, чтобы московский государь вывел своих ратных людей из городов барабашей[л1], чтоб «им барабашам

---

2 Там же. Л. 89—95.
3 Там же. Л. 96.
4 Там же. Л. 97—98.

быть в усобь». [Крымский вельможа уверял посланников, что] Адил Гирей, калга и нурадын готовы принести шерть, что «к барабашам в городы ратных людей не пошлют и польскому королю их не отдадут и с ними, барабаши, свестяся на Московское государство войною не пойдут»[5]. Посланники отвечали, что русский государь стоит за барабашей и их оберегает, потому что они ему «служат верно», а «дурна» от них Крыму никакого не бывало и не будет. Ага [как будто бы согласился], что барабаши Крыму вреда учинить не могут, так как Крымский юрт «место безводное», [однако настаивал, чтобы] посланники писали в Москву [о выводе русских] ратных людей из городов барабашей, иначе мир невозможен[6].

Толмач Полуект Кучумов, приехавший в Москву в январе 1667 г., показал, что в Крыму прошел слух, будто Адил Гирей не хочет (подобно Магмет Гирею) возвращения «черкас» в подданство польского короля [и готов признать такое положение Украины, которое было при] Богдане Хмельницком и татары на них войной не пойдут[7].

Смена хана сопровождалась крупной и очень характерной для внутреннего режима Крымского ханства ссорой. Как бывало и раньше, Адил Гирей достиг трона, задолжав большие деньги в высших сферах Царьграда. Долги надо было погасить. Адил Гирей, вступив на трон [и по прибытии в Крым], указал для вознаграждения «турским людям», которые его провожали в Крым, произвести сбор денег со всего населения с каждого полонянника по 5 ефимков. Эта мера вызвала протест прежде всего со стороны карачеев, считавших своим правом сохранять интересы крымского улуса, в первую очередь мурз Ширинских. «И Имит князь Ширинской, не хотя царева повеленья слушать, крымского юрту татаром денег давать не велел. И збиратца с ратными людьми на Старом Карасове; хочет идти, собрався с ратными людьми в Бакчисарай»[8]. [Назревала очередная феодальная усобица. Объектом недовольства был «ближний» Адил Гирея — Ислам Гирей, которого рассматривали в Крыму как инициатора сбора денег с полонянников]. 19 июня князь Маметша сообщил [посланникам], что князь Имит Ширинский [послал к Адил Гирею своего имелдеша Шамервяна с письмом; в котором обвинял в «наговорах» ближних людей хана и] «чтоб он, царь, выдал ему, Имит Гирею, ближнего своего человека Ислама агу да кадыскеря. А буде не выдаст, и он, Имит Гирей князь, со всеми карачеи и со всем Крымом придет в Бакчисарай и возьмет у царя ближнего человека и кадыскеря силою». Адил Гирей [не отказался от своего намерения, но вынужден был пойти на уступки. На предложение Имита Ширинского он] отвечал, что если эти люди в Крыму не любы, то он может отпустить Ислам агу,

[5] Там же. Л. 101.
[6] Там же. Л. 101—102.
[7] Там же. Кн. 44. Л. 6 об.—7.
[8] Там же. 1665 г. Стб. 3. Л. 107.

назначенного по указанию султана, но оставит кадыскеря. «А для письма и прошенья Имит Гирея князя велел царь деньги збирать с полонянников вполы — по полтретья ефимка»[9].

25 июня 1666 г. Би мурза (сын Маметши) сообщил дополнительные сведения. Имит князь Ширинский прислал к хану своего брата калгу, который говорил: «Буде он, царь, карачеям Ислам агу отдаст, и они, карачеи, Крымского юрту всем татарем велят Адил Гирею царю дать с полонянника по пять ефимков. А на ево, Ислава место, дадут ему, царю, в ближние люди Супхан Газу агу. А буде он, царь, Ислам аги им, карачеям, не выдасть и они, карачеи, Крымского юрту татаром с полонянников не велят давать и по деньге»[10]. [Это требование вывело хана из себя, и он от уговоров перешел к угрозам]: «И Адил Гирей царь калге мурзе говорил: за такое озорничество и непослушание пойдет он, царь, на него, Имит Гирея князя, с турскими ратными людьми и с пушки. И того ж числа послал в Кафу и в Козлев, велел турским ратным людем всем быть к себе в Бакчисарай»[11].

По сообщению толмача Полуекта Кучумова «черные люди с невольников по 5-ти ефимков платили, а у кого де ефимков не было, и с тех имел хан по невольнику, а иных невольников на те ефимки покупал. И собрал де крымский хан невольников, а иных покупил, с полторы тысячи человек и послал их к турскому султану в подарках за то, что ево учинил на Крымском юрте»[12].

Среди аг и мурз произошел раскол. Каит ага повинился, что по наговору князя Имит Ширинского он был ему, хану «супротивен». Зачинщик антиханской оппозиции Имит князь Ширинский, «бояся на себя ево, царева, приходу, из Крыма побежал на Тонкие воды с братьями своими: с калгою, да с Кутлушою, да с Кельмаметем, да с Алишою, да с Айвазом мурзами. Да с ним же, Имит Гиреем, побежал Супхан Газы ага з детьми, да Ак мурза»[13]. [Беглецы увели с собой] калмыков, которые были «переезжие в Крыме». [В обмен на помилование другой феодал —] Каит бей обещал хану, что он князя Ширинского «не отпустит». Хан простил Каит агу и велел ему, не мешкая, идти с калгою и нурадыном за Имит Гиреем. Сам [Адил Гирей намеревался двинуться] с турецкими ратными людьми и с пушками в Карасов[14].

Таков краткий очерк июньских событий в Крыму (со 2-го по 27-е июня). [Но этим они не исчерпывались]. Хан по вестям о приходе калмыков отправился из Карасова в Перекоп, а калга и нурадын [царевичи] преследовали князя Имит Ширинского. [По следам мятежного вассала затем] пошел и хан. К нему присоединился Каплан мурза Мансуров. Адил Гирей, остановившись в Карасове «в сараях», потребовал от кафинского паши выдачи имущества князя Ширинского, но паша отказался это сделать без указа

---

9 Там же.
10 Там же. Л. 108.
11 Там же.
12 Там же. Оп. 1. Кн. 44. Л. 8.
13 Там же. 1665 г. Стб. 3. Л. 108.
14 Там же.

султана. Князь Имит ушел к Азову, а в Царьград к султану послал с жалобой на Адил Гирея Кутлушу мурзу Ширинского[15]. Затем он перебрался в ногайские улусы Навруз мурзы Касаева. Тем временем калмыки ушли за Днепр. Князь Маметша объяснял задержку отправки посольства в Москву «нестроеньем» в Крыму. К тому же Урмаметевы, пользуясь «нестроеньем», вышли из Крыма в степь. Здесь черкасы «из нижних кошей» в степи напали на ногаев, отбили 50 кибиток («изб») с женами, детьми и имуществом. Прибывший из Царьграда чауш именем султана потребовал немедленного возвращения из похода турецких ратных людей и присылки Ислам аги. [Междоусобием в Крыму воспользовался гетман П. Д. Дорошенко. Он] отнял у крымского мурзы всю добычу, сославшись на смену хана Магмет Гирея, с которым у него была дружба. А теперь, [рассуждал гетман], когда от Адил Гирея бежали все карачеи, неизвестно, будет ли у него дружба с новым ханом[16]. [Но, по-видимому, сомнения Дорошенко насчет отношений с новым правителем Крымского юрта были устранены. Поскольку Адил Гирей проводил политику султана, он должен был поддерживать гетмана.] Хан направил на помощь ему двух царевичей и Батыршу Сулешева с 60 000 войска. Но в Перекопе их встретили запорожские казаки из Сечи. Был бой, татары понесли потери, однако заставили казаков отступить. Один царевич пришел к Чигирину, другой ходил под Нежин и Переяславль. Дорошенко тогда был в татарском таборе, [что также подчеркивало прежний курс турецко-крымской политики].

В Крыму распространился слух, что «новой де хан хочет так, чтоб козаки ни у кого в подданстве не были», а были бы так, как при Богдане Хмельницком; тогда татары их «воевать никак не станут, а будут с ними в миру и в совете»[17]. Впрочем, через князя Маметшу Сулешева хан Адил Гирей передавал посланникам о барабашах, сразу же отрекаясь от сказанного им: «И та речь высокая; тех высоких слов в дело ставить нечего. Как великому государю годно, так бы он, великий государь, и учинил, а Адил Гирей царь о мире и сам радеет...» «Да и сами не ведают, как к миру привесть... Как думали, и того бог учинить не изволил». Князь Маметша просил эти его слова хранить в тайне «сокровенно»[18]. Очевидно, при дворе хана о мире говорили много лишнего, обнаружившегося при заключении перемирия, когда стало известно соглашение с султаном о пребывании русских посланников в Царьграде. Тогда хан через Маметшу Сулешева и уведомил, что не следует придавать значения многим «высоким», как он выразился, словам. Можно понять из сказанного, что хан в конце концов более правильно оценил свою роль в вопросах внешней политики: он мог произносить «высокие слова», а решал дело султан.

В начале 1667 г. толмач Полуект Кучумов, приехавший в Москву из Крыма, сообщил, что по крымским известиям «турский сул-

---

15 Там же. Л. 109—110.
16 Там же. Л. 111—113.
17 Там же. Оп. 1. Кн. 44. Л. 7.
18 Там же. 1665 г. Стб. 3. Л. 124.

тан послал на польского короля 6 человек пашей под Каменец Подольский, да и крымскому царю польского короля воевать велел за то, что король польский помогал цесарю, как у него была война с турским. А слышал де он от тех людей, которые живут близко ближнего человека, что турский султан новому хану на поезде приказывал польского короля воевать. И паши были посланы при его (хана) отпуске». «Да ему же де сказывали, что хан посылал в Чигирин и к Белой Церкви, велел ис тех городов поляком выходить вон. А присылал де к нему (хану) о том Дорошенко умонских козаков, чтоб поляком у них в городех не быть, а они де будут послушны ему (хану). Да козаки ж де просили, чтоб с ними царь послал людей воевать великого государя малороссийские городы. И люде де с ним посланы, велено из городов высылать поляков»[19].

В статейном списке, привезенном толмачом Полуектом Кучумовым, есть запись о сношениях султана и Адил Гирея с польским королем об уступке городов по Днестру: «А буде польский король по присылке турского салтана и по письму и присылке Адил Гирея царя городов по Днестру не отдаст», тогда они пойдут на него войной «большим собраньем»[20].

При отпуске из Крыма в Москву подьячего Семена Романова в сентябре 1666 г. князь Маметша Сулешев говорил посланникам, что Дорошенко просил у хана помощи против короля, [так как гетман остался недоволен предложением из Москвы] помириться с королем. [Дорошенко намечавшееся перемирие Русского государства с Речью Посполитой встретил неодобрительно и рассматривал соглашение по территориальному вопросу по-своему. Он утверждал, что царь и король поделили «запорожских черкас»]: «запорожских чигиринцев с товарищи великий государь поступился польскому королю, а Переяславль великий государь взял себе»[21].

В декабре 1666 г. в Москву приехал крымский гонец Мамет мурза. Переговоры с ним вел в Посольском приказе думный дьяк Алмаз Иванов. Гонцы объявили цель посольства, [которая состояла в том, чтобы известить царя] о вступлении Адил Гирея на Крымский юрт, [и уведомил] о желании хана быть в мире и дружбе с Русским государством, как прежние крымские цари, «кроме Магмет Гирея»[22]. В письме ближнего человека Ислам аги Алмаз Иванов назван «начальным визирем»[23]. 8 декабря, принимая гонцов, Алмаз Иванов сказал, что для начала «доброго дела» [с той и другой] стороны надо прекратить ссоры и [военные действия]. В Москве же ведомо, что в черкасских городах, находящихся в подданстве московского государя, находятся крымские войска[24]. [Лицемерному словесному заслону татарских дипломатов один из лучших русских государственных деятелей того времени противопоставил

---

[19] Там же. Кн. 44. Л. 13.
[20] Там же. Л. 27 об.
[21] Там же. Л. 28.
[22] Там же. Л. 35—35 об.
[23] Там же. Л. 37—37 об. («Начальному визирю, другу и брату».)
[24] Там же. Л. 48 об.—49.

четкую, деловую платформу переговоров. Алмаз Иванов заявил, чтобы посланцы хана непременно написали в Крым о выводе войск из украинных городов. Мамет мурза обещал написать об этом хану]. Мамет мурза объяснил, что крымские царевичи пошли в черкасские города, потому что еще «до их посылки (в Москву) подбегали под Перекоп запорожцы с 10 000 человек и взятые их языки сказывали, что они из-за Днепра барабашенки, которые под государевою рукою»[25]. К походу крымцев призывал также гетман Дорошенко: «унять своевольников казаков, которые ему непослушны»[26]. Помощь Дорошенко была оказана, так как он в дружбе с Адил Гиреем. Многих непослушных хан привел в повиновение гетману[27]. О посольстве в Польшу Мамет мурза объяснял, что Адил Гирей посылал туда: 1) с извещением о своем прибытии в Крым; 2) о дружбе Дорошенко с Адил Гиреем, чтобы король поэтому на него войною не ходил. Ответ из Польши еще не получен[28].

На приеме в Посольском приказе дьяками было указано, чтоб он, царь, войною не посылал на те города по той стороне Днепра (Киев, Канев) и по сю сторону Днепра (Нежин, Переяславль и др.) и в Запорожье, потому что они под государевой рукой[29]. Гонцы ручались, что войны не будет, как только договор о мире будет заключен. А про Киев и Канев гонцы сказали, что эти города крымцы считают за польским королем. Дьяки сказали, что эти города «искони вечные» государевы, царская вотчина[30]. «И гонцы говорили, что они подлинно про то не ведают»[31]. Дьяки спрашивали гонцов — «каких они людей барабашами называют?» Гонцы отвечали: «называют де они барабашами днепровских казаков, а по их: баткалы, а по вашему именуется Черный лес»[32]. Дьяки сказали, что Черный лес близко к Чигирину, а не к запорожским черкасам. А Запорожье на сей стороне Днепра: нежинцы, переяславцы и иные государевы подданные. Дьяки спрашивали у гонцов: откуда были черкасы, приходившие под Перекоп? Гонцы отвечали, что они там не были и не знают, а знают только, что приходили запорожцы, которые живут в Запорожье[33].

Гонцы сказали, что в Крыму ждут присылки казны за 10 лет. Дьяки отвечали, что они затевают новое дело, «да и говорить им о том стыдно...» В те годы была война, а во время войны казны не дают. Говорят ли они то по цареву указу? Гонцы сознались, что то они «напомянули собою», потому что слышали о том разговоры царевых людей и разговоры все равно о том будут. «Дьяки отвечали: за прошлые годы казны дано не будет»[34]. Маамет ага рассказывал, что при Магмет Гирее польский король просил о помощи против

---

25 Там же. Л. 50.
26 Там же.
27 Там же. Л. 50 об.
28 Там же. Л. 51.
29 Там же. Л. 57 об.—58.
30 Там же. Л. 58.
31 Там же. Л. 58 об.
32 Там же.
33 Там же. Л. 59.
34 Там же. Л. 59—60.

маршалка Любомирского[м1], а Любомирский просил против короля. У хана была дума [с ближайшими людьми]: кому помогать. Хан в конце концов решил, что король ему всегда брат, а маршалок — холоп. Король хотя и мало что даст, а помощь ему надо учинить, «а Любомирской, хотя ему и многое обещал, только помочи ему против государя ево учинить ему не пригоже». Магмет Гирей того не успел совершить, потому что он был вскоре сменен. Новый хан Адил Гирей послал к польскому королю и к Любомирскому Дедеш агу с предложением помириться и с угрозой Любомирскому, что если он не «добьет челом» королю, то он, хан, окажет королю большую помощь, что «не токмо в Польше, и за морем он себе места не сыщет»[35].

Маамет ага торопил отправку гонцов в Крым, наивно предупреждая, что может случиться так, что король пришлет в Крым большую казну и станет просить помощи и «царь бы де на тое присылку чем не уклонился, потому что всякой человек желания своего насытитца не может и тех бы ратных людей, которые ныне в черкасских городех, помогаючи королю, не обратил на государевы городы»[36].

31 января 1667 г. крымский гонец Маамет ага был на отпуске у царя[37].

1 февраля Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин с товарищи поднесли царю договорную запись на заключение мира [с польским королем], которую надлежало отправить в Крым к хану. В 18 статье той записи написано было, чтобы обоим государям послать крымскому хану грамоты и объявить, чтоб «для соседства хан крымской с своими ордами был им обоим, великим государям, в общей дружбе и в любительских ссылках, а от войны достаточно перестал. А буде он, хан, тем возгордитца и в соседстве обоим быти не похочет, и на него стоять общими силами»[38].

31 мая в Москве стало известно, что 21 мая на Днепре запорожцы разгромили посольство и убили русских и татарских гонцов почти поголовно[39].

Быстро [направлено было из Москвы] посольство головы московских стрельцов Василия Михайловича Тяпкина в Царьград к султану Магмету о поддержании прежней дружбы и любви. В Царьград [посольство] прибыло 11 сентября 1666 г., а 26 октября было отпущено, получив положительный ответ (визирь Кюпрюлю). [Это] свидетельствовало о переломе войны и об изменении в мире[40].

Чем же окончилась ссора, происшедшая в Крыму со вступлением нового хана Адил Гирея?

---

35 Там же. Л. 64—65.
36 Там же. Л. 65 об.
37 Там же. Л. 67—67 об. и сл.
38 Там же. Л. 81—82.
39 Там же. Л. 184—188.
40 Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1666 г. Стб. 1. Л. 56, 110—113.

Ссора с Ширинскими оказала еще одно отрицательное действие на положение Крыма. Волошский князь отказался платить хану казну ввиду ухода из Крыма карачеев[41].

«Нестроенье» в Крыму улеглось так, как и следовало ожидать. Хану пришлось сбавить свой гонор. При посредстве азовского паши состоялось перемирие хана с князем Имит Ширинским и другими Ширинскими мурзами. Адил Гирей присылал к князю Имит Ширинскому большого казнадара[н1] с приглашением вернуться и попрежнему быть в карачеях. Хан обещал, что им «никакого зла не будет». Князь Ширинский был принят Адил Гиреем. Субхан Газы ага не посмел вернуться в Крым, как виновник ссоры, и поехал в Царьград[42].

Ислам ага, сумев, видимо, оправдаться от возведенных на него обвинений, был отпущен из Царьграда[43]. Но этим его дело не окончилось.

5.VI в статейном списке Якушкина и Михайлова записано, что Юсуф и Кучук Ураковы с улусами были выпущены из Крыма в приазовские степи (названа цифра в 20 000 человек), потому что они «люди не пашенные и животины в Крыму развести негде». А Урмаметевы остались под Белградом[44].

Успешны были действия крымцев против поляков. В январе царевичи вернулись (1666 г.) из похода. Татар было 20 000 человек и черкас с ними 8000 человек. Разбили табор пана Маховского[о1] и взяли его самого в полон. Сообщают о захвате татарами в полон 40 000. Вероятно, преувеличено[45].

Переговоры о перемирии Крыма с Россией затягивались. Коренная причина заключалась во вмешательстве в 1666 г. Турции в ход войны Польши с Россией. Как указано было выше, Турция потребовала от короля уступки городов по Днестру, т. е. заявила претензии, которые вскоре расширились в требование сдачи Каменец Подольского и всей Подолии[п1]. Это вмешательство смяло итоги длительной борьбы, смешало планы, которые построило русское правительство, и без того достаточно сложные, что явно носило следы творчества А. Л. Ордина-Нащокина. Нечего и говорить о том, что планы крымского хана лишились всякой реальной почвы — сохранить отношения с Запорожьем, как они были при Богдане Хмельницком.

Переговоры о перемирии с Русским государством Крыма затянулись на три года.

Не давая полного очерка событий, укажем только основные для Крыма факты. Весной 1667 г. посольство Еуфима Лодыженского и Маамет аги было разгромлено почти полностью казаками Дорошенко на Днепре между Кодака и Баткалова. Это была сознатель-

41 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1665 г. Стб. 3. Л. 125.
42 Там же. 1667 г. Стб. 1. Л. 6, 9—10.
43 Там же. Л. 7.
44 Там же. Л. 15, 16.
45 Там же. 1665 г. Стб. 3. Л. 24, 26.

но и планомерно выполненная Дорошенко диверсия, которая давала знать как Москве, так и Крыму, что нельзя не учитывать новой ситуации, создавшейся вследствие вмешательства в дела Турции[p1]. В Москве быстро поняли, кто был виновником погрома. Крымцы некоторое время пытались взвалить вину за него на казаков, подчинившихся Москве, по их определению на «барабашей». Но так как переговоры, начатые о перемирии, должны были продолжаться, то шли мало интересные препирательства об организации новой встречи. Посольские дьяки решительно отказывались от новой посылки через Днепр и настаивали на пути через Дон, но татары (Телеш ага) говорили, что для них лучше в Сибирь попасть. Дьяки отложили обсуждение вопроса, потому что крымские гонцы были пьяны. Все же вопрос решился именно так. В июле новые московские посланники Богдан Ушаков и Петр Долгов были отпущены на Дон вместе с крымским гонцом Телеш агой. Послы везли с собой «образцовую» шертную запись о возобновлении братской дружбы с ханом[46].

В статейном списке Богдана Ушакова записано, что посланники пришли в казачий Черкасский городок 15 сентября 1667 г. Телеш ага был отпущен в Крым в сопровождении толмача Тюлькина[47].

В 1668 г. 17 января посланники получили из Москвы грамоту о заключении с королем Казимиром Андрусовского перемирия[c1]. Через польского посла Станислава Биневского перемирие было подтверждено. Станислав Биневский извещал, что, узнав о перемирии, крымский хан перешел в наступление на Польшу и [турецкий] султан указал хану [«чтоб он их воевал»]. Король просил о помощи, поскольку перемирие предусматривало союз и «случение» обоих войск против хана и султана, о чем надлежало уведомить обоих «бусурманских государей»[48].

В январе 1668 г. на Дон в черкасский городок для переговоров был послан из Крыма Ходжа Темир мурза Курамшин, сын Сулешева. Донские казаки оставили в Азове аманатов. Переговоры происходили ежедневно 28—31 марта в присутствии войскового атамана Корнея Яковлева[49]. Договориться казакам не удалось. Крымцы настаивали на уплате казны за 5 лет, московские [посланники] — за 3 года, как договорились в Москве. Переговоры прервались. Ходжа Темир запросил хана. Только 4 июня посланникам было сообщено, что хан не дает никаких новых указаний о заключении договора, потому что-де Иван Брюховецкий и из Запорожья Серко будто просятся к хану в подданство и просят помощи[50]. Хан не дал им решительного ответа. Муратша мурза Мансуров и Адилша мурза Ширинский «наговорили» черных людей и со многими ратными людьми пошли к Брюховецкому на помощь. В июле 24-го Ходжа Темир прекратил пере-

[46] Там же. Кн. 46. Л. 25—28, 112—114.
[47] Там же. Л. 253.
[48] Там же. Л. 260—262.
[49] Там же. Л. 265, 266 об., 269 об., 270, 271—293.
[50] Там же. Л. 293 об., 294—297.

говоры и уехал в Крым. Московские посланники покинули Дон 29 июля[51].

Новое обсуждение шертной записи произошло спустя примерно год, в Москве в Посольском приказе. В нем участвовали дьяки Герасим Дохтуров, Лукьян Голосов и Ефим Юрьев. Со стороны Крыма Сефер ага, Терехтемирь и Шахтемир аталыки. С 24 мая 1669 г. по 24 сентября 1670 г. произошло 12 встреч, на которых детально обсуждались все условия шертной записи. Обсуждения затягивались вследствие расхождения во мнениях между собой крымских послов, а также вследствие упорного стремления русского правительства навязать крымцам принятие условий Андрусовского перемирия[52]. Крымцы настаивали на уплате казны за 13 лет, а дьяки соглашались на казне за 3 года. Крымские послы то соглашались на 3 годах, то снова предъявляли повышенное требование. Впрочем, трудно сказать, не было ли это нелепое требование лишь тактическим приемом[53]. Наконец, этот пункт был утвержден[54]. Спор вызвал пункт об одновременном мире между [крымским] ханом, королем [польским] и государем московским. В случае ссоры между королем и ханом государь московский собирался взять на себя роль «миротворителя», как напыщенно выражался А. Л. Ордин-Нащокин. Крымские послы, естественно, отвечали, что им «до того дела нет». Едва ли вообще и та [Крым], и другая сторона [король] хотели принять такое насильственное посредничество. Крымцы отвечали, что у них с королем заключено мирное соглашение об уплате им королем 40 000 золотых в год, т. е. они сами устанавливают свои отношения с королем и в посредничестве не нуждаются. Дьяки предлагали, чтобы паны-рада прислали от себя кого пристойно для участия в подписании договора. Крымцы, естественно, и на это предложение отвечали, как и раньше, что им «до того дела нет». Дьяки настаивали на включении в шертную запись о мире днепровских казаков. Крымцы отвечали, что казаки «люди непостоянные», «шаткие и своевольные». Вполне понятно старание крымских послов всячески отпереться от навязываемых им подобных условий. А. Л. Ордин-Нащокин особенно настаивал на включении в договор положения, что все три государя: хан, король и московский царь находятся между собой в мирных отношениях[55].

По окончании переговоров в Москве немедленно были посланы Василий Ельчин и Яков Чернцов в Крым. Они выехали в Крым в апреле 1670 г. и 11 сентября вернулись в Москву. Целью посольства было подписание шертной мирной записи[56]. У хана была дума «по два дня и больше». Посланники «многажды были в ответе» у ближних людей. Хан решительно отказал, чтобы в шертной записи приняли участие карачеи «пяти родов» (Ширинские, Мансуровы, Мулешевы, Куликовы, Аргинские): «того де в Крым, николи не

---

51 Там же. Л. 312, 314 об.
52 Там же. Кн. 49. Л. 152, 180 и сл.
53 Там же. Л. 188 об.—187 об., 190.
54 Там же. Л. 190—192.
55 Там же. Л. 189, 199 об. и сл.
56 Там же. Л. 138, 139 об., 145, 146 об.

бывало». Вызвало возражение и у хана именование польского короля «великим государем»; он выбран из гетманов, а Адил Гирей не пишется «великим государем», хотя он «природный государь и царского поколения». Василий Ельчин и Яков Чернцов сообщали, что к хану «приходили черные мурзы и татаровя и говорили с великим упрямством, чтоб хан с великим государем не мирился», «чинят всякому доброму делу нарушенье и мятеж и государя именованье и титул велят писать в шертную ханову грамоту по старому, как было при прежних ханах»[57].

Выкуп за В. Б. Шереметева был установлен в 60 000 ефимков, часть золотом за три года[58].

Смена хана Магмет Гирея в Крыму и назначение нового хана Адил Гирея сопровождались резким поворотом внешней политики, весьма осложнившим достижение мирного окончания войны, которую вела Россия. Вместо одной войны она получила вторую. Руководители русского правительства не предвидели вмешательства такого мощного фактора, как турецкое правительство, которое создавало новую, гораздо более тяжелую перспективу для Москвы. Турецкое правительство долго выжидало и заявило свои претензии, когда русское правительство начало переговоры с Польшей о перемирии с довольно высокомерным намерением играть роль покровителя Польши, посредника между Польшей и Крымом и, более того, объединить силы против бусурманских государей.

Уже в 1666 г. султан и Адил Гирей вели сношения с польским королем об уступке султану городов по Днестру: «А буде польской король по присылке турского султана и по письму и присылке Адил Гирея царя городов по Днестру не отдаст», тогда они пойдут на него войной «з большим собраньем»[59]. Отпуская толмача Ивана Свиридова из Крыма в Москву, боярин В. Б. Шереметев поручил ему передать в Москву: «Сказывал де ему, боярину, царев ближний человек Ислам ага, как де учинился на крымском юрте Адил Гирей хан, и почала от него быть война польскому королю». Польский король просил [турецкого] султана удержать хана от войны. Но султан через визиря предъявил королю требование «не мириться» с московским государем — в этом случае [он] запретит хану воевать с [польским королем]. Если же помирится [король с московским государем], то не станет султан удерживать хана от войны[60]. План султана был совершенно ясен. Источник осведомления надежен — Ислам ага содействовал воцарению Адил Гирея и хорошо знал намерения султана.

В сентябре 1666 г., во время отпуска в Москву подьячего Семена Ремезова Маметша Сулешев говорил посланникам, что Дорошенко просил у хана помощи против короля, потому что великий государь помирился с королем и запорожских черкас меж собой поделили: «заднепровских чигиринцев с товарыщи великий государь

57 Там же. Л. 138 и след. Там же. Л. 32—33, 105—113 об., 286.
58 Там же. Л. 147 об., 148.
59 Там же. Кн. 44. Л. 27 об.
60 Там же. 1667 г. Стб. 12. Л. 5—6.

поступился польскому королю, а Переяславль великий государь взял себе»[61].

В[т1] начале 1667 г. толмач Полуект Кучумов, приехавший в Москву из Крыма, сообщал последнюю новость, что-де в Крыме говорят, что «турский султан послал на польского короля 6 пашей под Каменец Подольский, да и крымскому царю польского короля воевать велел за то, что король польский помогал цесарю, как у него была война с турским. А слышал де он от тех людей, которые живут близко ближнего человека, что турский султан новому хану на поезде приказывал польского короля воевать. И наши были посланы при его (хана) отпуске». «Да ему же де сказывали», что хан послал в Чигирин и к Белой Церкви, велел из тех городов полякам выходить вон. А послал к нему (хану) о том Дорошенко уманских казаков, чтоб полякам «у них в городах не быть, а они-де будут послушны ему (хану). Да казаки же де просили, чтоб царь послал людей воевать великого государя малороссийские города. И люди де с ним посланы, велено из городов высылать поляков»[т1].

Так незаметно Россия была втянута в новую войну с Турцией.

Глава шестая

КАЛМЫКИ И НОГАИ В КОНЦЕ 50-х И В 60-х ГОДАХ

В третьей главе достаточно подробно исследовано состояние орды Больших и Малых ногаев в 40-х и начале 50-х годов. Еще подготовляясь к войне с Польшей, русское правительство усилило внимание к состоянию Больших ногаев: усиление распада орды, уход за Терек и далее в Крым, положение отколовшихся улусов Урмаметевых за Доном и присоединившихся к ним несколько позднее улусов Ураковых (из Малых ногаев). В 50-х годах астраханские воеводы по указанию из Москвы настойчиво добивались присяги Малых ногаев русскому царю. Известные успехи были достигнуты. Мурзы обеих половин Малых ногаев присягнули Москве. [В документах] мелькают имена крупных казыевских мурз: Арсланбек, Навруз и др., присягнувших русскому правительству. Однако воеводы хорошо сознавали зыбкость достигнутых результатов. Воеводы добивались упорно привлечения военных сил ногаев к войне против Польши и Крыма, по крайней мере к удержанию их от войны против России. В этом они потерпели полную неудачу. Мурзы Малых ногаев нашли способы отвести от себя эти настроения. Более того, вообще среди всех ногайских улусов все нарастала тревога и беспокойство, как писали воеводы, «шатость и молва большая». Устойчивость ногайских орд была ненадежна. Начало войны с Польшей[у1] привело в движение всю массу татар, включая даже улусы темрюцких и горских татар. Слишком был велик соблазн участия в большой войне и обильной добычи.

---

[61] Там же. Кн. 44. Л. 28.

Иначе сложились отношения русского правительства с калмыками. Удалось добиться их шертованья на верность и активного участия в войне против Крыма. Активные их действия заметны с конца 50-х годов, а особенно в 60-х годах.

Отношения с калмыками существенно изменились с момента принесения шерти калмыцких тайш и принятия ими на себя обязательств военного характера. В сущности, нападения калмыков и находившихся с ними в союзе частей ногайских улусов на крымцев и поддерживавших их ногаев приносило им ту же добычу, как и татарам, участвовавшим в войне на Украине и с Русским государством. Разница лишь была в том, что они несли меньше жертв.

Дайчин тайша, его сын Манчак тайша, внук Манжик и остальные принесли шерть русскому царю и дали в аманаты Мончакова шурина и 2 родственных людей в начале 1657 г. Часть едисан, ранее отошедших от Астрахани, вернулись обратно[1]. Дайчин тайша получал жалованье.

Крымский хан присылал к Дайчин тайше своих послов во главе с Караш мурзой (Ширинский?), но получил отказ в военной помощи против русского государя[2].

Первым крупным военным предприятием Дайчин тайши был поход калмыков на улусы Малых ногаев, на темрюцких и отчасти на улусы горских ногаев. Посыльщики от Дайчин тайши в Астрахань к воеводе Григорию Сунгелеевичу Чуркасскому показали, что в походе они были 4 месяца зимой 1660—1661 гг. Поход начался в ноябре 1660 г., вернулись утомленными, лошади «выбиты», нужен [был] отдых не менее 65 дней. В других показаниях находим сведения о том, что в походе побили и Больших ногаев, захватили живым сына Салтанаш мурзы Аксак Кельмаметева Ябагу. Улусные люди говорили, что походом они были за Азовом под Темрюком и захватили улусы Навруз мурзы Касаева и Девей мурзы (Ураковы половины), взяли полона с 3000 человек. У Навруза мурзы убили сына. Захватили все животы, стада[3]. С урочища Маныча «идут тихим обычаем, для того, что де у них лошади от дальных походов худы».

Есть сведение, что летом 1661 г. калмыки вторично ходили на казыев улус, затем воевали в горах Алегука и Хододжкеп, угоняли лошадей, побили узденей, захватывали ехавших из Азова торговых людей. В столкновениях калмыки сами несли потери[4].

О действиях калмыков под Крымом в 1661 г. можно отметить следующее. Дувар тайша со своими улусными людьми отогнал из-под Крыма 2000 лошадей и увел 100 человек ясыря. Из улуса Мончака тайши калмыки совершили набег и увели 150 человек ясыря. Калмыки улуса Солум Сереня готовились к походу под Крым[5].

В 1662 г калмыки Мончака готовились к новому походу под Крым, имея намерение Крым взять, потому что около него ника-

[1] Ф. 119. Калмыцкие дела. 1657 г. Стб. 1. Л. 19; 1659 г. Стб. 1. Л. 6, 12—13.
[2] Там же. 1659 г. Стб. 2. Л. 8—9.
[3] Там же. 1660 г. Стб. 5. Л. 11—12, 16—17.
[4] Там же. 1661 г. Стб. 1. Л. 48—49.
[5] Там же. 1662 г. Стб. 1. Л. 7, 10, 14. 17.

ких крепостей не было. Зимой 1662 г. калмыки Мончака тайши были под Крымом, напали на улусы Навруз мурзы (ногайского мурзы) и Девоя мурзы, отогнали 15 000 лошадей (если не преувеличено) и убили 20 человек[6].

По присылке воеводы Григория Сунчелеевича Черкасского из улуса Солум Сереня и других улусов собрались люди к урочищу Солу и оттуда пошли под Перекоп, не дойдя до Перекопа, собрались у Молочных вод. Сюда же пришли донские и запорожские казаки числом всего 500 человек, «а в головщиках у воинских людей Стенька Разин донской казак, а у запорожцев Сары Манжик». Отсюда, сложась вместе, пошли войной под Перекоп, взяли у крымских татар 2000 лошадей, да 3000 коров, до 600 баранов, да польского ясыря мужчин и женок, девок и ребят 350 человек. Отсюда пошли к Молочным водам, их преследовали «заставные люди с 600 человек с головщиком Сефер Казы агой. С ним был бой. На том бою было убито 30 человек крымцев и ранен Сефер Казы ага, умер или нет, неведомо. На Молочных водах добычу поделили. Донские казаки и запорожцы со своей добычей ушли. Калмыки совершили еще одно нападение на Крым на урочище Чукар (м. б. Чонгар?). Захватили 1000 лошадей, но преследователи отбили всех коней и убили 12 человек калмыков. Татары потеряли 5 человек убитыми и лучшего человека Казан Бек агу. После того разошлись. Калмыки ушли к Дону. Были "снега великие" и "лошади выбиты"».

В августе 1660 г. ногайские мурзы и татары, кочевавшие в степях, совершили нападение под Торские озера, но были погромлены и лишились жен и детей. Мурзы обратились к Г. Г. Ромодановскому с просьбой вернуть им полон, принять их в подданство государю и разрешить им кочевье по Северскому Донцу[7]. Но все это был нехитрый обман. Посланный к ним для выяснения серьезности намерения служилый человек не нашел их в степи. После долгих поисков он обнаружил ногайские улусы во главе с Казы мурзой под Белым городом со всеми улусами в количестве 30 000 человек. В Крыму было смятение великое, когда стало известно о действиях ратных людей на Дону во главе с Яковом Хитрово, с крымцами бои, многие улусы повоеваны. Так как был слух, что Казы мурза готов перейти в русское подданство, хан загнал улусы за Днепр, разделив их на две части: одну оставив под Белгородом, другую послал в черкасские города к Ю. Хмельницкому, а самого Казы мурзу взял в Крым. Братья Казы мурзы — Кубек и Юсуп и мурзы должны были к зиме переправиться к Крыму к Перекопу.

Хан руководствовался тем соображением, что улусы, кочевавшие в степи, проявляли постоянное недовольство «утеснением», которое испытывали ногайцы Урмаметевы и Ураковы от скудности кочевий под Крымом и в самом Крыму и беспомощностью против

---

[6] Там же. Л. 43, 101.

[7] Ф. 127 Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. 1660 г. Стб. 1. Л. 1—5, 84—90, 100—103, 106—107, 108—114, 127—133.

русских и калмыков. Отсюда их непослушание хану и постоянным принудительным передвижениям их по степям. Впрочем, и крымцы и ногаи одинаково, как они говорили, им было «тошно» и чувствовали себя ненадежно и скудно под властью Крыма. Выше было сказано, что ногаи не чувствовали себя свободно в степях, но и в самом Крыму им было тесно с их огромными стадами, что признавали крымцы. В целом положение было безвыходным для ногаев, все более стесненным в их кочевьях.

Одновременно, по-видимому, с действием калмыков, когда действовал Степан Разин и запорожцы, другие калмыцкие отряды совершали нападения на Крым. Но источники не дают твердого основания отождествлять эти нападения.

Калмыцкие отряды были составлены из калмыков двух тайшей — Соло (или Солум) Сереня и Дувара. Расспросные речи в Царицыне воеводой Григорием Сунчелеевичем Черкасским в 171 г. 25 февраля калмыченин из улуса Солом Сереня касались их похода под Крым. У урочища Сала разделились надвое. Одни пошли на реку Кобан к горам, другие пошли под Крым к Перекопу. В первый раз они отогнали крымских 300 лошадей и привели их на свой стан на урочище Илкис. Вторично ходили под Крым и отогнали их ближнего царева человека Сеферь Газы аги 20 000 баранов и пригнали к себе на стан. В третий раз ходили под Перекоп; на бою калмыки потеряли 2 человек. В четвертый раз ходили под Крым, отогнали 500 лошадей и 150 коров. Калмыков преследовали отрядом в 500 человек. Был бой. Убито крымцев 70 человек, пострадал в бою Караш бей (убит или ранен) и Казы бей ага, знамя [их калмыки] отняли и знаменщика убили. С захваченной добычей шли «тихо, потому что сами притомились и лошади выбиты»[8].

В 1663 г. марта 16. Расспросные речи о том же нападении калмыков калмыченина улуса тайши Дувара: посланы были в поход осенью в 1662 г. Стали у урочища Сала. Отсюда пошли на Молочные воды и далее к Шонкару (или Чонкару). Здесь отогнали у крымцев 2500 баранов, взяли 10 человек мужчин и женщин польских людей, 90 быков «да десеть лошадей», убили 2 человека «владетельных» крымских людей. Вернулись на Молочные воды. Стояли здесь 2 недели, кормили животину и, откормив, с небольшим числом людей послали к себе в улусы. С остальными людьми вновь пошли в поход. Пришли на урочище Илкис. Захватили 400 лошадей, убили 2 человека, взяли 3 человека литовских людей. На урочище Илкис кормили лошадей. В третий раз ходили под Крым, убили до смерти 2 человека, взяли 100 коров. На урочище Илкис кормили лошадей дней 20. Отсюда пошли в поход в 4-й раз на урочище Канылчик. Здесь взяли 400 лошадей и 200 коров да 16 человек польских людей мужского и женского пола. Пошли было к себе на стан, но подверглись нападению двухсот крымцев, [которые] убили Казы Бег агу, сына его и зятя. 80 человек крымцев отбили знамя. Вторично бились с Мустафа беем, крымцев было 100 человек. Убили 4 крымцев, а ранили Караш бея. Остальные с Мустафой бе-

[8] Ф. 119. Калмыцкие дела. 1663 г. Стб. 1. Л. 190—192, 198—199.

ем ушли, потому что «приспела ночь». Калмыки все уцелели. На урочище Илкис были 15 дней. Снова (в пятый раз) ходили под Перекоп и на урочище Каныла, взяли 100 (или 150) лошадей, 70 коров, да 2 пастухов (русских или польских, не ведает). Вернулись на урочище Илкис. Отсюда пошли к себе в улусы[9].

Приведенные примеры калмыцких вторжений на территорию Крыма характерны своими приемами. Если сопоставить эти нападения с действиями татар на Украине и на границах Русского государства, то никак нельзя заключить, что калмыки решительно срывали татарские вторжения, татарскую войну, но мешать ей, тормозить ее свободный и широкий размах — [эта] цель достигалась.

Сведения о нападении калмыков на Крым подкрепляются сообщениями русских посланников Якушкина и Гаврилова от 1662 г. В апреле 1662 г. Маметша Сулешев сообщал посланникам о приезде [в Крым] калмыцких послов от Дайчина тайши — 2 человека, [и сообщили], что калмыки в настоящее время с царем московским находятся в мире и аманаты в Астрахань калмыками даны. Если хан Магмет Гирей хочет с тайшами быть в мире, то пусть вернет ногаев, взятых с Караш аталыком в 167 г. Калмыки откочевали в Крым по наговору Караш аги. Если ногаев не вернут, то калмыки угрожали походом на Крым совместно с русскими ратными людьми[10].

Беспокойство со стороны калмыков и постоянные нападения черкас под Крымом вызвали проекты укрепления Днепра новыми городами и сплошным валом от этих городков до Азовского моря. За тем валом кочевать ногайцам. Установить с ногайцев со всех их пожитков «десятое», из которого платить жалованье ратным людям, которые будут устроены в тех укрепленных городах.

С сентября 1662 г. до самого конца поступали в Крым сведения о постоянных действиях калмыков под Крымом в степях и под Перекопом. Нападали на встречавшихся в степях татар. Интересны сведения о том, что на этот раз они стояли 7 дней на Черных колодезях, 4 колодезя калмыки «вычистили, а были они засыпаны». Есть сведения о приходе под Перекоп Серко с черкасами. У калмыков было столкновение с Ширинским, когда он шел в Черкасы.

Крымские мурзы разведали о наличии в степях множества калмыков, что к Перекопи «пригоняют и громят». По всем деревням в Крыму набирают татар и сгоняют их в Перекоп, а калмыки стоят у Конских вод.

Под 19 декабря в статейном списке записано, что хан заказал горским черкасам изготовление 4500 копий по данному им образцу, «а биться им с копьи против калмыков. А перекопский де Мустафа бей копий сделал немало».

1663 г. был насыщен калмыцкими нападениями на Крым. В январе 1663 г. молодой подьячий Макар Дьяков, ездивший в Бахчисарай для хлебной покупки, узнал от «царева купчины» Ефуда, что азовский паша сообщил хану весть от ногаев Шейдяковых о

---

9 Там же. Л. 217—219. Аналогичное показание о калмыцких нападениях в том же году см.: Там же. Л. 221.

10 Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 43. Л. 2 об.—3.

намерении калмыков кочевать в крымских степях и о присылке на Дон большого количества русских ратных людей. Паша просил о присылке в Азов воинских людей для его защиты. Хан Магмет Гирей распорядился «для спасенья от калмыков» переписать во всех крымских городах гречан, тарханов, армян и «жидов» и велеть им всем иметь пищали. Сам хан, царевичи, карачеи, мурзы и уланы «кормят лошадей, блюдяся калмыцкого прихода»[11]. Азовский бей ввиду угрозы со стороны донских казаков предложил султану поставить на Миусе новый город, чтобы закрыть казакам выход в море. Султан указал Магмет Гирею наметить место для постройки города. В то же время хан распорядился всех полонянников «крепить», а всех крымских татар переписать для сметы, всем готовить лошадей (по 2 на каждого). Приказано было перевести ногаев из-под Белгорода под Крым[12]. Павел Тетеря, сделавшийся гетманом ввиду отказа от гетманства Ю. Хмельницкого, предложил ногайские улусы, кочевавшие подле волошских рубежей, под командой «чесного человека» перевести под Чигирин. Но Магмет Гирей распорядился перевести ногаев (Уракова улуса) под Крым для его охраны. Ногайские же мурзы отказали в повиновении, и хан предоставил им самим выбирать себе место для кочевья «где покойнее»[13]. Постоянные угрозы прихода калмыков побудили хана предпринять большие работы по укреплению Перекопского перешейка. Хан решил в мае построить «стену каменную» по старому валу с привлечением на работу всего населения Крыма «без выбору», «а также крепости велел делать для береженья Крымского юрта от калмыцкого приходу»[14].

Все эти оборонительные меры не были препятствием для нападения калмыков, запорожских и донских казаков и действий русских ратных людей под Азовом и на море. Уже в январе 1663 г. перекопский воевода Мустафа сообщил о нападении калмыков на Чонгару и отгоне ими 1000 лошадей, преследование калмыков было невозможно из-за больших снегов[15].

Хан отказал польскому королю в помощи против непослушных украинских гетманов[16]. Турецкий султан, не считаясь с трудным положением Крыма, требовал от Магмет Гирея помощи в войне против Венгрии. Магмет Гирей пытался отказаться, потому что «порубежные государства» все собираются идти на Крым. В случае неповиновения султану хану «впредь добра будет мало». Хан отвечал, что он «султанова письма слушать рад. Только его, царя, карачеи не слушают, на венгер, покиня крымской юрт, с ним, царем, ити не хотят. А он, Магмет Гирей, царь, хотя и пойдет своим двором и в том турскому султану прибыли будет мало». А карачеи посылали от себя челобитчика Шихалея агу, что им, карачеям, на венгер идти войною, покиня Крымский юрт, нельзя: «только де без них, карачеев, какая поруха над Крымским юртом учинитца, и

---

11 Там же. 1663 г. Стб. 2. Л. 1.
12 Там же. Л. 4, 5.
13 Там же. Л. 7.
14 Там же. Л. 12.
15 Там же. Л. 2.
16 Там же. Л. 3.

турскому султану учинитца не к чести»[17]. Магмет Гирей нашел выход в том, что отправил в поход против венгров своего сына Агмет Гирея «со своим двором», т. е. с небольшим количеством подчиненных ему людей, не осмеливаясь поднять в поход карачеев с их улусами[18]. Гетману Павлу Тетере Магмет Гирей в помощи отказал, потому что ратные люди самому Крыму «надобны»[19].

В Перекоп в ожидании прихода калмыков были посланы ратные люди мурз, аг, сеймены самого хана, калги и нурадына. Никакие оборонительные меры не могли остановить неутомимого Ивана Серко из «нижних кошей». В сентябре одновременно с калмыкамим он напал под Перекопом и отогнал большие стада[20]. Еще более неприятны были активные действия доңских казаков под Азовом и на море, когдà туда пришел отряд русских ратных людей под командованием Ивана Хитрово: казаки в стругах выходили в море, приступали к Керчи, захватили на море под Балыклеей 2 торговых корабля (один с хлебом, второй с шарапом), шедших в Кафу[21]. В июне азовский паша сообщил о приходе «больших людей» калмыков на улусы Малых ногаев. В июле 400 человек калмыков приходили к Перекопу, сбили царевы и нурадыновы шатры, захватили на бою мурзу, побили многих татар, едва не захватили самого Магмет Гирея и нурадына; их выручили сеймены. В Перекоп был вызван калга. Однако после ухода Магмет Гирея калмыки вновь [напали] и за Перекопом хлеб сжатый в копнах и сено пожгли. Позднее Иван Серко напал на татарские улусы под Белгородом (Аккерманом), выжег деревни, отогнал стада, освободил русский полон, вообще учинил большое разоренье. Вторично [Серко] напал на татар вместе с калмыками под Перекопом, погромили и сожгли посад, захватили добычу[22].

В середине года среди правящих кругов Крыма возобновилась ссора. Калга, нурадын, царевичи и карачеи предъявили претензии к Сеферь Газы аге, что он, «взяв большой окуп, без царева ведома» отпустил в Москву полонянника Степана Жданова. Магмет Гирей, «видя такой большой шум» на ближнего человека, отставил его от должности. В октябре от полонянника алаторского татарина, жившего у Сеферь Газы аги «на утаре» (соляные промыслы на реке Зуе), посланники узнали, что нурадын посылал к ближнему человеку своих двух людей и велел агу убить: « и по ево приказу Сеферь Газы агу (они) покололи саблей в брюхо, и от тое раны он, Сеферь Газы ага, умер». [В ноябре] стало известно, что князь Караш (Ширинский) был восстановлен в должности Перекопского бея. Сообщалось еще, что Караш бей пытался преследовать калмыков с отрядом татар в 500 ратных людей, но «прибежал», потеряв в бою 400 человек[23].

---

17 Там же. Л. 6.
18 Там же. Л. 9—10.
19 Там же. Л. 8, 9.
20 Там же. Л. 52, 56—58.
21 Там же. Кн. 43. Л. 10 об.—12 об.
22 Там же. 1663 г. Стб. 2. Л. 43.
23 Там же. Л. 43, 56—58.

Набег калмыков на Крым в 1663 г.

Отписка Григория Григорьевича Ромодановского

Расспросные речи курченина рейтара Сергея Клесова полка Семена Писарева, что в 171 г. «после Великого дня, спустя четыре недели» ушел из Крыма. Взят был под Чудновом. В Крыму он слышал, что калмыки громили ногаев, многих побили и в полон поимали, а громили до самого Крыма, на Конских водах: крымский хан послал [на калмыков] салтана, который воевал с калмыками, стада у калмыков были отбиты, но полон весь с собой увели. Хан не дал помощи турецкому султану против «кизил башей» и против венгров, потому-де, что Крым воюют калмыки и запорожские казаки[24].

В начале 1663 г., в июне Г. Г. Ромодановский получил известие, что на полтавские села и деревни приходили татары. Татар побили и взяли «живьем». Посылавшиеся к Маяку татары показали, что калмыки громили ногаев, говорили о посылке [в помощь польскому королю] части татар (с одним салтаном) «на конфедератов», «а другова салтана... послал на венгров, а четырех де мурз с ним четыре тысячи человек прислал за Днепр, а трех человек мурз... для обереганья Озова от колмыков и от донских казаков»[25].

Другой пленный татарин показал о посылке татарских мурз с татарами с 3000 человек за Днепр. Еще один татарин показал о нападении калмыков на ногаев меж Перекопом и Чунгара. Имеются сведения о помощи крымского хана против калмыков Большим ногаям — очевидно Урмаметевым улусам[26].

Глава седьмая

ВТОРЖЕНИЯ (ХАНОВ) 1660—1680-х ГОДОВ

1665 г.

В течение 1665—1666 гг. никаких существенных сведений о татарских нападениях на Русское государство нет. Что же отвлекало татарские силы от войны?

Хлопотливое дело было возложено на Магмет Гирея — выполнение требования султана о переводе ногаев двух ветвей — Урмаметевых и Больших ногаев Ураковых и мурз ногаев (Ураковы половины) на левую сторону Днепра. Вопрос этот возник еще ряд лет назад. Ногаи доставляли слишком много неприятностей волохам и мунтьянамФ[1]. Происходили ссоры между ногаями и белгородскими татарами. А султан, считая области волохов и мунтьян и белгородских татар подчиненными ему областями, в какой-то мере прислушивался к жалобам на ногаев и крымцев. Однако и крымцы были заинтересованы в белгородских татарах. Посланный для перевода

---

[24] Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Приказного стола. Стб. 230. Л. 106—107.
[25] Там же. Л. 107—108.
[26] Там же. Л. 117, 118, 121—122.

ногаев за Днепр нурадын или сын Магмет Гирея — Агмет Гирей не имел успеха. Столкновения с ногаями сопровождались большим уроном. Это было в 1665 г. В следующем году туда пошел сам Магмет Гирей. Но хан сделал не лучше и учинил еще большее разоренье. За это султан отнял у хана Белгород и владеть им не велел, «а которые деревни были крымских мурз, и те все велел пожечь»[1]. В апреле ногаи Ураковых улусов подчинились и ушли за Днепр, а Урмаметевы отказались. В мае [поступило] новое требование [турецкого] султана. В мае же часть улусов Ураковых снова [вернулась] обратно на правую сторону Днепра. Магмет Гирей вновь пытается выполнить указ султана. В июне Урмаметевы отказались подчиниться требованию перекопского князя Караша Ширинского[2]. Это затянувшееся дело характерно для состояния кочевых татар, вольных и не подчинившихся ни Крыму, ни самому султану, хотя и с жертвами для себя. В пределах нашего исследования это метание распылившихся татарских улусов все время продолжалось и было одним из обстоятельств смены хана султаном.

Крымцы имели претензии к [польскому] королю, что он, несмотря на их помощь ему,— несли убытки и жертвы — не присылает им поминков. Понимание ущерба хана в войне, конечно, очень своеобразно, потому что крымцы не считали живой добычи. Им нужны были сверх всего и деньги: дело шло об удовлетворении запросов не черных татар, а ханского двора и мурз.

Магмет Гирей был бессилен помочь какой-либо стороне в междоусобной борьбе короля с маршалком Любомирским[3]. Неблагоприятно для крымцев развивались события на Украине. Г. Г. Ромодановский и Иван Брюховецкий действовали на правобережной Украине. В июле Магмет Гирей посылал несколько мурз на Украину, но добыча была скудной[4]. Энергичные действия калмыков вместе с Иваном Серко также сильно стесняли свободу действий крымцев.

В августе 1665 г. в Посольском приказе крымских послов принимал думный дьяк Алмаз Иванов. Посол сообщил условия мира, приемлемые для крымцев: 1) вернуть польскому королю взятые у него города, 2) на море казачьих стругов не посылать, 3) бусурманским землям в пределах Русского государства «зла и убытков не чинить», 4) казну в Крым продолжать присылать с прибылью. Посол не соглашался изменить какие-либо условия и считал без этого обмен послами излишним[5].

Россия и Крым. 1667—1671 гг.

Выше было указано, что вмешательство султана придало иное направление военной активности хана. Однако детали внешнеполитической ситуации сохраняют еще много неясностей. Польский

---

[1] Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 44. Л. 15—15 об.
[2] Там же., 1663 г. Стб. 2. Л. 90, 93—95; 1665 г. Стб. 3. Л. 1—2, 3.
[3] Там же. 1663 г. Стб. 2. Л. 90, 92—93; 1665 г. Стб. 3. Л. 4—5.
[4] Там же. 1663 г. Стб. 2. Л. 89—90; 1665 г. Д. 3. Л. 2.
[5] Там же. 1665 г. Стб. 8. Л. 5—10.

король пытался возобновить мирные отношения с Крымом, во всяком случае добивался приостановки татарских нападений. Но не имел успеха, да и не мог его иметь, поскольку эти намерения шли вразрез с планами султана. Султан, посылая против короля крымцев, разрешил хану брать в помощь ратных людей из Белгорода и с румелийской стороны[6x1]. Адил Гирей посылал против короля калгу и других царевичей. Был слух, что султан отказывал королю в его настойчивых просьбах запретить татарские нападения, пока он не «нарушит присягу», данную московскому государю и не нарушит с последним мир[7].

Политика Турции выяснилась еще в 1666 г. и проводилась твердо. Турция не хотела допустить полного успеха русского правительства в войне с Польшей и в этом направлении заставила действовать и Крым, хотя мурза Батырша Аргинтинский, стоявший под Чигирином и знавший о состоянии дел на Украине, предостерегал хана против спешки в военном вмешательстве против короля[8]. Мурза оказался прав. В ноябре 1667 г. калга Крым Гирей вернулся в Крым, понеся жестокий урон. Кроме того, что запорожцы из «нижних кошей» побили и взяли в плен многих татар, в польских городах поляки в «загонях» захватили в полон людей из поляков Крым Гирея. Общие потери татар, если верить сообщениям источников, достигли 7700 человек.

Основные силы крымцев были заняты походами за Днепр. Надо еще учесть большое напряжение, которое создавали постоянные нападения на Крым запорожцев из «нижних кошей». В сентябре 1667 г. черкасы, напав на Перекоп, выжгли посад, часть людей порубили, иных взяли в плен, царевича Абл Гирея ранили, освободили много русских полонянников. Сам хан двинулся в Перекоп. В октябре черкасы совершили еще более удачное нападение на Перекоп и Чунгар, разрушили сторожевую башню, погромили села и деревни, освободили много русского полона и захватили в полон много татар. Черкасы доходили до Старого Крыма и разорили Сарай князей Ширинских. На Тонких водах запорожцы были осаждены Абл Гиреем, но отсиделись в обозе. Крымский полон они привязывали к обозу, чтобы по нему не стреляли. В обозе были лодки, при помощи которых черкасы переправились через залив. Ночью, порубив полон, они ушли в Запорожье.

Единственное указание о нападении татар на русские украинные города касается Торских озер, о чем сообщал из Белгорода князь Юрий Борятинский в марте 1667 г. На Торские озера беспрестанно «пригоняют» татары в лес «по дрова и с Мояцкого на Торские озера никаким людем проехать не дадут». Нападают «на дровяные обозы», людей ранят и в полон захватывают. Это были факты обычные, вероятно [татары] ногайские и азовские. В июле тот же князь Борятинский сообщил сведения о при-

---

6 Там же. 1667 г. Стб. 1. Л. 11.
7 Там же. Л. 16, 18—19.
8 Там же. Л. 18.

готовлении хана [в поход] «со всею ордою большим собраньем» на украинные города[9]. Правда, [позднее] это сообщение не подтвердилось.

1668 г.

В марте 1668 г. со слов пристава Сефералея в статейном списке Гаврилы Михайлова записано, что из Чигирина Петр Дорошенко и Иван Брюховецкий и из Запорожья Серко просятся в подданство к хану и просят о помощи. Адил Гирей будто бы не отклонил, но и не удовлетворил их просьбы о помощи. Но мурзы решили вопрос самостоятельно: «наговоря де черных людей Муратша мурза Мансуров да Адилша мурза Ширинский и собрався со многими ратными людьми к Брюховецкому на помощь из Крыма пошли, а после де их хотел идти и калга салтан». Гаврила Михайлов имел сведения о сношениях Ивана Брюховецкого с султаном через полковника Гамалеенко[10]. Хану предоставилась возможность выбирать между конкурентами; на деле мурзы и произвели такой выбор.

Оставляя в стороне военные события на правобережной Украине, укажем только, что, несмотря на сведения о тяжелых потерях, понесенных там татарами, к лету 1668 г. борьба была перенесена на левую сторону Днепра. Русское правительство имело здесь несколько опорных пунктов с гарнизонами и воеводами. Под Котельвой[ц1] стоял обозом с значительным гарнизоном Г. Г. Ромодановский. Он осаждал город, упорно сопротивлявшийся. Дорошенко и Брюховецкий с войсками конных и пеших черкас и татар, которые были здесь еще с зимы и по их призыву пришли вновь из Крыма, собрались к Котельве ближе к обозу Г. Г. Ромодановского в 10 верстах. Июня 8 в Будищах состоялась рада, на которой решался вопрос об избрании гетмана. Когда они сошлись, меж ними произошла ссора. Дорошенко призывал к себе мурз, чтоб ему одному быть гетманом, и учинил с ними договор, чтоб выдать ему из Гадяча и из иных городов твоих государевых воевод и ратных людей, лошадей и животину и всякую добычу, что ни возьмут и черкас из «непослушных» ему городов по эту сторону Днепра. Брюховецкий, подобно Дорошенко, давал татарам «великие подарки». Когда Дорошенко был избран гетманом, его казаки — «пехота де напали на него (Брюховецкого) с киями и убили его». Все войска и татары объединились в руках у Дорошенко, примерно численностью до 50 000 конных и пеших черкас, в том числе 26 000 татар (с ним Ширинские и др. мурзы). Г. Г. Ромодановский ввиду превосходства сил противника снялся с обоза и стал отходить на Ахтырку, как говорили в то время, отходить «отводом». Операция сложная, но Г. Г. Ромодановский выполнил ее удачно, еще раз доказав, что ему «здешняя страна и воинские дела заобычай». Преследуемый превосходящими силами (чер-

[9] Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. Стб. 600. Л. 356, 825—826.
[10] Там же. 1668 г. Д. 1. Л. 29.

кас было конных 10 000 человек и пеших 8000, татар с Ширин беем 16 000 и с мурзами 6000 человек). У с. Хухры бой длился часов 5. Переправившись через р. Хухры, пошли к р. Мошенке, переправившись через нее. Здесь снова выдержали бой, отбили приступы, преследовали и рубили до с. Хухры. Войска Дорошенка и татары, опередив обоз Г. Г. Ромодановского, пытались воспрепятствовать проходу Г. Г. Ромодановского до «подворков» Ахтырки. Выдержали ночной бой, на поле бились. Черкасы и татары отошли к Котельве и стали от обоза Г. Г. Ромодановского у с. Хухры в 7 верстах (от обоза). Г. Г. Ромодановский вошел в ахтырские слободки и «подворки», устроил окопы и разместил в них ратных людей. По отписке Г. Г. Ромодановского его обоз не понес потерь[11].

Дорошенко вернулся к Котельве, всех жителей «перегнал» в Опошню, а Котельву оставил «пусту». Татары, осердясь, что им жителей Котельвы не отдал, набрав полон многой в черкасских городах, пошли в Крым с провожатыми, с 4000 человек. Из Ромны Дорошенко и татары отпустили воевать государевы города 12 000 татар и 5000 черкас. Были сделаны попытки развернуть «войну» в районе Севска и Комарицких волостей. Но правительство успело сильно подкрепить гарнизон Севска, переведя туда войска из Глухова князя Петра Алексеевича Долгорукова и из Путивля войска М. С. Волынского. Воеводы пришли в Севск 30 июня. К Севску черкас и татар вели «пустыми и лесными дорогами до самого Севска жилых мест не видели» (как показали очевидцы). Под Севском было несколько столкновений, неудачных для черкас Дорошенко и татар. Основная часть вторгнувшихся войск ушла за Днепр. Причина заключалась в том отчасти, что состоялось заключение перемирия и коренное войско двинулось на юг против Дорошенко[12].

Вторжение в украинные русские города коснулось новопостроенных городов: Богодухова Гать, Красный Кут, Городный, Колонтаев, Мурахва, Харьков, Царев Борисов. Их хотели либо взять, либо, по выражению источников, «прельстить». Вторжение не причинило больших жертв, но поразило немало. В отписке Г. Г. Ромодановского от 11 января 1669 г. (дата получения в Москве) предложен был план ликвидации последствий вторжения. После измены Ивана Брюховецкого в 1667 г. [московскому царю] черкасы новостроенных черкасских городов, разоря и сжегши их, ушли в иные города, а иные ушли с Иваном Серко — Царево-Борисовские, Маяцкие, Змиевские, Валковские и Мураховские слободы. В 1669 г., как Г. Г. Ромодановский вернулся из похода, разбежавшиеся черкасы вновь просили разрешить им жить в прежних городах. Воеводы указали им жить и города строить: Колонтаев Ивану Иваницкому и с ним атаману Климу Иванову. На Мурахве город строить и черкас призывать Константину Добрянскому. Змиев — харьковскому полковнику Григорию Донцу. Валки строить

[11] Там же. Стб. 613. Л. 62—69, 73—79, 80—83, 92—94, 98.
[12] Там же. Стб. 703. Л. 105—114, 124—126.

богодуховцам Григорию Рогозенку да Кириллу Остапенко. А Котельву строить и жить дворами прежним жителям. Иван Дзинковский[ч1], острогожский полковник, просил разрешения строить город на Битюге и черкас посадить за р. Доном на ногайской стороне. Помета одобрила предложения Г. Г. Ромодановского, но заселять Валки русскими людьми и город на Битюге также. «Доклад» от начала 1669 г. вносит некоторые уточнения. Казачьему голове Лариону Могильцеву указано было: временно взять из Харькова и Чугуевского уездов, из с. Печенежского 300 черкас быть на Маяке до указу, потому что тот город цел и чтоб жителям украинных городов разных чинов для соляного варенья было бесстрашно, а в украинных городах в других местах соли варить негде. Жителей, разошедшихся из Маяцкого при изменниках черкасах, Г. Г. Ромодановский указал всех розыскать и вернуть на старое место жительства[13].

1669 г.

Весной 1669 г. из Донского войска было получено сообщение, разосланное по казачьим городкам, что много ногайских татар, перешло на ту сторону в «гирле» Дона против Керчи. Следует ожидать их похода на украинные города. В связи с этим находится сведение о походе донских казаков в июне 1669 г. по указанию атамана Михайло Самарина на Азовское море для получения «подлинных вестей». При возвращении в Азовское море татары бились с казаками «на взморье». Казаки многих татар побили и взяли в полон, захватили 3 пушки, «ушкули» и всякие суда отбили. В августе татары пытались осадить Черкасск, но казаки отбили нападение, захватили два судна и две арбы. Взятые языки показали, что нурадын с «большим собраньем» пошел на украинные города. Ногайских татар с ними было с 1500 человек и азовских с 200 человек[14].

Весной (апрель) отмечены были приходы татар в Харьковский уезд с. Ольшаны и под Валуйку. Один из татарских отрядов был настигнут на реке Берестовой (притоке реки Орели). Позднее татары нападали под Острогожском (1200 человек), кроме азовцев и ногаев было 30 турок «с огненным боем, очевидно из гарнизона Азова»[15].

В августе татары едисанские и мальванские (с 1000 человек) совершили нападение под Валуйку, где захватили людей на полях и на пчельниках (по рекам Осколу, Валую, Сенной и Полатовой), отогнали конские и животинные стада. Станичный ездок пытался мирно договориться с татарами, но татары порубили человек с 20, а 5 человек взяли в полон. Станичник показал, что татары захватили полон «многой» из разных городов мужчин и женщин. Видно, что татары навестили ряд уездов[16].

---

[13] Там же. Стб. 701. Л. 137—139, 509—514.
[14] Там же. Л. 688, 950—954.
[15] Там же. Л. 771—773.
[16] Там же. Л. 970—971.

1670 г.

Нападения в этом году отмечены в течение всего года. Взятый в полон под Мерефой татарин показал, что Адил Гирей послал в поход трех мурз и с ними 200 человек. Часть их была под Мерефой, взяли в полон 5 черкас. Но харьковский полковник Григорий Донец настиг их в 15 верстах от слободы, отбил весь полон и стада, взял 4 языка и многих побил[17].

В апреле-мае 1670 г. Бок тайша, поссорившись с Мунчаком тайшей (убив у него его свойственника), напал на казачий городок Сиротин, отогнал стада, был бой[18]. В другом направлении, под Богодухов, из-за реки Мерла от муратского шляха приходили татары. Захваченный в бою татарин, допрошенный в Белгороде, показал, что он был послан из Перекопа мурзою [имени не знает] с 1000 человек для поимки языков. Полковник Григорий Донец преследовал татар, настиг их на р. Самаре, многих татар побил, захватил полон, взятый татарами под Богодуховом; весь полон отбил[19]. В мае приходили за языками татары (130 человек) к Острогожским крепостям. Им нанес поражение полковник Дзиньковский. В июле за рекой Тихой Сосной татары «многие люди» захватили на сенокосе стрельцов и полковых казаков[20].

От полковника Дзиньковского поступили сведения о том, что 18 июля в пятом часу дня под Острогожск приходили татары, отогнали животинные стада и похватали в полон острогожан, людей разных чинов. Посланные для преследования из Острогожска служилые люди в 15 верстах от города были осаждены татарами. Объединенные силы служилых людей Острогожска и Коротояка преследовали татар. Татар настигли 18 июля в 15 верстах от Острогожска. Выяснилось, что ранее посланные служилые люди Острогожска были осаждены татарами в степи. Отписка наглядно рассказывает, как воинские люди поставили около осажденных служилых людей шатры и наметы[21]: с ними были янычары с «огненным боем» и черкасы (или черкесы) «многие люди» — 24 июля татары приходили к слободке Максимовке человек 150 и больше и «их де в городке достовали весь день». 23 июля «на том де, государь, приступе убили они трех человек татар, а кош де тех воинских людей стоит от их слободы в четырех верстах на речке Марке», численности их не знает. В то же примерно время была замечена сакма от Козловских крепостей, шли воинские люди мимо Тафинского леса близ Сокольска. В прошлом 177 г. в июле (1669 г.) татары воевали Яблоновский уезд Завальский стан[22].

---

[17] Там же. Стб. 705. Л. 649—651.
[18] Там же. Стб. 692. Л. 6.
[19] Там же. Л. 9—10.
[20] Там же. Л. 51—52.
[21] Там же. Л. 202—203.
[22] Там же. Стб. 671. Л. 313—315.

В июне и июле татары подходили под Валуйку, взяли в полон 20 человек. Но были настигнуты на Черной Калитве, разбиты и потеряли весь полон. Татарские языки показали, что были они сначала на Волге, а затем под Острогожском[23].

1671—1672 гг.

В 1671 г. татарские нападения начались с весны: в апреле под Змиев и Мерефу (400 человек). Полковник Григорий Донец 5 апреля настиг их на реке Орели, разбил, многих посек, полон освободил, взял двух языков[24].

В апреле же татары приходили под Торские озера (300 человек). Был бой. Захваченный татарский язык показал, что приходили из Крыма. И вслед за ними вышла вторая группа в 160 человек[25].

20 июля того же года «по утру рано» приходили татары и башкиры под Верхний Ломов, человек с 1000 со стороны пензенской степи, прошли через Заповедный лес на устье реки Шукстроя, Верхнего и Нижнего Ломовых с Козлецкого брода, захватили полон и стада отогнали. Но здесь же все захваченное было у них отбито. [Татары и башкиры] в полях захватили детей и «у конских стад» [убили] 6 человек, когда же их стали преследовать, они бежали и боя не дали[26].

В августе (6, 9, 10) татары приходили к Валуйке, к реке Осколу. Набег обошелся без потерь, только жители (валуйчане) не успели убрать хлеб, засеянный в 10—20 верстах от города[27].

По сведениям, полученным через харьковского полковника Григория Захарьевича, в течение всей зимы 1671—1672 гг. хан находился «в черкесех» и бой у него был с черкесами и калмыками. От хана многие татары бежали в Крым. Хан послал своего посланца для преследования и «срубил» [трех] мурз, а татар всех велел выслать к нему по-прежнему[28].

В 1672 г. в апреле (29-го) днем под Маяцкий приходили татары человек 100 и больше от Святых Гор через лес, захватили в полон 3 человека да отогнали у маяцких служилых людей и у жителей 200 лошадей. Преследование не имело успеха. Почти в тот же день (28 апреля) за реку Сосну были посланы станичники «для вестей» до реки Калитвы и в 30 верстах от Ольшанска «у Пяти Берез» захватили двух татар в полон, отбили лошадей, остальные ушли пеши[29].

26 июня татары приходили к Дивногорскому монастырю человек 100 и на сенных покосах захватили двух человек и одного ранили. Через реку Тихую Сосну татары [подошли] к Коротояку и закололи 3 черкас и 4 рейтар ранили. Приплывшие в бударах в Острогожск видели, что много воинских людей перешло ниже Би-

---

23 Там же. Стб. 705. Л. 941, 954—956.
24 Там же. Стб. 670. Ч. I. Л. 321, 337
25 Там же. № 670. Ч. II. Л. 414—416.
26 Там же. № 681. Л. 170.
27 Там же. № 687. Л. 183—189.
28 Там же. № 729. Л. 38.
29 Там же. Стб. 729. Л. 39.

тюка на ногайскую сторону через реку Дон[30]. Осенью 1672 г. получена весть о появлении татар под Усердом, Новым Осколом, Острогожском, Коротояком, Воронежем и под другими городами.

Приходили татары под Валуйку, загнали животину и ушли в степь по рекам Ураевой и Белой Калитве[31].

В 1673 г. в мае (15—17) татары значительными силами действовали по укрепленной линии по реке Тихой Сосне, реке Осколу и прилегавшим уездам. 15 мая татары (числом до 200 человек) приходили под Верхсосенск, сожгли караульную башню и по обе стороны от башни выжгли валовые укрепления, убив 6 человек, а некоторых верхсосенцев взяли в полон и стада отогнали. Из Верхососенска их преследовал Иван Секиотов, но поход был неудачен. Бежавший из татарского полона стрелец показал, что за рекой Тихой Сосной стоят кошем от города в 12 верстах до 2000 и больше татар. Они приступали к Усерду (татар с 2000). С ними был бой, татары ушли в степи к реке Валую. 17 мая те же татары приходили под Верхсосенский, на посаде и на полях людей побили и стада отогнали. 17 мая на Торские озера приходил Севрюк с реки Самары и сказал, что видел у верховий реки Торца с 1000 татар. Из Нового Оскола сообщили такие же сведения о приходе татар в Верхсосенский и Усердский уезды; те же ли это были приходы или другие, установить нельзя. 17 мая татары приходили к Новому Осколу за 9 верст. Посланные за ним 300 ратных людей бились с ними, многих побили и ранили и в Новооскольский уезд их не пропустили и «выбили их за вал». Татары стоят за валом и приезжают к валу днем и ночью[32].

В тех же числах (15) под вновь построенный г. Полатов приходили татары человек с 500, приступали со всех сторон, людей покололи, стада отогнали, разорили валуйские хутора и пчельники, покололи несколько гулящих людей, женщину с 2 ребятами в полон взяли, лошадей и животину отогнали, а воинских людей с 2000 человек. Такого же рода действия татары совершили под Валуйкой[33].

1674 г. Нападения на русские города повторились, но численность нападавших была меньшей. Нетрудно угадать, что в их числе были и калмыки: убивали и кололи людей, что характерно для калмыков. Нападения были совершены в июле-августе.

1 августа новооскольцы, посланные для разведки, «наехали сакму бита дочерна», человек с 200.

9 июля из Валуйки был отпущен к [Ивану Севастьяновичу] Хитрово толмач Посольского приказа Андрей Путицын и 6 человек провожатых. 3 августа под Валуйки приходили калмыки, убили 3 человека животинных сторожей, толмача и проводника «скололи и письма все поимали». Посланные для преследования стрелецкий и казачий головы настигли их в 10 верстах от города, животину отбили, убили 3 калмыков, валуйчан на бою было из луков легко ра-

30 Там же. Стб. 758. Л. 81.
31 Там же. Стб. 779. Ч. II. Л. 333—340.
32 Там же. Стб. 795. Л. 274—283, 228—230.
33 Там же. Л. 386—388, 384—385.

нено 7 человек, 4 августа валуйчане вновь настигли калмыков, но те бою не дали и ушли в степь. Толмач Андрей Путицын был похоронен на Валуйке[34].

В июле — начале августа татары совершили нападение под Маяцкий и под Торскими озерами. На сенных покосах татары похватали людей. Валыклейский полковник Яков Черниговец преследовал их, настиг на крымской стороне Северного Донца, взял языков 9 человек, а остальных побил всех. В конце июля вновь ходили к Осколу-реке, бились с татарами, взяли 8 языков, остальных всех порубили (были тяжело ранены). 3 августа харьковский полковник Григорий Донец сообщил, что он настиг татар, приходивших под Змиев, на верховья Самары, полон весь отбил, взял 4 языка, татары показали, что были посланы под Змиев для языков[35].

22 августа в Белгороде в Разрядной избе татарские языки показали, что пошли они зимой (1673—1674 гг.) из Крыма в Азов для розыска и выкупа захваченных калмыками их жен и детей. Но калмыков под Азовом не застали. Все лето татары жили в Азове, дожидаясь нового прихода калмыков. Азовский паша послал их под Змиев для языков тому 20 дней (из Крыма татар 8 человек, азовцев — 11 человек) — нет ли где в сборе государевых ратных людей. Под Змиевом взяли 1 человека и пошли было под Азов. Шли от Азова 4 дня, днем и ночью (боясь преследования) и, не дойдя Азова 2 дней, стали ночевать. Тут на них напал харьковский полковник: крымких татар 2 и азовских — 7 человек взял «живьем», 2 крымских срубил, а 4 ушли, а 4 азовских порубил. А когда они были в Азове, турский султан прислал 130 судов с людьми и лесом «поделывать» город Азов. Турок по смете было с 800 человек. Поделали стены, 1 башню сделали вновь, а еще делать 3 башни. Ведомо им было, что хан пошел «всход» с султаном, чтобы идти на поляков. Где будет сход, неведомо. К П. Дорошенко они послали ль, не ведают. В Крыму оставили нурадына. Другие языки подтвердили эти показания. Уточнили, что турок было прислано с 2000 человек[36].

Из Романова от Степана Жаловского было получено сообщение, что 23 августа под город приходили калмыки,«воловую, государь, черту перелезли, а которые были романовские крестьяне по черте и за чертой на отводном карауле, и те караульщики, боясь их, своровали, с караула збежали»[37]. Скотину и лошадей, пасшихся за рекой Воронежем, калмыки отогнали, романовцев, бывших на черте, 2 убили, а трех ранили, кололи копьями. По смете калмыков было человек с 150 и больше. За калмыками послали рославца Семена Болховитинова. Калмыки ушли в степь. Надо думать, что калмыки были «от больших людей». В августе в Романов беспрестанно пишут воеводы о приходе татар и калмыков во многих местах. В Усманский уезд приходили неоднократно, вал проко-

[34] Там же. Стб. 948. Л. 455—456.
[35] Там же. Л. 515—517.
[36] Там же. Стб. 808. Л. 14—15, 16—18.
[37] Там же. Л. 20.

пали и надолбы проломали, коней и животину отогнали и людей побивали. Самый город ветх, наугольные башни и острог обвалился во многих местах. А романовские крестьяне «беспрестанно у твоих, великого государя, пашенных заводов... Не построив города... быть опасно»[38]. Такие же сведения из Сокольска; калмыки стоят в степи от города близко.

1675 г. Приходы воинских людей отмечены с августа по конец года. В августе (28.VIII) татары изгоном (с 50 человек) под Валуйкой и на полях «за крепостями» захватили мужчин и женщин 13 человек, 24 августа татар преследовали, их настигли на реке Гнилуше, отняли весь полон и двух усердян. Выяснилось, что татары приходили одновременно под Новый Оскол и Усерд. Преследователи отняли турчанина и знамя. Турчанин сказался янычаром, жителем Царьграда, он был прислан в Азов в числе 1000 человек, в посылке был для языков. Под казачьими городками языков добыть не смогли. Пошли под украинные города. Янычар показал, что в Азове в настоящее время пеших с 10 000 человек и конных с 1000 человек. В Азове ждали прихода ратных людей, но узнали, что азовцы с казаками в мире. Про хана сказал, что султан и хан с [польским] королем помирились. Подтвердил о поражении татар на реке Гнилуше.

10 сентября к Ольшанску приходили из степи от речки Черной Калитвы татары и калмыки, перешли реку Тихую Сосну выше Чесночного брода и отогнали конское стадо. Иван Иевлев настиг их у верховий реки Лубянки, был бой, ольшанцев убито 3 человека, воинских людей убито 2 человека; преследование продолжалось до реки Дона.

16 сентября калмыки и татары (со 100 человек) перешли реку Усмань на крымскую сторону и в Орловских крепостях, в «Опасаном Хреновском городке» караульщиков осадили и надолбы около городка разрубили топорами и, проломив, пришли к г. Орлову к посаду и воронежцев покололи и в полон поимали, а иных ранили, стада конские и животинные отогнали. Иван Иевлев с ратными людьми в посад их не пустил и ходил за ними в поход, настиг их на реке Усмани, конские и животинные стада отбил; исчисление потерь: орловцев драгун убито 3 человека, 1 женщина, ранен один драгун с сыном и драгунских детей 4 и 4 женщины, пушкарь 1 с женой. Воронежцев: 1 убит и 1 ранен.

Из Козлова Еремей Пашков сообщал, что 7 сентября приходили к козловским крепостям, по его мнению, калмыки и против «проезжей башни надолобы просекли» и громили с. Тарбеево. У жителей близ реки Воронежа с ними был бой. Еремей Пашков, узнав об этом, собрался с немногими козловскими людьми тотчас пошел к с. Тарбееву, и воинские люди из крепостей вышли в степь.

В другом месте воинские люди приходили к козловской черте у села Устье. Караульщики с ними бились и в крепость их не пустили и отбили. В стычке был убит один козловец. Воинские люди небольшими партиями подъезжали к козловской черте днем и ночью 10 сентября. Воинские люди, разделясь на 4 части, приходили под

[38] Там же. Л. 20—22.

Горетовский и под Касимовский городки да на большом валу под Челнавский городок к «высокой башне» и меж Бельского и Чебоксарского городка. В 3 местах воинские люди были отражены и в крепости не пропущены. А в четвертом, меж Бельским и Чебоксарским городками, осадили людей в «высокой башне» и, проломав в низком месте вал, проникли в стрелецкую слободу и от Бельского городка конское и животинное стада отогнали, а сторожей у стада, ограбив, отпустили. В ночь воинские люди около Бельского пытались зажечь башню, но караульщики их не допустили. И после воинские люди к Козловскому валу подъезжали часто.

1676 г. Сведения о приходе калмыков в августе и сентябре. 30 августа 1676 г. калмыки были под Усманью. В степи с ними выдержали бой станичники (23 человека), многие из них были переранены, отошли «отводом», убили несколько калмыков; в доказательство привезли в город обрезанные уши. Вскоре на той сакме дети боярские видели убитых 9 калмыков. Из станичников был убит один, а ранены стрелами 21 человек[39].

От сентября (15—16) аналогичные сведения: в полдень воинские люди пришли с ногайской стороны к Воронежским крепостям, надолбы около караульной башни проломали. Появились во владениях Успенского монастыря и людей, работавших на поле на уборке хлеба, покололи, полковых казаков и крестьян Успенского монастыря, Осипа Глазова с товарищами — 5 человек, в полон взяли ребят, находившихся у конского стада, да лошадей отогнали 43. Станичники показали, что они были осаждены, убит 1, татар 2 человека. Уши одного татарина привезли в Воронеж[40].

28 сентября татары и калмыки (человек 50) через реку Тихую Сосну пришли к Ольшанским крепостям. В 4-х верстах выше Чесночного брода у них с воинскими людьми был бой. Из служилых людей был убит один и два ранены. Пришедшие из-за реки Тихой Сосны со своих «промыслов» ольшанские казаки на реке Лозовой были осаждены отрядом калмыков «в кустах». Убили воинских людей 3 человека и многих переранили. Видели свежую сакму (человек с 500)[41].

Трудно установить, совпадают ли показания источников одних и тех же фактов или различны.

1677 и 1678 гг. Нападения татар, а иногда и калмыков совершались и в том, и другом году и относятся к годам Чигиринских походов[ш1]. Главным образом нападениям подверглись Верхсосенский и Новооскольский уезды. Есть отдельные сведения о нападениях на Усердский уезд. Но датировать точно набеги не удалось. По-видимому, их было больше в 1678 г. Итоги набегов в 1678 г. были собраны для «доклада» и соединены вместе и не поддаются расчленению.

Приведем отдельные конкретные факты, поскольку они в документах точно указаны.

По сообщению из Усерда, «в последнем часу ночи» в марте 1678 г. татары перешли реку Тихую Сосну по льду. Пройдя сквозь

---

39 Там же. Стб. 925. Л. 112, 202—205.
40 Там же. Стб. 848.Л. 242—245.
41 Там же. Л. 517—519.

засеку, проникли «в валовые крепости» в Усердский у. в с. Иловское (50 человек) и взяли в полон мужского и женского пола 18 человек, отогнали стада. Были настигнуты за рекой Калитвой в 50 верстах, полон был освобожден, татар побили 8 человек, побили и переранили лошадей[42]. В марте и в апреле отмечены приходы калмыков под Усмань, было ими побыто, переранено, в полон взято некоторое число усманских ратных людей. В связи с этим были приняты меры по укреплению города Усмани[43].

Несколько позднее Верхсосенский и Новооскольский уезды понесли значительно более крупные потери. Потери записаны в черновиках не один раз, иногда между собой не совпадают и явно неточны. Пострадали как служилые люди, так и жители уездов.

В Новом Осколе взято в полон 48 человек, убито 2, ранено 2, из полона вышло 6 человек. Отогнано лошадей 96, коров 117, овец 318[44].

В Верхсосенском уезде в полон было взято 452 человека, ранено 15 человек, из полона вышло 7 человек, убито 22 человека. Отогнано лошадей 473, коров 878, овец 2555.

Для иллюстрации можно привести примеры потерь отдельными семьями: у Федора Масленникова убито 6 человек, взяты в полон теща, 3 сына, 3 дочери, тетка убитого шурина, сын и дочь. У него же отогнано 4 лошади, 5 коров, 15 овец. У Федора Шемякина (сам был в полоне 5 дней, затем бежал): убит отец, взяты в полон мать, сестра, жена, сноха, 2 сына, племянник, племянница. У него же отогнано 7 лошадей, 8 коров, 90 овец. Сам ранен стрелою в шею и руку. Аналогичные потери были и у других лиц[45].

1679 г. Отмечен набегами крупных татарских сил и частью калмыков. Но человеческие потери были незначительны.

Харьковский полковник Григорий Донец (точнее — посланный им отряд казаков — 50 человек) захватил на крымской стороне Донца татар и разбил их. Захватили 7 языков, привели их в полк на Калмиусскую сакму меж Изюмского и Савинского бродов. При расспросе один из языков оказался крымским татарином улуса Ширинских мурз. Пошли они в поход по собственному почину 27 человек (примерно в марте). Намеревались идти к новопостроенному Соленому городку, но были захвачены не доходя его. Были среди них и азовские татары, посылал их азовский паша, но больше было крымских татар. По сведениям донских казаков, было у татар намерение идти под украинные города, что позднее подтвердилось. Полон русский, ими захваченный, был весь у татар отнят[46].

7 мая «перелезли» реку Хопер на «Тихих плесах» с крымской стороны на ногайскую сторону воинских людей с 500 человек и захватили на Хопре беглых людей (бежавших с Руси на Хопер) 14 человек.

---

[42] Там же. Стб. 1013. Л. 727.
[43] Там же. Стб. 793. Л. 141—142.
[44] Там же. Стб. 1153.Л. 53—72.
[45] Там же. Л. 40—42, 43 и сл.
[46] Там же. Стб. 1302. Л. 115—120.

В апреле (около 5-го) присылал Аюка тайша в Азов послов калмыков 40 человек. Из них 30 человек, соединясь с азовскими и ногайскими людьми, всего до 300 человек, пошли под украинные города. В Азове в аманатах калмыки оставили 10 человек. Ныне те люди «объявились» под Усманскими крепостями, осматривали их и сторожили. 500 человек перешли реку Хопер. А усманские крепости худы, людей мало, ров мелок, вал низок, надолобы во многих местах «опали». Исправить всего без прибавочных людей невозможно[47].

В июле-августе татары азовские, крымские и ногайские с 8000 человек и больше приходили под Чугуев, Печенеги, Салтов, Харьков, Балыклею, Серков, Соколов и в другие места. Харьковский полковник Григорий Донец имел с ними бои; по его донесению, он разогнал татар по лесам, побивал и в реках потопил, русский полон весь отбил. Захватил татар 25 человек[48].

Сведения о том же нападении татар сообщил «опочинковский» житель Федор Гомынин, ездивший в Харьков «для своего дела». В то время приходили к Харькову татары «многие люди», забрали большой полон и стада конские и животинные отогнали. А стоят они на Волчьей между Печенеги и Салтовом и печенежского сотника на бою взяли. В то же время мурахвенский полевой сторож Ларка Власов в расспросе сообщил, что под Мурахву валковским шляхом приходило около 300 татар и жителей «на сеножатях» побили, и поимали 25 человек, и лошадей отогнали. Вернувшиеся из Тора люди сообщали, что татары «немалые люди» были под Харьковом, Змиевом, Чугуевом, Салтовом, Савином, в Любятине. Людей в полон «имали», «подворки и слободы выжгли», и харьковский полковник в Любятине был осажден татарами, но сумел от них отбиться. Часть татар шли мимо Мурахвы и по дороге мурахвенских черкас побили, переранили и в полон захватили[49].

В августе (22) по Старооскольскому уезду кочевали со своими табунами, яровой хлеб «потолочили», женщин насиловали, отчего лежат при смерти, лошадей резали и ели и много с собой забирали, грабили зипуны, шапки, рубахи. Сопровождавшие калмыков люди — уздени и русские пристава их от насилий не унимали[50].

Перечень потерь в 3-х уездах

	убито	в полон	ранено	лошадей	коров	овец
Белгородский у.	—	8	—	320	515	850
Салтовский у.	3	6	3	41	305	951
Чугуевский у.	4	73	14	340	1265	3876
Итого:	7	ок. 90	17	701	2075	5677

47 Там же. Стб. 881. Л. 423—497.
48 Там же. Стб. 1136. Л. 103; № 1013. Л. 751—753.
49 Там же. Стб. 1302. Л. 731—733.
50 Там же. Стб. 939. Л. 303—305.

Записи итогов потерь в источнике черновые. Приводятся цифры после проверки наиболее вероятные[51].

1680 г.

По сообщению из Ромны 20 января 1680 г. хан «со многими ордами» перешел реку Мерль по Муравскому шляху и направился к Белгороду. Захваченные под Котельвой татарские языки показали, что татары идут под Путивль и иные города. В Белгороде взятый [крымский] «чорной» татарин показал, что татары пришли под Белгород 19 января в Разменский стан «и их жилецких людей воевали». Кроме татар были «сеймены» с огненным боем; сколько их, не знает. Не доходя Валок, хан послал нурадына Сеадет Гирея, а с ним трех мурз и «чорных» татар с 4000 человек за языками. Перейдя вал, нурадын пошел под Вольный и с ним 2000 человек, а остальных 2000 послали под другие города. В Белгородском уезде татарин был захвачен в плен. О дальнейших действиях хана не знает[52].

29 января вновь захваченный «чорной» татарин показал, что хан пошел в поход по указу султана; из орды с ним около 100 000 человек, пошел в Перекоп и стоял там 1 день. Три дня шел Муравским шляхом. Не доходя Котельвы, разослал загоны, но взял в полон только 13 человек, потому что было «все пусто». Хан стал под Котельвой кошем, трех султанов с 30 000 человек послал в загоны. Нурадын, отделясь, пошел влево. По слухам, хотел идти под города Белгородской черты, а 500 человек от нурадына отстали и повернули вправо, напали на села, где жили черкасы, их «разобрали» в полон. О действиях других черкас татарин не знал. Слух есть, что султан хочет идти под Киев. Другой татарин передавал слух, что неведомо за что султан ведет войну и людей теряет, что крымские татары ведут войну поневоле, что крымские люди были бы рады, чтоб султан с царем помирились[53].

Итоги потерь, причиненных походом хана, были подведены позднее. Поход коснулся 18 городов с уездами: Белгород, Карпов, Вишкин, Хотмышск, Вольный, Золочев, Харьков, Ольшанск, Валки, Сенной, Богодухов, Мурахва, Городное, Краснокут, Колонтаев, Ахтырка, Рублев, Колымак.

В полон взято мужского и женского пола 3014 человек

Разорено и сожжено церквей	7	Лошадей угнано	1 271
Хлеба молоченого	6 984 чети	Коров и быков	3 113
Хлеба немолоченого	10 385 (?)	Овец и коз	17 386
Сена	1 571 возов	В июне-июле видели выход татар из похода	
Дворов	889		
Ульев с пчелами	1 273		

В июле из Пензы воевода Федор Сонцев сообщал со слов беглой полонянки, что в июле из Азова приходили азовские и крым-

51 Там же. Стб. 1136. Л. 256—258.
52 Там же. Стб. 939. Л. 704—707, 825—827.
53 Там же. Л. 828—833.

ские татары, калмыки и черкасы с 3000 человек. Приходят они войною под Пензу, к Мокшанску и к Нижнему Ломову, взяли полон и пошли к Саратову[54].

В Казанский дворец из разных мест с Ломовой черты были сообщены сведения воеводами, что приходившие к Пензе азовцы, калмыки, черкесы, возвращавшиеся с полоном, встретили калмык и башкир «и промеж собою советовали», и встретившимся воинским людям «велели» идти под иные украинные города. Бывшие [ж] под Пензой собираются вновь прийти. 18 июля казачий атаман Прокофий Семенов сообщил в Самару, что Аюка тайша из калмыцкой орды «прислал к нему», чтобы он, атаман, отпустил к нему на Уфу яицких казаков «для миру», атаман отказал. На Яике выходец из калмыцкой орды сказал, что в нынешнем 188 г. хан прислал к Аюке своих послов и они помирились. Аюка послал к хану своих улусных людей 1000 человек, а 2000 отпустил в войну в украинные города. Соединясь с башкирами, он хочет прийти к низовым и украинным городам. В разных числах июля видели переход через Волгу калмыков и башкир. Был дан указ воеводе Павлу Языкову охранять Пензу до Саранской черты, а черту всю (вал, земляные и деревянные крепости, лесной завал) досмотреть и починить. А далее о состоянии Симбирской черты после осмотра «отписать» в Казанский дворец стольнику Якову Долгорукову[55].

В августе 1680 г. продолжались действия тех же воинских сил, в том же районе. По сведениям из Усмани от Ивана Пятого, 2 августа в 1 час дни приходили под Усмань татары, калмыки, горские черкесы «многие люди», во многих местах вал прокопали, надолобы проломали и в уезде, в селах и в деревнях усманцев в полон захватили, конские и животинные стада отогнали. Воевода встретил тех воинских людей, имел с ними бои «с утра до вечера» и полон «многой» и стада конские и животинные отбили. «И те воинские люди, собрався все вкупе, за ними же с степи ис кустов прибежали на выручку человек с 300 и больши», сделали новые проломы и «большим многолюдством из крепостей вышли». Усманцев по сравнению с ними было малолюдно. «И вышед из крепостей стали кошами подле усманских крепостей во многих местех». На бою много усманцев было побито и ранено. Из татар 1 захвачен и убито человек с 10 и много ранено, отнято знамя и лошадей с 10. В расспросе пленный татарин сказал, что из Азова до их похода вышло татар, калмыков и горских черкес с 4000. Шли они под Пензу и иные города. А под Усмань пришли татары с 1000 человек и больше. Вели их под Усмань калмыки. Иван Пятого получил из Тамбова от воеводы Ивана Языкова вести, что 30 июля воинские люди «перелезли» реку Солову и пошли к тамбовским и козловским крепостям человек с 1000 и ему, Ивану Пятого, с сокольскими служилыми людьми идти к Козлову. 4 августа в разных местах (под Усманью, в районе г. Сокольска, подле реки Мотыры, реки Самовца) небольшие разведочные отряды в несколько человек (о

[54] Там же. Стб. 984.Л. 4—5.
[55] Там же. Л. 112—120.

дву конь). Татары подъезжали «осматривать Сокольских крепостей». Жители Сокольска были собраны «в осад». Для охраны воевода поставил караулы и в степь посылал проезжие станицы, осматривать «сакмы»[56].

С конца июля и в августе 1680 г. по всей восточной части засечной черты было оживленно. На черту пришел с полком (пеших и конных с ним более 7500 человек) князь Константин Щербатый... Сходный воевода Кузьма Козлов получил выговор — почему он не проведал о приходе воинских людей под Усмань и Усмани не оборонил. 22 августа К. Козлов перед кн. К. Щербатым дал сказки. Он стоит обозом за валом между Челнавским и Лысогорским острожками от Тамбова в 20 верстах. Между этими острожками и Усманью много городов: Козлов, Доброе, Сокольск, Романов, Белоколодск. Ему велено оберегать тамбовские и козловские крепости. Усмань далеко, и отписок оттуда не было. 6 августа он получил весть о воинских людях, что 31 июля видели на хоперской дороге свежую сакму, воинские люди перешли реку Савалу и пошли к Тамбовским и Козловским крепостям, шло с 1000 и больше человек. По тем вестям К. Козлов посылал разъезды верст за 40 и дальше. По вестям о приходе воинских людей 2 августа под Усмань К. Козлов ходил в поход 5 августа и наехал в степи сакму около реки Битюка меж Теплинской и Осиновской луки на Мордовском броду, что те воинские люди ушли к Хопру до его прихода дня за два, «побежали наутек».

К. Щербатов готовился исправлять и укреплять черту. По указаниям местных воевод заниматься этим делом возможно было после «деловой поры».

Впоследствии бежавший из плена усманский стрелец сообщил сведение, что 2 августа приходили под Усмань версты за 2 азовцы, калмыки, горские черкесы с 500 человек, усманцев мужского и женского пола захватили человек с 30, да два стада коров и овец, да лошадей с 50, захватив, бежали к реке Байгаре от Усмани в 15 верстах. Допытывались от полоняников — кто их преследует, наскоро перешли реки Савалу, Ворону и Хопер. Усманский стрелец бежал от них ночью. Расспрашивал его воевода Иван Языков в Тамбове, а затем отпустил в Козлов. Позднее была составлена роспись потерь под Усманью 2 августа. Ранено разных чинов людей 21 человек, убито 13 человек, взято в полон 22 человека, бежало из полона 4 человека[57].

1681—1682 гг.

Зима 1681—1682 гг. Сведения о набегах татар. В ноябре 1681 г. из Москвы князь Петр Иванович Хованский был извещен о переходе крымских, ногайских и белгородских орд через Днепр; они «объявились в войне», и следует их ждать по городам по новой черте[58].

---

56 Там же. Л. 282—285.
57 Там же. Л. 296—306, 414, 510—518.
58 Там же. Стб. 1013. Л. 116, 117.

Одновременно в направлении Воронежа, Усмани, Пензы, Нижнего и Верхнего Ломовых действовали калмыки. В качестве «вождей» они захватывали «земцов». Но гораздо более значительны были нападения на поселения по новой (Изюмской) черте[59].

В 1681 г. черкасы и русские подали коллективную челобитную, что в 187 и 188 гг. их было в Цареве-Борисове 250 человек. Но зимой 1681—1682 гг. в разных числах приходили на них «изгоном» татары, многих взяли в полон, других порубили. Многие ушли жить в другие города. «Жить стало невмочь», и никто на житье в Царев-Борисов не идет. В челобитной просили о пожаловании их за бедность и разоренье. [Генерал и воевода] Григорий Иванович Косагов [из Царева-Борисова] сообщал о неудовлетворительном состоянии города: людей в нем 142 человека скудных, разоренных и безлошадных[60].

По сообщению Петра Дмитриевича Скуратова из Белгорода 8 марта 1682 г. [известно], что татары приходили под Торские озера «на дровяной табор» и многих людей «поимали» в полон, «а иных побили», лишь немногим удалось отбиться. 9 марта писал в Маяцкий Торских озер атаман, что татары, разбив «дровяной табор», шли мимо Торских озер к Серковой гати. По смете татар было с 500 человек и больше. По дороге от Изюма в 5 верстах от Маяцкого, от озер в 3 верстах татары разбили табор, двигавшийся к озерам. Шли в Соляной город. Торский житель сказал, что он ходил под татар для лошадей и видел, что идет к Тору новая орда, по смете численностью вдвое. В отписке харьковского полковника Григория Донца сообщается, что татары, «не допустя до Тору, взяли табор из городов». В его составе захватили курчанина Михаила Мезинцова, ехавшего в Соляной «на приказ», и изюмского есаула Макуху и казаков, данных для охраны, и «иных побили». А было у татар 7 знамен и янычары. Среди нападавших были и ногаи. Выйдя «из войны», разделились надвое — одни пошли в Крым, другие — в Азов. Сопровождавший Мезинцова его крестьянин бежал из плена. При расспросе он показал: в захваченном татарами таборе было 50 человек, а татар крымских и азовских всего было с 400 человек. Михаил Мезинцов при разделе достался азовцам. Всего «невольников» у татар было 174 человека[61].

Есть ряд других подробностей о нападениях татар на Торские озера. В июне под Соляной городок ходил Григорий Иванович Косагов. Казаки из войска сообщили, что через Дон перешло татар с 4000 человек. Но когда Косагов туда пришел, татар там уже не было. 12 июня донской атаман Фрол Минаев с казаками, калмыками и татарами, всего с 500 человек, пошли к Соляному городку. Выйдя на шлях, обнаружили, что татар было вдвое больше [чем их], и «бить на них не смели». По соображениям казаков воинских людей следовало ожидать под Изюмом и по новой черте[62*].

---

[59] Там же. Стб. 1018. Л. 574—576, 597—603.
[60] Там же. Стб. 1009.Л. 412—418, 422.
[61] Там же. Стб. 1013. Л. 108—111, 116.
[62] Там же. Стб. 1009. Л. 401—403, 415 и сл.
* На этом авторский текст заканчивается.

ИЗЮМСКАЯ ЧЕРТА

Фрагмент I

В конце 1679 г. после второго Чигиринского похода для усиления обороны территории Слободских полков были разработаны планы постройки Изюмской засечной черты, к реализации которых приступили в мае 1680 г. Первый этап строительства продолжался до конца 1680 г. под руководством боярина П. В. Шереметева. В строительстве к концу июля участвовали 28,5 тысячи русских служилых и даточных людей, а также 6000 казаков Слободских полков, которые укрепляли главным образом броды через реки Северный Донец и Оскол.

Второй этап строительства продолжался с 1681 по 1683 г. Работы велись под руководством князя П. И. Хованского. На работе были заняты 5080 казаков Харьковского полка и 5296 русских служилых человека. За это время они построили гг. Изюм, Коломак и ряд других на Муравской сакме.

Третий этап постройки черты относится к 1685 г. и проходил под руководством генерал-поручика Г. Косагова. Укреплялись соляные промыслы у города Соленого (теперь Славянск), а также Муравский шлях. В работах принимали участие казаки Харьковского и Ахтырского полков. На этом постройка черты закончилась в связи с решением правительства царевны Софьи повести наступательную борьбу с Крымом.

Общая длина черты составляла 223 версты. Начиналась она под г. Усердом и шла до г. Валуйки полем, затем по р. Оскол до впадения последней в Северный Донец, после чего поворачивала вверх по Северному Донцу до впадения в нее реки Мжи. После чего черта продолжалась до верховьев этой реки, затем по междуречью рек Мжи и Коломак, далее по р. Коломак до впадения ее в Ворсклу, а по последней до г. Полтавы. Последнюю часть черты от г. Коломка до Полтавы делали казаки гетмана Самойловича. Кроме того, укрепления города Соленого проходили от г. Царева-Борисова вниз по реке Северный Донец до впадения в него р.Тора, после чего переходили на р. Тор до ее среднего течения, а затем через поле проходили по прямой линии к г. Цареву-Борисову.

В состав опорных пунктов черты входили 13 городов, 2 стоялых острога и 4 слободы. Все они, за исключением города Соленого, имели только военное значение. Городовые укрепления состояли из стоячего острога окружностью до 1000 сажен и 4—9 башен. Своими размерами и значением выделялись лишь Изюм (впоследствии полковой город), Валуйки, Царев-Борисов. Общая численность гарнизонов городов составляла в 1685 г. 255 русских служилых людей (не считая г. Валуйки) и 2546 черкас городовой службы.

Фрагмент II

Разрушительные нападения татар разных улусов, включая Больших и Малых ногаев, орды белгородских татар, позднее горских черкес, с конца 50-х годов, точнее, со времени Ивана Выговского, вторжения самого крымского хана (повторное), позднее кал-

мыков терзали русскую землю, опустошали ее и постепенно разрушали. Постепенно возникла необходимость возобновления укрепления оборонительных сооружений и даже возведения новых укреплений в дополнение к известной Белгородской. В данном случае мы имеем в виду построение «новой черты», позднее получившей название Изюмской черты. Наиболее крупными фактами были сооружение укрепления между Верхсосенском и Новым Осколом, затем по р. Осколу до г. Валуек, далее по притоку Северного Донца р. Мжу до ее верховья и далее по Бакаеву шляху. Наиболее значительная часть этих укреплений была описана молодым научным работником З. К. Звездиным[а], что касается укреплений по р. Мжу.

Пространство между Верхсосенском и Новым Осколом вскоре после построения Белгородской черты оставалось незаполненным и проход для татар до Калмиусской сакмы оставался легкодоступным. Слабый вал был несколько позднее здесь построен. Известно, что в 1659 г. хан Магмет Гирей, возвращаясь с основными силами из Руси...

Фрагмент III

Разрушительные нападения татар разных улусов, включая Больших и Малых ногаев, позднее — горских черкесов, с конца 50-х годов, со времени Ивана Выговского, вторжения самого хана, позднее калмыков, терзали южную границу Русского государства, опустошали ее и постепенно разрушали. Постепенно возникла необходимость произвести самые необходимые работы по укреплению обороны южных границ.

Наиболее крупными фактами были сооружение укреплений между Верхсосенском и Валуйкой, а затем новой укрепленной черты по р. Осколу до Валуйки и далее по р. Мжу до ее верховий, позднее называвшейся Изюмской чертой.

В 1671 г. «для посольской размены»: между Новым Осколом и Верхсосенском под Полатовым лесом за Новооскольским валом, который был слаб и через который татары много раз переходили в Русь. В данном месте через слабый Новооскольский вал уходил из Руси в 1659 г. хан с ордою. Острогожский полковник Герасим Корабут в начале 1671 г. построил на р. Сенной г. Полатов с его полком (в феврале 1671 г.). Городом и валом будут оборонены города: Короча, Яблонов, Новый Оскол и Верхсосенск.

ОЧЕРК ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ БОЯРИНА ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА В 1654 Г. НА НОВГОРОДСКОМ ФРОНТЕ

I

Назначение В. П. Шереметева с тов[арищами]

5 октября 1653 г., в тот же день, когда у царя были на отпуске «посланники» гетмана Богдана Хмельницкого и им было сказано государево жалованье, что государь принимает гетмана и войско запорожское под свою государеву «высокую руку», царь послал в Великий Новгород собираться с ратными людьми боярина и воево-

ду Василия Петровича Шереметева, окольничего Семена Лукьяновича Стрешнева, думного дворянина и ясельничего Ждана Васильевича Кондырева и дьяка Дмитрия Шубина. «А товарищу боярина и воеводы Василья Петровича Шереметева окольничему и воеводе Семену Лукьяновичу Стрешневу, указал Государь сбираться с ратными людьми во Пскове. А, собрався, указал Государь...* сходиться на рубеже на срок, Мая в 20 день; а с того сроку указал Государь боярину и воеводам Василью Петровичу с товарищи и со всеми ратными людьми итти под город под Невль и под иные литовские города, и государевым делом над городами и над Польскими и Литовскими людьми промышлять, сколько милосердый Бог помощи подаст.

А на отпуске боярин и воевода Василей Петрович с товарищи были у государя у руки сего числа, в соборной церкви Успения Пресвятые Богородицы, после молебна. А с боярином с Васильем Петровичем отпустил Государь сына его стольника Матвея Шереметева.

И того ж дни пошел с Москвы боярин и воевода Василий Петрович Шереметев с товарищи»[1].

Наряд войск в полки В. П. Шереметева

Согласно «наряду» из Разрядного приказа с Василием Петровичем Шереметевым определено было быть на службе:

1) с Василием Петровичем Шереметевым

	москов[ских] чинов	— 16 человек
	новгородцев	— 912 человек
	псковичей	
	невлян	— 417 человек
	пусторожцев	
	торопчан	— 210 человек
ка-	луцких	— 383
за	новгородских	— 300 } 883 человека
ков	псковских	— 100
	ладожских	— 100
	астраханских татар	
	стрельцов 3-х приказов	— 500 человек
	московских солдат	— 8700 человек[2]
	солдат заонежских и сумерских волостей	

2) с Семеном Лукьяновичем Стрешневым

московских чинов	— 20
новгородцев	— 729 } всего 850 человек[3]
лучан	— 101

3) с Жданом Васильевичем Кондыревым

московских чинов	— 7
новгородцев	— 640 } всего 658 человек[4]
невлян	— 11
Общие итоги:	— 11638
	850
	658
	— 13146 человек[5]

* Здесь и далее сокращение цитаты автором (Примеч. составителя)

1 Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. III. С. 373—374.

2 РГАДА (далее название архива опускается). Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 69—72.

3 Там же. Л. 73—74.

4 Там же. Л. 75—77.

5 Ср.: Там же. Л. 77 а.

Указанные «наряды» не совпадают обычно с цифрами действительной наличности ратных людей в полку, отчасти потому, что они отставали от «гражданского состава служилых «городов», отчасти по причине нетства». По приведенной смете число новгородцев, дворян и детей [боярских], определяется в 2301 человек. На смотру, произведенного В. П. Шереметевым, «объявилось» сверх «списка» (разрядного) 289 человек; всего новгородцев, дворян, с людьми их в 4 пятинах (кроме Шелонской) на смотру оказалось 2085 человек — исчислял количество служилых людей Шелонской пятины по тем же спискам (246 человек) и, вычитая эту цифру из общей цифры новгородцев (2301—246), получим цифру 2055, близкую к той, какую показал смотр новгородцев в Пскове[6].

Астраханских татар по росписи ожидали 500 человек, а фактически прибыло их в Псков 372 человека. При этом они вошли в состав полка Стрешнева, а не В. П. Шереметева[7]. Солдат заонежских и сумерских погостов было недослано (из 8000 человек) — 376[8] и т. п.

Распределение их между В. П. Шереметевым и его товарищами было, конечно, условно и изменялось в зависимости от войн главного воеводы и обстоятельств военных действий и в зависимости от позднейших распоряжений царской ставки.

В. П. Шереметев в Новгороде и С. Л. Стрешнев в Пскове

Ноября 11-го В. П. Шереметев извещал о своем приезде в Новгород и рассылке сыщиков для сбора служилых людей. Ноября 14-го он же [сообщал] о приготовлении к походу в Псков[9]. Судя по отписке В. П. Шереметева от февраля месяца 1654 г., смотр служилых людей производился в Пскове и Новгороде, «которые пятины» [и, очевидно, города] «податны» (т. е. ближе)[10].

Стрельцы Московского приказа Богдана Булгакова прибыли в Новгород на «подъемных» монастырских (71 подвода) подводах еще в ноябре 1653 г.[11], а астраханские татары — ногайский мурза Шатемир Исшере и едисакский мурза Касбулат Каспулатович (372 человека) и астраханские стрельцы — 20 человек прибыли во Псков к Стрешневу только в мае 1654 г.[12] Последние прибыли, повидимому, Волгой до Ярославля. [После смотра служилых людей] были отпущены [по домам][13].

Новгород и Псков были только сборными пунктами; исходным пунктом похода, в нашем смысле слова — базой, были Луки Великие. Сюда служилые люди должны были свозить свои запасы, получая под них дворы от воеводы. Здесь же были приготовлены казенные хлебные запасы — сухари, крупы, толокно, сложенные в амбарах[14].

Нет сведений, был ли В. П. Шереметев в Пскове.

---

[6] Там же. Л. 17—19, 6.
[7] Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 28.
[8] Там же. Л. 147—151.
[9] Там же. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 105 и об., 107—108.
[10] Там же. Л. 17.
[11] Там же. Л. 102.
[12] Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 28.
[13] Там же. Столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 175—175 об.
[14] Там же. № 156. Л. 181—183; № 162. Л. 57—61.

Выступление к литовскому рубежу и пути к нему

От 7 марта 1654 г. прислана Шереметеву грамота выступить из Новгорода на рубеж и ждать там к 20 мая (как указано было выше). Отсюда двинуться под Невль и далее на Полоцк. Семену Лукьяновичу Стрешневу туда же идти из Пскова. Общее указание было дано такое: запретить ратным людям «побивать» и грабить «белорусцов крестьянские веры, которые противны не будут»; если пожелают, могут служить вместе с государевыми ратными людьми[15].

Согласно указу В. П. Шереметева допрашивали дворян и детей боярских, «торговых и всяких чинов людей, которые достаточно знают те, которыми месты» идти из Новгорода в Великие Луки «лутче и бережнее и сколько верст» и на основании их показаний составить росписи «зимнего пути» на Великие Луки через озеро и Старую Русу и летнего — через Порхов. Летом первый путь непроходим «за мхи и за болоты и за озеры пройтить немочно и от литовского рубежа та дорога удалена»[16], с другой стороны, о том же летнем пути сказано: «а от литовского рубежа та дорога в ближних местех — 35 верст»[17]. Это надо понимать, что протяженностью она (307 верст) больше зимнего (275 верст) от Лук Великих, но проходит близко к литовской границе на западе[18].

Неизвестно точно когда, но уже в мае В. П. Шереметев предпринял походное движение из Лук Великих[19].

II

Начало военных действий

Расстояние от Великих Лук до неприятельских городов определялось так по указанной выше росписи: от Лук Великих до Невельского рубежа — 15 верст, а до Невил — 50 верст, от Лук Великих — до Усвята — 70 верст, от Лук Великих — до Озерищ — 70 верст, от Усвята до Озерищ — 30 верст, от Озерищ до Невил — 15 верст «в сторону», а Усвят от Невил — 70 верст «да Озерища в сторону ж»; от Невил до Полоцка — 120 верст, до Витебска — 120 верст, от Лук Великих до Полоцка — 170 верст. «А меж тех

---

15 Там же. № 156. Л. 207—210.

16 Там же. Л. 245—248.

17 Там же. Л. 248.

18 Зимний путь: от Новгорода до первой деревни Пискутка — 15 верст; далее озером до деревни Ужна — 25 верст, до Старой Русы — 15 верст, до деревни Ивановой — 15 верст, до деревни Ясны — 23 версты, до Заполья — 50 верст, до деревни Рачи — 20 верст, до Хлоповшина — 20 верст, деревни Хлавицы — 20 верст, до деревни Захода — 20 верст, до деревни Черной — 20 верст, до деревни Низовищь — 20 верст, до Великих Лук — 15 верст. Всего — 275 верст. Летний путь: «а от литовского рубежа та дорога в ближних местех — 35 верст»: до Порхова — 120 верст, до Вышегородского погоста — 30 верст, до деревни Речки — 12 верст, до Полозова — 20 верст, до Никольского монастыря «что на Плесах» — 15 верст, до Михалкина — 15 верст, до Дворец — 15 верст, до Михалкина погоста — 20 верст, до Дроздова — 30 верст, до Овещ — 10 верст, до Лук Великих — 20 верст. Всего — 307 верст (Там же. Л. 246—248).

19 Там же. Столбцы Московского стола, № 255. Л. 183.

городов места болотистые и озера и мхи, а ин де бор и речки небольшие; на одной реке меж Невля и Полотцка перевоз, а больше того иных городов не знают»[20].

Взятие Невля

В мае В. П. Шереметев двинулся под Невль. Наперед себя он послал «для языков» из полка Ждана Васильевича Кондырева голову новгородского Михаила Васильевича Теглева с сотней Бежецкой пятины и с татары, с новокрещенными[21]. О действиях головы Алексея Бусловова сына Бибикова с лучанами и пусторжевцами В. П. Шереметев сообщил, что «под Невль пришол наперед всех сотен и город Невль осадил и путь литовских людей отнял, стал на Полоцкой дороге и никово литовских людей с Невля и к Невлю не пропустил»[22]. Ждан Васильевич Кондырев, жалуясь на медлительность Шереметева, писал позднее: «и как боярин Василий Петрович пришол под город под Невль и милостью Божиею и твоим государским счастьем городам Невлем, в другой день тебе государю да били челом»[23]. Известно, что Невль сдался 1 июня 1654 г.[24] Сдедовательно, В. П. Шереметев очень точно выполнил задание о сроке начала военных действий после 20 мая.

Поход к Полоцку и его взятие

Далее — военные силы разделились — товарищ В. П. Шереметева С. Л. Стрешнев получил самостоятельное поручение. В то время как Шереметев с главными силами двинулся на Полоцк, Стрешнев другой дорогой пошел под Озерища. Но остановимся на действиях Шереметева. Ждан Васильевич Кондырев так описывал действия Шереметева. В момент взятия Невиля «в уездех и по маятностям жили литовские люди безвесно, не чая твоих государевых людей, и я,— писал Кондырев,— холоп твой, боярину Василью Петровичю говорил, чтоб послал по разным дорогам многих твоих государевых людей для тово, что пришли безвесно, а он меня, холопа твоего, не послушал, за литовскими людьми не посылал и учал стоять под Невлем, а каторые поляки невляне невельские сидельцы говорили, что в Полоцке никово ратных людей нет, и я, холоп твой, боярину Василью Петровичю говорил, чтоб он шол не мешкав под Полоцк; и боярин Василей Петрович на меня, холопа твоего, в те поры кручинилса и под Полоцк не пошел, а стоял под Невлем, три недели, и как, государь, пришел под Полоцк и милостию Божиею и твоим государским счастием городам Полоцким тебе государю дабили челом на другой день»[25]. Описание взятия Полоцка по официальному донесению произошло так: пришли под

---

20 Там же. Столбцы Новгородского стола. №156. Л. 248.
21 Там же. Столбцы Московского стола. № 255. Л. 24.
22 Там же. Л. 38.
23 Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 238.
24 Там же. Столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 73.
25 Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 238—239

Полоцк 17 июня, отрезали дороги, «приступали» всеми силами, «стреляли целой день»; «польски и литовски люди, езовиты и шляхтичи и мещане» «добили челом» и город сдали; из них вышли в Польшу 7 человек, прочие «остались в Полоцке на государево имя»[26].

Под Полоцком

У Полоцка В. П. Шереметев опять задержался; по мнению Кондырева, это было медлительностью ни на чем не основанной. В момент взятия Полоцка «весть нам, холопем твоим», пишет он, «учинилась, что в Витепске нет никово ратных людей и город не укреплен и хлеба у них нет, и я, холоп твой, учал боярину Василью Петровичю говарить, чтоб он не мешкав шол под Витепск, а в Полоцке оставил твоих государевых ратных людей и о том я, холоп твой, говорил, хотя б из нас ково отпустил с твоими государевыми ратными людьми под Витепск для того, что получная время пришло, и он на меня, холопа твоего, стал кручинитца — «я де укащиков не слушаю» — и под Витепск не пошол и нас не отпустил. А на съезжей двор не ездил, всякие твои государевы дела делал у себя на дворе, а которые отписки к тебе, государю, писаны и от тебя, государя, грамоты приходят о всяких делах, и я того ничево не ведаю. Дьяки и подьячие сидят у него во дворе, а я, холоп твой, приезжал на съезжей двор беспрестанно, и мне было делать нечево без боярина. И, мешкав, государь, он боярин не малое время, выехал на съезжей двор, и в те поры многие люди сошлись, и я, холоп твой, учал боярину в Приказе говарить, чтоб итти под Витепск и за каким делом в Полоцке стоим для тово, чтоб многие люди слышели; и в то, государь, время учал на меня кричать новгородец Иван Милюков с товарыщи, чтоб под Витепск не итить — «я де ото всей рати бью челом, у нас де запасы не готовы». И боярин промолчал, только, государь, и молыл — «видишь де, дворяне бьют челом»,— и я, холоп твой, вслух всем дворянам говорил — по вашему веленью Иван Милюков приходил с таким шумом? И дворяне мне, холопу твоему, сказали,— «мы де ево, Ивана, о таком деле вам бить челом не посылали, нешто де хто ево друзья с ним советовали или де хто ево научил, а мы де служить государю ради, зашто нам нейтить. И жил, государь, боярин Василей Петрович в Полоцке восм недель, а дела никакова не бывало, акроме трех недальних посылак»[27]. Трудно проверить, была ли эта медлительность основательна или действительно это было только «мешканье», как освещал дело Ждан Васильевич Кондырев.

В какой степени служилые люди испытывали продовольственное затруднение? В качестве иллюстрации приведем одну челобитную торопчан и холмичей беспоместных и малопоместных новиков «служивые и не служивые в сем городах»: «оскудали» и «одолжали», «многие обедновели» на службе, у многих под Псковом лоша-

[26] Там же. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 404—405.
[27] Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 239—240.

ди побиты, пограблены и оттого стали «пеши»; «поместейца и то все,— по литовскому, бельскому и усвятскому рубежу»; «крестьянишка... от городового дела», стрелецких подвод, всяких платежей разбрелись во внутренние города и за рубеж. Служилые люди просили о выдаче им жалованья[28]. Если действительно продовольственное состояние служилых сотен было таково, Шереметев должен был с ним считаться.

Военные операции во время пребывания Шереметева под Полоцком

а) под Сушей

Во время стояния под Полоцком В. П. Шереметев давал отдельные поручения Ждану Кондыреву и Стрешневу. В начале июля из полка Кондырева были посланы [на реку] Сушу к югу от Полоцка с головами дворян и детей боярских и новгородских, псковских и луцких казаков и «олонцовских» драгунов с начальными людьми; 7 июля произошел бой с литовскими людьми, которых русские побили — «языков, и знамена, и литавры, и наряд поймали»[29].

в) Взятие Десны и Друи

Стрешнев был направлен под литовские города под Десну и Друю: Десна «добила челом», а Друю «взяли и высекли и выжгли»[30]: это произошло до 20 июля, затем на стане под Смоленском получено было это же известие 24.VII[31].

с) Взятие Глубокого

Наконец Ждана Кондырева В. П. Шереметев посылает от себя из Полоцка с полком под литовский острожек Глубокое. С ними конные и пешие ратные люди; по-видимому, состав его отряда был сформирован... и не с тем, что значилось в его полку по наряду; по крайней мере, новгородцев. Кроме Бежецкой и Обонежской пятины[32] (голова Михаил Васильевич Теглев, голова Панкрат Семенович Путилов)[33], с ними были сотни новгородцев Вотской и Деревской пятин (голова Григорий Обрютин)[34], Вожеск и Бежецк (голова Наум Васильев, сын Креницин)[35], Шелонской пятины (голова Григорий Григорьев, сын Чириков)[36], Деревской пятины (голова Иван Бухвостов)[37] 20 июня с Десны сообщил В. П. Шереметеву Данил Неплюев, что полковник Полоцкий Петр Бегонский «стоит в сборе в Глубоком, а хочет притти войной к Десне».

---

28 Там же. Л. 75.
29 Там же. Л. 242; Столбцы Московского стола. № 255. Л. 92, 96.
30 Там же. Л. 184—185.
31 Дворцовые разряды. Т. III. С. 436; Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 110—111.
32 Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 76.
33 Там же. Столбцы Московского стола. № 255. Л. 24, 25, 86, 16, 17, 135.
34 Там же. Л. 7.
35 Там же. Л. 8.
36 Там же. Л.57.
37 Там же. Л. 76.

У Ждана Кондырева был в ертауле голова стольник Петр Жданов сын Кондырев, «а у него был в ертауле стольник Иван Жданов сын Кондырев и дворяне — дети боярских розных городов»[38]. 23 июня у Кондырева на реке Плисе был бой: «из острожка Глубокова польские и литовские люди на выпадку выходиши и билися и с ними был бой и после бою боевыми счастьем острожек Глубокое взяли, высекли и выжгли», литовских людей многих побили и языков поймали»[39]. Взяты были в полон Петр Беганский, знамена, литавры, острог и посад сожжен; желецких людей «побили всех на голову»[40].

Взятие Озерищ и Усвята

Всем этим действиям, предприятиям из Полоцка нельзя отказать в целесообразности. Наконец в тылу оставался еще ряд незанятых укрепленных пунктов. Еще когда В. П. Шереметев двинулся из-под Невля к Полоцку, другой дорогой был послан Стрешнев под Озерища, как раз по дороге от Невля к Витебску. Но во время первого прихода Стрешнева к Озерищам дело ограничилось только незначительным столкновением; Озерища взяты не были. Стрешнев двинулся к Десне и острогу Друю[41]. Позднее он вновь вернулся под Озерища; он писал в своей отписке, что 3 августа он «учинил» около Озерищ осаду и бился с литовскими людьми, осадные сидельцы, Вилим Станкевич «город сдали». О том-де ему было приказано двинуться к Усвяту — другому укрепленному пункту в тылу войск Шереметева[42] и далее к Сурожу. Усвят был захвачен уже в то время, когда Шереметев находился под Витебском. Стрешнев осадил Усвят «накрепко»16 августа и бился с литовскими людьми «безпрестанно», а августа 23-го усвятский староста Степан Казимирович Ентковский и литовские люди «добили челом» государю и город сдали[43].

Осада и взятие Витебска

В. П. Шереметев ушел из-под Полоцка 6 августа, пришел под Витебск 14 августа и овладел им, после трехмесячной осады, в ноябре [месяце] 18-го [числа][44].

Под Витебск с В. П. Шереметевым пришли не все войска, которые были с ним под Полоцком: часть их была выделена Стрешневу, часть оставлена гарнизонными в занятых городах и острожках, часть действовала со стороны Пскова. [Например], «всего людишек было под Псковом около 4000 человек»[45], тогда как в полку одного Шереметева, как указано выше, было по Разрядному списку в

---

38 Там же. Л. 141.
39 Там же. Л. 7—8.
40 Там же. Столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 111.
41 Там же. Столбцы Московского стола. № 255. Л. 24—25.
42 Там же. Столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 97; Дворцовые разряды. Т. III. С. 443—444.
43 Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 92.
44 Там же. Столбцы Московского стола. № 255. Л. 103—104; Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 401.
45 Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 218.

начале похода 8700 человек[46]. В день прихода под Витебск, 14 августа, был бой с литовскими людьми, выходившими на вылазку. 18 августа был приступ к городу, но «витебчане отсиделись»[47]. 24 сентября отбита новая вылазка из города. 17 ноября — новый приступ, в котором «государевым счастьем два острога взяле и высекли государевым же счастьем другие два города государю добили челом»[48].

В сентябре В. П. Шереметев писал, что 15 сентября им получена государева грамота «над Витепском промышлять зговором и подкопом и зажогом и приступать не велено, чтоб твоим государевым ратным людем изрону не было; и по твоему государеву указу, мы, холопы твои, о зговоре к витепским сидельцом посылали многожды, чтоб тебе, государю, добили челом и город здали и витепские, государь, сидельцы про здачу города нам, холопем твоим, отказали, а приступать бес твоево государева указу не смеим»[49].

24 сентября с предложением сдачи Витебска был послан Шереметевым Афанасий Лаврентьевич Нащокин; сидельцы отвечали, «чтоб им показать смоленских сидельцов и как они увидят смоленских сидельцов и они город здадут»[50]. «Подкопщиков немецких и русских людей никого нет», писал Шереметев, «а для зажогу у нас, холопей твоих, приготовлено щиты и возы с соломой и с смоляными дровами и бочки смоляные и зажечь некоторыми мерами не уметь, потому что в день и в ночь беспрестанные дожди. А в городе, государь, сидельцы, литовские люди, многие, которые выходцы на твое государево имя выходят, и те сказывают, что всяких чинов людей в Витепске тысеч с десять, и выласки, государь, из города частые, а выходят пешие люди с рогатины и с топорки, и с бердыши, и в шанцах, государь, твои государевы ратные люди пешие стрельцы, и драгуны, и салдаты стоят все беспременно в день и в ночь. Да к ним же, государь, посылаем мы, холопи твои, голов с сотнями, а велим стоять блиско шанец. Семен же Стрешнев по сентябрь 16 под Витебск не приходил»[51].

Ждан Васильевич Кондырев в цитированной уже выше отписке от сентября 25 обвинял Шереметева в бездеятельности под Витебском: «и как, государь, пришли под Витепск, осадили и стоим под Витепском, и боярин в съезжей шетер ни единожды не бывал, а я, холоп твой, по всякой день для твоих государевых дел приезжал к нему в стан и челом ударил, и он со мной, холопом твоим, ничево не говаривал и вестей мне никаких не сказывает, а как промысл над городом учинить — о том со мной не говорит и о том не приказывает — какой промысл над городом учинить. И сентября, государь, в 9-й день приехал я, холоп твой, к его боярскому шетру и вшел к нему в шетер для твоево государева дела и челом ударить и стал ему, боярину, говорить о твоем государеве деле, что стоим под

---

[46] Там же. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 72.
[47] Там же. № 212. Л. 94.
[48] Там же. Столбцы Московского стола. № 255. Л. 104.
[49] Там же. Столбцы Севского стола. Л. 216.
[50] Там же. Столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 65—66.
[51] Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 216—217.

городом, а никакова у нас промыслу нет, а город и остроги место немалое, а то знатно, что люди небольшие и на выласку выходят малые люди и чтоб над ними промышлять, прося у Бога милости всякими промыслы. И он, боярин Василий Петрович, почал кручинитца и меня безчестить небыличным делом и называть меня холопом Артемия Измайлова, и после, государь, той речи называл и держальником Артемьевым, а сын его, Матвей Васильевич тожа учал кручинитца и пуще отца своево и то, государь, слышели многие дворяне и с того числа мне, холопу твоему, к нему в стан ездить для твоих государевых дел немочно, а в съезжий шетер боярин не ездит, а я, холоп твой, приезжаю в шетер всегда, а его очей не вижу и делать нечево и промыслу мне над городам мимо ево, боярина, немошно; пеших ратных людей у меня, холопа твоего, нет и меня не слушают, а преж сего к тебе, государю, о том писать не смею: по мне твой государев милостивой приказ — "жить в совете", и промышлять сопча. И я все то терпел... а топер, государь, терпеть мочи моей не стало, видя то, что над городам промыслу никакова нет и стоим безопасно все врозни, что татарские юрты и крепостей около нас никаких нет: есть ли, государь, приходу к какому хотя малые люди и они над нами беды потресут и чтоб мне, холопу твоему, в ево боярском несроении от тебя, государя, в опале не быть»[52].

29 октября к В. П. Шереметеву была прислана грамота, ясно показывающая, что русская ставка не имела твердой уверенности в успешности осады Витебска; она, впрочем, отменяла прежнее решение не предпринимать приступа: «велено вам над Витепским промышлять всякими обычаи, и будет в Витепску мужики засидятся... и города Витепска не здадут, а вам... дойдет время от Витепска отступить и вы б послали в Витебской и в... уезды, села и деревни выжечь без остатку»[53].

Через полтора месяца после этой жалобы Витебск был взят приступом. В отписке князя Юрия Рамадановского об этом рассказывается так: «государь во 163-м году ноября в 17 день к Витепску приступали и милостию, государь, Божией и Пречистые Богородицы помощию и московских чюдотворцов молитвами и твоим, государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Росии самодержца и сына твоево, государя нашева да благовернаго царевича князя Алексея Алексеевича счастьем — два острога до Витепска и реки взяли, а в верхнем, государь, каменном городе и в деревяном заперлися шляхта и мещаня и бивса просили у тебя, государя, милости, чтоб к ним твоя государская милость была против их пунктов на четь им твой государев указ Афонасей Нащокин привез и по твоему государеву указу боярин и воевода Василей Петрович Шереметев с товарыщи твой, государев указ им сказал, на чем ты, государь, пожаловал их против пунктов. И витебские, государь, шляхта и мещаня тебе, великому государю, добили челом и Витепск Верхней каменной и деревянной город здали и твои, государь, ратные люди в Витепске в Каменой и в деревя-

---

52 Там же. Л. 240—241.
53 Там же. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 310—311.

ной город вошли ноября в 18 день, а под Сурож, государь, и под Велиж твои, государевы ратные люди пойдут вскоре»[54].

Потери русских под Витебском были невелики. Из 4130 человек пехоты выбыло убитыми и умершими от ран — 60 человек, ранено — 62 человека, взято в плен — 8, больных — 253 (все из одного полка М. Каршихина — из 613 человек); всего — 383 человека*. В. П. Шереметев сообщал, что осаду сидельцы сдали, два «верхних города», «видя свое изнеможение»[55].

Военные операции во время осады Витебска

Неуверенность в успешности осады Витебска внушалась опытом осады Смоленска, приближения зимы, обычно прерывавшей военные операции, а также и тем, что область, захваченная силами Шереметева, далеко еще не была обозначена за русскими и военные действия продолжались еще в тылу главных сил этого фронта. Усвят, как указано выше, сдался в то время, когда Шереметев осаждал Витебск. Еще не был взят Сурож и Велиж. Польские и литовские отряды появлялись то здесь, то там: надо было освободить местность и предупредить их появление.

а) Посылка в Виленский уезд

В начале сентября полковник Василий Золоторейко посылал в Виленский уезд «для конских кормов» черкасов 500 человек, и на них «наехали» в Виленской уезд Оршанского повета в местечке Белицах маршалка Оршанского полка Голянского, урядника Поклонского 7 литовских людей. Черкасы их побили, языков поймали, взяли знамена и барабаны[56].

От 163 г. сентября 16 (1654 г.) известна запись грамоты о посылке в Виленский уезд и под Вилину Ждана Васильевича Кондырева и с ним полковника Василия Золоторейка с 1000 человек охочих людей, или «лутчих людей»[57].

в)... на Десну

Сентября 22-го под Десной русские ратные люди подверглись приступу литовских людей под начальством полковника Корфа. Против них был послан из-под Витебска Матвей Васильевич Шереметев (ноября 25) с 7 дворянскими сотнями и 500 черкас из полка Василия Золоторейка[58].

с) Появление литовцев под Полоцком

В то же время литовцы появлялись и под Полоцком. Около сентября 25 из Полоцка Иван Веригин послал против собравшихся в местечке Горли литовских людей новгородских стрельцов Андрея

---

[54] Там же. Л. 400—401.
* Ссылка: Столбцы Севского стола. № 157. Л. 213 — не соответствует тексту.
[55] Там же. № 212. Л. 43—44.
[56] Там же. Л. 77, 80, 82.
[57] Там же. Л. 180.
[58] Там же . Л. 173.

Веригина с полоцкою шляхтою и с детьми боярскими и стрельцами и казаками; литовские люди были разбиты, захвачены знамена и барабаны[59]. В ноябре (до 19) Иван Веригин имел удачное столкновение с литовскими людьми в местечке Косще[60]. 22 XI. — сурожские сидельцы, осажденные Семеном Лукьяновичем Стрешневым, видя от русских «всякую тесноту», «добили челом» и город Сурож «сдали».

Операции из Пскова под Лужей, Режицей и Улехом

Совершенно самостоятельные военные операции велись из Пскова под руководством воеводы псковича полковника Ивана Салтыкова. События под городом Улехом характерны как показатель того, как руководились военные действия общим планом. 11-го июля воеводе Ивану Ивановичу Салтыкову во Пскове «учинилось людьми», что жители литовских городов Лужи, Режицы, Улеха и Винборха (Даненбург?) хотят перейти в русское подданство и ждут о том к себе «зговорщиков». Салтыков отправил с этой целью голову Ивана Молвянинова с «проезжею станицею»[61]. 28 июля Молвянинов уже сообщал, что жилецкие люди и пашенные мужики сдали Улех и «веру и обещанье дали» быть в вечном подданстве[62]. Укрепления Улеха, хотя и были каменными, но «четвертая доля стены до подошвы розвалилась»; никаких припасов в городе не было; а «державец», которому тот город был «приказан», был захвачен стрельцами из Острова, а мыза «державца» разграблена[63]; волостных людей, приносивших присягу, было 218 человек[64].

Из-под Улеха голова Иван Иванович Молвянинов посылал под Лужу (Люцин—тож) «для сговору» 3 человек дворян и детей боярских, Герасима Шубина с товарищи. Посланные сообщили, что за день до их приходу из Опочки от Боргаса Бухвостова был прислан под Лужу голова стрельцов Иван Нефедьев с стрельцами, атаман казачий Ларя Костров с казаками, стрелецкий голова Петр Елагин с стрельцами из Заволочья; они не пустили Герасима Шубина к Луже «для сговору» и, «переняв» их, «били обушками и пищальными дулами» «до умертвия, и держали у себя в стану день да ночь и память, какову он, Иван (Молвянинов), дал им для зговору литовских людей, у них отняв, изодрали и говорили де им, бутто они посланы из Пскова к Лужи от нас, холопов твоих, не по твоему государеву указу, воровски и их называли ворами и изменниками и от города от Лужи отбили с великим бесчестьем и отказали, что они на псковской указ плюют и нас, холопов твоих, лаяли и бесчестили и то де, государь, видя, литовские люди города Лужи

---

59 Там же. Л. 41—42.
60 Там же. Л. 166.
61 Там же. Л. 39.
62 Там же. № 162. Л. 296—297.
63 Там же. Л. 297.
64 Там же. Л. 298.

опочецким голове и сотникам и стрельцом и атаману и казакам не здали и по них из города из Лужи стреляли из наряду и из затинных; и многих де опочецких стрельцов и казаков побили, а иных ранили, и те де, государь, опочецкие и заволоцкие головы и стрельцы и атаман с казаки из-под Лужи сошли на Опочку и ныне де, государь, в Лужи в собранье литовских людей человек с триста, да они же де, государь, ожидают из-за Двины пана Курманского с ратными людьми, а хотят итти войною в твою государеву сторону; а как, холоп твой, псковскаго и пскивских пригородов и Улежского уезда волостных крестьян уберечь некем. А во Гдове, государь, ныне стрельцов двесте человек, солдат триста человек; а на Опочке, государь, стрельцов триста человек, казаков сто человек; в Заволочье стрельцов — двесте пятдесят человек»[65].

От 20 августа грамота со стана из Снежанского Ивану Ивановичу Салтыкову о посылке под Лужу, Режицу и Винборг Льва Ивановича сына Салтыкова и с ним Степана Елагина с ратными людьми[66], со строжайшим приказом не иметь никаких «задоров» с немецкими людьми, а за нарушение этого «заказа» — «вешать, не писав» государю[67].

24 сентября с Львом Салтыковым и Степаном Елагиным были посланы 79 человек псковичей, пусторжевцев и невлян; «иные... не объявились, а иные стары и увечны и больны и малы»[68]. Стрельцов — псковских с головой Ермолаем Ломановым — 500 человек, изборских — 50 человек, островских — 23 человека, гдовских с Семеном Краснослеповым — 100 человек, опочецких — 100 человек, печерских монастырских стрельцов — 50 человек, солдат сомерских с капитаном Борисом Сваном — 125 человек; опочецких казаков — 50 человек, «домовых» детей боярских и монастырских «служек» — 70 человек. Всего конных — 199 (по итогу документа — 206) и пеших — 948. Итого — 1147 человек. «А посадские, государь, люди отказали, людей пеших и конных к службе не дали». Наряду отпущено — 3 пищали «полуторных», 2 пищали «полковых», 1 пищаль «волконенка», 1 пищаль полковая, 1 пищаль дробовая, 2 пушки «верховых». «Зелья» пушечного и ручного 79 пудов. Свинца 13 пудов[69].

Иван Салтыков сообщал в Псков, что они пришли под Лужу 8 октября (или 9-го) и осадили город «накрепко» с трех сторон, но литовские люди городка Лужи не сдают, «сидят накрепко и из города по твоим государевым ратным людям из наряду стреляют днем и ночью, а тот де, государь, город Лужа каменной, стоит в большой крепости, меж озер и болот, а оне де подошли под стену под их наряд»[70]. 11 октября они посылали из-под Лужи невлянина Богдана Дяткова с ратными людьми под город Резицу. 12 октября Резицу «взяли боем и многих литовских людей побили, а иных в

---

65 Там же. Л. 298—300.
66 Там же. Л. 293 —294.
67 Там же. Л. 273—274.
68 Там же. Л. 274.
69 Там же. Л. 275.
70 Там же. Л. 285.

полон взяли», а русские ратные люди «все здоровы»[71]. По сохранившейся росписи, укрепления в г. Резице были каменные стены с деревянными надстройками[72]. Взятие Лужи (Люцин тож) затянулось. В день прихода (8—9 октября) русских от Лужи ушел пан Ушицкий и, как русские узнали от языков, стал собирать людей на выручку Лужи: по данным сведениям, в Винобурге (в 100 верстах от Лужи) было сосредоточено 1500 человек, в Рушине мызе 700 человек (от Лужи в 70 верстах). У Льва Салтыкова уже появилась мысль о снятии осады, но «отходить, государь, им от города от Лужи», писал он, «нельзя, потому что с ними наряд большой»[73]. В своей отписке от 7 сентября Л. Салтыков и Степан Елагин писали: «А ратных людей с нами, холопи твоими, мало и с теми малыми людьми под Лужою стоять не с кем и в Резице быть некому и наряду и пушечнова запасов и хлеба и соли нет; а изо Пскова и ис пригородов дорогою провести нельзе, что стало за большими крепостьми, за водами, за болотами, а у нас, государь, в полку запасов нет, и добыть в литовской земли негде; а литовские люди того городка не здают, чают себе выручки, и из города по твоим государевым людем из наряду и из мушкетов бьют в день и в ночь беспрестанно, а тот, государь, город Лужа каменной стоит в большой крепи меж озер и болот...»[74] Из Пскова было послано под Лужу подкрепление (от Ивана Ивановича Салтыкова), порох и ядра и дано указание: «А будет, государь, придут литовские люди большие, и мы, холопи твои, велели им от Лужи отходить со всеми твоими государевыми ратными людьми и с нарядом, будет мочно, в Резицу»[75]. По-видимому, этот наказ Ивана Ивановича Салтыкова своему сыну основывался на государевой грамоте от ноября 9 163 г. такого содержания: «Резицу разорить и выжечь, а желецких людей вывесть во Псков и в ыные городы, в которые пригож, а будет и под Лужею промыслу учинить немочно, а ведомо учинитца про приход под Лужу литовских людей и воеводам со всеми ратными людьми от Лужи отступить и оберегать государевых городов, которые городы на литовском и блиско литовского рубежа»[76]. Однако же все эти опасения оказались преувеличенными: Люцин (Лужа тож) был взят 25 ноября. Лев Салтыков и Степан Елагин сообщали, что и у них под город Лужу подведен был под башню подкоп и ноября ж в 20 день подкопом взорвали башню «да острогу 12 сажен и оттого подкопу многих литовских людей каменьем и деревьем побило, а после того ноября ж в 20 день городские сидельцы, убоясь подкоп и от промыслу и приступи — пан Дубровский — с товарыщи государю добили челом и город Лютин здали», и русские « в город вошли того ж числа»[77].

---

71 Там же. Л. 277.
72 Там же. Л. 279—280.
73 Там же. Л. 278.
74 Там же. Л. 285.
75 Там же. Л. 278.
76 Там же. Л. 291.
77 Там же. № 212. Л. 30—31.

Состояние фронта зимой

а) Назначение Матвея Салтыкова в Витебск

Взятие Витебска, затянувшееся до начала зимы, надо считать окончанием активных операций на Новгородском фронте. Войска были распущены по домам и новым сроком явки в Витебск было назначено 25-е марта 1655 г.[78] Однако предположенный перерыв оказался невозможным. Уже 29 ноября В. П. Шереметев «по вестям» посылал ратных людей, голов с сотнями «до языков» и в другие посылки. В Ужищах на Полоцкой стороне реки Двины (на правой) встретили литовских людей, и «был бой». Литовские люди обнаружены были пешие и конные и за рекою Двиною недалеко от города Витебска (в 20—30 верстах): «а служилые люди» (писал В. П. Шереметев) «из Витебска отпущены по домам все и оборонять некому»[79]. Но первоначально после-де на этой отписке предположено было послать в Витебск на место В. П. Шереметева его сына стольника Матвея Шереметева, придав ему ратных людей из-под Смоленска[80]. В. П. Шереметеву указано было быть для береженья в Луках Великих[81].

Матвей Шереметев указывал на то, что, согласно сообщению его отца, в Лукомле стоит в сборе конных и пеших польских и литовских людей 10 000 человек и оборонять Витебск не с кем. Однако резолюции и последующие грамоты предписывали Матвею Шереметеву поехать под Витебск с товарищем его стольником Борисом Плещеевым, уже не беря войск из-под Смоленска[82]. С роспуском главных военных сил давление польско-литовских отрядов усиливается, а также возникает и «изменическое» движение в присягнувших областях и городах.

В декабре (по-видимому), посланные из Полоцка Жданом Васильевичем Кондыревым солдаты «сошлись» с литовскими людьми в Полоцком уезде в селе Дохновщине (от Полоцка в 25 верстах), где было «в сборе» 70 человек литовских людей. «Тех литовских людей побили» и взяли «языков»[83].

В декабре же были получены вести о появлении литовских людей в г[ородке] Бешенковичах (недалеко от Витебска)[84].

В январе, по посылке Ждана Васильевича Кондырева из Полоцка, Полоцкого уезда луцкие казаки побили в Полоцком уезде литовских «загонных» людей[85].

В (11-го, см. ниже) январе 1663 г. произошла первая измена, событие неприятное по своему впечатлению. В отписке с Усвята Василия Креницына читаем: I. 12 «приходил пан Можайка с четырьми хоругвми в Озерицкую волость в деревню Хвощно и пи-

---

78 Там же. Л. 164—165.
79 Там же. Л. 37—38, 146.
80 Там же. Л. 147, 150.
81 Там же. Л. 239.
82 Там же. № 162. Л. 324—325, 324 об., 490—491.
83 Там же. № 212. Л. 7.
84 Там же. № 162. Л. 210.
85 Там же. № 212. Л. 131.

сал лист от себя в Озерища, чтобы Озерища государевых людей посекли, и они тово листа послушали: твоих государевых салдатов посекли, а воеводу в тюрьму посадили, а сами заперлися в городе и к тому пану Можайке посылали трижды, и он к ним в город не поехал». «А со мною, холопом твоим», добавляет напуганный Креницын, «на Усвяти твоих государевых людей тритцеть человек луцких стрельцов и те живут помесячно». Наказ царя: «служить з береженьем» и говорить озерицким волостным людям, «чтоб оне вину свою принесли»[86]. В другой отписке это событие описывают обстоятельней по рассказу 6 человек солдат, которым удалось убежать из Озерищ в г. Невль: 11 января «об обеде озерищские гайдуки и пушкари и уездные мужики тебе, государю... изменили и солдатов» «посекли»; воевода Филимон Пущин с остальными солдатами «из города бежали через стену»; и озерчане их догнали, солдат посекли за исключением 6 человек, а воеводу взяли. В Озерищах были оставлены всего 30 человек солдат[87]. На Луках В. П. Шереметев допрашивал солдат вновь, и они показали дополнительно, что взято было с уезда в прибавку к ним (30 солдатам) 100 человек «присяжных мужиков» «для города береженья», которые и «побивать почали», часть солдат засела с воеводой Филимоном Пущиным в его дворе[88]. Позднее Озерища были вновь захвачены русскими и подверглись жестокой каре. В январе распространились слухи, что «на Невле почало быть: невельские литовские люди, шляхта и мещане и жилецкие всякие люди, опричь ротмистра Бориса Комаровского да Винцета Буруковского, литовские люди от русских людей отставают и чаят де того, что в тех невельских литовских людех починает быть шатость». Большая шатость и в волостных мужиках, которые собираются якобы посечь русских людей в Невле так же, как и в Озерищах. Когда невельский пушкарь давал эти показания, литовские люди из Озерищ подходили к Невлю на расстоянии 6 верст[89]. В предупреждение повторения озерщицкой измены грамота от 31 января предписывает В. П. Шереметеву отправить с Лук Великих воеводу князя Дмитрия Сеитова в Невель с дворянами и детьми боярскими и казаками для сыска «про измену и про всякое дурно», и «которые невельские жилецкие и уездные мужики объявятца в измене и ис тех ему изменников велено ему пущих заводчиков дватцать человек или больши казнить смертью, а иных сослать во Ржеву, а изо Ржевы — в Казань, с кем пригож»[90].

Ликвидация этих событий относится уже к следующему военному сезону.

21 января 1663 г. «По вестям», Матвей Шереметев послал голов с сотнями Павла Митрофанова сына Голенищева и Бориса Бухвостова, которые сошлись в первый день — 21 января с литовскими людьми ротмистром паном Юшковским в деревне Хотимле в

---

[86] Там же. № 162. Л. 317—317 об.
[87] Там же. Л. 497.
[88] Там же. Л. 497—498.
[89] Там же. Л. 498—499.
[90] Там же. № 212. Л. 15.

20 верстах от Витебска; литовских людей разбили, поймали «языков», захватили знамена и барабаны[91].

26 января полковник Мажейка со многими людьми приходил под Невель и в этот день и «приступал» к нему, а затем отошел. В то же время литовские люди под командой полковника Лисовского около 1200 человек стоят в селе Язки и в селе Городце, намереваясь идти на Невель[92].

15 февраля вновь приходили литовские люди в Витебский уезд конные и пешие, а Матвей Шереметев не имел возможности послать против них ратных людей, т. к. не имел в своем распоряжении команды[93]. Указано было послать к нему из Лук Великих 100 человек конных.

В начале марта Василий Петрович Шереметев посылал в Витебск на «выручку» князя Дмитрия Сеитова.

III

Относительно продовольствия войск полка В. П. Шереметева наши документы сообщают следующие факты.

Государевы запасы хлеба и других продуктов были собраны в Луках Великих: «Велено во Пскове на ево государев обиход из Дворцового хлеба зделать дватцать тысеч чети ржи в сухари, да пять тысеч чети овса и крупы, пять тысеч чети в толокно; а изготовя те запасы, велено перевесть изо Пскова на Луки Великие, а на Луках Великих те запасы велено устроить в анбары, а анбары зделать новые». Устройство амбаров возложено было на уездных людей; князь Дмитрий Сеитов писал, что сошные люди в уезде «учинились ему непослушны, потому что лучане: дворяне и дети боярские многие переписались по Пскову и по Торопцу, а поместья их и вотчины в Луцком уезде». В указе февраля 19 162 г. предписывалось высылать их на работу «безо всяково мотчанья»[94].

Амбары с хлебом находились в ведении «городового прикащика» и «хлебного прииму» целовальников лучан посадских людей. По их «книгам», которые они подали около марта 20 164 г., в Луки было прислано в 162 г. из Пскова 2053 четей круп овсяных, 2147 четвертей толокна, 200 четвертей муки ржаной, 606 четвертей сухарей. В 163 г. прислано из Пскова — 9402 четверти сухарей; из Новгорода Великого, из Тихвина монастыря — 110 четвертей сухарей[95]. По смете целовальников из 6 амбаров, «что строили луцкие помещики, дворяне и дети боярские, некоторые оказались дурно покрытыми и протекали, отчего оказались среди запасов «гнилые сухари и впредь не прочных» 83 чети сухарей[96].

Основной принцип всей продовольственной организации армии того времени заключался в том, что ратные люди или довольство-

---

91 Там же. Л. 17.
92 Там же. Л. 225.
93 Там же. Л. 6.
94 Там же. № 156. Л. 181—183.
95 Там же. № 162. Л. 57—59.
96 Там же. Л. 60—61.

вались собственными запасами, как служилые люди городовые, некоторые получали денежное жалованье, на которое должны были производить закупку сами.

Служилые люди, как указано выше, должны были еще по зимнему пути везти продовольствие в Луки Великие, где им отводились для того дворы (см. выше). Разумеется, здесь был расчет, что в походе можно было продовольствоваться за счет неприятельских областей, занимавшихся войсками. Уже в июне месяце, стоя под Полоцком, служилые люди тормозили движение вперед и вмешивались активно в препирательства В. П. Шереметева с его товарищем Жданом Васильевичем Кондыревым. Когда последний настаивал на незамедлительном движении к Витебску, то новгородец Иван Милюков «кричал», «чтоб под Витебск неити. Я де ото всей рати бью челом, у нас де запасы не готовы»[97].

Как раз от июня 17-го в приложении к отписке В. П. Шереметева [имеется] челобитье торопчан и холмичей о выдаче им денежного жалованья — «малопомесные и беспомесные новики, служивые и неслуживые», «оскудали и одолжали», «многие обезконили на службе и оттого стали пеши». Поместья у них в порубежных уездах — крестьяне от «городового дела», стрелецких подвод, «твоих государевых платежей» разбрелись во внутренние уезды и за рубеж[98].

В ... был решающий моров, почему торопились со взятием Витебска и почему войска были тотчас же после его взятия распущены.

В аналогичном же положении находились и приборные люди — немецкие и драгунские солдаты, образовавшие полки иностранного строя и составлявшие основное по количеству ядро всей армии В. П. Шереметева. Челобитная заонежских солдат всего полка Александра Гамильтона от сентября 13-го рисует так их состояние: «на подъем» им было дано по 3 рубля, «и на те деньги», говорят челобитчики, «поехали мы на твою государеву службу. Покупали мы суды, а запасы дорогою ценою, а теперь, государь, будучи на твоей, государеве службе, нам, холопем твоим, есть-пить нечего и одеться нечим, голодны и холодны, а стоим, государь, теперь мы, холопи твои, под городом Витебским сверху по Двине и к городу мы на приступе были, из города литовские люди к Острошку нашему выходят почасту днем и ночью безпрестанно», караулы частые, «побивают и ранят многих», «работа большая безпрестанно», ставили острожки, «шанцы копали»[99].

В январе 163 г. (1655 г.) по [памяти] Афанасия Нащокина из Винфлянти, что многие из сумерских солдат «с голоду и с наготы» бежали из Винфлянти к себе в Сумерскую волость, Степан Елагин (воевода этой волости) вместе с полковником Иваном Сваном ездил для высылки беглецов обратно на службу[100].

---

97 Там же, столбцы Севского стола. № 157. Л. 239—240.
98 Там же. Л. 75—76.
99 Там же. Л. 196.
100 Там же. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 495.

Были некоторые категории ратных людей, которым платили жалованье хлебом. Так в феврале 164 г. (1656 г.) было указано князю Дмитрию Сеитову выдать 50 человекам луцким пушкарям хлебное жалованье по 2 чети ржи человеку из хлебных луцких запасов[101].

В совершенно исключительном по трудности положении находились инородческие отряды из далеких от театра военных действий местностей. В полках Семена Лукьяновича Стрешнева было около 400 человек ногайских и едисанских татар, прибывших из Астрахани. Они пришли во Псков в мае 1654 г. и сейчас же били челом о денежном жалованье, «поденном корме», «чем им изо Пскова на твою государеву службу поднятца и в дорогу запасы покупитца». Семен Лукьянович Стрешнев взял деньги у воеводы псковского Ивана Ивановича Салтыкова и раздал двум мурзам по 4 и 3 алтына поденного жалованья, рядовым татарам — по 6 денег; тоже было дано (по 6 денег) и 30 человекам астраханским стрельцам, приехавшим вместе с татарами[102].

IV

Тыл был лишен почти всяких вооруженных сил. В 162 г. июля 26-го (1654 г.) князь Юрий Буйносов-Ростовский с товарищем Василием Шпилкиным сообщал, что отставные новгородцы, которым было велено быть с ним в Новгороде, «ослушаютца... и сказывают, что они отставлены от твоей государевы полковые службы за старость и за увечье, а иные за бедность» и что вместо них служат их дети, братья и племянники. Те, которые явились в Новгород, оказались старыми и больными, «а иные и слепы и увечны». Кроме одного приказа стрельцов, разосланных в посылки с разными поручениями, в Новгороде не имелось ратных людей. Помета на этой отписке гласит, чтоб отставные дворяне и дети боярские были в Новгороде, «а теж не отыматься что за них в полках дети и братья»[103].

Служилые люди, находясь в походе, часто зависели от своих холопов, через которых велись все сношения с деревнею. Бывали часты побеги холопов от служилых людей из полков, против чего уже в 162 г. (1654 г.) был издан указ. По новому применению этого указа в 162 г. из Новгорода князь Юрий Буйносов-Ростовский пишет, что июля 30 к нему привели беглого холопа Андрея Ададурова Юрия Петрова. «С пытки» он показал, что на Луках Великих он заболел и был оставлен своим владельцем до выздоровления, чтобы нагнать Ададурова под Невлем. Но холоп не пошел за ним, а, вернувшись в поместье, выкрал своих жену с детьми и две лошади и хотел уйти в «заонег». Ю. Буйносов-Ростовский велел повесить его[104].

---

101 Там же. Л. 176.
102 Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 28—30.
103 Там же. Л. 147—151, 147 об.
104 Там же. Л. 176—181.

Раздел второй

ОТГОЛОСКИ ОПРИЧНИНЫ В ДОКУМЕНТАХ XVII В.

Бедность источников — одна из причин, затрудняющих изучение опричнины. Поэтому поиски новых, хотя бы и разрозненных фактов имеют некоторое значение для исследователей этого бурного периода истории России XVI в. Пожар 3 мая 1926 г., уничтоживший основную массу приказной документации, создал огромные трудности для исследования истории России предшествующих столетий.

Остается в силе вопрос — не имеет ли какого-либо значения делопроизводство XVII в. для пополнения недостаточных фактических данных по истории опричнины? Трудность обнаружения таких фактов заключается, во-первых, в большом хронологическом разрыве в 40—60 лет между опричниной и основной массой новых документов XVII в., во-вторых, в очень слабой еще архивоведческой разработке громадного фонда Поместного приказа; поэтому следует приветствовать всякое начинание архивистов, направленное на изучение этого фонда.

Настоящая статья имеет своей целью сделать лишь несколько замечаний для отыскания в разных категориях документов XVII в. отголосков опричнины. До известной степени статья носит источниковедческий характер.

В писцовом наказе 1621—22 г. в статье 51-й читаем следующее: «Да писцом же смотреть того накрепко, которые вотчины у вотчинников иманы в опричнину и раздаваны были в поместья, а после тех помещиков те вотчины запустели, а ныне будет теми землями владеют прежние вотчинники по старым своим крепостям», а новых у них грамот нет, «писцом про те земли сыскивать накрепко». Сколько лет вотчинник теми вотчинами владеет и какие с них доходы получал «и писцом те земли отписывать на Государя» и «в книги те земли писать опроче»; без указа теми вотчинами владеть не разрешать; в Поместном приказе о тех землях «указ учинить». Может быть, не без основания в этой статье историки усматривают глухое указание на стихийную борьбу вотчинников за возвращение экспроприированных в опричнину владений[1].

Подобных отдельных записей («опроч») возвращенных земель в писцовых книгах нами не обнаружено. Но отдельные факты вос-

[1] *Седашев В.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912. С. 160—161, 86—87.

становления прежних владений имели место. Е. Сташевский предполагает, что такой возврат особенно практиковался «при боярех» (т. е. в 1612—1613 гг.), но они бывали и при царе Михаиле Федоровиче. При этом Е. Сташевский ссылается на докладную выписку 121 г., а именно на примеры возвращения кн. Ю. П. Ушатину [Ушатому] (в Ярославском у.) «при боярех» из дворцовых сел вотчины деда и отца в 1000 четвертей; Ф. И. Шереметеву — старой вотчины дяди в 9214 четей, кн. Бахтеярову-Ростовскому — вотчины прадеда из дворцовых сел — 264 чети[2]. Имеются ли эти и другие подобные им записи этой же «докладной выписки 121 г.», требует дополнительного и кропотливого разыскания. Вся трудность заключается в состоянии фонда Поместного приказа.

По документам делопроизводства Поместного приказа можно установить совершенно точно несколько фактов возвращения доопричных владений.

В капитальном исследовании А. И. Копанева подробно изучена история монастырского, дворцового и частного землевладения в Белозерском у. Черное землевладение таяло вследствие бурного роста монастырских вотчин. Частные владения также переходили в монастыри, а в отдельных случаях владельцы были выведены отсюда, вероятно, в связи с тем, что Белоозеро было взято частично в опричнину. Большие массивы черных земель сохранились до начала XVII в.[3]

В начале XVII в., с зимы 1612 и в 1613 г. черные земли подверглись массовой раздаче служилым людям; раздача началась «при боярех» и продолжалась при царе Михаиле. Первыми отдельщиками были Михаил Кайсаров и Михаил Клементьев; они испомещали служилых людей в Азадской? и Киснешской волостях. Затем раздачу земель вели Степан Чепчугов и Шестой Копыта, Гурий Волынцов и Алексей Новиков, Богдан Кадников и Илья Перелякин. Земли всех трех станов — Надпорожского (27 волостей), Судского (17 волостей) и Заозерского (24 волости), за исключением ранее сложившегося монастырского землевладения, перешли в руки служилых людей. Остались, кроме того, две дворцовые волости — Бор Иванов и Никольское в Надпорожском стане[4].

На основании писцовых книг 1626—1627 гг. можно точно установить состав новых владельцев, примерно до 500 человек. Есть два случая восстановления старых доопричных вотчин. По решению боярина кн. А. В. Сицкого в августе 1626 г. старице Маремьяне Медведевой с ее братом Богданом Медведевым и снохою (вдовой) Ефимьей была возвращена родовая вотчина с. Никольское (в

---

[2] *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1. С. 124—125; *Барсуков А. П.* Докладная выписка 121 (1613) г. // Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1, отд. 1. С. I—VIII, 1—24.

[3] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края. М.; Л., 1951. С. 61, 77, 155, 185, 186.

[4] Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. М., 1911. № 90. С. 108—109; РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Стб. [33396]. Д. 10. Л. 108—124; Д. 11. Л. 125—165; Стб. 305. Д. 3.

Важаловской и Хилецкой волостях) по предъявлении ею жалованной грамоты царя Ивана Васильевича от 7050 г. Эти земли были уже в 1613 г. отданы в поместье кн. И. Вяземскому, который показал, что царь Иван Васильевич «изволил белозерских помещиков и вотчинников всех с Белаозера перевести в ыные городы, а их поместья и вотчины изволил взять на себя, государя, в черные волости, а им против тех поместий и вотчин жаловал царь Иван Васильевич, давал в ыных городех. И то сельцо Никольское у Медведевых в те же поры взято на государя в черные волости, а им против того же царь Иван Васильевич пожаловал в Галиче велел дать». Документ определяет, что белозерские взятые в опричнину владения пробыли в черных волостях более 40 лет[5].

Таким же, очевидно, образом были возвращены старые вотчины князю Михаилу Матвеевичу Вадбальскому и князю Борису Ивановичу Вадбальскому в Судском стану (Вадбальской волости)[6].

На основании приведенных данных можно утверждать, что массив черных земель на Белоозере вошел в опричнину, когда все помещики и вотчинники были выведены из уезда[7]. Никаких доказательств того, что после этого и до массовой раздачи черных земель в 1612—1613 гг. частные владения там сохранялись, нет. О том же говорит и состав новых владельцев, получивших там земли.

Ограничимся несколькими примерами, дополняющими сведения об опричнине.

Список с духовной кн. Данилы Ивановича Мезецкого от 1628 г. среди его владений в различных уездах называет старинную его вотчину с. Новое Введенское с деревнями, пожалованную ему при царе Федоре Ивановиче вместо старинной же его вотчины с. Варсабина в Можайском у., которая при царе Иване Васильевиче была взята «во дворец в опришнину». Новая вотчина кн. Д. И. Мезецкого значится в писцовой книге 1626—1627 г. в Михайловском стане Можайского у.[8]

Известно, что уже царь Иван Васильевич возвращал некоторым вотчинникам их владения, отобранные ранее в опричнину. Из приведенных выше примеров видно, что возмещение за отобранные вотчины происходило и при царе Федоре и позднее.

Указания на экспроприацию вотчин в Пошехонском у. содержатся в родословной дворян Васильевых[9], предки которых были выведены из Пошехонья. В деле о бесчестье 1637 г. детей боярских Огалиных Степана Ивановича и Василия Павловича говорится, что

---

[5] Ф. 1209. Поместный приказ. Белозерский у. Стб. [33396/214. Д. № 11. Л. 128—129, 133—137.

[6] Ф. 1209. Поместный приказ. Писцовые книги. № 591, 593. Л. 369.

[7] Это сведение о выводе из Белоозера всех частных владельцев подтверждает наблюдение П. А. Садикова, см.: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 117, 173—175 и сл.

[8] Ф. 1209. Поместный приказ. Вотчинной записки. Стб. 18196. Ч. 1. Л. 39, 47, 53, 58, 66, 67, 75; Там же. Писцовая книга по Можайскому у. № 683. Л. 203 об. и след.

[9] *Власьев Г. А.* Род дворян Власьевых. СПб., 1905. С. 77.

«они искони дети боярские» и служили по Ярославлю и сведены в опричнину лет 70 или 100 на Коломну, где значатся уже в верстальной десятне 1580—1581 гг.[10]

СЛУЖИЛОЕ ОБЩЕСТВО И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НА БЕЛООЗЕРЕ ПОСЛЕ СМУТЫ

Белоозерский уезд уже привлекал к себе внимание исследователей тем, что на его примере можно было изучать интереснейший процесс крушения волостного строя, в результате [расселения] здесь в конце Смуты массы мелких служилых владельцев. Настоящая статья, не касаясь уже прекрасно освещенного вопроса о «раскащивании волостей»[1], дает очерк состояния служилого землевладения и землевладельческого общества вскоре после его сформирования в уезде. В основу положено совокупное изучение делопроизводства Поместного приказа, писцовых и переписных книг, Воеводской избы. Только после восстановления таким путем своеобразия черт уездной жизни в разных районах государства возможно будет сведение их в общую картину.

I

Белоозерский уезд в XVII в. был одним из самых глухих уголков Московского государства не столько по своей отдаленности, сколько по своему положению в стороне от больших трактов. Обычно все сообщения Белоозерья с Москвой происходили летом через Вологду, зимой путем значительно более длинным, чем через Пошехонье, Мологу, Углич. По рекам Шексне и Волге ходили струги с хлебом на Белоозеро и, вероятно, с рыбой обратно, но насколько часто, нет данных судить.

Еще теперь в этом крае большое обилие лесов и вод. Для 60-х годов прошлого столетия констатировано полное еще развитие «лядинного» хозяйства: жгут лес и сеют «на сунках»; в то время еще были такие селения, куда можно было попасть не иначе как по кладям пешком; через зыбучие болота только зимою возможен был проезд на лошади в одиночку, в узких санях, по лесным тропинкам[2]. Исходя из этого, можно живо представить себе общий пейзаж и свойства края в XVII столетии. «А у нас, государь, на Белеозере, места пустые», пишет челобитчик в 40-х годах этого столетия, «которые есть деревни, и то промеж ими далече, деревня от деревни верст по дватцати и больши, а в тех деревнях двора по два и по три»[3].

---

[10] Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. № 284. Л. 5—11, 14, 22—23, 45, 58, 61—69.

[1] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. М., 1915. Т. 1, гл. VII. С. 343—344.

[2] Новгородский сборник. 1865. Вып. 1. С. 58 и сл.

[3] РГАДА (далее название архива опускается). Ф. 1209. Поместный приказ. Стб. [33274]. № 25. [Л. 342.]

В ноябре 1650 г., объясняя замедление отъезда для выбора целовальника к сбору ямских денег, воевода писал в Москву: «Путь летней рушился, а зимнего пути не стало ж. А Белоозерской, государь, уезд большой, во все стороны верст по сту, а в иные по полутораста, озера и реки и болота большие и те не промерзли долго, пешего и конного пути не было»[4]. В то же время и большие дороги бывали непроезжими. По восточному берегу Белого озера проходил очень важный тракт, связывавший Заозерский стан с городом. Указывая на необходимость его ремонта, воевода говорил, что «конскими нагами тот путь не проходить, а в большие воды и пешим людям пути не бывает», потому что «с одну сторону Белоозеро, а с другую болото, а из того болота в Белоозеро впали речки, ручьи и паточины, а в кое время Белозерского уезду помещики и вотчинники на государеву службу тем путем ездят, и они лошади свои проводят и сами проезжают в тихое время Белым озером в судах водою 13 верст, а как бывают ветры и время непогожее и от ветров на Белоозере бывают волны и от того им чинитца умедление и в простое убытки, а которые поспешения ради поедут и тем людем и конем бывает потопление»[5].

После волнений Смутного времени, еще раз «в королевичев приход» 1618—1619 гг. шайки литовских воров прошли по Белоозерскому уезду, а потом край затих на положении самой мирной глуши. В 1634 г. воевода Грушацкий доносил, что воеводский двор «огнил и розвалялся», «станки, государь, у народу переломались и наряд де перержавел. И у городовых, государь, ворот сторожей и в городе отставных детей боярских нет и ворот, государь, запирать некому и в уезд, государь, для твоих государевых дел посылать неково». «В летнее, государь, время от дожжа твои государевы дела гниют, а в зимнее, государь, время сидеть для студи немочно, а топить те избы нельзя, что печь от дожжа розвалилась»[6].

В 1642 г. съезжую избу пришлось запереть вовсе за отсутствием лучины, свечей, бумаги, дров; и сторожа и дьячки «разбрелися в мир», не желая быть «без подмоги». Спустя несколько лет и еще лет 20 воеводские отписки полны таких же жалоб[7].

Здесь за высокими монастырскими стенами московское правительство привыкло держать в ссылке опальных и подозрительных лиц самого разнообразного положения, от крупных деятелей до незатейливых статистов, проворовавшихся подьячих или неудачно обмолвившихся в пьяном виде стрельцов.

Территория Белоозерского уезда в XVII в. охватывала почти целиком три позднейших уезда: Белоозерский, Кирилловский и Череповецкий, но с некоторыми отступлениями. Западная граница без сколько-нибудь заметных различий совпадает с современной. На севере древний уезд заходил в пределы Олонецкой губернии, захватывая часть Вытегорского уезда по р. Кеме (до Кем-озера) и

---

4 [Ф. 1107. Белозерская приказная изба. Оп. 1. Д. 1194. Л. 7.]
5 Уездный суд. Вяз. 7. Л. 488 [авторская ссылка].
6 Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Новгородского стола. № 61. Л. 8, 10, 28.
7 Там же. Столбцы Поместного стола. № 25. Л. 76.

по р. Ухты (до озера Лага). На востоке в уезд не входила Чарондская округа, т. е. волости, расположенные по бассейну озера Воже. Южнее «старый вологодский рубеж» XVI и даже XV в. сохранил свои очертания до наших дней. Наконец, южный клин Череповецкого уезда за р. Шексной, врезывающийся между Ярославской и Тверской губерниями, в состав старинного Белоозерского уезда не входил. Весь уезд делился на четыре стана: Заозерский, Северный, окружавший почти со всех сторон Белое озеро; Судской — юго-западный, названный по основной своей артерии р. Суде; Надпорожский, по-видимому получивший свое имя от порогов по р. Шексне; стан Городской — расположенный по границе с Вологодским уездом к югу от реки Порозобицы и состоящий всего из двух-трех волостей, очень неопределенной территории[8].

Самое название последнего «стан» — несомненный архаизм, подобный названию селения Городок в волости Федосьин-Городок (Надпорожский стан)[9], где раньше стоял двор волостеля, был острог и куда в древности «тянула» обширная территория. Можно допустить, что Городской стан Белоозерского у. и по названию и по территории есть остаток этой административной единицы.

Что касается волостного деления уезда, то здесь надо принять, что с превращением Белоозерья в область служилого землевладения, с осуществлением здесь «раскащивания» волостей и разрушением волостного самоуправления волость лишилась прежнего живого реального содержания и сохранилась только в виде названия известной территории.

По писцовой книге 1626/27 г. насчитывается в Заозерском стану — 29 волостей, в Судском — 16, в Надпорожском — 45; всего в уезде около 90 волостей самой разнообразной величины.

II

На промежутке полустолетия этот обширный уезд пережил две резких перемены в землевладении и общем строе управления. Некогда на размножившейся ветви ростовских князей здесь образовались целые гнезда мелких захудалых удельных княжений: Шелешпанское, Кемское, Сугорское, Карголомское, Ухтомское, Андежское, Вадбальское[10]. Опричнина Грозного начисто вымела из уезда эти княжеские гнезда, а вместе уничтожила и вообще всякое служилое землевладение. В 1626 г. один из новых владельцев писал в челобитной, что царь Иван Васильевич «изволил белоозерских помещиков и вотчинников всех из Белоозера перевести в иные города, а их поместья и вотчины изволил взять на себя, государь, в черные волости, [а] им против тех поместий и вотчин жаловал царь Иван Васильевич, давал в иных городах». «А те, государь, волости все были при царе Иване Васильевиче в черных волостях и за иными прежними государи до твоей государевой роздачи, как ты, государь, нас, холопей своих, розных чинов людей велел испо-

[8] Ф. 1209. Поместный приказ. Переписная кн. № 12760. Л. 630 об.
[9] Там же. Л. 349 об.
[10] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II. С. 168—171.

местить в Белоозерском уезде (1612—1613 гг.)* из своих, государь, черных волостей». Земли пробыли в черных и дворцовых, по соображениям челобитчиков, более 40 лет[11].

По окончании Смуты в 1612—1613 гг. в течение зимних месяцев на черных волостях было посажено более 500 владельцев очень пестрого состава и очень демократического происхождения. Первыми появились здесь 28 декабря 1612 г. смольняне, испомещаемые по постановлению правительства Нижегородского ополчения, а затем и другие группы служилых людей. Отдельщики Михаил Кайсаров и подьячий Михаил Клементьев, занявши Азадскую волость, одну из самых населенных, перешли затем за озеро в волость Киснемскую[12]. В 1613 г. уже при царе Михаиле Федоровиче раздача приняла еще более широкие размеры. Из переписки воеводы Степана Чепчугова с дьяком Шестым Копниным видно, что им поручено было наделение дворян и детей боярских разных «городов» «осифовских и Погорельских сидельцев»[13]. Одновременно же вели раздачу земель Гурий Волынцов и подьячий Алексей Новиков[14]. В других местах действовал Богдан Кадников и подьячий Илья Перелякин[15]. Весь уезд, за изъятием раньше сложившегося монастырского вотчинного землевладения, перешел в руки служилых людей. Остались лишь две небольшие дворцовые волости — Бор Иванов и Никольское в Надпорожском стане.

Кто были новые насельники уезда? Это были прежде всего служилые люди из «городов» западной окраины государства, или захваченных поляками, или особенно пострадавших от разорения, и в первую очередь смольняне, выбитые из своего уезда, но оставшиеся верными Москве. За ними следуют пострадавшие сильно — можаичане, волочане, вереичи, ружане, звенигородцы; их было испомещено одним только Шестым Копниным 219 человек; можаичей из них было около 50 человек; меньшее количество серпьян, ржевичей, дмитровцев, белян, клинян, дорогобужан, Ярославца-Малого[16]. Еще в ополчении 1611 г. служилые люди этих городов составляли влиятельную группу. Приговор 30 июня особенно подчеркивает бедственное положение землевладельцев порубежных городов и их преимущественное право на испомещение в замосковных уездах: «а смольнянам и белянам, и дорогобужанам, и вязничам, и можаичам и всем разоренным городам поместия давать наперед». Уже воеводы ополчения 1611 г. отпустили смольнян для испомещения из дворцовых сел в Арзамасе, но «мужики» тех сел, поддержанные стрельцами, «делить себя не дали»; у смольнян «бои с мужиками были, только мужиков (они) не осилели». Дорогобужане и вязьмичи также сделали попытку усесться в Яропольческой воло-

* В круглых скобках замечание А. А. Новосельского.

11 Ф. 1209. Поместный приказ. Стб. [33396]. Л. 128. Д. 10 [Л. 108—124].

12 *Веселовский С. Б.* Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. № 90. С. 108—109.

13 Ф. 1107. Белозерская приказная изба. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

14 Там же. Л. 2; Ф. 1209. Поместный приказ. Стб. 33474. Д. 3. Л. 24.

15 Ф. 1209. Поместный приказ. Стб. [33396. Л. 128; Д. 11, Л. 125—165].

16 Уездный суд. Вяз. 14, вязь 6. [Ссылку в пределах 1613—1616 гг. по описи 1 фонда 1107 уточнить не удалось].

сти Владимирского уезда, но казаки Заруцкого «выбили» их оттуда. И те и другие в октябре-ноябре 1611 г. вступили в состав Нижегородского ополчения и состояли в нем до конца всей кампании. Несколько позднее в ополчение вступили служилые люди других порубежных городов[17].

[Вторая группа]. Правительство устраивало наиболее лояльные элементы казачества, оставшегося под Москвой.

Третью группу составляли иноземцы в очень значительном числе. Четвертую составили «сытного и кормового хлебенского дворца дворовые люди» в 1613 г.— 12 человек[18]. Пятую группу называют в своей челобитной 1617—1618 г. «всем городом» смольняне: в 1615—1616 гг. Михайло Беклемишев и Третьяк Копнин верстали вновь в служилые люди «из монастырских слуг и ис посадцких людей ис смолян»[19]. Появлялись в уезде, но вновь были сняты, галичане.

Из представителей местных доопричных княжеских родов писцовая книга 1626—27 гг. называет князей Вадбальских и Шелешпанских, получивших здесь поместья. Можно отметить редкий случай реставрации доопричного землевладения: в 1624 г. на основании жалованной грамоты 1542 г. была возвращена вотчина старице Маремьяне Медведевой с снохой и братом — село Никольское с деревнями в Хилевской волости Судского стана[20].

Другой пример подобной пестроты и случайности состава [земле] владельческого класса и меньшей сплоченности трудно отыскать среди служилых уездов XVII в. Неустойчивость отношений при такой распыленности была неизбежна. Вся эта масса вдруг посаженного в уезд служилого люда была связана только соседством и лишена какой бы то ни было объединяющей организации.

Напротив, было много общих и частных условий, дававших перевес центробежным силам, препятствовавших консолидации этих случайно собранных элементов в какое-нибудь общественное целое. Прежде всего и более всего их разъединяла организация отбывания военной повинности и разбросанность землевладения.

Начать хотя бы с смольнян. Их уезд был потерян для Москвы, но они продолжали сохранять «городовую» организацию и продолжали именоваться смольнянами в течение всего столетия. Они имели собственных околодчиков, пользовались податными льготами и при выборах целовальников и других должностных лиц выступали «особно» от прочих жителей уезда. Между тем смольняне лишены были территориальных связей, ибо были испомещены по 16 различным уездам государства. Подобным же образом дорогобужане были испомещены по 6 уездам, беляне — по 5 уездам. Это были города-фикции, лишенные территориальной основы. Очень близки к ним по своей распыленности были служилые люди пору-

---

17 *Любомиров П.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. // ЖМНП. 1913. № III. С. 151, 157; № X. С. 275—276; 1914. № III. С. 15—20.

18 Ф. 1209. Поместный приказ, Стб. [33328]. Д. 7. [Л. 82—132].

19 *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. М., 1913. Т. 1. № 52. С. 67,68.

20 Ф. 1209. Поместный приказ. Стб. [33396]. Д. 11. [Л. 125—165]. О возврате опричных земель см.: *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. С. 125.

бежных «служилых городов». Так, целостность «города» Можайска разрушена почти совершенно: 73,2 % лиц из его состава получили владение исключительно вне своего уезда[21]. Из звенигородцев — 39,1 % лиц владели исключительно вне уезда, 39,1 % — смешанно и только 21,7 % — обеспечивались землей за счет своего уезда. По Звенигородской десятне 1622 г. весь «выбор» испомещен вне Звенигородского у.: в Белоозерском, Ярославском, Переяславле-Залесском, Костромском и Суздальском. Из 37 человек городовых 7 испомещены там же, человек около 20 питались от службы в Москве в качестве «недельщиков» по Приказам, живут у «родимцев», живут на посаде и т. п.[22]

Поселиться на Белоозере значило порвать связь с родным «городом». Между тем Белоозерье по своей скудости и бедности было малопривлекательно. Вот почему оседание служилых людей здесь происходило медленно. В разборной десятне 1622 г. по Волоку-Ламскому встречаются такого рода пометы: живет на Белоозере, поэтому у разбора со своими одногородцами не был; или иначе: у разбору не был, потому что «живет на Белеозере, а у розбору будет на Вологде». Разрыв данных родственных, служебных и землевладельческих связей был, конечно, нелегок. В той же десятне находим заметки, что такие-то служилые люди имеют поместья на Белоозере, но «в них не бывали и не знают их», другие не владеют ими много лет[23].

Когда в 1614 г. сыскивали нетчиков белоозерских помещиков, то обнаружилось, что многие из них разъехались по своим родным городам: можаичи — в Можайск, погорельские сидельцы — на Погорелое Городище и т. п.[24] Приведем один факт от последней четверти столетия: в 1684 г. высылались в Москву стольники «для житья жилой четверти», и «доезд» в Судскую волость за А. М. Ляпуновым, М. И. Мусорским, кн. С. Ухтомским; обнаружили, что ни домов, ни усадеб у них в уезде нет, а старосты и крестьяне показали, что помещики их живут «в дальних городех и уездах»; стольник М. Н. Война в Белоозерском уезде «не живет и не живал, а живет в Можайском уезде».

Белоозерцы в собственном смысле слова, т. е. служилые люди, служившие по Белоозеру, составились, главным образом, из казаков и атаманов, вновь верстанных и впервые испомещенных по окончании Смуты. С боярином Борисом Михайловичем Шеиным было 323 человека казаков и атаманов, помещиков разных городов, «а написаны они по Белоозеру».

В смете военных сил Московского государства 1651 г. значится «белозерцев розных городов помещиков, что были атаманы и казаки, ведают их в Розряде, 350 человек[25]. Это такое же искусствен-

---

21 Ф. 210. Дела десятен. Кн. 190. [Л. 19—27, 35, 35 об., 37—48 об., 50 об., 89, 107—118].
22 Там же. Кн. 242 [Л. 1—17 об.].
23 Там же. Кн. № 194. Л. 20, 18—19, 31, 21.
24 АИ. СПб., 1841. Т. III. № 31. С. 31.
25 Книги разрядные по официальным оных спискам, 1614—1679 гг. СПб., 1855. Кн. II. С. 386; Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 327. Л. 37.

ное объединение, как и смоляне, беляне, дорогобужане и др. Белоозерцы, кроме Белоозера, были разбросаны по ряду других уездов: Вологде, Клину, Звенигороду, Кашире, Оболенску, Перемышлю, Медыни, Шацку, Алатырю и Тамбову. Они были настолько разъединены между собой, что для несения службы были организованы в отдельные группы. Когда появились рейтары и драгуны, они образовали еще отдельную группу со своими собственными околодчиками. Кончилось тем, что все эти оторвавшиеся от коренного уезда группы белоозерцев указом 1678 г. были приписаны службой по месту своих земельных владений[26].

Представители столичных чинов, а также «дворовые» люди кормовых приказов также, конечно, держались в уезде обособленно.

Для понимания внутренних отношений нового служилого общества на Белоозере необходимо также учесть некоторый процент лиц, которым земля была «не к рукам», в силу прямой непригодности их к хозяйничанию на земле. В 1617—1618 гг. смоляне показали «у выписи», что вновь поверстанные служилые люди «из монастырских слуг и ис посацких людей», наделенные поместьями в 25 четвертей, «покиня те свои помесья, бродят меж двор, а иные в холопех, а иные разбрелись безвесно, потому что жить теми помесьи нечем, все пусты»[27].

В 1637 г. белоозерские казаки, помещики разных городов, Иван Оринкин «с товарыщи» — 150 человек, жаловались на своих однородцев, которые «не хотя государевы службы служить вотчины и поместья свои продавали и здавали и меняли жилые свои поместья и вотчины на пустыя»[28]. Иноземческий элемент тоже был невысокого качества и мало устойчив. Само правительство судило о нем так: «иноземцы розных государств испомещены в розных городех, и из тех иноземцов многие поместья свои и вотчины продают и меняют руским людем и своей братье, иноземцом же прожиточным людем, доброе на худое, а иные и всю свою дачу здают всяким людем, а емлют от того деньги и те деньги пропивают и зернью проигрывают, и тем от государевы службы отбывают и в бедности бьют челом государю о корму»[29]. Рядом указов правительство старалось ограничить и связать эту подвижность, удержать землю в пределах одного чина или разряда служилых людей. Земли смольнян не могли уходить к служилым людям других городов: об этом говорят указы 1613, 1614, 1617 годов. Земли белоозерских казаков было запрещено продавать, покупать и сдавать в 1637 г., вторично в 1648 и снова в Уложении. В 1630 г. была обставлена известными формами мобилизация иноземческих земель[30]. Самое обилие за-

---

26 РИБ. СПб., 1886. Т. X. С. 69—78; Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Новгородского стола. № 33. Л. 2, 43, 71 об.; Там же. Книги Владимирского стола. № 13, Л. 6 об., 409 и сл. [Книга нумеровалась много раз, уточнить, какую именно пагинацию мог иметь в виду автор, не удалось. Составитель сохранил в данном случае указания на листы Новосельского. Можно предположить, что указанный л. 409 соответствует по современной пагинации л. 291.]

27 *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. Т. 1. № 52. С. 52.

28 *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. М., 1889. С. 125.

29 Там же. С. 99.

30 Там же. С. 43—46, 125—126, 135—136, 99; Уложение. Гл. XVI. П. 49 // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 1. С. 82.

претительных указов обнаруживает, что неизбежно должно было отсеяться некоторое количество служилых людей, непригодных к оседлости, и этот неустойчивый, взбудораженный Смутой элемент должен был потерять землю.

Первое время после испомещения ликвидация Смутного времени требовала почти постоянной службы и отрывала служилых людей от хозяйственных забот. Уже по одному этому они должны были прибегнуть к простейшему способу извлечения доходов из своих владений — взиманию оброка с крестьян.

В 1613 г. белянин Федор Дементьев с братом, получивши поместье, едва успел «оброки поимать с крестьян своих в одну неделю», как был отправлен на Белую, где пробыли в осаде 4 года, а когда возвратился, поместье было уже в других руках[31]. В документах рассеяны указания на оброки. В 1625 г. крестьянин Д. Бутурлина ехал об «осеннем Николине дне» с оброком и был ограблен крестьянами другого помещика: он вез 5 руб. денег, четверть солоду, четверть хмелю и ушат рыбы. В 1616 г. от смольнянина Я. Козлова бежал его человек и увез с собой оброк: четверть сухарей, пол-осьмины круп и толокна и 4 рубля денег[32]. Помещики были вынуждены полагаться на своих людей и крестьян и им доверять сбор оброка и все хозяйство, что, разумеется, значительно обесценивало владение поместьем в отдаленном уезде; люди постоянно совершали побеги и грабежи.

Как ни поверхностно было в первое время вмешательство служилых людей в хозяйственную жизнь, внедрение в уезд массы владельцев (свыше 500 семей), приведшее почти автоматически к перемене всего строя управления[33], не могло пройти безболезненно для крестьянства. Однако очень трудно подметить, как реагировало крестьянство против возложения на него бремени содержания нового владельческого слоя. Факты эти относятся к сфере крестьянского быта, и поэтому отзвуки их в документах очень редки. От 1613 г. имеется челобитная группы служилых людей разных городов, Ивашки Слизова «с товарищи» и «задворных конюхов» Семейки Лопатова с товарищи, испомещенных в Ковжезерской волости [Заозерский стан]: «и мы, холопи твои государевы», писали они, «приехав в тое волость и учали у крестьян просить по твоему государеву жалованью своих оброков, и крестьяне, государь, нас, холопей твоих, не слушают ни в чем и оброков нам никаких платити не хотят и нас, холопей твоих, выбивают вон и вперед слушати не хотят же и нас, холопей твоих, лают матерны и всякою неподобною лаею и говорят нам, холопям твоим, крестьяне Клим Иванов, да Влас Прокофьев, да Назар Иванов, да Яков Данилов, да Сава Климов и все крестьяне Ковские волости, надеясь отдельных памятей и вас не слушати ни в чем им, белоозерскова де указу, каков ни придет з Белаозера от воеводы от Петра Ивановича Чихачева не слушати же, а идем де мы к Москве. А нам, холопям твоим, сказана твоя царская служба, а матери, государь, наши и женишка

---

31 Ф. 1209. Поместный приказ. Стб. [33474]. Д. 3. [Л. 24].
32 [Ф. 1107. Оп. 1. Д. 204, Л. 2.]
33 *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Т. 1. Гл. VIII. С. 357—400.

и детишки скитаютца по иным городом: где день — где ночь, помирают голодною смертью». Челобитчики просили «оборонь учинить» и «переимать» крестьян за «воровское ослушанье»[34].

В 1611 г., как мы видели, «мужики» просто «выбивали помещиков» и «делить себя не давали». Теперь была власть, к которой и апеллировали служилые люди. Крестьяне иногда пытались сохранить прежнее положение, обращаясь в Москву с челобитьями. В 1615—1616 гг. крестьяне Оштинского погоста Шимозерской волости разных «волосток» били челом, что сын боярский Иван Унковский ложно показал, что они были прежде монастырскими и по его челобитью указано отдать их ему в поместные, «а мы, государь», писали крестьяне, «искони вечно живем за тобой, государем, а за монастыри, государь, в вотчине и за детьми боярскими в поместные мы, сироты твои государевы, не бывали»[35]. Белоозерские помещики скоро испортили отношения и с другими соседними черными волостями Чарондской округи на почве грабежей и насильственного овладения крестьянским трудом и силой. Крестьяне волостей Шалги и Пунемской [Чарондской округи] жаловались в 1628—1629 гг., что от насилия белоозерских помещиков «пути не стало». Помещики Палшеозерской волости Григорий и Иван Воропановы, Истома Стогов и Севрин Уваров, Павел Краевский, Ухотской волости — кн. Матвей Шаховской и Иван Чихачев и в одиночку и собравшись вместе со многими людьми «изгоном ночью» нападают на волости, грабят крестьян «до основания» и свозят их с семьями и животами к себе в поместья. Один из крестьян перечислял в таком виде «грабеж», произведенный у него Воропановыми: сына Карпунку, жену Матренку и «живота»: лошадь, 2 коровы, 3 овцы, сермягу белую, шубу баранью, 2 «коробьи белого платья мужского и женского, да шапку мужскую, да две гривны». В эти годы особенно отличался в погоне за крестьянами помещик Ухотской волости Иван Чихачев. Его соседи князья Матвей и Иван Шаховские «извещали» на него, что он выезжает на Тихвинскую дорогу для грабежа. В 1623 г. он захватил одного из крестьян себе на двор со всеми животами «и на своем дворе связана мучит и в студеной клети нагово держит неведомо за что; и иных многих твоих государевых бобылков на дороге перенимает, к себе сильно на двор емлет и многим твоим государевым крестьянам, иногородним торговым людям и проезжим для того Ивана Чихачева проезду не стало, для его грабежу, а преж того тот Иван Чихачев в Тихвинской волости и в Ухотской крестьян твоих грабил и на дорогах бьет». Менее решительные из белоозерцев ограничивались более скромными действиями: свозом хлеба и сена с полей, захватом рыболовных снастей и судов, грабежом животины и т. п.[36]

---

[34] [Ф. 1107. Оп. 1. Д 62. Л. 1.]

[35] Уездный суд. Вязь 7. Л. 74 (авторская ссылка).

[36] Ф. 141. ПДСЛ. [1627 г.]. № 59. [1628 г.]. № 66. [Ссылки автора «ПДСЛ. № 74, 66, 59» требуют дополнения, т. е. следует в данном фонде указать год. Под годом 1623 такие дела по теме и по номерам не значатся. Указанные составителем дела подходят по теме, но не являются, может быть, теми, о которых думал автор. Вторая часть ссылки: Белоозеро. Уездный суд. Вязка 5, III — не расшифрована.]

Привыкнув к атмосфере постоянной взаимной борьбы за землю и крестьянский труд, помещики втянули в эту борьбу и крестьян, сделав их соучастниками «наездов», грабежей, покосов, свозов хлеба и проч.

III

В связи с вышеизложенными чертами случайности и распыленности нового состава землевладельцев на Белоозере стоит вопрос о земельном обороте, земельной мобилизации в крае. Априорно можно бы предполагать здесь давно известное своеобразие в этом процессе по сравнению с уездами старого, давно сложившегося землевладения. Первое десятилетие служилого землевладения, здесь особенно интересное, остается неосвещенным за отсутствием писцовых книг. В нашем распоряжении имеются писцовая книга 1626—1627 гг. кн. Никиты Шаховского и переписная 1646 г. Силуяна Павлова[37]. Изложенные ниже наблюдения и основываются на их сравнении, дополненном данными из делопроизводства Поместного приказа по Белоозеру.

Необходимо оговорить несколько условностей, при этом обнаруживающихся. Прежде всего, переписные говорят только о дворовом, т. е. населенном землевладении, оставляя в стороне пустые участки. Следовательно, ниже и говорится о мобилизации только населенных жеребьев, если, разумеется, за период в 20 лет эти жеребьи из пустых не превратились в жилые. Данные, получающиеся таким образом, будут несколько преуменьшенными, т. к. пустые участки вообще передвигались быстрее. Кроме того, наша переписная не всегда указывает на предшествующего владельца того или другого жеребья и на способ перехода последнего, а даваемые указания далеко не всегда верны. Многие пробелы заполнились путем сопоставления с писцовыми. Но главным коррективом служило наше делопроизводство — [столбцы] Поместного приказа: оно заполняет пробелы. Например, переписная не указывает происхождения одного из жеребьев владения Семена Познякова в Игнатовской волости (Заозерский стан). В делопроизводстве Приказа встречаешь указание, что этот жеребей дан ему «из порозших» земель иноземца Степана Тарковского в 1631 г.[38] и т. п. Гораздо чаще столбцы дополняют и разъясняют указания переписной книги, когда последняя [не] говорит ни о родстве с предшественником, ни о способе передачи. Так, например, Василий Владимиров Моклоков получил, согласно переписной [книге], поместье от Бориса Пешкова; в дополнение к сему находим разъяснение, что оно было меновым[39].

В другом случае Юрий Петров Микулин по переписной получил владение от Мизина Яковлева Микулина: из делопроизводства

---

37 Ф. 1209. Поместный приказ, № 591, 592. Переписная кн. № 48, 12760.

38 Ф. 1209. Поместный приказ. Переписная кн. № 48. Л. 1101 об.— 1102*; Там же. Стб. [33483] Д. 3. [Л. 31—46].

* [По современной пагинации: л. 185 об.— 186.]

39 Ф. 1209. Поместный приказ. Переписная кн. № 12760. Л. 46—46 об.; Там же. Стб. [33446]. Д. 7. [Л. 208—222].

видно, что последний был дядей первому[40]. Наконец, писцовые и переписные стягивают мобилизационный процесс, обозначая лишь начальный и конечный моменты его и замалчивая то, что происходило, кроме того, в промежутке между ними. Так, переписная обычно не делает отметок о получении землевладения через посредство женщин, невест, девок и вдов-матерей, стирая одну очень любопытную черту — о судьбе женских прожиточных жеребьев. По переписной, например, Яков Гаврилов Бетин получил поместье Мизина Яковлева Микулина; в действительности это был прожиток вдовы и дочери последнего, невесты Бетина[41]. Борис Михайлов Бибиков получил жеребей не от Михаила Петровича Щеглятова, как говорит переписная, а от вдовы последнего и т. д.[42] Промежуточные между писцовой и переписной переходы может обнаружить только делопроизводство Поместного приказа. По переписной: Семен Игнатьевич Гольский выменял жеребей поместья в Киснемской волости у Лаврентия Панова; тут была, однако, одна мена раньше: после Панова жеребей путем мены побывал уже у Федора Мишевского, а от последнего [перешел] к Гольскому путем мены же[43].

Таким образом, если основываться только на показаниях переписной книги, то мобилизационный процесс здесь представляется в несколько замедленном темпе. Значение делопроизводства Поместного приказа в качестве корректива в вопросе о земельной мобилизации представляется нам немаловажным. Нам не удалось исправить все недочеты и заполнить все пробелы в показаниях переписной книги: осталось под сомнением 17,9 % жеребьев, переход которых не выяснен. Получились итоги, лишь приблизительно и несколько преуменьшенно рисующие мобилизацию землевладения населения Белоозера в промежутке за 20 лет от писцовой книги 1626—27 гг. до переписных [книг] 1646 г.

От кого получено	Число жеребьев	%	От кого получено	Число жеребьев	%
Владельцы прежние	171	33,3	От женщин	21	4,1
От отцов	124	[24,1]	От менов	29	5,6
От дядей	5	[0,9]	От порозших	16	3,1
От братьев	8	[1,5]	Неизвестно как	92	17,9
От других родственников	47	[9,0]			
[Итого				513	100]

[40] Там же. Переписная кн. № 12760. Л. 126; Там же. Стб. [33208]. Д. 5. [Л. 84].
[41] Там же. Поместный приказ. Переписная кн. № 12769. Л. 135 об., Там же. Стб. [33446]. Д. 9. [Л. 243—252].
[42] Там же. Переписная кн. № 48. Л. 1140 об.*; Там же. Стб. [33258]. Д. 6. [Л. 85—95].
* [По современной пагинации: Л. 224 об.— 225]
[43] Ф. 1209. Поместный приказ. Переписная кн. № 48. Л. 936 об.**; Там же. [Стб. 33480]. Д. 3. [Л. 20—27].
** [По современной пагинации: Л. 21 об.]

Из сравнения с выводами о мобилизации по Тульскому уезду за тот же промежуток времени от 1627—1629 гг. по 1646 г. мы видим более быструю мобилизацию на Белоозере. По Туле за 17—19 лет в пределах родства перешло 88 %*, на Белоозере за 20 лет в пределах родства считалось около 70 %**. Этот более ускоренный темп мобилизации на Белоозере нельзя считать случайным; он объясняется, по-видимому, изложенными выше обстоятельствами внезапного формирования владельческого населения в уезде и его пестрого состава.

Для более наглядной демонстрации той же мысли остановимся на чересполосности владений на Белоозере.

Из общего числа владельцев писцовой книги 1625—27 гг.— 515 лиц — владеют одновременно в Надпорожском и Заозерском станах 19 лиц; в Судском и Заозерском — 15; в Судском и Надпорожском — 16; во всех трех — 2, всего 52 лица, т. е. 10 % общего числа. По волостям владеют: в 2 волостях — 25, в 3—15, в 4 и 5—6 лиц, всего — 116, т. е. 22,5 % имеют владения чересполосно по волостям. Всмотримся в отдельные факты.

Так, Ф. П. Дементьев владел в Порецкой волости и Киснеме,— это на северном берегу Белоозера, в Чуровской волости — в самом юго-восточном углу Надпорожского стана за рекой Шексной в Семенове-Раменье по р. Ковже, притоке р. Шексны и в Покровском-Надпорожье по водному пути в оз. Кубинское. Подобная чересполосица владений, по-видимому, являлась результатом длительного процесса собирания и мобилизации. Я. Резанов получил клочки от 5 лиц, всего 27 дворов. Ф. Дементьев — от 4 лиц — 14 дворов. Другие примеры: Федор Русинов Алексеев имел жеребьи в 3 волостях и собрал их от 4 лиц — 37 дворов. Можаитин Волынец Матвеев Скобеев владел в 4 волостях и получил их от 3 лиц — 5 дворов. Павел Краевский владел землей в 3 полостях и получил их от 3 лиц. Немчик Томас Кро — в 3 волостях — от 5 лиц — всего 22 двора. Иноземец Юрий Абрамов в 2 волостях — 4 лиц — 11 дворов и т. п. То же явление можно констатировать и для лиц, владевших землей в одной волости. Немчик Иван Адамов имел в одной волости 7 дворов — от 8 лиц; иноземец Иван Карфунов в одной Шубацкой волости — 7 дворов, от 3 лиц. Эти факты ясно говорят о связи мобилизации с земельной чересполосицей.

Одним из самых распространенных способов земельного оборота была меновая сделка. В приведенной выше таблице за 20 лет 5,6 % жеребьев перешло путем мены, это преуменьшенная цифра, особенно если принять во внимание неучтенную мобилизацию пустых жеребьев. Мена еще задолго до законодательной санкции получила распространенное значение путем практики и стала прикрывать собой случаи подлинной купли-продажи. В некоторых местностях путем мены служилые люди вели настоящую земельную спекуляцию: так было на Вологде в 20-х годах. Для Белоозера по-

---

* *Белоцерковский Г. М.* Тула и Тульский уезд в XVI—XVII вв. Киев, 1914. С. 243.

** Исходя из таблицы: если приблизительно перешло к новым владельцам около 70 % земель, или, точнее, 100 % — 33,3 %, то в пределах родства всего 39,6 %.

добных фактов мы не встречали. Здесь, напротив, встречается множество мелких меновых сделок, мотивировавшихся в громадном большинстве случаев «смежностью» земельных владений; такое основание официально признавалось достаточным. «И те, государь, наши поместейца», читаем в одной челобитной, «ево Алексеява к моему Севринову поместейцу смежна, а ево Севринова поместейца к моему Олексеяву пошло»[44]. Чересполосица часто бывала результатом неразмежеванности владений, а также следствием того обстоятельства, что в те времена населенные и обработанные участки земли лежали не сплошь, а представляли собой как бы островки среди моря невозделанных пустырей, лесов и болот, а так как вся территория, в которую были вкраплены деревни одного владельца, не была обычно очерчена межой, то нередко случалось, что пустоши и деревни другого владельца «отдалеют» и вклиняются в урочища соседа; в этом и заключалось нарушение правила наделения землей «сряду, с одного, не через деревню и не через землю». За отдаленным участком трудно усмотреть; начинались потравы, покосы и свозы хлеба, отсюда ссоры и «вражды» между соседями. В одной из челобитных о мене землями чересполосность обрисована так: «А пустошки, государь, у нас порознились меж нашими ж деревнишками: мои, Петрушкины,— пустошь Лукинское, а Слукинское тож да села Вознесенского полпустоши Кунинское Кузминское тож — от моих деревенишек отошли, и подошли к Валынцовым деревням; а моя Валынцышкова пустошь Каменка подошла под Петровы деревни; и в том, государь, меж нами, холопами твоими, и крестьянишки нашими учиняютца потравы и великие вражды»[45]. Мена исправляла общий недостаток межевания и разграничения владений, недостаток, особенно подчеркнутый на Белоозере, где масса служилых людей была водворена наспех. Принадлежность служилых людей к разным «городам» вызывала факты меновых сделок с тою же целью сосредоточения землевладения в одном «городе». Так, Яков Шиманский и Герасим Тетерин менялись потому, что «у него, у Якова, в Переяславле родимцы и друзья, а у Герасима родимцы и друзья на Вологде»[46]. Недоросли Иван и Симон Киреевы опротестовали мену «жилого» на «пустое», произведенную «заукрадь» отцом их с зятем: «а батюшку, государь, нашему», писали недоросли, то поместье, стало [за]невиды потому что в ыном городе»[47]. Обычно мена производилась участками неравных размеров, что только доказывает реальность мотива «смежности»; было бы трудно допустить полное совпадение меняемых участков «четь на четь», это скорее заставило бы предположить фиктивность сделки.

IV

Подбор самых мелочных фактов в пределах изучаемой территории подтверждает факт обостренной борьбы за землю, именно землю «живущую», устроенную и населенную, факт обще-

[44] Ф. 1209. Поместный приказ. Стб. [33477]. Д. 9. [Л. 121].
[45] Там же. Стб. [33396]. Д. 3. [Л. 17].
[46] Там же. Стб. [33328]. Д. 2.
[47] Там же. Стб. [33205]. Д. 7. [Л. 112].

известный для XVII в., но для среды мелкого и бедного служилого люда Белоозерья особенно характерный. Эта борьба за землю образовала насыщенную страстями атмосферу обыденной жизни и повседневного быта, окрасила собой самые близкие родственные отношения. Конечно, недостатки процессуальных форм «обысков» и «отказов» благоприятствовали превращению злоупотреблений в обычное явление жизни, но ни эти недостатки, ни слабость власти сами по себе не могли бы быть причиной постоянных наездов, грабежей, свозов, покосов, порубок и проч.— обычной картины провинциального землевладельческого быта, если бы социальные связи в служилой среде вообще, а на Белоозере слабость их выступает выпуклее, чем где-либо,— были более прочны и широки. Вместо того мы наблюдаем взаимное отчуждение и враждебность, распадение на множество очень дробных групп, организаций и чинов с узкими и расходящимися интересами.

Путем простого «вылыганья», т. е. ложного показания и челобитья, можно было овладеть чужой землей, безнаказанно пользоваться ею год—два—три, истощить и запустошить совершенно. В 1635 г. кн. Иван Андреевич Дашков получил поместье после вдовы Дарьи Резанцовой, сказавши, что два ее сына пропали безвестно, и, «не проча себе», «велел крестьянишек розвести в старое свое поместье»[48]. Петр Маслов получил поместье Гаврилы Ковалева и Ивана Гребенкина, солгавши, что первый в Сибири в казаках, а второй — в Калязине монастыре в служках; но затем поместье было возвращено Гавриле Ковалеву и сыну Ивана Гребенкина, которого Маслов «утаил вовсе»[49]. В 1640 г. звенигородец Григорий Ал. Рыкунов начал хлопоты о возвращении ему пустошей и «наволоков», захваченных во время его отсутствия на службе Мокеем Вергуновым, но еще в 1645 г. Вергунов, «чинясь сильным», держал земли за собой[50].

Любопытные подробности этой борьбы вскрываются в процессе «обысков» при отделе земли. В 1645 г. остаток поместья Бартенева, за выделом прожитка его вдове, был дан сыну боярскому «царицына чина» Якову Клеопину и можаитину Дмитрию Некрасову. Клеопин просил о переделе, т. к. Некрасов производил обыск один и «стакался» с губным старостой Грязным Головиным, который «дружа ему» отделил лучшую землю и угодья. Был произведен передел. Через два года уже Дмитрий Некрасов жаловался, что новый губной староста Обросим Козлов выделил лучшее Клеопину, потому что «одново города с ним»[51]. «Обыск», т. е. опрос попов, старост, «тутошних» и сторонних людей окрестных местностей, не представлял достаточных гарантий. В 1641—1642 гг. иноземец Т. Клюковский отнял наказную память у пушкаря и производил обыск сам[52]. В другом случае в том же году пуш-

[48] Там же. Стб. [33212]. Д. 28. [Л. 397].
[49] Там же. Стб. [33446]. Л. 6—7.
[50] Там же. Стб. [33327]. Д. 4. [Л. 44—170].
[51] Там же. Стб. [33396]. Д. 14. [Л. 211, 235].
[52] Там же. [Д. 7]. Л. 70 [все дело на л. 61—77].

карь Сенька Инков, «дружа» одному из челобитчиков, «писал отказные книги у нево на дворе и понятых людей писал в отказные книги за очи»[53]. На Белоозере даже пушкарь представлял собою силу. Достаточно было изменить название «селения или воспользоваться двойными именами», чтобы получить незаконно просимое.

В 1637 г. Григорий Рыкунов отнял у владельца пустошь, назвавши ее Мокрицей, тогда как ее действительное имя было Мокруша[54]. Гневаш Моложенинов получил грамоту на обыск про пустошь Черную по Черному ручью, умолчав о другом ее наименовании[55]. Подобным же образом в 1654 г. Петр Моложенинов получил пустошь для «обыску», с подьячим ездил его брат Федор Моложенинов; понятых брали «выбором, кто им друзья и робят молодых из далеких волостей, а у себя на дворе поили и кормили тех обыскных людей и попов и велели им назвать эту пустошь обводною пустошью и, напоя пьяных попов, велели им к обыском руки прикладывать»; «обыскных людей», противоречивших им, не допрашивали, на землю не водили и от себя отсылали[56]. К 1638 г. было доказано, что Петр Ковалев получил третье поле земли Григория Викентьева, назвавши его пустошью. Поставленный к допросу поп Иван объяснил, что Петр Ковалев у себя на дому велел ему «сильно» руку приложить. Поп Иван ему «учал говорить, за что у него отказчика и сторонних понятых людей нет», а Ковалев его убеждал: «Чужого [де] прихода Пречистенский поп Федор руку приложил, а ему де, Ивану, в своем приходе, вместо прихожан своих и понятых к обыском и к книгам, за што руку не приложить». Упомянутый выше поп Федор, по его рассказу, будто бы тоже сумнился: «чему тому верить, за очи руки приложить, у обыска и у книг он не был и откащика не видал». Петр Ковалев увещевал его с чувством: «верь де мне... отец духовный, как де богу душа отдана пред господом и пред пречистою богородицею; ему, отцу духовному, как у свидетельства стоит душа его, как ему Федора в том оболгать»; и он, поп Федор, «душе его Петрове поверил». Поместье было возвращено Викентьеву, а «лукавые» попы заплатили пеню по два рубля каждый[57].

Но «оттягав» землю, служилый человек попадал в столь враждебное соседство старых владельцев, что жизнь становилась невозможной. В 1626—27 гг. Никита Телегин получил «примерную» землю у Григория и Афанасия Образцовых, землю, которую последние обрабатывали уже ряд лет; «строили» ее, «лес рассекали большой, где изстари пашни не было — заводили...», «крестьян сажали, проча себе». Но, добившись благоприятного решения, Никита Телегин благоразумно отказался от приобретения, находя, что если ему и достанется крестьян с 10, то «по недружбе» прежних владельцев и их людей, им «в конец погинуть и впредь от их нало-

[53] Там же. Стб. [33315]. Д. 34. [Л. 586].
[54] Там же. Стб. [33460]. Д. 6. [Л. 74—82].
[55] Там же. Д. 2. [Л. 17—34].
[56] Там же. Стб. [33396]. Д. 2. [Л. 14].
[57] Там же. Стб. [33446]. Д. 5. Л. 131, 172—176, 180, 184.

ги поместью быть пусту»[58]. В 1634 г. один отставной служилый человек, хлопоча о справе поместья сына, убитого под Смоленском, за другим сыном, коротко, но довольно выразительно характеризовал соседские отношения: «а сумежные, государь, недруги, на мое [поместейцо] замахняся стоят»[59].

Соответствующими чертами рисуется и положение женщин, вдов и девок, в этой среде мелкопоместного служилого люда, бедного и жадного до земли, привыкшего насилием добиваться своих целей и решать всевозможные конфликты. За 20 лет 4 % жеребьев перешло через посредство женщин. На 450 владений приходится женских 14: то сидят вдовы, имеющие сыновей, следовательно, некоторую опору или надежду получить ее. Вдовы, как общее правило, во вдовстве не сидели; в обстановке непрерывной борьбы, грубых и черствых отношений им было просто физически трудно отстоять свою неприкосновенность и неприкосновенность своих жилищ и владений; воинственные вдовы, способные к этому, были редки.

В 1637 г. вдова Анна Горнина возвращалась из Москвы с грамотой на прожиток из поместья своего мужа. Ее сосед Василий Челищев, получивши остальную часть поместья [«досталь за прожитком»], захватил вдову вместе с дочерью и со всеми ее животами, из «усадьбища» перевез к себе в деревню, где и держал «многое время», пока вдова не вышла якобы добровольно замуж за «пашенного мужика» в Заонежские погосты[60]. В приказах понимали опасность для вдов от раздела [мужних] поместий; встречался факт справки за вдовой [в 1642 г.] всего поместья мужа даже с превышением прожиточной нормы с мотивировкой: «чтоб у ней, вдовы, в том мужа ее поместье иново соседа не было»[61]. Досталь за выделом прожитка женщинам из поместья умершего служилого человека было предметом особенно горячей конкуренции, и понятно почему: поместье «живущее», еще не разоренное всех манило... В 1630 г. «о достали за прожитком» после Якова Резанцева били челом 19 лиц[62]. После Андрея Корсакова били челом 11 родственников — братьев и племянников «от родных» (т. е. двоюродных) и других родственников, старавшихся взаимно опорочить притязания друг друга[63].

Замужество и полюбовная «сдача» поместья родственнику или даже чужеродцу были единственным выходом: «Роду мужа моего и детей никого нет, беречь от обид и от налог некому»,— таков обычный мотив «сдачи» женщинами своих прожитков. Обязательства лица, получающего прожиток,— «поить и кормить до смерти живота моего и при смерти меня ему постричь и душу мою устроить» — были вполне жизненными и реальными[64]. Вдовы и девки,

---

58 Там же. Стб. [33328]. Д. 19. [В описи это дело приписано карандашом; в стб. оно отсутствует, столбец заканчивается делом № 18. Л. 298—300].
59 Там же. Стб. [33480]. Д. 1. [Л. 1].
60 Там же. Стб. [33446]. Д. 1. [Л. 2, 3], 14—15, 17, 32, 40,
61 Там же. Стб. [33315]. Д. 30. [Л. 528, 520—533].
62 Там же. Стб. [33278]. Д. 15. [Л. 113—165].
63 Там же. Стб. [33315]. Д. 22. [Л. 329—397].
64 Там же. Стб. [33258]. Д. 6. [Л. 85].

поступившие на попечение своих родных, трактовались с чисто экономической точки зрения. В 1628 г. Федор Худошин сговорился с родным дядей невестки своей Арины о выдаче ее замуж, а ее прожиток справил за собой[65]. В 1644 г. смольнянин Василий Федорович Варсобин выдал замуж падчерицу свою, а прожиток справил за собой, ссылаясь на то, что падчерица сдала ему прожиток с обязательством кормить и выдать ее замуж, что он и выполнил[66]. В 1633 г. вдова Марфа Лыкова справила свой прожиток за братом — «за свой долг и за корм»: «а то, государь, поместьеце от Москвы отдалело и послать мне, бедной вдове, в то поместьецо неково, а живу я, бедная вдова, здесь на Москве, питаюсь займуючи у брата свое, у Тихона Танеева и одолжала большим долгом, а отплатитца мне, бедной вдове, от долга нечем». Еще ранее вотчину мужа в Рузском уезде она уступила своему деверю. Следовательно, вся земля ускользнула из рук вдовы по совершенно очевидной причине невозможности фактически руководить хозяйством[67]. Нужно сказать, что женские прожитки были предметом очень оживленной конкуренции женихов, чаще всего безземельных служилых людей, уже не год и не два приискивающих себе участки[68]. В 1643 г. Нечаев Иван и Кузьмин Трофим «сговорили» жениться на двух дочерях иноземца Ивана Зулина. Нечаев жаловался на Кузьмина, что он, явившись заранее на Белоозеро, отделил себе «живущее лутчее и половину усадьбы с людьми и крестьяны», а на его «жеребей половину усадьбы покинул пустую... да две деревни покинул худые с бобылями, а себе крестьян написал одинатцать человек, а мне покинул пять человек, не изверстав живущево и пустово»; «и жениться мне, холопу твоему (пишет Нечаев), стало нельзя для ево Трофима, на той девке, и ныне та девка Марица от того Трофима и ево насильств меж двор бродит»[69].

Много безотрадного было в быте двойных семей от разных матерей и отцов. Они вырастали и развивались под действием той же острой конкуренции за землю. Отношения детей к мачехе и сводных детей между собой проникнуты черствостью и материалистичностью. В 1649 г. вдова Варвара Буйнова била челом, что муж ее, умирая, «не велел» ей своего прожитка сдавать пасынку ее, Ивану, из-за его «лукавства», но Иван «подправил все под себя» и получил ввозную грамоту. Мачеха выдала замуж падчерицу и просила о прожитке, но пасынок «навел» на нее брата своего стремянного конюха Ивана Андреева Брехова и зятя своего толмача Посольского приказа Нечая Иванова Дрябина, дал «запись» «поить меня и кормить, и одевать, и обувать, и сестре своей приданое отдать», затем запись «выкрал» и «пустил» мачеху «меж двор скитаться»[70]. В 1639 г. смольнянин Иван Федоров Ошушкин просил о справе за ним отцовского поместья с обычным услови-

---

65 Там же. Стб. [33328]. Д. 11. [Л. 195—213].
66 Там же. Стб. [33274]. Д. 12. Л. 121.
67 Там же. Стб. [33258]. Д. 8. [Л. 120].
68 Уезд. суд. Ст. 1. Л. 305 [авторская ссылка].
69 Ф. 1209. Поместный приказ. Стб. [33274]. Д. 13. [Л. 136].
70 Там же. Стб. [33445]. Д. 33. [Л. 317].

ем по отношению к матери и сестрам. Вдова Авдотья с тремя дочерьми просила «отрознить» от нее пасынка. Но в Москве не поняли и отдали сестер на попечение пасынка. Вдова опять просила: «А те, государь, мои детки моленки (маленькие); и большей девке пятой год, а меньшая мало меньше года». «Не вели, государь, меня в век ослезить,— писала вдова,— и деток моих родных у меня отнять и от меня отрознить к пасынку моему. А, государь, пасынок мой и сам не велик, вне разума своем, рабы ево деток моих и з голоду поморят и передавет»; ему самому «рабы в честь дают есть». Ошибка была исправлена[71]. В следующем (1640 г.) Иван Федоров Ошушкин сделал попытку передела с мачехой, «накупив» подьячего, но передел утвержден не был; однако вскоре после смерти одной из дочерей мачеха и пасынок полюбовно разделились. Вернувшись со службы, Ошушкин снова переделил землю и отнял у вдовы крестьян и пустошь. На протесты мачехи он возражал, что она со «своих крестьян выдала дочь свою замуж и взяла с них приданое большое и столовые запасы великие, и о той ее великой налоги крестьяня ее оскудали и одолжали великими долги, бредут розно», и она хочет вместо тех крестьян, которые «разоренные и розграбленные», получить его «береженых». Передел производился в 1641 г. Губной дьяк писал «раздельные книги» «по приказу пасынка, а попов разных волостей свели на Иванов двор сильно» и, «заперши во дворе, держали три дня», а затем разослали с провожатыми по волостям, «чтоб те попы не шли к раздельщику»[72].

Приведенные факты мелки и незначительны. Они относятся к одному лишь уголку Московского государства. В них мало яркости. Но в самом их однообразии не отражается ли вернее серый фон повседневной тогдашней жизни мелкого провинциального служилого люда, чем в фактах исключительных по своей экстраординарности. Последние становятся понятнее на этом фоне обыденщины; например, факт, как один из членов сводной семьи «заколол» мачеху, «проча» ее прожиток вотчину, находит себе объяснение в общей атмосфере черствости отношений. Факты, сообщаемые выше, также не случайны. Напротив, при детальном изучении делопроизводства Поместного приказа за эти годы для данной местности выясняется их типичность: все, что выходит из форм нормального шаблонного делопроизводства, все, что содержит в себе искорку живого быта, рисует картину землевладельческих отношений именно теми чертами, какие мы указали.

V

О количественном распределении и качественном состоянии служилого землевладения по территории уезда сравнительно с землевладением церковных учреждений главным источником является писцовая книга 1626—27 г.

---

[71] Там же. Стб. [33446]. Л. 456, 463, 464, [465], 468—470.
[72] Там же. Стб. [33212]. Д. 22. [Л. 244—307].

Мы приводим лишь немного цифр и выводов из их сопоставления, потому что оценка реального значения показателей писцовой книги наводит на некоторые сомнения и заставляет быть сдержанными. Основания к этому заключаются в следующем. Если, по утверждению исследователя «Замосковного края», для первой четверти XVII столетия ни о какой другой системе земледелия не может быть и речи, кроме переложной, вернее, даже отсутствие всякой системы[73], то по отношению к Белоозерскому у., лежавшему на самой окраине Замосковья, это утверждение тем более верно: помимо разорения предшествующих лет, общие природные условия поддерживали там «лядинное»* хозяйство, уцелевшее, как указано выше, до XIX в. Судя по разрозненным указаниям, та же система господствовала и в XVII в. Для разных местностей уезда и разных десятилетий этого столетия есть свидетельства о «подсеке»: лес секут и пашню пашут...[74] Лес, рубившийся по притокам Шексны, сплавлялся в последнюю в таком количестве, что он, скопляясь около «езов», запружал реку и разрушал эти очень солидные сооружения. Обыск обнаружил, что лес во многих местах «сечен и жжен», «подсеки секли» под посев и покос[75]. Почва — скудная, легко и быстро истощающаяся, майские и даже более поздние заморозки, «зябь», как говорили в XVII в. Большой простор и редкость населения благоприятствовали «лядинному хозяйству». Обращаясь к цифрам самой писцовой книги, мы находим в них косвенный аргумент, говорящий за это же. Исчисляем подворную запашку в соотношении к непашенной земле:

Пашни на 1 двор
В 1 поле в четях

Станы	пашенной	непашенной
Надпорожский	6	16,9
Заозерский	3	18,6
Судский	3	14,5
По всему у. [средн.]	4	16,6[76]

Нельзя категорически утверждать, что на Белоозере господствовала исключительно подсечная система, так же как и, наоборот, исчезновение перелога не есть доказательство полного торжества трехполья, ибо жизнь знает множество переходных смешанных форм. Такое одновременное существование трехполья и «подсеки» можно подозревать и на Белоозере[77]. Никольский в исследовании о Кирилло-Белозерском монастыре вскользь констатирует существование трехполья и подсеки на Белоозере[78].

---

[73] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. М., 1906. С. 432. Учен. зап. имп. Моск. ун-та. Отд. ист. филол. Вып. 36.

* [Подсечное.]

[74] Уезд. суд. Ст. 11, 128. Вяз. 7. Л. 87; Вяз. 6, 3 [авторская ссылка].

[75] Там же. Ст. 11. Л. 387—390 [авторская ссылка].

[76] В 1627—1629 гг. в Тульском уезде на 1 двор приходится, по расчетам Белоцерковского, 20,89 дес. пашни и 30,75 дес. непашенной земли (*Белоцерковский Г. М.* Тула и Тульский уезд в XVI—XVII вв. С. 267—269).

[77] *Кауфман А. А.* Отчет о 53-м присуждении наград графа Уварова.

[78] *Никольский Н. К.* Кириллов-Белозерский монастырь. СПб., 1910. Т. 1, Вып. 2. С. 135.

Между тем писцовая книга, как обычно, производит расчет на три поля — «а в дву потому ж». Конечно, это лишь одна из «условностей» сошного письма или наиболее правильный способ счета, но сомнение в том, что «сущность» этого приема вполне ясна, нам кажется, имеют за собой основание. При смешанном полеводстве, т. е. переложном и трехпольном, констатировано совершенно определенное неравенство 3 полей, не говоря уже о том, что при чисто переложном хозяйстве третье поле могло и вовсе отсутствовать. Поэтому буквальное понимание формулы утроения — «а в дву потому ж» — весьма сомнительно и пользование ею рискованно; утроение цифр писцовых книг, по мнению Кауфмана, для определения размеров пашни иногда не приближает нас к действительности, а удаляет от нее[79]. Если допустить в писцовых расчетах на три поля известный произвол, а это, по-видимому, так и было, очевидно, то, что Кауфман называет «сущностью» их, никогда не может быть подведено ни под какие определенные правила и нормы: индивидуальные приемы писца тоже не могут быть учтены. При изучении писцовой книги по Белоозеру эти сомнения особенно вырастают. Вот почему цифры из рубрик «перелога» и «лесом поросло» служат для нас только общим показателем местных особенностей Белоозерья; абсолютным их размерам нельзя придавать значения. Цифры писцовых книг говорят для нас языком уж трудно понимаемым. Даже цифры пашни паханой говорят лишь приблизительно о действительных размерах культурной земли; тут нужно, быть может, не утроение, а какой-нибудь пониженный коэффициент; коррективом могли бы служить цифры запашки позднейших столетий и даже современные ввиду крайне медленной хозяйственной эволюции.

По-видимому, следы Смуты ко времени составления писцовой книги уже стерлись; она мало вспоминает о них, но другие источники совершенно определенно свидетельствуют, что в 1612—1613 гг. воровские шайки ходили по всему уезду, оставаясь подолгу в его пределах. Кириллов монастырь не раз подвергался приступам и был самостоятельной целью, привлекавшей воров. Нельзя указать ни одного уголка, которого не навестили бы «воры» и где не замучили бы крестьян: везде они «жгли огнем», «ломали хребты», «кололи копьями»[80]. Они еще оставались в уезде, когда происходило уже испомещение там служилых людей; происходили даже столкновения с ними. В Судской волости они отрядом в 500 человек напали на отдельщика Гурия Волынцова и сопровождавших его служилых людей и их рассеяли: «как де их расшибли», вспоминает один из беглецов, «и они друг друга не узнали»[81]. С другим отдельщиком смоляне стояли станом в Азадской волости и могли видеть зарево по

---

[79] *Кауфман А. А.* Указ. соч. С. 95—96. Кауфман считает преувеличенными исчисления для конца XV в. на двор в Шелонской пятине 11 $^1/_4$ дес. Как же рассматривать в таком случае цифру Белоцерковского — 20 дес. пашни на двор в 1627—1629 гг.?

[80] Ф. 1107. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 4.

[81] *Ардашев Н.* Из истории XVII века // ЖМНП. 1898. VI. С. 244.

направлению на Белоозеро от пожара посада, произведенного ворами[82].

Территория погрома «в королевичев приход» 1618—1619 гг., судя по писцовой книге, охватила юг уезда, главным образом Надпорожский стан. Из других источников узнаем, что литовские люди появились на Белоозере с двух пунктов почти одновременно в ноябре 1618 г. двумя шайками*. Из-за реки Шексны у села Всех-Свяжского Пошехонского уезда они вошли и начали погром с волостей Чуровской и Усть-Угольской; другая шайка проникла по Вологодской дороге с юго-востока, направляясь к Кириллову монастырю. Волости Сизьма и Волок-Словинский первыми подверглись разгрому. Здесь оставались они всю зиму, в декабре 1618—19 г. подвергли осаде г. Белоозеро, безуспешно впрочем, деревни жгли. Выпытывали про богатых крестьян и «про станы на лесах и крестьян мучили, ломали и огнем жгли». В марте 1619 г. дорога через Белоозеро на Тихвин была свободна. По-видимому, Заозерский стан воры посетили только мимоходом, уходя из Каргополя[83]. Писцовые книги указывают еще другую причину запустения дворов — «от государевых податей». В 1624—1626 гг. крестьяне уходили почти исключительно в патриаршие вотчины Череповской волости и в черные волости Чаронд-ской округи[84].

Наибольшее разорение южной части Белоозерского у. объяснялось близостью к внутренним областям государства и большей привлекательностью по сравнительной населенности; манил к себе и Кириллов монастырь. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы убедиться в том, что Надпорожский стан возвышенней других частей уезда и заселен гуще. Даже более других пострадав от разорения, Надпорожский стан, как показано ниже, все-таки находился в более благоприятном состоянии. В этом отношении он [противопоставляется] Заозерскому и Судскому станам, природные условия и хозяйственное состояние которых одинаковы.

В первой таблице приведены цифры дворов и пашни по станам и проценты. Городской стан слит в виду его незначительности и по сходству топографии с Надпорожским также.

	Дворов	%	Четей пашни в 1 поле	%
Надпорожский	3,182	55	14363	66
Заозерский	1,537	27	4250	20
Судский	1,046	18	3185	14
	5,765**		21798	

82 АИ. СПб., 1846. Т. 1. № 178. С. 310.

* «Шайками» в машинописи поправлено на: «отрядами».

83 [Ф. 1107. Белозерская приказная изба, Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 1—3; Ед. хр. 252. Л. 1.]

84 См.: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Т. 1. С. 220—221, м. б. этот момент следует сопоставить именно с введением в действие писцовых книг 1626—27 гг.

** Для получения полного количества дворов по всему уезду не хватает сведений о дворах посадского населения, населения дворцовых сел, сокольников и ямщиков. По переписной книге 1646 г. на посаде было 262 двора, в дворцовых селах — 167 дворов. Сокольников и ямщиков — 13 дворов. Общий итог по переписной книге

Из таблицы очевидно одно, что процент пашни отступает от процента дворов по станам всюду за исключением Надпорожского, где процент пашни выше процента дворов — ясное указание на лучшее состояние хозяйства в нем.

Сопоставление размеров запашки на двор по станам подтверждает последнее[85].

[Станы]	На 1 двор пашни	На 1 двор непаш. земли	На 1 двор пустых дворов
Надпорожский	4,8 ч.	13 четв.	0,8
Судской	3 ч.	14,3 четв.	0,5
Заозерский	2,5 ч.	15,6 четв.	0,5

В худшем состоянии Заозерский стан. При этом количество непашенной [земли] обратно пропорционально количеству пашенной. В Надпорожском больше пустых дворов, что стоит в связи с большим запустошением его в королевичев приход.

При выяснении причин качественного различия в состоянии землевладения по станам важно принять во внимание соотношение в них служилого и церковного землевладения.

Общие итоги таковы:

служилых дворов	3513	60 %	пашни 14701	67,4 %
церковных дворов	2252	40 %	пашни 7097	32,6 %
Всего дворов	5765			
Всего пашни	21798			

По станам служилое и церковных учреждений землевладение сочетается в следующих цифрах[86]:

	Дворов				Пашни			
[Станы]	служ. [землевл.]	%	церковн. [землевл.]	%	служ. [землевл.]	%	церковн. [землевл.]	%
Надпорожский	1300	49,6	1307	50,4	7944	61,4	5027	38,6
Заозерский	1186	77,2	351	22,8	3599	84,7	651	15,3
Судской	1027	98,2	19	1,8	3158	99,4	27	0,6
Городской	—	0		100	—	0		100

Наибольший процент землевладения церковных учреждений[87] падает на Надпорожский (и Городской) стан. Следует обратить внимание на то, что процент пашни в церковном землевладении ниже процента дворов: в Надпорожском — 50 % и 38 % и т. п., а для служилого наоборот — везде выше: в Надпорожском 49,6 % и

1646 г. по всему уезду равен 9220 дворам (Ф. 1209. Поместный приказ. Переписная кн. № 48. Л. 1520—1523, 1660—1661 [по современной пагинации: Л. 732—737]).

85 Всюду ниже мы указываем пашню в одном поле и в четвертях, а не в десятинах.

86 Городской стан сплошь занят [был] владениями Кириллова монастыря, но территория его по писцовой книге определяется не совсем ясно. Может быть, поэтому разницы церковного (монастырского) землевладения в Надпорожском стане следовало бы повысить несколько.

87 Название землевладений — церковных и монастырских — употребляется в качестве однозначащих.

61,4 %. Это говорит о большей запашке у служилых людей, чем в монастырях.

Если взять монастырское и кафедральное землевладение отдельно, то получим такое распределение его по станам:

[Станы]	Дворов	%	Пашни	%
Надпорожский	1882	83,6	6419	90,4
Заозерский	351	15,6	651	9,2
Судской	19	0,8	27	0,4
	2252		7097	

В пояснение к этой таблице следует прибавить, что в Надпорожском стане были расположены владения семи монастырей: Кириллова, Ферапонтова, Троицкого (Усть-Шехонского), Благовещенского, Никитского, Покровского (Суздальского девичьего), Симоновского (Богородицкого) и, кроме того, владения патриарха и ростовского митрополита; в Заозерском стане — владения только двух монастырей: Кириллова и Троицкого; в Судском — одного Кириллова.

Владения Кириллова монастыря (1600 дворов) далеко превосходили собой всю совокупность остального неслужилого землевладения, составляя 70 % (дворов) последнего.

Вычисляя в служилом и монастырском землевладении пашню, пустоту земельную и дворовую на 1 двор, получаем такие итоги:

	На 1 двор пашни	пустой земли	пустых дворов
Служилое	4,1 четв.	16,5 ч.	0,9
Монастырское	3,1 четв.	6,6 ч.	0,3

Самым замечательным является превышение подворной пашни у служилых людей по сравнению с неслужилым [землевладением].

Состояние служилого землевладения по станам таково:

	На 1 двор		
[Станы]	пашни	непашн. земли	пустых дворов
Надпорожский	6 ч.	16,9	1,2
Судской	3 ч.	14,5	0,5
Заозерский	3 ч.	17,7	0,6

Еще нагляднее можно демонстрировать лучшее состояние служилого землевладения в Надпорожском стане количеством усадебных дворов и процентом помещичьей пашни.

[Станы]	Общее число владений	Усадебных дворов всего	Усадебных дворов на каждое владение	Помещичьей земли
Надпорожский	183	143	0,7	22,4
Судской	161	59	0,36	10,1
Заозерский	206	76	0,37	14

Помещичье хозяйство было вдвое лучше оборудовано в Надпорожском стане, чем в остальных. Здесь владельцы, по-видимому, чаще жили; во всяком случае, если дворы в усадьбах и были населены, главным образом «прикащиками» и «деловыми людьми», что одинаково указывает на более развитое здесь помещичье хозяйство и больший хозяйственный надзор со стороны землевладельцев.

Представляет интерес расчет подворной пашни во владениях разных размеров. Возьмем в пример землевладения Судского стана:

Группы владений	Всего	Земли за ними всего	Подворная запашка
Бездворовые	15	24 [ч.]	1,6 ч.
1—10 дворов	531	1675 [ч.]	3,1 ч.
10—20 дворов	271	884 [ч.]	3,7 ч.
Свыше 20 дворов	210	513 [ч.]	2,7 ч.
По всему у.	1027	3096 [ч.]	3,2 [среднее]

Пятнадцать дворов у бескрестьянских владельцев — это дворы людские и помещичьи в усадьбах. Очевидное дело, судя по размерам подворной запашки, бездворные владельцы не только не проявляли никакой особенной хозяйственной энергии, но у них дело обстояло значительно хуже других владельческих групп.

В Надпорожском стане средний размер подворной пашни по тем же группам представляется в следующем виде:

Бездворные	4 четв.	10—20 дворов	5,4 четв.
1—10 дворов	6,6 четв.	свыше 20 дворов	4,5 четв.

В Надпорожском стане подворная запашка выше для всех групп по сравнению с Судским, но особенно для групп средних; для крайних она значительно ниже.

РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В БЕЛОЗЕРСКОМ УЕЗДЕ В XVII В.

...шла, также закупалась на гостином дворе в Москве — белуга, «теши», икра зернистая паюсная, кавардак (балык?), вязига в пучках[1]. Поступая в Москву, рыба точно измерялась и записывалась в книги; если она была свежей, то соблюдалась в садках в Дмитровских прудах, в пресненских и москворецких садках[2]. Бухгалтерию и администрацию рыбного дела ведали приказы Большого Дворца и Кормовой.

Сохранившееся в делах Белозерского уездного суда делопроизводство воеводской приказной избы XVII в. дает возможность с некоторыми подробностями изобразить организацию рыбного дела на Белоозере и через эту частность ближе проникнуть в деятельность сложного и обширного дворцового хозяйства.

В течение всего XVII в. на Белоозере существовал Рыбный двор, поставлявший на государев «обиход» рыбу, собранную в виде оброка с уездных ловцов и закупщиков-прасолов или добытую на специальных на государя ловлях; после Новгорода Белоозеро занимает второе место по количеству собираемой здесь на дворец рыбы. Рыбные промыслы в этой местности были исконными[3]. На царский

[1] РГАДА (далее название архива опускается). Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Ч. II. Книги Приказа Большого дворца. № 1039. Л. [252—253 об.]
[2] Там же. Л. 2 об. 143, 150—151 и др.
[3] *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 79.

обиход рыба собиралась еще в XVI в.; при Грозном здесь бывали целовальники, но указаний на существование там особого постоянного Рыбного двора нам не встречалось, неизвестно также, когда он был устроен[4]. В конце XVII в. Рыбный двор на Белоозере имел собственные строения, отдельные от съезжей и губной изб, и собственную администрацию. Изба находилась где-то вблизи посада, т. ч. при перестройке приходилось сносить посадские избы, на самом берегу озера: в 1634 г. «ледник и обруб от озера отвалялся и подмыло водою»[5]. По данным 1667 г. строения Рыбного двора имели такой внешний вид: рубленая изба в 4 сажени в квадрате, крытая тесом «в зубец»; «нутряное дело» представлялось в виде одной комнаты, подбитой мхом, потолком и полом, с вычищенными и выскобленными стенами; вдоль стен — лавка; 8 окон «красных» и 8 «волоковых» давали свет, была печь с «дымоволоком», тесовые сени, 3 чулана, лестница с «рундуком», и т. к. наружная лестница была, по-видимому, довольно высока, под лестницей был сделан чулан. К избе примыкал двор, окруженный забором длиною в 10 сажен, «забран лежачим забором» между шестью столбами вышиной в две сажени. Во дворе 1 амбар большой в $5\,^{1}/_{2}$ сажен и 2 «малых» с погребами[6].

Рыбный двор находился в ведении Приказа Большого дворца, откуда шли все распоряжения. Во главе Рыбного двора стояли «приказные», присылавшиеся из Большого дворца: «стряпчие», «сытники» и «подклюшники» Кормового дворца, обычно по двое одновременно. Последний раз встречается указание на приказного Рыбного двора от 1660 г., а начиная с 1662 г. до конца столетия Рыбный двор переходит в непосредственное заведование белоозерских воевод[7]. Пока сидели на Рыбном дворе «приказные» в лице стряпчих, сытников, Рыбный двор не был, разумеется, изъят из ведения воевод, но непосредственное вмешательство последних в его деятельность было эпизодическим и редким; случалось, что воевода «поднимался» на весеннюю «погонную ловлю» в с. Крохино близ устья р. Шексны в апреле месяце или на отпуск рыбы в г. Дмитров. Другое дело после передачи Рыбного двора в прямое заведование воевод. Воеводы посещают теперь не только «погонную усть-шекснинскую ловлю», но ездят на противоположный берег озера на рыбные ловли: самые мелочные распоряжения исходят от них. Подчиненными агентами Рыбного двора были целовальники. Как общее правило, для XVII в. они были выборными от населения. По данным 1681 г. в ближайшие годы бывало по шести целовальников: 2 — от посада, прочие — от уезда. Два целовальника от посада избирались и позднее. Едва ли можно думать, что число целовальников было постоянным; их могло быть и больше; документ 1681 г. определяет цифру шесть минимальной: менее «обойтись не мочно». При выборе целовальников Белозерский у. не выступал как

---

[4] *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 1910. Т. 1, вып. 2. С. 113.

[5] [В описи ф. 1599, Рыбный двор — нет дела за 1634 г.]

[6] [Ф. 1599. Рыбный двор. Оп. 1. Д. 68. Л. 16.]

[7] [См., например, ф. 1107. Белозерская приказная изба. Оп. 1. Д. 1534. Л. 1.]

целое[8]. Во-первых, по-видимому, в выборе принимало участие не все население сплошь, а только рыбные ловцы и прасолы-закупщики. В 80-х годах выборщиками являлись «все рыбные ловцы кругозерных сел и волостей», старосты и крестьяне. В другом выборе «все рыбные ловцы и рыбные закупщики (тех вышеписанных) монастырьских вотчин и волостей» «выбрали и излюбили» целовальников. Так было и раньше и позднее. В 1658 г. для выбора целовальников высылались рыбные ловцы и закупщики. Еще раньше, в 1639—1640 гг., рассыльщики были отправлены для производства выборов целовальников только в Заозерский и Надпорожский станы и не посылались в Судской, потому что рыбных ловель, ведавшихся в Большом дворце, здесь в то время не было. Когда же в 1665 г. все рыбные ловцы, по всему уезду, прежде ведавшиеся в Галицкой чети, были переданы в Большой дворец и изоброчены на Рыбном дворе, выборы целовальников легли на рыбных ловцов и других местностей и третьего Судского стана. Впрочем, глухое указание иногда на участие в выборах целовальников крестьян и старост без всяких иных указаний заставляет воздержаться от категорического утверждения, что только одни рыбные промышленники производили выбор[9]. Во-вторых, рыбные ловцы и закупщики, в свою очередь, производили выборы не всей своей массой, а объединялись в группы по несколько волостей. Эти группы создавались искусственно, и комбинации волостей, в них входивших, были непостоянны. Например, в 1683 г. одного целовальника избирали рыбные ловцы следующих 3 волостей: с. Ковжи, вотчины Борисоглебского монастыря (Заозерского стана), с. Крохина вотчины Ферапонтова монастыря (Надпорожского стана), с. Ухтомы, вотчины Суздальского Покровского монастыря (Надпорожского стана). Группа составилась из монастырских волостей, расположенных на противоположных берегах Белого озера и разных станов. В 1685 г. новая комбинация: с. Ухтома, только что упоминавшееся, с. Маекса — вотчина Усть-Шехонского монастыря и Квяндская волость — поместье Василия Ивановича Чихачева (Заозерского стана). В 1689 г. объединяются для выбора одного целовальника волости: Киснемская, Липин Бор и «иныя разныя волости». В 1684 г.— Киснемская волость, Липин Бор, село Маекса, Фетиньина Слободка, Каргулина Слободка, Кемь «и все рыбные ловцы кругозерных сел и волостей». В 1683 г. объединялись волости: Азадская, Шубацкая, Шолская — разных станов и чрезвычайно далеко отстоящих друг от друга. В следующем году новая комбинация — из Азадской, Карголомской, Шолской, Квяндской, села Чалексы и села Кустова. В 1699 г. два села — Кустово и Чалексы выбирали отдельно. В 1700 г. волость Ухотская выбирала целовальника особо. В 1662 г. дворцовые волости Бор Иванов и Никольское выбирали по одному целовальнику на Поронский ез. В 1684 г. волость Бор Иванов — на Милобудский ез. Возможно, что администрация Рыбного двора не ограничивалась одним определением потребного количества целовальников, а произвольно комбинировала и волости для выбо-

[8] [Ф. 1599. Рыбный двор. Оп. 1. Д. 233. Л. 1—5; Д. 246. Л. 1—2.]
[9] [Ф. 1107. Белозерская приказная изба. Оп. 1. Д. 1596. Л. 33.]

ров[10]. В-третьих, смольняне белозерские помещики производили выборы целовальников отдельно от прочих землевладельцев уезда. В 1626 г. они сделали попытку освободиться вовсе от этой отяготительной повинности. Под водительством Кузьмы Корнильева Кузмина и Михаила Омельянова «своим заговором и родством з дворяны и детьми боярскими с смольяны со многими», придя на Рыбный двор, они отказались дать целовальников на Рыбный двор и «к дворовому строению», а прежде от них целовальники «у рыбного дела сидели по вся годы». Крестьяне других поместий и вотчин жаловались, что смольняне «с ними в совет ко твоему государеву делу не идут и крестьяном своим в совет итти не велят и особно целовальника...* не выбирают»[11]. Однако эта попытка не удалась: позднее, в 50-х годах, смольняне выбирали одного рыбного целовальника «особно»[12], как это они практиковали и в других случаях, напр., при выборах целовальников к сбору ямских денег. Некоторое колебание этой выборности рыбных целовальников замечается в годы 1678—1681, когда только посад выбирал по 2 целовальника, а остальные 4 брались «в наем» на деньги, собиравшиеся с живущей чети. В 1680 г. сбор денег с уезда и посада на мелкие расходы был запрещен. Воеводы оказались в затруднительном положении с наймом целовальников, они доносили, что без 6 человек целовальников на Рыбном дворе обойтись «не можно». Это один только эпизод из той борьбы служилых людей за освобождение от верных служб, которая так ярко изображена С. Б. Веселовским в главе о разрушении всеуездного мира под воздействием служилого землевладения. В данном случае старания служилых людей освободиться от выборов рыбных целовальников были неудачны: позднее, как указано выше, они производились неуклонно[13].

Из низших представителей администрации Рыбного двора надо назвать сторожей, дворников, «тонщиков», наблюдавших за отдельными ловлями, рассыльщиков и солдат. В большинстве случаев это были лица вольнонаемные. Но не всегда: в 1659 г., например, стряпчий Иван Греков требовал с Кириллова монастыря двух рассыльщиков. Значит, и низшие агенты Рыбного двора могли поставляться населением. Есть отдельные указания на выборных дьячков и подьячих на Рыбный двор[14].

При помощи «приказных людей» на Рыбный двор вмешательство воевод было лишь эпизодическим. Руководящую и ответственную роль несли эти «приказные». И они не часто отлучались от Рыбного двора: чаще бывали их поездки в с. Крохино, за 10 верст от города, главную пристань, где сберегалась живая рыба, засали-

---

[10] [Ф. 1107, Белозерская приказная изба. Оп. 1. Д. 3566. Л. 1—2; Д. 4392. Л. 7; Д. 4395. Л. 2.]

* [Цитата сокращена автором.]

[11] [Ф. 1599. Рыбный двор. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.]

[12] [Ф. 1599. Рыбный двор. Оп. 1, Д. 26. Л. 2. В памяти идет речь о сборе «подмоги» выбранному целовальнику на Рыбный двор с вотчин и поместий «оприче смолян» (и монастырских вотчин).]

[13] [Ф. 1599. Рыбный двор. Оп. 1. Д. 233. Л. 1—5]; *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. М., 1915. Т. I. Гл. VIII. С. 357—400.

[14] [Ф. 1599. Рыбный двор. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.]

валась, где заготовлялись суда для отправки рыбы в Москву и производилась погрузка.

Ближайшими руководителями рыбного дела были выборные от населения целовальники. Некоторым из них поручалось ведение приходо-расходных книг Рыбного двора, составление «росписей». Большинство же из них находились в отъезде. В 1684 г. целовальнику Рыбного двора была дана «память» — ехать «в кругозерные села и волости, в поместья и вотчины и в монастырские вотчины; да в тех селех и волостех переписать в правду по святей непорочной заповеди Господней — еже-ей-ей — хто имяны и чье крестьяне в нынешнем во 193-м году с первополедные ставки ловили и ныне ловят рыбу в Белоозере керешками переметными и крючными; а переписав тех ловцов имяны и ловецкие их снасти, да с тех ловцов собрать оброчных денег...»[15].

Целовальники посылались и для производства и организации самой рыбной ловли. В 1679 г. рыбный целовальник Кузьма Галкин руководил рыбной ловлей на Усть-Судской пристани (при впадении реки Суды в реку Шекċну) «в заповедных водах»[16]. В 1658 г. целовальник Василий Соснин ловил рыбу в Киснемских тонях наемными ловцами. Они же руководили постройкой езов, рыбных «садов», сопровождали рыбу в Дмитровские пруды в Москву и т. п. Функции дворников, сторожей и рассыльщиков разъяснений не требуют[17].

Построение Рыбного двора, обслуживание его повседневного обихода, содержание администрации производилось на средства и силами уезда. Средства получались двумя способами: во-первых, путем сбора денежных оброков с рыбных ловцов и закупщиков с невода по полтине, с пере[носки] крючкой по 10 денег, с кадки — по полуполтине, с челна — по гривне и т. п.; во-вторых, путем специальных обложений посадских и уездных жителей[18]. На построение двора производился особый сбор, и выбирались целовальники к «дворовому строению». Рыбные целовальники получали «подможные деньги» от своих избирателей. В избирательном приговоре смольнян всех трех станов говорится: «А из тех наших расходных денег дати ему (целовальнику) приказному человеку, Михаилу Молчанову, в почесть, да из тех же денег дати ему, подьячему, рыбных денег и сторожу и продельщику найму и за сторожу с товарищи своими с рыбными целовальники счетчи по четвертям, что ся ему доведетца; да от выбору и от приговору дати ему целовальнику площадному подьячему, а достальныя расходныя деньги держать на свечи и на бумагу, на дрова и на лучину и в московские свои отпуски и в свою целовальничью годовую подмогу»[19]. Субъектом обложения, очевидно, были лишь рыбные про-

---

15 [Там же. Д. 273. Л. 1.]
16 [Там же. Д. 194. Л. 1.]
17 [См., например: Там же. Д. 36. Л. 5—9.]
18 [Там же. Д. 1, 2, 5.]
19 [См., например, похожий документ от смольнян выборному целовальнику Рыбного двора крестьянину Никите Ивановичу Власову 1628 г.: Ф. 1599. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—3.]

мышленники: едва ли можно допустить, чтобы избирательные собрания, ограниченные в своем составе, как это указано и обосновано выше, могли облагать лиц, не входивших в них. Приемы и размеры обложения были различны. Сбор производился или с живущей чети или с принадлежностей рыболовного промысла. В 1651—1652 гг. по приговору Судской волости («опричь смольнян») было собрано с живущей чети по 36 алт. 4 ден. В те же годы смольняне собирали отдельно по 1 рублю с живущей чети, т. е. несколько менее остального населения.

В 70-х и начале 80-х годов сбор определялся в 26 алт. 4 ден[20]. В других местностях сбор производился иначе. В 1665—1666 гг. одна группа волостей взимала с лодки по 40 алт. за осенний и весенний промыслы, с челна по 2 алт., с зимнего промыслу с нережек переметных по 4 алтына, с крючных по 1 алтыну, с невода — 13 алт. 2 д., с тагаса — то же; с рыбных ловцов, ловивших артелями, взимали по жеребьям. Взаимоотношение этих двух способов обложения по документам не ясно[21]. Размеры подможных денег целовальнику были различны. В 1644 г. посольские люди писали в своей жалобе, что уездные целовальники собирают подможных денег рублей по 60 и больше и «на целовальничество накупаются», давая посулы прикащику. Конечно, могло быть, что уездные выборные целовальники выгадывали себе подобные суммы, но при найме целовальников их годовое жалованье не поднималось выше 15 рублей. Так, в 1678 г. каждый целовальник получал по 15 руб., сторож — 10 руб. В следующем, 1679 г.: целовальник — 10 руб., сторож — 8 руб. А в 1680 г. — все только по 6 $^1/_2$ руб. В 1661—1662 гг. наемные рассыльщики получали 15 руб. и 10 рублей. Колебания в оплате труда нужно поставить в связь с неудачными монетными операциями 50—60-х годов: напр., в 1662—63 г. за дворничество платили 19 р. 2 грив. да 2 руб. 2 алт. серебром, а в следующем году — всего 4 руб. (серебром, вероятно). В другие года за дворничье брали всего по 3 рубля. Целовальничество, несмотря за возможность увеличения содержания за него до 60 рублей, все же было повинностью, от которой старались освободиться и взвалить вне очереди на людей «незаобычных» к этому делу; отсюда обычные в этих случаях кляузы и замещение целовальников по частному соглашению лица, избранного на эту должность, с другим за соответствующее возмездие.

Остальная рабочая сила по обслуживанию Рыбного двора и рыбных промыслов поставлялась населением натурой, главным образом дворцовыми волостями: двумя белоозерскими — Бор Иванов и Никольское и двумя Чарондской округи, приписанными в 1665 г. специально для обслуживания Рыбного двора,— Роксожская и

---

20 [Ссылки автора восстановить не представляется возможным. В Д. 238. Л. 1 (Ф. 1599. Оп. 1) есть свидетельство о денежном сборе целовальника белозерского Рыбного двора на 1681—1682 гг.: «...Надпорожского стану с Тиханова поместья Степанова сына Козмина с крестьянских с пяти дворов по четыре деньги з двора».]

21 [Свидетельство о взимании по жеребьям см., например: Ф. 1599. Оп. 1. Д. 180. Л. 7.]

Мунская и дворцовыми волостями Пошехонского уезда, изредка привлекавшимися для той же цели. В 1700 г. староста и целовальник дворцовой Никольской волости подал роспись работников, поставленных волостью на Рыбный двор. В предшествующем году на «погонной» ловле, на «прорезных» судах, «у приема» «обиходной» живой рыбы, «у садовой поделки», «у проводки» «прорезных судов», «у сторожи» живой рыбы было 27 человек, работавших 336 дней. Детальней эти рабочие были использованы так: в лодках провожали с Бора Иванова воеводу и подьячих до Крохина 4 человека, что составило 16 рабочих дней; «рубленой сад построили под Усть-Шехонскую живую рыбу» — 6 человек, 18 дней; спустили с Бора Иванова прорезное судно с живой рыбой до Нилобудицкого езу и рыбу «в сад садили» 3 человека 6 дней и т. е.[22] Этот труд не оставался совсем без вознаграждения, но оно было [минимальным] по твердым, так сказать, ценам. В 1683 г. «прибылой» водой сломало Цылинский ез на р. Шексне. Думали возобновить его наемными рабочими, но крестьяне, занятые сенокосом и ... запросили по $1\ ^1/_2$ рубля на человека. Администрация Рыбного двора прибегла к привычному способу: дворцовые волости должны были поставить 12 человек работников с платой по 10 алтын на человека, т. е. в 5 раз меньше вольнонаемной платы[23]. Подобным же минимальным образом вознаграждалась и работа по «проводке» рыбы в Дмитров и в Москву. Подводы для поездок по служебным делам брались с «яму», в громадном большинстве без уплаты прогонов. Разъезды были постоянными, хотя и на недалекое расстояние: до Волоку Словинского — 50 верст, до с. Крохина — 10 верст, до с. Ухтомы — 20 верст, до Кириллова монастыря — 30 верст и т. п. Ездили приказные, целовальники, рассыльщики, солдаты. Изредка «поднимался» сам воевода. Целью подьячих были: осмотр рыбных «садов» и их построек, «для вешней обиходной рыбы», «для езового строения», на «погонный» лов, к отпуску рыбы в Москву и т. п. На подводы грузили рыболовные снасти, соль и прочие запасы. Иногда в с. Крохино ездили озером. Разъезды усиливались, смотря по сезону, особенно заметно весной, при начале лова. Рыболовные снасти собирались с рыбных ловцов по таким же твердым, надо полагать, ценам.

II

Рыба собиралась на Рыбном дворе тремя способами: во-первых, путем сбора оброчной рыбы, во-вторых, путем закупки, в-третьих, путем устройства специальных «на государя» ловель. Рыба определенного размера была «заповедной» и к свободной продаже не разрешалась. Торговля ею могла быть только контрабандной. В 1639 г. приказчик Рыбного двора жаловался, что рыбные ловцы «заповедную рыбу — стерляди, головные судоки, щуки — таят и [на] наш Рыбной двор не привозят и продают украдом рыбным прасолам и посадским торговым людям и кабацким головам и це-

22 [Там же. Д. 429. Л. 1—4.]
23 [Там же. Д. 269. Л. 3—5.]

ловальникам и таможенным откупщиком... и посадские торговые люди нашу заповедную рыбу стерляди и головные судоки и щуки летом возят в судах с товары своими з железом и с кожами и заечинами, закладчи под испод теми своими товары..., а зимой отвозят на водех по торшком и по ярманкам»; «досматривать» не дают, «отнимаются» (отговариваются) товарами, а кабацкие головы «отнимаются» кабацким питьем[24]. К свободной покупке и продаже вообще была разрешена рыба, которая «остается за обиходом Великаго государя». В 1696 г. было приказано закупить для Азовского похода 100 четвертей «самых добрых и душистых снетков» на сумму в 250 руб. с запрещеньем торговли ими до окончания этой закупки. Закупку этой заповедной рыбы производили прасолы-закупщики, выбиравшиеся населением[25]. Оброчному сбору подлежали рыбные промышленники сел и волостей, расположенных по берегу Белого озера; рыбные промышленники внутренних волостей платили денежный оброк в Галицкую четверть; но в 1665 г. и эти волости перешли в ведение Большого дворца и были изоброчены, кроме денег, натуральными сборами[26]. Рыбные промыслы, свободные от оброка, были редким исключением: в строго определенных временем и количеством рыболовных снастей и размерах этой привилегией пользовались Кириллов, Ферапонтов и Усть-Шехонский монастыри. В 1686 г. Усть-Шехонский монастырь хлопотал о расширении его прав на безоброчный лов рыбы в Белом озере и р. Шексне; к 1 неводу и 2 лодкам просили добавить еще 1 невод и 4 лодки; это было разрешено, но ловля такая и устройство еза в р. Шексне отвергнуты, так как воевода писал «с большою посяшкою», что «за их монастырским ловом в улове будет рыбы самое малое число»[27]. Ежегодно биричи «кликали на Белоозере в рядах не по один день, которые белоозерцы посадские и уездные рыбные ловцы похотят в Белоозере рыбу ловить всякими ловлями нынешней осенний (или весенний) промысел да по замороз и рыбные закупщики-прасолы закупят у рыбных ловцов, и они бы то все чинили, явяся на Белоозере на государев рыбный двор и записывалися»[28]. Для учета рыбных промышленников и записи их посылались целовальники по пристаням: Крохинской (у устья р. Шексны), Киснемской (на левом берегу озера), Ковской (у устья р. Ковыли) и отдельным мелким пристаням.

О видах и размерах оброка дает представление роспись 1664—1665 гг. «Денежной казны и обиходной рыбы», собранной на государя в этом году:

1) с лодки взимали по полуполтине (50 денег = 8 алтын 2 деньги) и по 3 рыбы за весенний, летний и осенний сезоны отдельно. С челна — по гривне (20 денег = 3 алтына 2 деньги) и по 2 рыбы; рыба — судаки и щуки. С лодок закупщиков взимался, повидимому, лишь денежный оброк.

---

24 [Там же. Д. 12. Л. 1.]
25 [Там же. Д. 393. Л. 1—2.]
26 [Там же. Д. 53. Л. 10—13 и др. (Л. 18).]
27 [Ф. 1107. Белозерская приказная изба. Оп. 1. Д. 3270. Л. 16—17.]
28 [См., например: Там же. Д. 1596. Л. 64 и др.]

2) с невода — по полтине (16 алтын 4 деньги) и по 17 рыб.

3) с тагаса — по рублю и по четверти «молю» или снетков.

4) с нережек: крючных — 10 денег; переметных — 5 алтын и 2 стерляди.

5) с багров — по алтыну,

6) с верш — 3 деньги,

7) наконец, рыбные ловцы некоторых сел, как-то: Крохино, Великоселье, Каргулина Слободка, были обложены особо оброчной рыбой по 500 штук живых стерлядей, размером в $^3/_4$ аршина[29].

Едва ли можно предположить, чтобы в течение всего столетия размеры оброка оставались неизменными, но установить эти изменения нам не удалось.

По той же росписи 1664—1665 гг. можно судить об общих размерах рыбных ловель на Белоозере: «весною, как на озере лед скроетца, да по Ильин день святого Пророка вешного промыслу рыбные охочие ловцы ловят рыбу в Белоозере и в реках тремя сты лодками и шестью десятью челнами»; с Ильина дня по замороз — выезжают на 400 лодках и 12 челнах. «На полоденном» ловили 78 неводами; в том же году было в ходу 64 тагаса[30]. Количество верш было очень велико и едва ли соответствовало официальной статистике: в конце XVII ст. только в двух волостях, Бор Иванов и Вочнема, расположенных по реке Шексне, было насчитано 137 верш и собрано оброка 2 р. 12 алт. 5 д. (по $^1/_2$ алтына с верши). Приблизительно четвертую часть всех лодок высылал посад. В 1689 г. на весенний промысел выехало с посаду более 100 лодок, из с. Ковши — 38 лодок, из с. Мегри — 16 лодок, Пьягодской волости — 30 лодок и т. д. Все «кругоозерныя» села и волости давали около 300 лодок. Цифры остаются приблизительно одинаковыми по сравнению с XVI в.[31]

С 1665 г. когда весь уезд был подчинен Рыбному двору, операции с рыбой расширились. В 1666 г. целовальникам, посланным на Ухтомятское, Ковеное, Долгое озеро, был дан наказ, когда озера замерзнут и рыбные ловцы станут ловить рыбу неводами рыбными и частыми, «первых трех ден уловная рыба всякая взять им целовальником на великого государя обиход, и головная и подголовная рыба откалывать» и на наемных подводах доставить на Белоозеро[32]. В 1665 г. была сделка на оброк ловля на р. Суде крестьянам князя Щербатого: «ловить рыбу на себя в реке Суде тремя поездами, шестью лодками октября с 8-го числа да по замороз, а оброк платить... со всякаго поезда по белой рыбице живыми...», другие участки разных рек ставились подобным же образом на оброк. К 1680 г. трехдневный ловиц неводами и тагасами в Ковжозере был погружен на 3 воза: судаки, щуки, голавли, налимы, окуни и ряпусы. Для рыбных ловель на государя были «заповеданы» особые тони в Белом озере и реках[33].

---

[29] [Ф. 1599. Рыбный двор. Оп. 1. Д. 60. Л. 1—2.]

[30] [Там же. Л. 1, 4, 6.]

[31] [Там же. Д. 336. Л. 1—5, 10—11, 15]; *Никольский Н. К.* Указ соч. Т. 1, вып. 2. С. 117—118. Прим. 3.

[32] [Ф. 1599. Рыбный двор. Д. 65. Л. 25.]

[33] [Там же. Д. 231. Л. 1, 5.]

Некоторые «заповедные» воды были закрыты для частной ловли круглый год. Таковы были прежде всего усть-шехонские заповедные воды, где производились наиболее крупные ловли на государя. «Урочныя межи» этих вод определялись также от устья р. Шексны «по городовую сторону от (до?) Каргулины Слободки; от берегу в Белоозере за две версты, а с другую сторону — от села Ухтомы до первой речки Копани, а вниз Шексны реки по ручей Прибытков». К 1657—1659 гг. сюда назначались специальные рыбные ловцы для ловли и охраны. Вторыми по значению были Киснемские заповедные «тони», здесь была поставлена особая изба для дворника или «тонщика». Упоминаются еще заповедные воды с довольно оригинальными названиями: «Маеконское каменье», «Ухтомское каменье» и др.[34] В р. Суде были свои особые ловли: в р. Суде, р. Глухой Шексне и Шексне вниз по течению, не доезжая дворцового Пошехонского Козьмодемьянского езу; здесь ловили поездами и [аханами] осетров, стерлядей и белорыбицу. Иногда налагалось срочное запрещение на рыбные ловли. В 1666 г. крестьянам и старостам Кемской и Каягорской волостей было объявлено, чтоб «в реках рыбные ловцы в Ковже и в Кеме, и в Шоле, и в Шолабасте, и в Кумьюге рыбы на себя не ловили никакими снастями с августа с третьяго числа ныняшнаго 174 году по заморозк 190 году, потому что ныне осенью будет в тех реках на великого государя обиход переметная рыбная ловля»[35]. Целовальникам Ковской пристани было указано стеречь эти реки — р. Ковжу вверх от устья до порогов на 40 верст, р. Кему — вверх «до мелких мест» на 20 верст, р. Шолу — на 10 верст. Целовальники жаловались на трудность охраны и торопили организацию этих ловель, потому что речки в этом году были мелки и «рыба бежит из них рано»[36].

Рыбный год начинался с февраля и длился до заморозков — «до первопоистной ставки...» Весенний сезон открывался «погонной» ловлей в усть-шехонских заповедных водах.

Эта* ловля производилась с большим размахом, к участию в ней привлекались значительное число рыбных ловцов ближайших сел и посада. В один из дней начала апреля или конца марта бирючии кликали на посаде в рядах, чтобы посадские и уездные рыбные ловцы, ловившие неводами и тагасами,— крохинцы, великосельцы и каргулинцы — ехали на р. Шексну «на государев обиход погонной ловли рыбы ловить без ослушания», «а зжидались на Пидемском» приезда сытников. 1690 к 9 апреля вызывались рыбные ловцы Кириллова и Ферапонтова монастырей «к смотру на устье реки Пидьмы» для участия в погонной ловле[37]. В 1703 г. требовали присылки умелых гребцов и ловцов с новыми снастями с посаду 27 человек[38].

---

[34] [Там же. Д. 55. Л. 1—2.]
[35] [Там же. Д. 56. Л. 11.]
[36] [Там же.]
* [Далее текст на нескольких страницах написан другим почерком.]
[37] [Ф. 1599. Оп. 1. Д. 346. Л. 1—2.]
[38] [Там же. Д. 433. Л. 1—2.]

Дворцовые волости Бор Иванов и Никольское поставляли значительное количество работников. В 1679 г. из Бор Иванова на погонную ловлю было выслано 39 человек, работавших от 5 до 12 дней, всего 316 дней; из волости Никольской — 41 человек — работавших 309 дней[39]. Позднее эти волости давали уже меньшее количество работников: в 1700 г. Бор Иванов дает 23 человека, в 1708 г.— 18 работников[40]. Признаков участия рыбных ловцов противоположного берега озера не встречалось. Зато есть факты участия в погонной ловле работников из дворцовых Пошехонских волостей (Шишедамской, Ягорбской, Столыпинской, Всесвятской) — с 5 вытей по 1 человеку. На погонную ловлю приезжал сам воевода и приказные Рыбного двора, целовальники. Ловили неводами. В 1665 г. было выловлено 1500 штук одних стерлядей. «Для обирки» рыбы, т. е. сортировки, с посада являлись прасолы-закупщики[41]. В остальное время года в усть-шехонских водах или ловили специальные наемные ловцы под руководством особого целовальника, или эти воды сдавались в оброк[42]. Так в 1670 г. воевода Петр Моложенинов «договорился по прежним примерам» с властями Кириллова, Ферапонтова и Усть-Шехонского монастырей о ловле их монастырским рыбным ловцам на государев обиход рыбы в заповедных водах «переметными и удными переметы и поездами и всякими промыслы, которыми когда поспеют». В 1672—1674 гг. была разрешена погонная ловля с 1 апреля 4 лодками «на обиход монаха Никона».

Указаний на весеннюю ловлю в других заповедных водах Белоозера нет. Зато есть целый ряд указаний на организацию осенней ловли в Моенковском, Крохинском и Ухтомском каменье, в Киснемских водах. Очень возможно, что весенние ловли в этих водах не были в обычае. Осенью посадские и уездные ловцы ловили в этих водах рыбу «два дня тихие» и живую рыбу в прорезных судах отвозили на Белоозеро[43]. Согласно росписи 1665 г., в этих ловлях «бывает в улове» рыбы 1000 стерлядей, судаков и лещей; мелкая шла в продажу[44]. В 1698 г. на одной Ковской пристани от осеннего промысла было засолено $9\,^{1}/_{2}$ чанов — 581 рыба, на Киснемском — в 6 чанах. В осенних ловлях в Киснемских тонях и в зимнюю ловлю, кроме рыбных ловцов «кругозерных сел», принимали участие работники из дворцовых волостей: Роксомской и Мунской, приписанных к Рыбному двору в 1665 г. В количестве около 10 человек они должны были с запасами дней на 10, с топорами и пешельниками, подводами и «всякими ловецкими неводными снастьми» явиться на рыбную ловлю около 5 сентября — на зимнюю ловлю спустя месяц.

---

39 [См., например: Отписка старост из волостей Иванова Бора и Никольской в Приказ Большого дворца о зачете в казну денег за участие крестьян за езовую и погонную рыбную ловлю и др. повинности // Там же. Д. 199. Л. 1 и об.]

40 [Там же. Д. 453. Л. 1.]

41 [Там же. Д. 56. Л. 9.]

42 [См., например: Об организации рыбной ловли через наемных ловцов и количестве вылавливаемой рыбы // Там же. Д. 51.]

43 [Там же. Д. 55. Л. 1—2.]

44 [Там же. Д. 59. Л. 1 и далее.]

Своеобразную* форму рыбной ловли представляли «езы». Езы строились в речках и представляли собой заграждения, задерживавшие рыбу в ее движении, особенно в период метания икры. По рекам Белоозерского у. их было множество. Посланные в 1684 г. для описи «засеков» в р. Шексне насчитали их по обоим берегам реки на участке от деревни Берег до Милобудицкого езу — 42[45]. Езов на государя было несколько на реке Шексне, считая вверх по течению от р. Волги: Косьмодемьянский ез, Островский, Цылинский (ниже впадения в Шексну реки Юга Большого, недалеко от теперешнего г. Череповца), Усть-Судский при устье реки Суды, Ковжский (устье р. Ковжи), Скатрецовский или Шатрецкий, Порожский. Езы сооружались и исправлялись силами дворцовых волостей Белоозерского и Пошехонского уездов: они поставляли работников, «для засовкой сбирки», заготовки леса, постановки козлов и свай. В XVII в. езы были настолько солидными сооружениями, что они поднимали в Шексне воду на сам-семь и более, затопляли покосы и пашни, мешали судоходству. По езовой книге 1622/3 г. на Цылинский ез, строившийся на р. Шексне, где она была очень широка, выходило «лесу большого на козлы 80 дерев семи саженей, да на переклады к новому 120 дерев по 12 саженей, да на грузило и на суковатики середнего лесу 90 дерев по 7 сажен; для «клеток» 70 бревен по 2 сажени и мелкого лесу «на засов» 1450 жердей. К езам были приписаны особые лесные участки. При них находились особые целовальники и езовые мастера. В 1671 и 1683 гг. Цылинский ез ломало полой водой, приносившей с собой «наносный лес и кошеное сено»[46]. Следствие по другому делу в 1671 г. обнаружило, что лес был принесен рекой Югом Большим с поделок, чищенных под пашню. Ловля у езов была постоянной и производилась сетями «вязовыми» и вершами. В 1677 г. была отправлена на 9 стругах добыча с двух езов, Цылинского и Милобудицкого, и Усть-Судской ловли свежей: 79 осетров — шевриги, белорыбицы, 43 стерляди; просольной и провесной — 11 осетров, 98 белорыбиц и в 6 чанах 660 судаков[47]. В 1694 г. однажды было отпущено с Цылинского еза 22 осетра от 2 до 1 $^{1}/_{2}$ аршина. Частные езы подлежали обложению оброком[48].

Уловная рыба им сберегалась в живом виде в особых рыбных «садах» или засаливалась в чанах. В 60-х годах было семь «садов» в различных местах: в с. Ковже — 2 (в р. Ковже и р. Перечной), в Киснемской волости — 1, в с. Крохине — 2 (Каршексне и р. Пидьме), в волости Бор Иванов — 1 («на роднике»), в Череповецкой волости — 1 («на роднике»). Рыба тщательно сортировалась являвшимися для этой цели прасолами и измерялась по особым инструкциям: иная «от глаза до последней развилины пера, а развилины в меру не класть», иная «от глаза до хвостового последнего

---

* [Далее текст написан рукой автора.]

45 [Там же. Д. 275. Л. 1.]

46 *Никольский Н. К.* Указ. соч. Т. 1, вып. 2. С. 111, 115. [См., например; Там же. Д. 265 и 269 — за 1683 г.]

47 [Там же. Д. 180. Л. 1.]

48 [Там же. Д. 376. Л. 2.]

малого пера, а не до развилины» и т. п. и оценивалась. Засол производился на Ковской пристани и в с. Крохине. Редко рыба вялилась и «провесной» с «вязигой» и «скурляной» отправлялась в Москву. Зимой отправлялась «колотой в мороженом виде». «Снетковое дело» существовало и тогда были особые мастера «снеткового сушения». В 1665 г. осташковец Иван С-н и муромец Лука П-в с товарищи получили на Рыбном дворе по 4 рубля на человека жалованья «за учение снеткового сушения и пластового строенья»[49].

Для суждения об общих итогах о деятельности Рыбного двора на Белоозере нет точных данных. По росписи 1664—1665 гг. можно насчитать несколько более 9000 рыб разных пород и размеров и 64 четверти снетков. Оценивая рыбу по местным ценам, например четверть снетков по 26 алтын 4 деньги, стерлядь в аршин — 10 денег и т. п., роспись определяет ценность всего оборота денежного и оброчного, переведенного на деньги, в сумме 785 руб. 25 алтын; «а в иные годы, годы, когда промысл меньше, бывает и меньше того». В годовых отчетных книгах Кормового двора за 1689—1690 гг. по приблизительному подсчету с Белоозера было доставлено около 6000 рыб[50]. Приведем несколько частных примеров. В 1696— 1697 гг. было отпущено в 23 чанах «оброчной» соленой рыбы — 1212 судаков и 147 щук. Вторично в том же году — 3750 осетров, стерлядей, судаков, щук и 2 четверти свежих снетков. В третий раз в том же году было отправлено в двух прорезных судах рыбы — 281 стерлядь величиной от аршина до 6 вершков. Итого за этот год было отправлено 5400 штук рыб. В следующем, 1697/98 г. было отпущено свежей рыбы 209 стерлядей и «шевриги», 1589 судаков, 5 щук. Вторично — на 33 подводах в 83 чанах и стольких же рогожах; в среднем было по 60 рыб в чану и 65 рыб в рогоже. Всего за год более 7000 штук[51]. О разницах рыб сопроводительные росписи дают самые точные данные с точностью до $^1/_2$ вершка. Из отправленной в 1697/98 г. свежей рыбы было величиной: шеврига в $1\ ^1/_2$ аршина, 5 стерлядей по 14 вершков, 6 — по 13 вершков, 30 — по 10 вершков, 134 по 9 вершков, 34 — по 7 вершков; судака — 2 по аршину, 131 — по 12 вершков и т. д. Часто попадались и больших размеров, до 2 аршин; менее 8 вершков рыба считалась мелкой и в «сады» не годилась[52].

Рыба была главным продуктом края; значительно меньше был оборот кожи и железа. Для производства закупок сюда приезжали торговые лодки рыбенцы, ярославцы, москвитяне и др. Достаточно взять лишь несколько из таможенной книги по Белоозеру (за 1661—1662 г.), чтобы увериться, что дворцовое хозяйство поглощало ничтожную часть всей рыбной добычи. В один из дней сентября этого года один промышленник купил сразу 42 чана рыбы «в отвоз», другой — 59 чанов просольной рыбы «городового со-

[49] [Ф. 1599. Оп. 1. Д. 51. Л. 25.]
[50] Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Ч. II. Книги Приказа Большого дворца. № 1041. Л. 136—138.
[51] [См., например: Ф. 1599. Рыбный двор. Оп. 1. Д. 395. Л. 1, 3, 7.]
[52] [См., например: Там же. Д. 406. Л. 2—3, 12—13, 20—22, 24—25.]

ленья»[53]. В октябре промышленник — крестьянин из монастырского с. Великоселья купил 80 чанов рыбы на деньги рыбинского торгового человека Василия Сыроежина; крестьянин с. Ухтомы купил рыбы на 92 рубля, другой — на 80 рублей[54]. Вот оборот за один день 15 октября: для взимания пошлины «явили»: белоозерец Ефим Галкин — 42 чана, Меркурий Локтев — 56 чанов, Дружина Макарьев — 14 чанов, Григорий Константинов — 43 чана, Гурей Тимофеев — 29; итого было явлено за день 184 чана[55]. 16-го октября было явлено 263 чана рыбы и, кроме того, были явлены крупные суммы денег на покупку рыбы[56]. В больших количествах закупались снетки и линь, т. е. мелкая рыба (мороженая или сушеная), что теперь называется на Белоозере сушью. Величину оборота рыбных промыслов можно себе представить, если сопоставить пошлину с чана 2—3 деньги с годовым оборотом таможенных пошлин на Белоозере: в 1661/62 г.— 3039 руб.; в 1662/1663 г.— 4306 руб.[57] Следовательно, по своим абсолютным размерам сбор Рыбного двора «на государя» не мог быть отяготительным для местных рыбных промышленников.

Стеснительно было существование многочисленных запретов на «заповедная воды», ограничивавших свободу промысла. Администрации Рыбного двора постоянно приходилось бороться с нарушением запретов, а государевым рыбным ловцам ловить рыбу «с большим пристрастием (страхом), опасаяся» от частных промышленников «смертного убиства и всякого дурна». Не могли не вызывать неприятностей такие общие запрещения, как в 1679 г. запрещение ловить рыбу всех родов менее четверти аршина, что стояло в противоречии с естественной величиной некоторых из пород рыб; несмотря на возражение воеводы, что ряпухи больше двух вершков не бывает и что «искони вечно» на Белоозере «не вольных родов не бывало» и что запрет был подтвержден вновь[58].

III

В* «просольном» виде в чанах и мороженом — в рогожах рыбу отправляли на подводах сухим путем. Этот зимний путь шел от Белоозера на Пошехонье, через Мологу, Углич — в Москву. Длина этого пути определялась в 500 верст. Обычно отправлялся обоз в 20—30 подвод. На каждой по 1 чану с просольной рыбой и 1 рогоже свежей — мороженою. Гораздо хлопотливее была отправка рыбы «водяным путем». Но только им можно было поставить рыбу в живом виде. Для этого сооружались особые суда — «прорезные» силами дворцовых волостей Бор Иванов и Никольское или с подряда другими крестьянами. Одна выписка из расходных книг Рыбного двора дает следующие сведения: в 1687 г.— 5 больших и 15 малых

---

53 [Ф. 137. Боярские и городовые книги, Оп. I. Книги по Белоозеру, таможенная книга] № 2. Л. 5,3 об.
54 Там же. Л. [7 об.—8].
55 Там же. Л. [8—8 об.].
56 Там же. Л. [8 об.—9].
57 Там же. Л. [93 об., 208 об.].
58 АИ. Т. VII. СПб., 1859. № 30. С. 175, 177—178.
* Другой почерк — крупный. Этим почерком написано 1,5 страницы.

судов — обоего 20, в 1688 г.— 2 больших и 6 малых — обоего 8; в 1689 г.— 5 больших и 12 малых — обоего 17; в 1690 г.— 2 больших и 10 малых — обоего 12; в 1691 г.— 4 больших и 12 малых — обоего 16 судов. Цена большого за все эти годы — 1 рубль 6 алтын 4 деньги, малого — 30 алтын. Размер судов определялся в таком виде: «мерою суды большия по шести сажен по дну в длину, поперег по дну ж по сажене с пятью вершки; малые суды — по дну в длину по пяти сажен, поперег по сажене судно в трехаршинную сажень»[59]. От места своего сооружения эти суда сгонялись к Крохинской пристани, где грузились рыбой для отправки. Обычный маршрут этого пути был таков: от села Крохина — шли рекой Шексной вниз по течению и далее рекою Волгой; но иногда из реки Шексны проходили в Волгу рекой Пушмой — срезая угол, образуемый рекой Шексной при впадении в Волгу; р. Волгой поднимались вверх по течению до устья Дубенского, дальше р. Дубною, р. Сестрою, р. Яхромой — до г. Дмитрова, где рыба выгружалась в Дмитровские пруды. При отправке осеннего улова при начинающемся замерзании рек часто случалось, что суда не доходили до Дмитрова: они выгружались в Угличе. Случалось, что застревали и в иных пунктах: в 1684 г. суда стали на р. Волге у с. Кимры (Кашинский уезд), немного не дойдя до р. Дубны[60]. Когда же замерзание верхней Волги и мелких ее притоков было вне сомнения, суда направлялись из р. Шексны по Волге вниз по течению до Ярославля — «буде волею Божиею учнут в борзе быть морозы». Из этих пунктов, Углич—Ярославль, рыбу довозили до Дмитрова на подводах[61]*.

В Дмитровские пруды поступала рыба и из других мест: из Пошехонья, из Рыбной Слободы, [Борисо-Глебской слободы], Плеса, Кинешмы, Юрьевца-Повольского, Переяславля-Залесского[62].

Этот водный путь был предметом некоторых забот со стороны администрации Рыбного двора. Суда приходилось тащить бечевой, прибегали к лошадиной силе, «чем тащить судно сверх работников в порогах» и «на подъем прорезных судов вверх по рекам». Ввиду лесистости Белоозерского у. являлась нужда в чистке бечевника вдоль р. Шексны. В 1658 г. из Приказа Большого дворца было сделано распоряжение по берегу р. Шексны до р. Волги, «подле которого ходет суды и струги или впредь мочно ходить, бечеву вычистить: всех помещиков и вотчинников и государевых дворцовых и монастырских вотчин патриарших и митрополичьих и крестьяном всякому против своей земли, чтоб впредь мочно бечевою струги и суды водить людьми и коньми, а где речки и ручьи и тут класть клади и мостить мосты, чтобы впредь бечева была прочна и судовой ход был без задержанья»[63]; « бечеву вычистить гладку и ши-

---

59 [Ф. 1599. Рыбный двор. Оп. 1. Д. 344. Л. 1.]
60 [Там же. Д. 271. Л. 1.]
61 [См., например: Там же. Л. 4—5.]
* [Далее текст написан первым почерком.]
62 Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Ч. II. Книги Приказа Большого дворца, № 1039. Л. 161, 167, 170, 182—183, 184, 186, 240—244; ААЭ. СПб., 1836. Т. 1.67, 100, 133, 140, 170.
63 [Ф. 1599. Рыбный двор. Оп. 1. Д. 35. Л. 8—9.]

року по десяти сажень... чтоб впредь бечева была прочна и мелким лесом не заростала..», «а лес бы чистя клали в груды и на весну жгли, а в реку Шексну того лесу не валили»[64]. Воеводы собирали самые точные сведения о том, где, на какой стороне реки, на какое расстояние надо было чистить под бечевник лес. Крестьянам предписывалось освобождать реку от «засеков», чтобы не было препятствий судовому ходу. В Цылинском и Милобудском езах были сделаны и «гостиныя проезжие ворота». За один раз отпускали рыбу в 2, 3, 4, 5, 13 и более судах. Рыбу грузили в с. Крохино и забирали по пути из садов по р. Шексне. Кормщиков и работников доставляли «по подряду» дворцовые волости. В 1696 г. на 3 прорезных судах было 3 кормщика и 18 работников[65]. Для сопровождения командировали обычно целовальников или «тоннаго знатца», т. е. человека, знающего рыбное дело. В одном из судов было 130 стерлядей, во втором — 409, в третьем — 200[66]. Доставить рыбу живой до Дмитрова было предметом забот и тревог Рыбного двора. В 1662 г. стерлядь, отправленная в Дмитров, в большом числе «поснула». На расстоянии 40 верст от Крохина до волости Бор Иванов «поснуло томных» 15 стерляди. Здесь было взято «из четырехсаженого деревяного саду» 300 стерлядей живых. «Шли рекою Шексною вниз двести дватцать верст до Пошехонского дворцового села Всехсвятых до речки Пушмы», рассказывает тонщик, «и как де пошли речкою Пушмою прямо в реку Волгу и в той речке начевали, отшед от реки Шексны с полверсты, против села Всехсвятых, и начевав тут, из утра он, целовальник, стерлядей в судне смотрел и стерляди были все живы, а снулых стерлядей... не было; только были иныя стерляди томны; а в реке де Пушме, как с тою живою рыбою шли, в тое пору вода была белая Шехонская, потому что в тою де пору из Шексны реки шла вода тою рекою Пушмою в реку Волгу, а вода была в Шексне реке и в Пушме холодная; а как де в реку Волгу въехали и тут де стерляди многие, которые были томны, и иные и не томные от Волские теплые воды поснули». «Когда вышли из реки Пушмы и переехали за Волгу и работники завтрокали», целовальник снова смотрел рыбу и вынул из судна 60 стерлядей «снулых»; «отшед» 10 верст, вынули еще 40 стерлядей. Так шли до самого Дмитрова, «уснуло» всего 380 стерлядей. Дмитровский воевода Семен Азарьев принял 175 живых стерлядей, а 70 не принял, назвал мелкими: «таковы де стерляди ис стоячего саду уйдут»[67]. Один из работников объяснял происшедшее с рыбой тем, что вода в реке Пушме была «болотная со ржавчиной»[68]. В 1679 г. целовальнику предписывалось поэтому ехать «стрежевою водою и становиться в быстрых местах, а не в тихих и не в заводех».

Из Дмитрова с отпискою воеводы о приеме рыбы или, если рыбу на подводах довозили до самой Москвы, с распиской с Кормового двора целовальник возвращался на Белоозеро. Суда возврату не

---

64 [Там же. Л. 9.]
65 [Там же. Д. 395. Л. 2, 5—6.]
66 [Там же. Л. 2.]
67 [Там же. Д. 49. Л. 3.]
68 Там же. Л. 1.]

подлежали, а продавались в Дмитрове или сгонялись ниже по течению реками Яхромой, Сестрой и Дубной в Волгу и здесь продавались на пристанях за бесценок.

Позднее, в петербургское время, рыбу «водным же путем» проводили в новую столицу[69].

Так было организовано рыболовство на государев обиход на Белоозере; надо думать, что организация рыбных ловов в других местах, как, например, в Нижнем Новгороде на Волге или в Астраханских государевых учугах имела свои оригинальные черты.

ГОРОД КАК ВОЕННО-СЛУЖИЛАЯ И КАК СОСЛОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В XVII В.

I

Городовой строй поместного войска был для своего времени очень целесообразной формой организации военных сил Московского войска. Но длительные и тяжелые войны второй трети XVII в., когда дворянская поместная конница столкнулась с технически более совершенными войсками западных соседей, обнаружили все дефекты военной организации Московского государства. Сотенный строй конного русского войска воспитался вековой борьбой со «степью», он был пригоден для отражения неожиданных и коротких ударов татар, но он был несостоятелен в длительных и наступательных войнах с противниками, имевшими постоянные армии, по тем временам хорошо устроенные, когда приходилось бороться с государствами, а не с разбойничьими набегами далекого, отделенного обширными степями врага. Пережитый государством экономический и политический кризис, опустошивший земли и приведший к хозяйственному регрессу, последствия которого сказывались чуть ли не до конца столетия, подорвал земельный базис, поддерживавший всю военную систему, и заставил перейти к опытам переустройства армии на новых началах.

Не столько узкотехнические недостатки дворянской конницы — ее вооружения, отсутствие правильной выучки и строя — повели к замене ее полками иноземного строя, а дефекты более общие. Конечно, и обстоятельства только что указанные имели большое значение, но все-таки они несколько преувеличены; изучать эти стороны дела надлежит военным историкам. Но уже поверхностное сравнение вооружения дворянских сотен и рейтарских и иных названий полков не обнаруживает резкой между ними разницы. Ходячее представление о служилом человеке, вооруженном архаическим луком со стрелами, неприложимо к XVII в.; а если взять время войны с Польшей и Швецией 50—60-х годов, то подобные фигуры были единицами, если не иметь в виду инородческие отряды войск. С этими войсками можно было терпеть мгно-

[69] [Там же. Д. 450. Л. 1—2.]

венные поражения, поражения, следовавшие одно за другим, но можно было и одерживать блестящие победы над такими войсками, как шведские. Воспользуемся следующим примером. В начале июня 1657 г. стольник и воевода Матвей Шереметев с отрядом войск был направлен из Пскова для освобождения г. Анзеля, осажденного шведами. Всего в его отряде было несколько более 1500 человек при 4 пушках; более 56 % было дворян и детей боярских. Услышав о движении русских, шведы отошли от Анзеля к Валкам и Альесту. «Призвав к себе...* ратных людей и поговоря с ними», воеводы «положили» идти по рижской дороге «наспех» без обоза, взяв с собой пехоту, так «ведомо» «учинилось, что немецкие люди небольшие стоят не за крепостьми и не в обозе». Вышли в поход ночью (8—9 июня). В передовом отряде был воеводский товарищ Тимофей Щербатый с 8 дворянскими сотнями (400 человек), двумя ротами рейтар (около 250 человек) и приказных псковских стрельцов (200). Легко «выбили» немцев из Валок и «гоняли» их на 3 верстах, побив больше 100 человек. За Валками донские казаки выбили немецкую пехоту и конницу из деревни. Немцы выстроились за деревней. Тимофей Щербатый «учинил» с ними бой стрельбою, воздерживаясь «напускать» свои конные части до прибытия главных сил. Немцы стояли против них «в справе» и тоже воздерживались от атаки. Воевода Матвей Шереметев стоял за отрядом Щербатого. Но в этот момент, может быть при виде «в справе» стоявших немцев, настроение русских, именно дворянских сотен круто изменилось: «Матвеева полку» «сотенные люди» (т. е. дворяне и дети боярские), увидев немцев, не дав бою, многие из сотен побежали — «дуростью своею, а не от побою»[1]. Пользуясь удобным моментом, немцы «учинили» короткий «напуск» на «передовые сотни» Т. Щербатого, сотни «подалися назад» и не получили поддержки от прочих войск[2]. После неудачной попытки русских воевод произвести контратаку немцы произвели новый короткий натиск, заставивший русских еще отойти назад. Воеводы отошли в разные стороны, рассчитывая «впустить» немцев в середину и напасть на них с обеих сторон, но, очевидно, конные отряды уже не повиновались им, да и шведы вновь ударили на одну из половин — рейтар, которых еще несколько стиснули. После этого шведы ограничились стрельбой. Русские уже отступали отводом. «От великого ветру и от немецких людей, от напусков учинилась пыль большая, и от стрельбы»; в «свальном» бою воевода Матвей Шереметев был сбит с лошади и захвачен в плен. Уже с самого начала сотенные люди бежали в тыл сражения, когда же «молва» «почала быть», что воеводу Матвея Шереметева немецкие люди «взяли», бегство стало повальным. Тимофей Щербатый напрасно «говорил» сотенным головам и «плакал», чтобы «поворотица» и «скочить» на немцев. Но в тот момент под лучшими знаменами оставалось не более десятка, а под иными никого не было. Немецкие люди «вме-

* Цитата сокращена Новосельским.

[1] РГАДА (далее название архива опускается). Ф. 210. Разрядный приказ. Приказной стол. Стб. 340. Л. 191—194.

[2] Там же. Л. 244.

сте свалились» «ротами и пешими людьми»[3], «сломили» русских и «справиться» им «не дали». Отступали беспорядочно, «смешивая, не строем, кто к кому ни пристал», «всяк о себе»; «розбились врознь по лесу и речку, перебивались в розных местах и сходились в обоз за Валковским полем, а иные вышли за обозом на Анзельскую дорогу»[4]. Под Валками на мосту стояла пушка, и очевидно, отряд стрельцов не приготовился к бою. Тимофей Щербатый «с лошади сходил» и «говорил» ратным людям, чтоб пушки не отдать и «об речке устоять», но конные люди «и с лошадей не слезли и ему говорили, что им стоять не с кем и ехать бы ему, князю Тимофею, прочь, чтоб немецкие люди, объехав иными дорогами, над ними ничево не учинили»[5]. Когда отступающие достигли обоза и пушек, охранявшихся также стрельцами под командой Ивана Волкова, князь Тимофей Щербатый сделал еще попытку остановить бегство, вновь сходил с лошади и убеждал «устоять» и «учинить бой»; по-прежнему конные люди, не сходя с лошадей, говорили, что надо отступать, чтоб немецкие люди их не обошли и чего над ними не учинили[6]. Стрельцы напрасно приготовились к сопротивлению и «для устойки обтыкались пиками»; ратные люди, «бегучи, у них пики поломали и их потоптали и сторонами многие гурьбами бежали»[7]. Отсюда отступление велось уже в большем порядке: в авангарде и арьергарде стрельцы, в средине остатки конницы. Немцы преследовали русских за Валками верст 15. В сражении было убито 108 человек, ранено и сбито с коней — 332 и взято в плен 5 человек дворян и детей боярских[8]. Присланный во Псков «для сыску» князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский мог установить и...*, что первыми побежали дворяне и дети боярские, но, «кто имянно» начал бегство, не доискался. В первоначальном указе предписывалось подвергнуть беглецов за их «дурость» чуть ли не смертной казни, но так как ко времени окончания сыска те же самые отряды войск успели одержать полную и блестящую победу над шведским генералом графом Магнусом под Гдовом, указ в исполнение приведен не был[9].

2

Береговая служба «городов», по своему характеру наиболее способствовавшая их строю, продолжалась регулярно только до середины XVII в.

Уже в 1614 г., т. е. через год после создания нового правительства, полки были расставлены на берегу: в Туле — большой полк, Мценске — передовой, Новосили — сторожевой, в Переяславле-Рязанском — без наименования[10].

---

[3] Там же. Л 245.
[4] Там же. Л. 248—249.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же. Л. 250.
[8] Там же. Л. 252—253.
* Одно слово не разобрано.
[9] Там же. Л. 242—259.
[10] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. I. Стб. 133.

В 1616—1617 гг. пункты расположения оставались прежними; лишь в Рязанской области были добавлены в 1617 г. полки в Михайловке и Пронске[11].

В 1618 г. «в королевичев приход» полки были поставлены в Калуге и Можайске[12].

С 1619 по 1637 г. полки размещаются иначе: Тула—Дедилов—Крапивна—Мценск; в Рязанском разряде расположение полков прежнее. В первой группе расположение полков более стянутое, чем раньше[13].

В 1622 г. в ожидании прихода крымцев воеводы должны были «сходиться» в Серпухов, Алексин и Каширу, т. е. еще теснее и ближе к Москве[14].

С 1636 г. полки рязанского разряда называются «прибыльными».

С 1638 по 1645 г. включительно расположение полков, по-видимому, в связи с возобновлением первой укрепленной черты несколько изменилось: Тула—Одоев—Крапивна—Венев—Рязань—Мценск[15].

С 1646 г. до начала войны с Польшей расположение полков меняет свою устойчивость. В 1646 г. было предложено отнести полки далеко к югу на новую Белгородскую черту: в Белгороде—Осколе—Карпове—Яблонове. Но так как эти города «удалели», то проект не осуществился, и полки стояли в Ливнах—Курске—Ельце; кроме того, «по вестям» о нагайцах должны были быть полки в Алаторе и Тамбове[16].

В 1647 г.— полки в тех же городах и «сходные» воеводы в Туле—Одоеве—Рязани[17].

В 1648 г. впервые полки расставляются по Белгородской черте: в Яблоневе—Белгороде—Цареве—Алексееве; сборными пунктами «сходных» воевод «по вестям» прежние: Тула—Венев—Крапивна—Одоев—Мценск[18].

Начинает колебаться привычная терминология: в 1648 г., расписывая служилых людей в Яблонов—Белгород—Парев—Алексеев, рязрядная книга говорит: «быть... по городам».

В 1650—1651 гг. служилые люди расписываются также «по городам», а не по полкам. «По вестям» о приходе крымцев служилые люди должны были собираться в Тулу—Венев—Крапивну—Ря-

---

11 Там же. Стб. 266—267.
12 Там же. Стб. 313.
13 Там же. 1619 г.— Стб. 388—389, 446; 1620 г.— Стб. 443—445; 1621 г.— Стб. 469; 1622 г.— Стб. 501—502; 1623 г.— Стб. 545—547; 1624 г.— Стб. 583—584; 1625 г.— Стб. 668—669; 1626 г.— Стб. 791—792; 1627 г.— Стб. 883—884; 1628 г.— Стб. 984; Там же. СПб., 1851. Т. II. 1629 г.— Стб. 47; 1630 г.— Стб. 123—124; 1631 г.— Стб. 195; 1632 г.— Стб. 268; 1633 г.— Стб. 322—323; 1634 г.— Стб. 386; 1635 г.— Стб. 451; 1636 г.— РИБ. СПб., 1886. Т. X. С. 10, 23; 1637 г.— Там же. С. 69—78.
14 Дворцовые разряды. Т. I. Стб. 518—519.
15 1638 г.— РИБ. Т. X С. 110—111; 1639 г.— С. 190—191; 1640 г.— С. 206; 1641 г.— С. 286; 1642 г.— 1643 г. Ф. 210. Разрядный приказ. Владимирский стол. Стб. 117. Л. 147; Дворцовые разряды СПб., 1882. Т. III. Стб. 3.
16 РИБ. Т. X. С. 326—328; Дворцовые разряды. Т. III. Стб. 27—28, 29, 47, 52.
17 Дворцовые разряды. Т. III. Стб. 58, 61; Т. X. С. 358, 371.
18 Дворцовые рязряды. Т. III. Стб. 91, 95—96.

зань, а сходиться из двадцати городов по черте в Белгород, а «по полкам не быть»[19].

Перемена терминологии объясняется, может быть, тем, что название расположения служилых людей «полками» и «местами» по традиции присваивалось Туле—Одоеву и другим пунктам, близким к первой оборонительной черте; новое размещение служилых людей южнее и по Белгородской черте было размещением по городам. Впрочем, это не вполне достаточное объяснение.

Так в 1649 г. служилые люди были расписаны в Тулу — Одоев и т. е. «по городам», но такое название применено, вероятно, потому, что полков здесь в этом году в обычном смысле не было, так как в эти пункты были назначены лишь «меньшие» воеводы[20].

В 1652 г. в апреле был послан в Яблонов «для приходу Крымского царя» боярин и воевода князь Григорий Семенович Куракин и «по вестям» к нему «в сход» назначены служилые люди ряда городов. Но в мае дано новое распоряжение: воеводам быть «по местам»: Тула—Рязань—Одоев—Крапивна—Венев—Мценск; «по вестям» «сходиться» в Туле; полков расставлено не было[21].

1653 г. был занят приготовлением к войне, происходил земский собор, производился смотр московских чинов в Москве и сбор [городовых] замосковных служилых людей. В Яблонове было сосредоточено некоторое количество иноземцев, казаков и черкас[22].

В следующие затем годы происходит война.

Построение Белгородской черты делает ненужной расстановку полков в обычных пунктах далеко к северу от нее. Но попытки передвинуть их на Белгородскую черту оказались неудачными за дальностью расстояния: оказалось невозможным служилых людей замосковных городов, особенно северных (Вологда, Белозерск, Пошехонье, Галич и др.), посылать в Белгород, Яблонов, Царев-Борисов, как это видно из приведенных выше примеров. Кроме того, юг государства был уже настолько заселен, что для обороны его достаточно было приборных служилых людей южных городов, на которых и легла тяжесть охраны границ.

С началом войны с 1654 г. полковая служба по черте была поглощена активными военными операциями, далекими походами за пределы государства. Если по Белгородской черте и ставились заградительные корпуса, то это уже входило в общие планы военных действий.

Итак, с начала второй половины XVII в. регулярная полковая служба по укрепленным чертам прерывается, вместе с тем служилые города старого типа из дворян и детей боярских «по отечеству» центральных областей, не находя для себя применения, а полковая служба [была] главной сферой их деятельности, быстро теряют свое значение и становятся уже нецелесообразными ввиду совершенно новых военных задач.

---

[19] Там же. Стб. 91, 163 и др.
[20] Там же. Стб. 120.
[21] Там же. Стб. 305, 312.
[22] Там же. Стб. 341—356.

Основным дефектом поместного войска, конечно, была система его продовольствования, точнее, обеспечения. Самоснабжение ставило дворян и детей боярских в зависимость от бесчисленного количества не поддающихся учету хозяйственных причин, в зависимость от деревни.

В 1642 г. дворяне московские и жильцы просили об отпуске их со службы в Туле, так как собранные ими там запасы «погорели»: «и мы, холопи твои», пишут они, «одолжали великими долги, и добывая у своей братии служилую рухлядь, и займуя, покупали свои запасы и конские кормы дорогою ценою»[23].

Падеж лошадей также был обычной причиной их челобитий об отпуске со службы и побегов.

В 1642 г. Семен Лихарев, назначенный на службу в полк в Тулу, бил челом об отсрочке; несколько лошадей, приготовленных им для службы в Москве, пали от «скудости» и «от бескормицы», «а достольные» клячи «в дальной деревенишке» на литовском рубеже в Ржеве Пустой, и те «дальние» «клячи» не могли вовремя поспеть в полк[24].

В 1643 г. брянчане и рославцы коллективно просили об отпуске их из Мценска; там был конский падеж «по вся годы»; они были отпущены[25]. В том же году воевода князь Иван Хилков сообщал в Москву о падеже лошадей «с пострелу» в Крапивне и о том, что служилые люди «разных замосковных городов» «почели сбегать по домом»[26].

Состояние посевов отражалось на служебной годности дворян и детей боярских. В одном очень любопытном деле 40-х годов наглядно выступает эта зависимость. Рязанцы разных станов (Кашинского, Кобыльского, Пехлецкого и Заосетринского), находившиеся на службе в Веневе, просили о «льготе». Обычным местом их службы бывали Михайлов, Пронск и Переяславль-Рязанский. «И та нам твоя, государева, служба,— писали они,— была во льготу: меж смотров домишка свои навещивали за близостью... и хлеб пахали и твоей, государевой, службы не отбывали». Теперь уже пятый год они, малопоместные, пустопоместные и беспоместные, служат в Веневе «в ряду» с московскими дворянами «пожалованными», «и та дальняя служба» им «не в мочь», «коньми опали и хлеба не допахивают, службы отбыли». «А ныне, государь,— пишут они,— у нас на Рязани гневом Божьим яровой хлеб весь мороз побил, а толька у нас осталась рожь, и той, государь, попрятать без нас некому, потому что люди мы адинокия»; яровой хлеб не всходит «от сухмени», «весь пропал», и рожь «во многих местах выбил мороз», то, что есть, не сжато. Рязанцы получили отпуск[27].

---

[23] Ф. 210. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стб. 87. Л. 116; Московский стол. Стб. 176 (1642 г.). Л. 534а; Стб. 115 (1626 г.). Л. 161.
[24] Там же. Московский стол. Стб. 176. Л. 532.
[25] Там же. Севский стол. Стб. 126. Л. 205—206а.
[26] Там же. Владимирский стол. Стб. 117. Л. 372—373.
[27] Там же. Стб. 107. Л. 2, 4, 6, 15.

Даже нормальные условия сельских работ связывали служилых людей, особенно если они сами пахали землю, что бывало очень часто.

В 1628 г. дворяне и дети боярские Деревской и Бежецкой пятин указывали, что одним из них приходится служить в Новгороде «в летнюю пашеную пору» с 27 апреля по 10 июля, другим «в сенокосное время и во ржаной сев» с 10 июля по Никиту Мученика*. Многие из них не имеют крестьян: «пашум сами своими руками», «живем в конечной бедности», потому что пятины разорены литовскими людьми и русскими воровскими казаками; они служат так уже три лета; поместья их от Новгорода в 200—400 верстах и больше. Между тем дети боярские Вотской и Шелонской пятин «живут» в Новгороде «в зимнюю пору», поместья у них «лутче и жилее, и к Новгороду ближе»[28]. Грамота из Москвы предписала установить иной порядок чередования на службе.

Продовольствование становилось еще более трудным в далеких и длительных походах. К экстренным походам «по вестям» служилые люди были мало пригодны. В 1637 г. калужане, серпьяне, мещане, алексинцы, служилые люди Ярославля-Малого, медынцы и воротынцы были вызваны в полки осенью «по вестям»; вскоре же они просили об отпуске, так они приехали на службу «с одними карманцами, без запасов» и не приготовив конских кормов[29].

В походе в течение войны с Польшей служилые люди оказывались в еще более беспомощном положении.

В 1660 г. служилые люди разных городов полка князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского подали коллективную челобитную, в которой красноречиво описывали свои нужды: пошли они на службу в Смоленск «в самую лютую и прискорбную пору в груду со вьючишками», «обнадежась» на государеву милость, что им обещано было выдать там «запасу» по три четверти человеку; но хлеба выдано не было; пришлось покупать хлеб и «всякой харч и конской корм дорогою ценою»; ухудшало положение падение ценности медных денег, торговые люди давали «за грош по алтыну».

В походы ходили против изменников черкас; Миткича и Лукомского «в нужную и в беспутную пору», «в грязь и в груду и в пролом беспрестанно»; от дождей и грязи «платьишко согнило, а с лютых морозов около огней и последним платьишком обожглися»; [от похода] и «от скорой погонки» «от больших снегов» и «от бескормицы» потеряли лошадей.

Жалованье было забрано раньше, так что многим не пришлось получать ничего; челобитчики указывали, что жалованье определено было и поместным и беспоместным «всем равно». Им обещаны были поместья из изменничьих маятностей Могилевского, Быховского и других уездов, но здесь все маятности «разорены и выжжены без остатку». Грамота, предписывавшая служилым людям

---

* [Т. е. 15 сентября ст. ст.]

[28] Ф. 210. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стб. 12. Л. 70.

[29] Там же. Белгородский стол. Стб. 87. Л. 98—99.

«весновать и летовать» на службе «и готовить запасы», поставила их в безвыходное положение. У многих из них поместья на Вологе, Белозерске, Нижнем Новгороде, Курмыше и в других «дальных городах»; запасов привезти некому и послати некого, и путь стал «последней». С их же поместий взяты даточные люди и «даточные деньги». Писали они крестьянишкам своим «об запасах и об оброчишках», и крестьяне ко многим из них запасов не привезли и в «в оброченкех отказали», потому что оброками «даточных людей наимовали и за да[то]шныя люди деньги платили...»[30]

В том же 1660 г. служилые люди низовых городов — казанцы, свияжане, курмышане и др.,— находившиеся второй год на службе за Киевом, писали в своей челобитной, что в походах «по груде» и по снегам они «обезконели», многие, «питаясь травою, с голоду от пухоты померли, от бесхлебья, что купить не добудем и купить нечем», ныне они «до конца разорилися и одолжали великими долгами, кляч своих и оружья, и платьишка отбыли»; впредь пропитаться нечем, «взять негде и занять не у кого»; провезти запасов из дальних понизовых городов — путь слишком дальний, да и некому[31].

В одной из отписок князя Ивана Андреевича Хованского 1661 г. (VIII, 11) чрезвычайно четко охарактеризовано состояние снабжения войска в походах: «А как мы стояли на Опочке,— пишет он,— и в то время ратным пешим людем (не дворянским и детям боярским) хлебные запасы из твоей казны даваны не в одну пору сухари и рожь и муку; а июля с 5 числа стали рожь жать, и тем полевым хлебом питаются ратные конные и пешие люди; скудости, самой большой нет; полковое дело нельзя на мере поставить, в иное время бывает всего много; а в иное время нужда бывает,— покамест хлеб на поле, питаются, хотя и с нуждою; только тем хлебом не прокормиться». Князь Иван Андреевич Хованский, принимая во внимание недостаточность хлебных запасов во Пскове и Опочке, также ограниченность транспорта, не считает в то же время возможным прокормить войско привозным хлебом: «И столько рати как прокормить привозными запасы!» — восклицает воевода. «Оприче того нельзя вымыслить, что, прося у Бога милости и надеясь на твою праведную молитву и счастье, поранее над неприятелем промысл чинить, либо милость Божия учинится (мир?), тогда отступим в жилые места»[32].

Так воевода в своих размышлениях не нашел выхода: «полковое нельзя на мере поставить» ни путем снабжения за счет занятых территорий, ни путем организации казенных продовольственных складов; приходилось подчинять ведение военных действий вопросу продовольствования войска.

Поместные войска на этой почве легко теряли всякую дисциплину, производя опустошение не только неприятельской страны, но и коренных русских уездов, через которые они проходили и в ко-

---

30 Там же. Московский стол. Стб. 310. Столпик VI. Л. 1—8.
31 АМГ. СПб., 1901. Т. III. № 272. С. 275.
32 Там же. № 472. С. 410—411.

торых стояли. Если местное население неприятельской страны способно было к сопротивлению, войско расходовало много сил, добывая пропитание. «А мы, братец, проелися и оголодали запасами»,— писал в частной переписке на родину рязанский служилый человек Сидор Семенов сын Любавский в 1659 г.; «жерновишка (первая мука), кои у нас на Руси пометныя в два олтына или в гривну, а мы купи в три рубля и тех не добудешь», ржи и овса много, «толька емлем все кровью, меняем [го]ловами людскими, безпрестанна рубят, в полон емлют»[33].

Хорошо известны постоянные жалобы служилых людей пограничных уездов на разорение их государевыми ратными людьми в такой же мере, как и крымцами. Нередко группы служилых людей, передвигавшихся в пределах государства на место службы, действовали, как в неприятельской стране. В 1632 г. брянчане во главе с Семиговыми и Белобразовыми, служилыми людьми лучших и сильнейших брянских родов, произвели погром в с. Мокром с деревнями (Серпейского уезда): «крестьян били и грабили, и всякими муками мучили, и животы все выграбили, и животинку — лошеди, и коровы, и овцы — выгнали, и выграбя, те деревни выжгли»[34].

В 1677 г. 14 июля в Карачеве в Воскресенском монастыре «всполох били в колокол», так как «неведомо какие люди, человек сорок и больши», проезжая через Карачев, «чинили грабеж»: «холсты пограбили, и животину побили, и за многими людьми, за женки и за девки нагало с сабли гоняли, и на полях животину отганивали и на мельницах помольщиков грабили». Посланному за ними казачьему голове с отрядом «неведомые люди» «не дались»: «ис коробинов и ис пистолей по них стреляли, и наголо с сабли, и с обухи за голо[во]ю и за градзкими людьми гоняли, и стрельцов перебили, одного саблею секли, а стрельца Ивашку Колесникова, бив, взяли к себе в табор и сковона ево в железах держали, всего ево, Ивашку, избили и изувечили»... В таборе было грабежной рухляди «возов с пять». В дальнейшем оказалось, что эти «неведомые люди» были белоозерцы — служилые люди, шедшие на государеву службу в Путивль. Конец дела неизвестен; оно подлежало рассмотрению в полку[35].

В 1678 г. произвели погром лучане во главе с Иваном Пасынковым, Василием Бочковым, Петром Лопухиным в с. Чаянках (Комарицкой волости): «Жен и детей и дочерей девок били и саблями секли, и из ружья стреляли, и церковную утварь, и книги, и в домах платья, и деньги, и холсты, и котлы винные, и сковороды, и хлеб из клетей и из ям, платьишко грабили, и бочки, и блюда, и ставцы, и лошки, и всякую посуду, и у изб окна, и двери, и лавки, и полы пересекли, и около дворов и огородов изгородь ругательно обожгли, и в огородех овощ порвали и в полях всякой хлеб лошадьми потолочили и потравили; и стояли в том селе два дни, и

---

[33] Материалы для истории рода рязанских Селивановых... Собрал А. В. Селиванов. Рязань, 1912. С. 62.
[34] Ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол. Стб. 42. Л. 324.
[35] Там же. Стб. 910. Л. 34—35.

хлеб пекли, и сухари крошили из их хлеба». Расплачиваться за это пришлось «всему городу» лучанам: с них доправили 227 рублей, а «заводчиков» били батогами[36].

Естественно, что раз трудно было устранить факты, подобные описанным, и их можно привести множество, то воеводы и правительство были бессильны бороться с насилием и грабежом ратных людей в неприятельской стране, не помогали никакие угрозы смертной казни. И конечно, эти войска были несравненны, когда отдавали приказ предать огню и мечу завоеванную область, «выжечь» и «высечь» начисто. Впрочем, указанные явления объясняются также и особенностями конных войск городового строя, о чем будет сказано ниже.

Состоянием продовольствования войск определялась другая, более важная черта военных действий того времени: войска были непригодны к длительным походам, действия по необходимости приобретали сезонный характер.

Уже полковая служба была приспособлена к нуждам поместного войска. Служилый человек столько же был воином, сколько помещиком или земледельцем. Отсюда сложная система чередования служилых городов на полковой службе. Обычно замосковные города служили «погодно», одной половиной все лето, а другая половина каждого города служила на следующий год. Украинные города чередовались половинами с весны по 1 июля и с 1 июля до отпуска. «По вестям», т. е. при получении известий о приходе татар, должны были быть в готовности и явиться в полки и те половины служилых городов, которые оставались дома[37].

Рязанцы чередовались иначе, они служили тремя группами: 1) в Рязани и Ельце, 2) в Михайлове и Ельце, 3) в Пронске и Ельце; каждая группа служила «по третям», переменяясь через 2 месяца[38]. В том же 1637 г., к которому относятся эти сведения, туляки делились на четверти. Брянцы служили в этом году с 1 июня по август и с августа по ноябрь[39]. Этот порядок варьировался в частностях, но в основных чертах был давним.

Смирнов П. П. в своей работе о роли служилых дворян — челобитных XVII в. ставит разложение городов на половины в 1637 г. в связь с коллективным челобитьем служилых людей этого года: служба была облегчена «почти вдвое», говорит он[40]. Но так как подлинная челобитная неизвестна, то нелишне разъяснить этот факт на основании челобитной [от] «замосковные розные городы» 1636 г., неизвестной П. Смирнову. «Велено нам, холопям твоим,— пишут они,— быть на твоей царской службе, на береговой, в передовом полку на Дедилове с воеводою с князь Иваном Петровичем

---

36 Ф. 210. Приказной стол. Стб. 757. Л. 47, 86—88.
37 РИБ. Т. X. С. 72, 73; Ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол. Стб. 275. Л. 388.
38 РИБ. Т. X. С. 77—78.
39 Там же. С. 75.
40 *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.// ЧОИДР, М., 1915. Кн. 3. С. 9—10.

Засекиным перед украинскими городами перед нашею братьею во все лето всем бес перемены. А до Смоленские, государь, службы по твоему государеву указу мы ж, замосковные городы, были росписаны пополам по лету» От Смоленской службы и особенно (от осадного) сиденья стали «пеши и скудны, и многими долгами одолжали», а поместья и вотчины «от нашее пехоты (безлошадья), и долгов, и от хлебного недороду, и от скотсково падежю, и от насильства сильных, и от Троицково монастыря и московских волокит стали скудны, и крестьянишка розбрелись»; денежным жалованьем не пожалованы. Украинские города «на службе живут по переменам пополам по полу лету, а иные, государь, городы и по месяцам». Их поместья близки от места службы, у замосковских же служилых людей поместья самые близкие в 400 верстах, а есть в 600, 700 и 800 верстах; приходится ехать «вешним путем грязью» и «осенним путем грудою». «А которые, государь, наша братья, и племянники, и дети наши служат тебе, государь, по московскому списку и из житья и обычаев твоей царской службы не служат». Челобитчики просят расписать их «пополам по переменам по лету против украинских городов», московским чинам, их «братья», служить с ними «в ряд», отпускать со службы осенью «преж Покрова Пресвятыя Богородицы»*. Среди рукоприкладств, как удалось установить, преобладают муромцы и арзамасцы, есть несколько белян, дорогобужан и суздальцев[41].

Из этой челобитной ясно, что порядок чередования замосковских городов половинами «по лету», о чем били челом служилые люди, в 1637 г. был только возобновлен, а не создан внове. Это подтверждается и разными записями[42].

Этот порядок был изменен лишь в ближайшие годы после Смоленской войны, когда замосковские города служили полностью каждый год без чередования; вероятно, что так было только в одном 1636 г, так как в 1635 г. в полках не было даже больших воевод, а были меньшие с меньшим количеством войск[43].

Большие войны второй половины XVII в. также представляют собой ряд операций, совершавшихся в летнее, вообще в теплое время; на зиму военные действия прерывались; основной причиной прерывистого характера военных операций был вопрос продовольственный. Отсюда затяжной характер войн: действия приходилось прерывать в самый нужный иногда момент, не нанеся решительного поражения противнику.

4

Служилый город был не только военной организацией основного элемента военных сил Московского государства, но был вместе с тем сословной организацией провинциального дворянства, пред-

---

* 1 октября ст. ст. или 14 октября н. ст.

[41] Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Стб. 138. Л. 210—212.

[42] Книги разрядные по официальным оных спискам... СПб., 1855. Т. II. Стб. 47, 127, 225—226.

[43] Там же. Стб. 833; РИБ. Т. X. С. 62. Указ о расписании по половинам дворян и детей боярских.

ставлявшей и [защищавшей] при отсутствии какой-либо иной местной организации дворянства его интересы.

Борьба служилых людей за свое социальное господство в государстве на протяжении всего XVII столетия осуществлялась главным образом посредством множества коллективных челобитий, обращенных к верховной власти, от имени отдельных служилых городов и групп городов. Выше приведен ряд примеров подобных выступлений служилых городов. Отметим сейчас только коллективные челобитья служилых городов, касающиеся отмены урочных лет для сыска крестьян и вообще сыска беглых крестьян и холопов. Из четырех крупных выступлений служилых городов по этим вопросам в первой половине XVII в. (1636, 1641, 1645 и 1648 гг.) первые три были произведены служилыми людьми, точнее, служилыми городами, собравшимися в полки на береговой службе или проездом в Москве[44]; для нас важно, что вооруженные отряды служилых людей, отправляясь в поход, не забывали напомнить правительству о своих сословных интересах. Пусть эти...* выражались в холопских по форме челобитных: и в этих челобитных служилые люди очень резко и откровенно говорили о своих правах на труд тяглых людей, о необходимости отмены урочных лет для их сыска, о насилиях мочных людей, московской волоките, реорганизации суда и проч.

Эти выступления носили, как мы видели, характер мятежей и в представлении самих служилых людей являлись подобием «рокошей», посредством которых польское шляхетство добивалось от польских королей льгот и привилегий.

Ряд коллективных челобитий второй половины XVII в. по вопросу о сыске беглых можно приурочить также к моментам отправления служилых людей в походы: таковые челобитные 1657, 1676 и 1677 гг. (Чигиринский и Малороссийский походы) и 1682 г.[б]

Остановимся только на последнем примере.

Коллективные челобитные — их было 4 — от октября—декабря 1682 г. относятся ко времени съезда служилых людей под Москву во время стрелецкого мятежа. Первая челобитная, помеченная 23 октября, подана была еще у Троицы по возвращении правительства в Москву[45]. Момент был выбран удачно: правительство находилось в очень трудном положении и потому поспешило ответить согласием на просьбы челобитчиков. В мотивировке своих челобитий служилые люди поднимались иногда до высоты принципиальных соображений.

Так в 1657 г. (?) служилые люди разных городов, обосновывая свое челобитье об организации сыска беглых и карательных мероприятий за прием беглых, писали: «ныне мы, холопи твои, беспрестанно изымая и летом на твоей государеве службе в дальних странах», «бити челом тебе, Великому государю, на Москве и у самих

---

[44] *Смирнов П. П.* Указ. соч.; *Рождественский С. В.* О Земском соборе 1642 года // Сборник статей, посвященных В. И. Ломанскому. СПб., 1907. Ч. 1. С.101.

* Одно слово на латинском языке не разобрано.

[45] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. М., 1870. Т. XIII. С. 363—366[в].

инов время нашего нету же, а посылати, государь, некого, и, надеясь на то, от нас люди и крестьяне при нас и без нас из домишков и с твоей государевы службы и достальные бегут»...; «о том вели свой государев указ учинить», чтоб «впредные лета твой государев крепостной устав в сем деле во веки был неподвижен и никому б неповадно было Божия даяния да вашего государского давнего и вечного жалованья силою и величеством, богатством и граблением, и всяким лукавством, и пронырством чужого имения восхищати и неправедными прибытки богатеть, и чтоб в твоей государеве державе вси люди божии и твои государевы,...* от великих и четырех чинов,— священный, и служивый, и торговый, и земледельный,— в своем уставе и в твоем царском повелении твердо и непоколебимо стояли и ни один ни от единого ничем же обидим был...»[46]

Привычка непосредственного обращения к власти, привычка к вниманию, сословное самосознание, чувство чести не оставляли «служилые города» и в течение активных военных действий. «Города» были блюстителями старых традиций и чрезвычайно туго поддавались самым пустяшным нововведениям; как указано было выше, мельчайшие подробности сотенного строя с жаром обсуждались в полках, составлялись челобитные, происходила борьба различных слоев служилых людей и конкурирующих между собой групп; порядок расстраивался на долгое время; правительство вынуждено было выслушивать и считаться с этими «докучными» челобитьями, хотя они сильно «кручинили» государя.

Власть была бессильна преодолеть сразу очень вредившие делу местнические споры и счеты; в этих спорах и счетах конкретно выражалось очень своеобразное и примитивное чувство чести, которым было проникнуто служилое сословие сверху донизу.

Между тем местничество придавало всему военному строю черты необычайно консервативной и косной организации. Хорошо известно и изучено местничество в верхах московского общества — боярства и служилых людей московских чинов.

Между тем то же чувство чести проникало [во] все служилое сословье почти до самых его низов. В литературе еще не были отмечены случаи местничеств «городов» между собой. «Города» различались между собой по старшинству и чести, которым соответствовали различия в служебном положении, например более высокие и более низкие размеры «новичных» окладов, т. е. первых окладов, которыми верстались служилые люди при самом начале своей службы. От места в иерархии городов зависела очередь в смотрах, при раздаче жалования и самые его размеры; следовательно, чувство чести «города» переплеталось с самыми реальными интересами. Но едва ли этими последними исчерпывались мотивы междугородовых местничеств: сознание старшинства и заслуженности, как и для отдельных лиц, тоже играли свою роль.

---

* Одно слово не разобрано.

[46] Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Стб. 310. Столпик 3. Л. 1—6. [Ссылка не точная. В челобитной служилых людей разных городов от года не ранее 1654 и не позднее 1660, идентичной по содержанию, приведенных фрагментов не содержится.]

И вполне естественно, что отстаивание городовой чести брали на себя именно те слои служилых людей, которым сознание родовитости и старшинства было особенно свойственно: во всех подобных случаях блюстителями городовой чести выступают дворяне выборные.

Первое место среди городов занимал Владимир. В 1647 г. (VI.15) была послана грамота на Ливны к воеводе князю Григорию Семеновичу Куракину об исправлении ошибки в списке служилых городов его полка, где владимирцы были названы ниже украинных городов, между тем Владимир даже среди замосковных городов — «первый город», как указывали челобитчики, и должно всегда «выкликать владимирцев первыми»[47].

В 1631 г. черниговцы посылали в Москву «первого человека» своего города Михаила Разсомахина с жалобой, что в списке, присланном из Москвы, их город стоит ниже Рыльска вопреки обычаю писать Чернигов выше[48].

В 1643 г. брянчане послали в Москву челобитчиков «для их городского дела», что воевода во Мценске «смотрел» их после Белева и Болхова, тогда как Брянск «всегда бывал честнее» этих городов. В челобитной брянчане приводили «случай» из времен царя Федора Ивановича. «Да и по тому, государь,— писали брянчане,— Брянеск искони де перед теми городами отводная честь, как при царе...* Иване Васильевиче всеа Русии, были в тех городех устроены самопольники, а в Брянску самопольников не было». Справка о Разряде подтвердила показания челобитчиков. Но кроме того, для выяснения того, какой из названных городов «честнее», в Разряде произвели сравнение «отечеств» и старшинства виднейших служилых фамилий Брянска, Белева, Болхова и Карачева[49].

В 1644 г. (август) коломничи в челобитной «всем городам» писали: «В ныношнем, государь, во 152 году велено нам, холопем твоим, быть на твоей государевой службе в Переславле-Рязанском с стольником и воеводою со князем Семеном Романовичем Пожарским; а в списку, государь, мы, холопи твои, написаны после всех городов — Резани, и Мещеры, и бардаковских новокрещенов, и белоозерских козаков; и у смотров нас, холопей твоих, кличют после всех, и тем мы, холопи твои, опозорены; а преж, государь, сево по твоему, государеву, указу нас, холопей твоих, по списку у смотров кликивали преже Рязани и всех городов, которые городы бывают на твоей, государеве, службе в Резанском полку»[50].

Следовательно, честью города определялось место его службы в том или другом полку. по Рязани служили не самые старшие из замосковных служилых городов, если коломничи стояли среди них первыми.

В 1655 г. тарушане, находившиеся в полку князя А. Н. Трубецкого, заявили претензии на то, что их «кличут» «после всех горо-

---

47 АМГ. СПб., 1894. Т.II. № 285. С. 178.
48 Ф.210. Разрядный приказ. Севский стол, Стб. 89. Л. 133, 137—139г.
* Цитата сокращена Новосельским.
49 Там же. Стб. 126. Л. 77—84, 89—90л.
50 Там же. Московский стол. [Стб. 1118. Л.111].

дов», тогда как они привыкли следовать за Козельском в таком порядке: Тула, Кашира, Козельск, Таруса, а далее прочие украинные городы[51].

Очень выразительную челобитную подали в 1648 г. ряшане «всем городом». Обида, нанесенная им, заключалась в том, что им дано было жалование «в ряд с новыми городы» по 7 рублев, а не по 10. «А а тех новых городех,— писали ряшане,— верстаны люди и крестьяне наши, и стрелецкие, и казачьи, и пушкарские, и всяки неслужилых отцов дети». А «прадеды и деды наши многие сведены из твоих государевых из разных городов из дворян и детей боярских; а мы, холопи твои, от твоих многих государевых служб обедняли, стали пеши и одолжали великими долги, а твоим царским денежным жалованием до конца оскорблены перед разными перед старыми городы не по вине по своей и не за прослугу. А прежа, государь, сего блаженныя памяти при царе государе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии прадедом и дедом и отцам нашим верстания князя Ивана Васильевича Великого — Гагина была первая новичная статья со старыми разными городы всклад по 300 чети; и после, государь, того всем старым разным городам статьи прибавлены по 50 чети, а у нас, холопей твоих, и перед старыми убавлено 50 чети, а вины своей и прослуги не ведаем». В челобитной последовательно излагается вся история службы г. Ряжска, начиная с участия в Казанском походе царя Ивана Васильевича IV вплоть до последней верной службы во время разинского мятежа, конца «Козлов-город смутился», а ряшане «устояли в правде» и к их воровскому дурну ни к чему не приставали». Противополагая себя городам новым, ряшане были правы в том, что «новые города» несомненно были не только моложе, но и демократичнее по составу, а иные из них были вполне мужицкими, как Сокольск, Белоколодск, Добрый, Комарицкие драгуны и т. п.[52]

Защищая городовую честь в указанных случаях, «лучшие» люди действительно защищали интересы всего города. Но гораздо чаще, говоря от имени «всего города», жалуясь на обиду и неудобства от тех или других правительственных или воеводских распоряжений, лучшие люди, в сущности, имели в виду только свои интересы, вовсе не совпадавшие с интересами всего города. Так было в описанном выше эпизоде при назначении знаменщиков из выборных дворян, так бывало во множестве случаев столкновений их с воеводами. Но таков был бытовой уклад сотенного строя, что раздоры в среде верхов города, недовольство «голов» сотни своим положением сводили на нет боевое значение всей сотни, сотня переставала быть послушной боевой единицей. «На заре» 9 августа 1619 г. «проезжая станица», высланная из Пронска, выследила татар и, преследуемая ими, «на солнешном всходе» вернулась в город. Воевода Степан Исленьев тотчас назначил «в посылку» сотню рязанцев Каменского стану, указав быть у него головой А. Левашева, «и список ему писанный дал»; сотня изготовилась к выступ-

[51] Там же. Стб. 274. Л. 11.
[52] Там же. Владимирский стол. Стб. 30. Л.261—264.

лению, «вышед на поле, стояла многое время, дожидаясь головы». Воевода посылал за А. Левашевым «нарядчика»; А. Левашев не двинулся с места и остался на своем «подворье»; посланный вторично, нарядчик уже не застал А. Левашева, выехавшего «неведомо куда»; «видя то Афанасьево непослушание и многие люди учали ослушаться». Татары тем временем успели скрыться. А. Левашев объяснял все дело по-своему: Исленьев посылал его с сотней, «хотя его отечество истеснить, а татар в ту пору под городом не было и ходить было не за кем»; однако же сотня при допросе подтвердила факт неповиновения своего головы[53].

Воеводе вовсе не так просто было выйти из затруднения и найти заместителя строевому голове, а в этом был единственный выход, так как никакой дисциплинарной власти над ним, как и над всяким другим городовым дворянином, воевода не имел; дело должно было восходить на решение Разряда и затягивалось надолго.

В 1622 г. в Брянске стоял во главе полка из служилых людей разных городов воевода князь Алексей Григорьевич Долгорукий. 17 августа воевода приказал брянчанам Василию Толбузину, Воину Бохтину и Ивану Безобразову быть с сотнями на заставе на смену караченцев. Назначенные в головы были «лучшими людьми» в Брянске; они отказались повиноваться и со «многими людьми» покинули город и отправились в Москву. В. Толбузин с «товарищи» опирались на многочисленное родство среди брянчан и вслед за ними «по их научению» и «иные брянчане разъехались по деревням». В Москве В. Толбузин с «товарищи» обвинил воеводу князя А. Долгорукого в нанесении им оскорблений, самоуправстве и насилиях[54].

«Другой год нас, холопей твоих», писали челобитчики, «при товарищей своих беспрестанна лает матерны, всякою неподобною лаею позорит, называет нас, холопей твоих, всех изменниками и неслугами, и бьет по щекам, и, снем платья, бьет ботогами, и в тюрьму сажает не за твое государева дела и не за нашу страднию вину. И, увеча нас, холопей твоих, похваляеца: «Я де прислан на то, что вас бить и мучать»; и тако де Мирон Вельяминов Калугу разогнал, и ему де за то дают окольничество»[55]. А. Долгорукий со своей стороны обвинял брянчан в том, что они, пользуясь попустительством в городе большого числа служилых людей, нуждавшихся в продовольствии, спекулировали хлебом: «они в приход ратных людей хлеб вздорожили», что они завели сношения с литовскими людьми: позволяют им устраивать будные станы на своей земле, отпускают своих крестьян работать на будах, торгуют с меркой, принимают оттуда «изменников», т. е. русских, возвращающихся обратно. Словом, воевода утверждал, что В. Толбузин с «товарищи» «не залюбя» его за то, что он «выводил у них всякое дурно на рубеже»[56].

Не будем следить за всеми перипетиями этого дела.

---

53 Там же. Столбцы Дополнительного отдела («безгласные»). № 10. Л. 1—27.
54 Там же. Столбцы Приказного стола. № 10. Л.300—304 и сл.
55 Там же. Л.291.
56 Там же. Л.297, 298.

Из Москвы распорядились о сыске по всем пунктам взаимных обвинений. Но там сумели отделить все эти вопросы от факта неповиновения брянчан воеводе, самовольного их отъезда в Москву, что представляет собой особенно тяжкое нарушение дисциплины в пограничном городе. При допросе выяснилось, что вслед да Василием Толбузиным отказались повиноваться ряд других лучших брянчан: Воин Бахтин, «прочетчи» наказную память, не взял ее, а Иван Безобразов сказал: «Коли Василий Толбузин не взял памяти, а он мимо Василья также не возьмет»[57]. Воеводы стали посылать других голов из брянчан: Дмитрия Тургенева, Сафрона Тютчева, Андрея Зиновьева; все они ехать отказались, говоря, что они бывали уже в головах в посылке, а Василий Толбузин не был, «а они евова, Василья, не хуже». Кончилось тем, что вместо сотни брянчан были отправлены на заставу сотни других городов[58].

Сотня без «головы» теряла значение боевой единицы. Ссорились между собой головы — вся сотня ссорилась, бежали со службы головы — за ними тянулись толпой многочисленные сородичи и свойственники.

Военный строй отражал социальные и родовые связи внутри города. В 1654 г. из рыльского полка боярина и воеводы Василия Борисовича Шереметева бежали служилие люди разных городов. «Заводчиками» были белевцы Григорий Сомов, Никифор Зыбин «с товарищи». «А Никифор Зыбин,— доносил в отписке воевода,— был у сотни голова, а как побежал и знамя прислал к приказной избе сотни своей с лебедянцом сыном боярским с Офонькою Красниковым, а только бы, государь, Григорей Сомов с товарыщи не своровали, с твоей государевы службы не побежал — и беглецов бы было мало»[59].

Сотенный строй лишь слегка прикрывал царившие внутри неравенство и антагонизм между «лучшими» и «меньшими» служилыми людьми. Меньшая «братья» была отделена в команду лучшим, имущим, родовитым. Но недовольство, жалобы на неравенство служебной тяготы и на произвол и насилия правящих групп были постоянными. Правда, властное руководство сдерживало и подавляло недовольство большинства, но оно не усиливало его боевой годности. Беспоместные и малопоместные широко пользовались своей несостоятельностью как основанием и оправданием для уклонения от службы, побегов и неявок на службу; неравенство было настолько очевидно, что само правительство, разбираясь в случаях нетства и карая за него, выделяло в особую ненаказуемую группу «нетчиков за бедностью».

Сотня тем существенно отличалась от роты позднейших войск иноземного строя, что в ней любой сын боярский не мог быть равен другому; помимо индивидуальных различий при сравнении их боевой годности надо было принять во внимание количество земли, число дворов, состоящих за ними, положение крестьян на его землях, урожай или неурожай, падеж скота и проч.

---

[57] Там же. Л.308.
[58] Там же. Л309.
[59] Там же. Севский стол. Стб. 158. Л.267—268.

Рассматривая как совокупность экономических единиц, сотня заключала в себе значительное количество мало- или вовсе непригодного к службе элемента. От него старались отделаться и воеводы. Выше уже указывалось, что «выбор» был желателен в полку; с дворян и детей боярских «лучших» и «средних» статей можно было требовать; беднота часто бывала только балластом.

В 1656 г. (VII.25) князем Никитой Ивановичем Одоевским указано было быть служилым людям из полков действовавших армий; находясь на посольском съезде, князь Одоевский сообщал в Москву, что «городовые дворяня и дети боярские, которые написаны в списках и которые объявились сверх списков, бесконны и безодежны, в лаптях, и многие везут тележенка сами, а иные бредут пеши; и на смотре нам, холопем твоим, сказали, выбраны де они люди бедные, а лучшие де, государь, люди тех городов оставлены в полкех».

Воеводам приходилось оправдываться, что они служилых людей «выбором из выбирали, а послали, государь, сотнями»; если же «выбирать з головы лутчих людей восмь сотен», им на службе «быть не с кем». Но едва ли без основания князь Одоевский жаловался, что по вине полковых воевод он оказался окруженным на посольском съезде босой и оборванной толпой дворян и детей боярских городовых, и государева грамота упрекала воевод, что они «учинили негораздо», оставив в полках «выбрав лутчих» служилых людей[60].

Дворянская беднота не всегда ограничивалась одними жалобами на тяжесть службы «вряд с пожалованными» и вопросами, обращенными к правительству, «чем им на государеве службе сытым быть и впредь служить»[61], а иногда просто отказывали в повиновении.

В 1655 г. служилые люди полка князя Семена Урусова, стоявшего в Подберезье, получили приказание везти рожь в Ковно в срочном порядке «и сентября, государь, в 16 день приходили к съезжему шатру бить челом государю» всех городов «дворяне и дети боярские» средние и меньшие статьи с «большим шумом и невежеством, чтоб им ржи в Ковну не посылать и самим нейти».

Ни наказание кнутом «заводчиков», ни стрельцы, ни заставы не удержали служилых людей в повиновении и многие из них разъехались по домам[62].

Если отрешиться от этих внутренних антагонизмов и наблюдать за положением войск сотенного строя в целом в общем составе армий того времени в больших походах, можно видеть крупные дефекты их по сравнению с другими родами войск, их привилегированность и их обыкновение активно вмешиваться в действия воевод, обсуждать их и жаловаться на них правительству. Служилые «города» представляли собой наименее дисциплинированную часть войск, наиболее беспокойную и притязательную по настроению.

---

60 Там же. Московский стол. Стб. 270. Л.815—816, 672—673, 620.
61 АМГ. Т.II. № 158, С.102.
62 Ф.210. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стб. 164. Л.312.

В 1654 г. в первый год войны с Польшей на двинском фронте действовал воевода боярин Василий Петрович Шереметев [см. с. 117]. Его товарищ ясельничий Ждан Кондырев, недовольный его медлительностью, жаловался в Москву: под Невлем стояли без нужды три недели, задержались под Полоцком и «мешкали» идти под Витебск. Когда Кондырев заявил об этом В. П. Шереметев[у] лично на съезжем дворе в Полоцке при.«многих людях», «учал» на него «кричать новгородец Иван Милюков с товарищы, чтоб под Витебск не итти: я ди ото всей рати бью челом, у нас ди запасы не готовы». И боярин промолчал, только «и молыл», сообщает Кондырев: «видишь де, дворяне бьют челом». И далее препирательство воевод и брань их между собой происходила на глазах служилых людей; и тот и другой искали их поддержки и втягивали их в обсуждение вопросов, которые, казалось бы, надлежало решать им одним[63].

С мнением «городов» приходилось считаться, иначе с ними было трудно справиться и, пожалуй, сколько-нибудь удачно вести операции. Князь Иван Андреевич Хованский потому отчасти, как кажется, был мало счастлив в своих военных действиях против поляков, что был крут и непокладлив в отношении дворян и детей боярских, чем раздражал их и восстановил против себя до крайности. Все это долго накапливавшееся недовольство вылилось в коллективной челобитной 1665 г.

Его обвиняют в «дерзости», опрометчивости и неосторожности военных операций. Из этой челобитной видно, что служилые люди всякий раз били ему челом, высказывая свое мнение и подавая совет. Но боярин не слушал их челобитья. Этим служилые люди объяснили поражение под Ляховичами, Череей, в Кушкиновых горах и т. е. Каждое действие Хованского они осуждают как неблагоразумие, «дерзость». Его вина состояла в том, что он будто бы предпринимал походы, не разведав о неприятеле, выступал против него, не имея достаточно войск, не соображаясь с недостатком продовольствия в своем полку и его утомлением и проч. и проч.[64]

Но если бы воевода слушал все обращенные к нему челобитья служилых людей, выходило, что никаких операций не следовало предпринимать и держаться совершенно пассивно.

Из оправдательной отписки Ивана Андреевича Хованского видно, что дело обстояло несколько иначе. Служилые люди били челом об отступлении, когда сопротивление было возможно, обоз был укреплен рвом и продовольствия было достаточно. И в тех случаях, когда он уступал их челобитьям, дело не шло лучше. Служилые люди потеряли всякую стойкость. «Дробны стали,— пишет Хованский,— за грех наш, не надежны»; «никто, государь, такого греха не видывал, что ныне вижу: лишь скажут про поляков, побегут все разно, нимало не остоятся»[65].

---

[63] Там же. Севский стол. Стб. 157. Л.239—240.
[64] Там же. Столбцы Приказного стола, № 469. Л.49—53.
[65] АМГ. Т.III. № 220. Л.208.

Утомление, упадок дисциплины были причиной того, что все старания Хованского удержать на фронте всех этих дворян и детей боярских новгородцев, торопчан, псковичей и прочих, вести их в походы не имели успеха.

АПТЕКА XVII в.

I

Изучение устройства, обстановки и быта московской аптеки XVII в. не имеет широкого значения прежде всего потому, что они не типичны для сколько-нибудь многочисленного ряда подобных же учреждений; к концу XVII в. в Москве существовало всего три аптеки. Кроме того, в обиходе аптек были такие предметы специального назначения, какие нельзя найти в музее общего характера. Но тем не менее в этот уголок очень своеобразного быта и облика необходимо взглянуть для полноты представления о московском быте в целом.

Здесь можно наблюдать очень наглядно процесс влияния на московский быт иноземных знаний, науки и быта, постепенно усваивавшихся на русской почве. В последней четверти XVII в. дело организации медицинской помощи, устройства аптек и усвоения и популяризации основ рациональной медицины зашло так далеко, суеверное отношение к этой области таинственных и нечистых сил по взглядам московского люда настолько рассеялось, что мероприятия Петра I должны быть рассматриваемы не иначе, как прямое продолжение того, к чему Московское государство пришло путем медленного и долгого опыта; причем надо заметить, что кое в чем Петр, как утверждают исследователи, и с ними приходится в этом согласиться, не использовал этого предшествующего опыта, отказался от него без всякой пользы для дела.

Долгое время медицинская организация, Аптекарский приказ, или Аптекарская палата, обслуживали только нужды дворца московских государей. Медицина завоевала себе доверие прежде всего во дворце, который уже и явился проводником ее в широкие круги населения без различия сословий и чинов, ввел ее как необходимый элемент в устройстве войска того времени.

Аптекарский приказ с первой аптекой при нем и подсобными учреждениями (Аптекарским садом, огородом и двором) сложился уже к концу XVI в. Это была царская аптека, обслуживающая царскую семью и по особым царским указам, очень, впрочем, редко, близких ко двору лиц. Врачи обязаны были иметь «всякие [крайнее] радение и остерегательство о (их) государском и всего их государскаго пресветлейшего дома здравии». Аптекарский боярин [отвечает — особо], доверенное «ближнее» лицо царя, как-то: боярин Иван Борисович Черкасский, Борис Иванович Морозов, Илья Данилович Милославский, Артамон Сергеевич Матвеев, Никита Иванович Одоевский и др.[1] Началь-

[1] *Новомбергский Н.* Черты врачебной практики в Московской Руси. СПб., 1904. С. 40—41.

ник Аптекарского приказа был посредником между иноземцами врачами, таинственным знаниям которых не вполне еще доверяли; по давней традиции он должен был «надкушивать» все лекарства, принимавшиеся царем, а иногда и подвергаться и другим операциям, как кровопускание, которыми лечился царь. Врачам еще не вполне доверяли, их побаивались, но уже не подвергали их расправам и не рубили им головы, как раньше, за неудачное лечение*. В смерти царя Федора Алексеевича стрельцы обвинили докторов-иноземцев и убили доктора фон Гадена и аптекаря Гутменша, несмотря на то что царица Марфа Матвеевна и царевны уверяли в их невиновности. (По указу 1676 г. доктора получили доступ даже в хоромы царицы, царевича и царевен.)[2]

Обстоятельством, расширившим организацию медицинского и аптечного дела за пределы дворца, была...** война с Польшей и Швецией 50—60-х годов; и в эту область война внесла крупные изменения, как изменила она быстро весь строй московского войска, реорганизованного в полки иноземного строя.

В 1654 г. для обучения медицине было набрано 30 человек из стрельцов и детей стрелецких; в 1688 г. учеников было уже 38 человек. В 1690 г. они были выпущены лекарями в стрелецкие приказы и «в разные полки...*** лекарей для леченья ратных людей». При царе Петре Алексеевиче, призывая докторов и лекарей из иноземных стран, брали с них обязательство «учеников русских учить со всяким прилежанием, чему сами горазды»[3]. Наконец, устроение первого гражданского госпиталя в 1682 г. преследовало, кроме лечебных целей, еще подготовку русских лекарей: «где бы больных лечить и лекарей учить было бы можно». При этом набор в лекарские ученики производился без малейшего принуждения; от челобитчиков из стрелецких и солдатских детей, посадских, монастырских и прочих чинов люда просившихся в аптекарские ученики отбою не было. Московские люди уже не боялись «осквернить» заморской мудростью; из них выходили мастера всякого рода специальностей: гортанные...****, четрыжные, очные, костоправы, дистилляторы, алхимических дел, аптекари. С 70-х годов в редком полку не было нескольких лекарей, в большинстве русских. В медицинскую же школу при Московском госпитале, основанном в 1706 г. и руководимом Николаем Бидлоо, путем принудительной вербовки и проживавших в Москве главным образом детей иностранцев, едва набиралось 2—3 десятка; ученики разбегались, и их приходилось отыскивать и насильственно принуждать к науке[4].

---

* [В автографе до конца раздела I зачеркнуто. Здесь и далее примечания составителя.]

[2] *Новомбергский Н.* Черты врачебной практики в Московской Руси. С. 53.

** [Далее два слова не разобраны.]

*** [Далее одно слово не разобрано.]

[3] *Новомбергский Н.* Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907. С. 233.

**** [Далее одно слово не разобрано.]

[4] *Новомбергский Н.* [Врачебное строение... С. 235].

II

Аптекарский приказ и Старая Аптека помещались в Кремле, именно в здании, тесно примыкавшем к собственно дворцовым строениям и тянувшемся от так называемых «Куретных» ворот к Колымажным; с одной стороны аптекарские палаты примыкали к Оружейной палате с палатами разных художественных ремесел, а с другой к Приказу Большого дворца. По-видимому, Аптекарская палата занимала все три этажа в этом здании, целый ряд покоев в нем, как можно судить по плану среднего этажа на плане, [опубликованном] И. Е. Забелиным. В 1672 г. две верхние палаты, прежде занимавшиеся Аптекарским приказом, были превращены в театр, где с осени этого года магистр Яган Готфрид «исбразили» комедию, или «Комедийное действо». С этого времени становится известным Потешный двор. В его состав прежде всего вошли палаты Аптекарского приказа, затем палаты [умершего] в 1668 г. боярина Ильи Даниловича Милославского. В 1681 г. произведен был ряд перестроек и построек в комнатах под Потешным двором. Аптекарские палаты были связаны переходами к церкви Рождества Богородицы, примыкавшей непосредственно к Теремному дворцу, с другой стороны — построены были переходы к Потешному двору. В следующем,1682 г. Аптека была переведена в новое место, набережный корпус, в помещение, ранее занимавшееся палатами серебряных и резных дел. Палаты были перегорожены кирпичными стенами, устроены лестницы и ходы в погреба и..., пробиты окна, и двери и проч.[5] Указание на это перемещение старой аптеки совершенно ясно из документов. У Л. Ф. Змеева есть иное сведение, что Аптека в 1682 г была переведена в Спасскую башню[6]. Но он не указывает, откуда им взято это сведение; ни у кого из последующих исследователей его мы не находим; кроме того, Змеев упускает из виду засвидетельствованный документами перевод Аптекарской палаты в помещение набережного корпуса рядом с [Иконным] теремом.

В начале 70-х годов была устроена Новая Аптека, предназначенная для продажи лекарств всем желающим по определенной плате. Уже в апреле 1669 г. были доставлены в Москву закупленные в Гамбурге иноземцем-гостем врачом Горном всякого рода аптекарские запасы, лекарства, «снасти», стеклянная посуда на значительную сумму в 3753 р. 21 алтын. Все эти запасы были помещены в палатах Гостиного двора, выходивших на Варварку[7], по соседству со всякого рода зелейными лавками[8].

В 1670 г. в середине года для новых закупок аптекарских запасов был послан в иноземные страны аптекарь Роман Биниян[9].

---

[5] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей. 3-е изд. М., 1895. Ч.1. С 61, 85—86, 91, 752—754.

[6] *Змеев Л. Ф.* [Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896, С. 217].

[7] [Материалы для истории медицины в России. (Далее: Материалы). СПб., 1883. Вып.II. № 392, 396]. С. 334—346, 349.

[8] *Змеев Л. Ф.* [Первые аптеки в России // Медицинское обозрение. М., 1887. Т. XXVIII, № 21. С. 848].

[9] [Материалы. Вып. II. № 437. С. 390].

В марте (20) 1672 г. Новая Аптека была переведена на другое место: «на новом гостине дворе — где Приказ Большого приходу, очистить полаты, а в тех полатах указал Великий Государь построить аптеку для продажи всяких лекарств всяких чинов людем, а Приказу Большого приходу быть — что наперед сего был Приказ Новые Четверти — в Китае-городе ниже Троицы под горою»[10]. О местонахождении Аптеки на Новом Гостином дворе узнаем из «словского извещения» сторожей Гостиного двора Алешки Федорова с товарищи от 1675 г. 13 сентября в Приказе Большого приходу: «Нового де гостина двора на передних воротах под шатром в трех палатах до пожару — Апреля до 20 числа 184 году жил аптекарь Иван Иванов (иначе Яган Гутменш)*; да промеж де новой Аптекарской полаты и шатра поверху анбаров на сводах построена была деревянная баня; да под анбарами подле ворот в дву погребах — лед». После пожара аптекарь Гутменш... с Гостиного двора съехал, и на его место в 2 палатах поселился лекарного дела ученик Васька Михайлов. Три амбара и один погреб Яган Гутменш занял своей рухлядью и питьем; другой погреб оставался под льдом. Третья верхняя палата под шатром в пожар вся выгорела. «А от тех де погребов, которые заняты со льдом, и от бани в пожар, в полатах, и в сенях под шатром, и в анбарех стены и своды во многих местех попортились, и у ворот, ныне от того анбара — в котором лед был — от пошвы до верхних сводов розселась». Яган Гутменш при допросе отказался поселиться вновь в палатах над воротами, хотя заметим, что «без человека де у аптеки быть некоторыми делы не мочно». На этом основании последовал указ все деревянные постройки — амбар и дворик, которые Яган Гутменш построил подле выгоревших, все «з гостина двора свести»[11]. О лекарском ученике Ваське Михайлове никакого постановления не было; очевидно, он оставался жить при Аптеке. Для уяснения положения Аптеки на новом Гостином дворе нелишне привести еще одно документальное свидетельство: в 1673 г. лавка, «последняя к Новой Аптеке» по Ильинке (одна из тех, которые примыкали к Гостиному двору со стороны улицы), была взята к Аптеке. Через эту «крайнюю лавку на Клинской Крестец» сделаны «проходные двери в Питейную палату». Впоследствии эта лавка оказалась ненужной, и дверь из нее в Питейную палату была замурована кирпичом[12]. Таким образом выясняется, что Аптекарская палата занимала часть нового Гостиного двора до угла Ильинки и Введенского (Клинского Кресца), ныне Рыбного переулка, вдоль этого переулка, до ворот, выходящих в переулок. В угловой части здания находилась питейная палата и др. помещения Аптеки, далее следовали 3 амбара, 2 погреба до самых ворот, и над воротами жилые помещения из 3 палат. Такое положение Новой Аптеки подтверждается и другими данными.

---

[10] Там же. № 476. С. 450.
* [Замечание автора]
[11] Материалы. СПб., 1885. Вып.IV. № 1319. С. 879, 880.
[12] Там же. № 1346. С. 896.

Из указа 18 февраля 1673 г. видно, что Новая Аптека, кроме лекарств, вела еще торговлю водками и спиртами[13], что представляло главную доходную статью. Уже по смете первого года деятельности Новой Аптеки 1673 г. потребовалось 15214 ведер вина, доставлявшегося...* из Черкесских городов. Из того числа на перепуски, т. е. изготовление высших сортов вина и спирта — 7607 ведер. Чистой прибыли за шесть месяцев 1673 г. от продажи водок и спиртов было получено 5194 р. 10 д.[14] Этих средств было достаточно не только на покрытие расходов, но и на расходы по Старой Аптеке. Водки изготовлялись разных сортов: коричная, гвоздичная, анисовая, помераная, померанцевая, цветочная, из дерева сасафрану гулядная, апойлектик, ангандина, бетоника, витиматиоли и др. и разных сортов спирты[15]. Для изготовления этих сортов водок и спиртов были отведены специальные помещения: «Против Аптеки (Новой), подле Посольского двора построен Греческий двор, и на том дворе построена поварня, да два ледника, да два амбара каменные, да сделана каменная кладовая камора, где класть аптекарские запасы и зборные аптекарские деньги».

В 1676 г. Посольский приказ заявил претензии на эти помещения, потому что они «надобны к Посольскому приказу». Приказ Большого прихода потребовал очищения помещений амбаров и погребов, занимавшихся аптекой на Гостином дворе. Но приведенные в докладе цифры доходов Новой Аптеки показались настолько убедительными, что все эти помещения и на Гостином дворе и «на Греческом дворе, что приделаны к Посольскому двору» были сохранены за Аптекой[16]. Греческий двор указан в переписной книге Москвы 1638 г. на Ильинке между Посольским и Гостиным дворами[17].

О помещениях третьей Аптеки, устроенной в 1682 г. указом царя Федора Алексеевича у Никитских ворот при первом гражданском госпитале «для того, что со всяким рецептом ходить в город не удобно»[18], сведений не имеется.

III

Продолжая обозрение построек Аптекарского приказа, перейдем теперь к аптекарским садам, огородам и дворам. Аптекарские сады и дворы были весьма важными вспомогательными учреждениями Аптекарского приказа: здесь разводились лекарственные травы и находились хозяйственные, складские и жилые постройки. В Москве известно три сада. Самый древний сад и огород по реке Неглинной у Каменного моста, что у Троицкой башни. Второй сад за Мясницкими воротами с 1676 г.; третий сад и двор под Ново-Немецкой слободой упоминается в конце столетия. Наконец, уже с

---

13 Там же. Вып. II. № 499. С.482.
* [Далее одно слово не разобрано.]
14 Материалы. Вып. IV. № 1332. С. 889—890.
15 Там же. Вып. II. № 529. С. 532—535.
16 Там же. Вып. IV. № 1332, 1336. С. 880, 881—882.
17 Росписной список города Москвы 1638 года // Труды Московского отдела имп. Русского Военно-Исторического общества. М., 1911. Т. 1. С. 15.
18 *Новомбергский Н.* [Врачебное строение...]. С. 156.

50-х годов идут сведения о разведении некоторых лекарственных растений, «"всякие розные цветы" по указанию доктора против того, как построено в Обтекарском саду»[19]; в Кремлевских дворцовых Верхнем и Нижнем садах[20]. В 1677 г. в ведение Аптекарского приказа отошел двор с садом и огородом Артамона Сергеевича Матвеева «за Покровскими вороты за Земляным городом, по правую сторону Басманныя слободы, идучи из города у земляного валу»[21]. Но разводились ли там лекарственные травы — нет указаний. Наконец, Новый Аптекарский двор с одними постройками без огорода, с 1670 г. возник на Смоленской улице.

Вне Москвы существовал еще ряд аптекарских садов (в селе Измайловском, Покровском, в с. Воробьеве (Троицко-Сергиева лавра) и др.).

Из всех московских дворов только два — у реки Неглинной и на Смоленской улице — находились в тесной связи с Аптекарским двором, отличались некоторой необычностью своих построек, сверх того, только о них имеются сведения, позволяющие охарактеризовать подробнее их местоположение и постройки на них.

Расположение старого Аптекарского двора точно определяется по сохранившимся планам: он находился между Троицкими и Боровицкими воротами по р. Неглинной, там, как коротко определяют документы, сад, «что у Каменного моста» (т. е. у Троицких ворот). Предположение Новомбергского, будто этот сад находился по обеим сторонам Каменного моста[22], не только ничем не подтверждается, но прямо опровергается планами. Планов этого сада и двора сохранилось несколько. С одной стороны сад близко подходит к реке Неглинной, с противоположной его отделяет от нынешней Моховой (раньше называлась «улица, что ведет с Знаменки на Смоленскую») ряд стрелецких дворов. Со стороны Смоленской к нему прилегали дворы «Крестовых дияков» (на месте [владений] князя Гагарина, что против Манежа), затем переулки, церковь Николая Чудотворца в Сапожках (сожжена в 1846 г.)*... и дворами попов и дьяконов. По описанию 1676 г. на Аптекарском дворе оказались следующие постройки: 3 избы хлебенных, разделенных сенями, над ними сушило да позади амбар; поварня мерою в 7 сажен; три погреба дубовых с каменными окнами; один погреб с напогребицею; меж погребами сарай 35 сажен; три конюшни со стойлами; 9 изб для дворовых людей[23]. Эти постройки были возведены в 1670 г. после большого пожара этого года[24]. Об отделке одной из изб, «столярской», где жил столяр Анц Меллер, есть некоторые сведения: в ней было 8 красных окошек, окна и двери обиты войлоком; печь была сделана из «муравлиных зеленых изразцов».

---

19 Материалы. СПб., 1884. Вып. III. № 708. С. 667; Вып. IV. № 1672. С. 1287.
20 *Новомбергский Н.* [Врачебное строение...]. С. 131—136.
21 Там же, С. 136; Материалы. Вып. IV. № 1389. С. 140—141.
22 *Новомбергский Н.* [Врачебное строение...]. С. 136.
* [Далее одно слово не разобрано.]
23 Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. II. С. 50.
24 Материалы. Вып. II. № 450. С. 405—415.

Еще в 1657 г. (мая 16-го) было указано перенести двор и огород от Каменного моста за Мясницкие ворота в огородную слободу на пустые места[25]. Тем не менее двор у Кремля и сад продолжали существовать. В 1676 г. (февраля 18) вновь было указано «тот старой аптекарской двор со дворовым строеньем отдать во дворец и быть саду»[26]. Этот указ основывался на том, что на Смоленской к этому моменту была уже вполне закончена постройка Нового Аптекарского двора. Сад и огород у Неглинной продолжал тем не менее существовать все столетие и даже в 1701 г. Около него со стороны Неглинной были построены «новые дубовые обрубы с тарасами... и з гудковыми перилами»; набережная была заново украшена и устроена весьма основательно[27].

Новый Аптекарский двор, «что на Смоленской улице».

С переходом Аптекарского двора в ведение Тайного приказа, кроме изготовления и хранения на нем всяких лекарственных продуктов, он стал играть роль складского и распределительного пункта для «столовых запасов», поступавших в Москву из государевых владений: здесь хранились говяжье и свиное сало — тушами и ломтями, гуси, утки, куры (битые и живые), рыба, икра, ягоды, орехи, грибы и в огромном количестве мед и вино. По указам государевым Аптекарский двор расходует эти продукты: на Потешный двор в Семеновское, на жалованье и награды разным лицам, на корм стрельцам и нищим, принимая на себя в последнем случае функции поварни и столовой. Приспособив Аптекарский двор для новых целей, Тайный* приказ начинает расширять и отстраивать Старый Аптекарский двор. В 1662—63 г. на Аптекарском дворе поставлены [были] две новые избы[28] и третья саженная изба[29]. Весь этот ряд фактов и их связь верно излагается Заозерским. В 1669—70 г. построены избы «для кормки нищих и соленья свиных мяс и рыбы, и над сушилом** и на дворовую починку»[30]. Но то, что он говорит далее, основано на ошибочном смешении старого и нового Аптекарских дворов. «Вместе с тем», продолжает Заозерский, «в разные годы к тому же двору было приобретено 6 частных дворов, где также строились полаты с погребами для оптекарских всяких запасов»[31].

Наконец и эти постройки перестали удовлетворять потребности и «пришлось обратиться к радикальной мере — постройке Нового Аптекарского двора» (в 1674—75 г.). «Новый двор по размерам был одинаков с Старым — 27 и 3 саж., но гораздо лучше приспособлен был к своему назначению»[32]. На самом деле здесь смешаны

---

25 Там же. № 289. С. 206.
26 Записки Отделения русской и славянской археологии.Т.II. С.50.
27 [РГАДА (далее название архива опускается). Ф. 143. Аптекарский приказ. Оп. 3. Д. 499. Л. 2, 5, 7 и сл.].
* [В автографе зачеркнуто.]
28 РИБ. СПб. 1904. Т.23. Стб. 440.
29 Там же. Стб. 494.
** [На полях, не зачеркнуто.]
30 РИБ. СПб., 1907. Т.21. Стб. 307.
31 *Заозерский А. И.* [Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917]. С. 230—231.
32 Там же.

два Аптекарских двора — Старый, что у Каменного моста на реке Неглинной, и Новый на Смоленской. Все вышеприведенные факты о постройках в 60-е годы относятся к старому двору, и 6 покупных [якобы] дворов в районе Смоленской, конечно, к старому двору отношения не имели. Кстати сказать, из шести дворов только два были бояр И. Б. Милославского и С. М. Головина (на противоположной стороне Смоленской улицы). Были куплены прочие дворы попали в ведение Тайного приказа не путем покупок, и по всяким иным обстоятельствам, которые ясны из документов, на которые Заозерский ссылается.

Новый Аптекарский двор был построен на покупном дворе боярина И. Б. Милославского. Прочие дворы вышли из ведомства Аптекарского приказа, и никаких погребов и проч. на них возведено не было, что ясно из описи строений на них[33]. Новый Аптекарский двор, «что на Смоленской улице* подле монастыря Воздвижения Честного Креста Господня», упоминается впервые в 1670 г.[34], был построен на покупном поместье боярина Ивана Богдановича Милославского, каким Милославский был пожалован в 1670 или 1671 г.**...

Общее положение пожалованного двора боярина Ивана Богдановича Милославского на Смоленской выясняется из следующего плана[35]: здесь мы видим двор боярина Василия Ивановича Стрешнева на углу Смоленской и нынешней Моховой (где теперь Архив МИД). Далее по Смоленской через Шуйский переулок (ныне Ваганьковский) на углу этого переулка и Смоленской (на месте, позже занятом домами Казенной палаты) — двор боярина И. Б. Милославского. По Смоленской от «пяточка» на 35 сажен (как и на других планах) [двор] примыкает к Воздвиженскому монастырю; с ним он соприкасается [сзади] по этому плану на $2\,{}^{1}/_{2}$ сажени. По Шуйскому [переулку] он тянулся на ${}^{1}/_{4}$ сажени. Сзади к нему примыкали дворы Петра Хитрово и подъячего Анисима Недовескова[36]. Ворота изображены с Шуйского переулка, а не со Смоленской, как на других планах. На плане каменная палата (богадельня)***... ${}^{1}/_{2}$ ар. на 4 сажени (к Шуйскому переулку и поместью Петра Хитрово). Рядом с палатой еще какое-то строение, которое едва ли можно считать каменным. Другой план[37] изображает тот же двор, до возведения на нем зданий Аптекарского двора, имеет несколько иной вид****. [Измерения] двора несколько иные, ворота со Смоленской, строение без названия на плане, примыкающее к Шуйскому (8 на 4),— это каменные палаты; затем здесь мы видим, кроме того, деревянные жилые постройки: горницу с комна-

---

33 РИБ. Т. 21. Стб. 201—205.

* Впоследствии Воздвиженка.

34 *Новомберский Н.* [Врачебное строение...]. С. 138—139.

** [Далее в автографе зачеркнуто 5 строк.]

35 [Древнерусская картография. Вып. 1. Планы г. Москвы XVII века. М., 1898]. С. 26.

36 Там же. С. 27.

*** [Далее одно слово не разобрано.]

37 [Древнерусская картография. Вып. 1.] С. 36.

**** [Далее в автографе 3 строки зачеркнуто.]

той, двойню с сенями рядом с погребом и сарай над погребом. Со стороны Воздвиженского монастыря строения, из которых одно названо поварней. Со стороны Смоленской неподалеку от ворот — может быть, воротная изба. Среди двора колодезь. Оба эти плана изображают двор до построения Аптекарских палат, погребов и проч., но были ли это строения собственного покупного двора Милославского, или в первозданный вид двора были внесены изменения,— судить нет оснований*; вероятнее всего, что таковы были постройки на дворе боярина Милославского. Указания на эти постройки мы находим и в другого рода документах.

В сентябре 1671 г. было указано на Новом Аптекарском дворе в двух этажах (с горницами и комнатами) поселиться доктору Лаврентью Блюментросту, в третьем этаже (горницах и комнатах) — алхимику Гансланту; во все эти жилые помещения было куплено в красные большие окошки 17 окончин слюдяных, мерою в $1\,^1/_2$ аршина на 1 аршин и на $^3/_4$ аршина[38]. В августе (16 дня) 1672 г. «на Новом Аптекарском дворе, что на Смоленской улице, в палатах шел молебен». В тот же день в эту палату был куплен дубовый стол в длину $3\,^1/_2$ аршина, в ширину $1\,^1/_4$ аршина, за что Лопотеину Семену торговому человеку, Лучке Ерофееву заплачено 2 р. 8 алтын 2 деньги.

Здесь также организована была продажа всяких лекарств, для чего сюда были присланы двое [весов] медных и фунт, вешались «...** и поставцы на всякие [скляжнины] снасти» и проч. В то же время производились какие-то постройки каменные и деревянные, для чего свозились [картон], железо на связи, отпускались средства на всякие «избные расходы». Однако в следующие годы здесь производятся крупные постройки, изменяется весь вид двора.

В 1672—73 г. составляются сметные росписи «построек Аптекарского Двора»[39], а с начала 1674 г. начинается заготовка всех необходимых для постройки материалов: в январе (25-го) группа крестьян с. Измайлова подрядилась перевезти из Хамовнических сараев по зимнему пути на Новый Аптекарский двор 500 000 кирпича по 8 алтын 2 деньги с тысячи (всего 125 рублей)[40]***.

13 февраля 1674 г. заключены подряды на поставку 2000 свай[41], в марте (15) этого же 1674 г. подряд на поставку 2000 возов глины, 4000 возов песку (по 2 рубля «от ста возов»)[42]. Известь, белый камень и бут возили из Пахрина и Мягкова[43], в марте же были куплены необходимые для постройки: 5 чанов больших, 5 кадок сосновых, 30 ушатов, 20 ведер, 100 шаек, 100 ночевок, 100 лубов, 200 ужищ; за все это и за провоз заплачено

---

* [В автографе зачеркнуто.]
38 Материалы. Вып. III. № 1048. С. 811.
** [Одно слово не разобрано.]
39 РИБ. Т. 21. Стб. 758.
40 Там же. Т. 23. Стб. 223.
*** [Далее зачеркнуто 5 строк.]
41 РИБ. Т. 23. Стб 245.
42 Там же. Стб. 273.
43 Там же, Стб. 276, 361.

17 рублей[44]. В июне 1674 г. (24.VII) была составлена подрядная запись с артелью каменщиков на постройку Нового Аптекарского двора. Артель состояла из 50 человек; нескольких посадских людей (...)*, 2—3 тяглецов дворовых каменных дел и...** крестьян Ярославского и Костромского уездов разных частных владельцев. Мастера поручились «друг по друге круговой порукой», что им возвести все предусмотренные договором постройки в течение 1674 и 1675 гг., работая «по вся дни безпрестанно, опричь воскресных и Господских праздников»[45]***.

Из обязательств укажем одно: «а которому нашему каменному строению впредь до десяти лет какая поруха учинитца, и нам те палаты вновь построить за тем же подрядом, не отимаяся никакими делы»[46].

Стоимость работ определена была в 1500 рублей деньгами и запасами: 250 четвертей муки ржаной, 50 четвертей сухарей, 25 четвертей круп овсяных, 20 четвертей толокна, 10 четвертей гороху, 50 пудов соли, 20 пудов масла коровьего, 5 ведер конопляного масла, 150 пудов ветчины, 50 пудов рыбы соленой — белуги, 50 пудов осетров, 10 пудов икры, 200 сазанов, 5 ведер рыбьего жира, 100 ведер вина, 50 четвертей ржаного и ячного молотого хлеба. Деньгами и запасами взять вперед треть всего, остальное по частям в разные сроки и в зависимости от хода работ[47].

В 1675 г., поворотном, произошло расширение первоначального плана (в чем заключалось это расширение, выясняется далее) и был заключен новый подряд на поставку еще 800 000 кирпича**[48].

К осени 1676 г. (октябрь) палату крыли жестью и черепицей, плотники производили внутреннюю отделку: мостили мост, делали ставни, столы, скамьи и проч.[49] Несколько позднее происходило устройство внутренней обстановки, отдельные указания на это встречаем в приходо-расходных книгах Тайного приказа (см., например, про покупку чернильниц)[50].

Первоначальную планировку и внешний вид зданий, предусмотренных планом 1673 г., мы видим изображенными на нескольких планах, до нас дошедших. Мы имеем план основных зданий Нового Аптекарского двора, занятого погребами и подвалами, и два чертежа этих зданий в вертикальном их сечении,— но вместе с тем и [создают] некоторое представление о их фасаде. Впрочем, для некоторого уразумения, ввиду их своеобразия, необходимо сопоставить [чертежи], т. к. только таким путем можно до некоторой степени представить себе расположение помещений в них.

---

[44] Там же. Стб. 274—275.
* [Далее в скобках 6 слов не разобрано.]
** [Одно слово не разобрано.]
[45] РИБ. Т. 23. Стб. 331—334.
*** [Далее 2 строки зачеркнуты.]
[46] РИБ. Т. 23. Стб. 336.
[47] Там же. Стб. 335—336.
**** [В рукописи зачеркнуто.]
[48] РИБ. Т. 23. Стб. 377.
[49] Там же. Стб. 387, 389.
[50] Там же. Стб. 1389.

В основании главного здания, занимавшего задний план двора, находились теплые погреба и ледники. Три погреба длиной 8 сажен, шириной по 3 сажени примыкали к Шуйскому переулку. Через проезд со сводами в 3 сажени шириной находились три других погреба по 7 сажен длиной и по 3 шириной. К правому концу здания, образуя с ним угол, примыкали 6 ледников по $4\,^{1}/_{2}$ сажени длиной и по 4 шириной; на плане, изображающем эти погреба и ледники, все они начерчены в одну линию*. Над теплыми погребами были расположены два этажа палат; над ледниками большая палата «для кормов».

На правой стороне двора (к Воздвиженскому монастырю) через некоторый промежуток во всю ширину двора находились: поварня, пивоварня, далее два ледника, а над ними две палаты «под запасы».

Для истолкования этих планов полезна подрядная запись с артелью каменщиков. Артель подрядилась выстроить пять теплых погребов; обращаем внимание на то, что строились вновь только 5 погребов, а на плане их изображено шесть. Объясняется это тем, что при постройке были использованы уже существовавшие на дворе палаты, принадлежавшие ранее боярину И. Б. Милославскому, в основании которых уже был один теплый погреб; к этим палатам производилась пристройка.

На плане двора, до возведения на нем новой постройки, видно, что от палат до Смоленской было расстояние в 26 саженей; после же постройки осталось 19 (на одном плане) — 20 (на другом); очевидно, эта пристройка была призведена с внутренней стороны двора. Далее в подрядной записи читаем: «промеж тех (погребов) и старого погреба (ясно говорится о существовании одного старого погреба) проезд длиною двенадцати сажен, поперег три сажени; над теми погребами полаты середние, пять житей (т. е. пять отдельных помещений), мерою против погребов...** (по 3 на каждой половине по обе стороны прохода). Да над теми середними полатами зделать две полаты ж большие, изверстав к старой палаты столпами»[51]. (По одной на каждую половину.) Отсюда можно заключить об обширности двух верхних палат (по равной мере 8×12). Ясно отсюда, что во втором этаже...*** старую палату, было всего 3 палаты. Далее: «над проездом меж тех полат (т. е. во втором этаже) сени на двух сводах; вышины в них по две сажени»[52] (и высота была достаточно большой), переходя к этой части главного здания, которая стояла к нему под прямым углом, мы видим...**** над ледниками только один этаж, занятый одной обширной палатой.

Об этой палате в описи Аптекарского двора от 18 февраля 1676 г. говорится: «Да на Новом же дворе от Шуйского переулка полата мерою в длину 10 сажен с пол-аршином поперег, 7 сажен,

---

* [Написано над строкой.]
** [Далее в скобках 5 слов не разобрано, после них стоит цифра 6.]
51 РИБ. Т. 23. Стб. 333—334.
*** [Далее одно слово не разобрано.]
52 РИБ. Т. 23. Стб. 334.
**** [Далее одно слово не разобрано.]

которое поставлено для кормов всяких чинов людей, а в них в 14 окнах ставни большие на наврах, а в них 4 окончины средних стеклянных, слюдяных то ж; в полате ж поставец 3 сажен, другой полторы сажени, а в ширину же поставцы по аршину; у них по две степени шириною по аршину ж; в этой же полате мост намощен байдашными досками длинными, да в ней же поставлено 30 столов по 6 и по 5 и по 4 и по 3 аршина стол.

Да в ту ж меру 60 скамей. Да в той же полате сделана печь кирпичная большая с кожухом и с каменницею.

Да у той же полаты крыльцо на время, и лестница деревянныя, шириною двух сажен и покрыта».

Да под тою ж полатаю 3 погреба с выходы и с дверми деревянными створными на железных жуковинах, да в погребах же в окнах 5 окончин стеклянных»[53].

Погребов под палатой «для кормов» было не три, а 6, как ясно из чертежа основания и подрядной записи: по 3 с каждой стороны.

Назначение остальных палат главного здания выясняется до некоторой степени из той же описи Нового Аптекарского двора. Но расположение их не ясно. Здесь была казенная палата, палата, в которой кормили певчих, палата, разгороженная «кирпичем на двое, в одной построены горны и куб, где быть водочному сиденью и винной двойке», «а в другой стороне те водки, и пастилы, и виноград, и арбузные полосы ставят»[54]. Об одной палате просто сказано: «верхняя палатка». Назначение остальных не указано. На фасадном плане названа «кистенная палата»; есть ли это одна из названных выше в описи палат или одна из них, назначение которых не указано,— неизвестно.

Устройство и местонахождение «всходов» и лестниц неясно. На плане изображен только внешний «всход» в палаты.

На правой стороне двора поварня и пивоварня; к ним примыкали ледники, над которыми находились «палаты под запасы». Они изображены на плане. Крыты были здания тесом и дранью. Кирпич, трубы с фигурными колпаками и украшениями наверху.

Стены в палатах в первом этаже — $2\,^1/_4$ аршина толщины, в верхних — 2 аршина. Погреба глубины в $1\,^1/_2$ сажени, ледники $2\,^1/_2$ сажени, своды в погребах каменные, в ледниках и полатах — кирпичные[55]. Деревянных строений на дворе было 5 амбаров в 3, 4, 5 саженей; один с сушилом наверху, один для изготовления в нем туесов («в нем ягодный сбор»), один для строительных материалов. Воротная изба, кузница, вероятно...* колодец.

Двор обнесен со стороны Смоленской и Шуйского каменной оградой. Ворота со Смоленской — одни большие на железных «жиковинах» с калиткою, другие — «об одном щите поменши»[56].

О дальнейшей деятельности Нового Аптекарского двора известно только, что там устроена была продажа аптекарских товаров, но

---

[53] Записки Отделения русской и славянской археологии... Т. II. С. 48—49.
[54] Там же. С. 47—48.
[55] РИБ. Т. 23. Стб. 334.
* [Далее одно слово не разобрано.]
[56] Записки Отделения русской и славянской археологии... Т. II. С. 49.

глав[ный]...* из приходо-расходных и записных книг и столбцов Тайного приказа выясняет его вспомогательную роль в хозяйстве названного приказа.

Сохранился еще один план, намечавший новое расширение Аптекарского двора[57]. Но был ли осуществлен этот проект — неизвестно.

Вот все имеющиеся в нашем распоряжении сведения о местоположении и строениях Аптекарского приказа и подведомственных ему учреждений.

IV

В нашем распоряжении не имеется ни цельного описания внутреннего устройства аптек, ни точной росписи их обстановки. По отрывочным же отдельным данным можно составить себе лишь общее представление об этом.

В составе [помещений] аптек документы называют следующие палаты: «дохтурские палатки», «где сидели по указу Великого государя дохтуры для письма рецептов и совету о болезнях приходящим больным»; «лекарственная продажная палата»; казенка на [переках], или казенка, где составляют лекарства,«что называется фанарь», алхимические палатки «с печами для приготовления аптекарского масла, духов и всяких лекарств новых статей; палатка ([может быть] две) спиртовой отдачи; перепущиковая палата или изба с сенями, чулан, где была «запасным аптекарским стеклянным судам», сушило для сохранения лекарственных трав; называется еще материальная казенка[58].

До нас дошел в делах Тайного приказа один чертеж, который, может быть, был только проектом, но все же он суммирует только что сделанный перечень аптекарских помещений, какие можно установить документально. Этот чертеж изображает «основание Аптекарских палат в три этажа. В нижнем этаже изображено 7 житей: 1) "палата, где составливать всякие лекарства"; 2) "палата, где быть всяким сосудам"; 3) "палата, где сходиться на совет дохтурам"; 4) собственно "аптека", со столом посредине и "ящиками, где быть лекарствам"; сюда вел вход, и здесь посетители покупали лекарства. Далее следует: 5) "палата, где быть аптекарям"; 6) "палата, где жить женам аптекарским"; 7) "поварня и перепускная палата". Чертеж отмечает, что во втором этаже должно было быть 8 [житей], в верхнем 5 [житей]; а "поверх третьих палат 5 разделов равных от устраения и составу лекарств на солнце"»**. Ни старая, ни новая аптеки не соответствуют этому чертежу ни по расположению помещений, ни по их размерам, ни по внешнему виду. Это, по-видимому, только проект, но он во всяком случае суммирует и развивает в стройном виде то, что отчасти существовало в московских аптеках того времени. В Новой Аптеке были такого же рода палаты, но только расположенные иначе и не в одном здании.

---

* [Далее одно слово не разобрано.]

57 [Древнерусская картография. Вып. 1] С. 34—35.

58 Ф. 16. Госархив. Разряд XVI. Д. 320. Ч. 1 (приходо-расходные книги) [Л. 17, 86 об.-87, 97 об., 98 об., 105].

** [Ссылки нет.]

В какой мере проект соответствовал Старой Аптеке в Кремле, судить еще труднее по недостатку хотя бы частичных о том указаний документов.

С внешней стороны Старая Аптека, помещавшаяся в [одном] здании с Оружейной палатой и Приказом Большого дворца, отличалась теми же чертами и особенностями, как и все кремлевские постройки того времени, что можно найти у исследователей архитектуры этого времени. Потолки были сводчатыми, переделанными в 1658 г. по «новому обрасцу»[59].

В 40-х годах был реконструирован в сенях Аптекарского приказа и «в алхимической казенке, где перепускают всякие водки и масла», кирпичный пол[60]. Позднее (в 1664 г.) «мост» (пол) в Аптекарской палате был выстлан железными «лещадами», для чего из Приказа Большого дворца было отпущено 150 железных лещадей. Окончины слюдяные к концу столетия заменены были стеклянными[61]. Стены Аптекарских палат были расписаны, камень покрыт резьбой. В 1658 г. царь указал: «Аптекарский Приказ писать стенным письмом, а для того дела,— указывал Государь,— взять стрельцов, которые пишут барабаны да два человека стрельцов, которым резать камень»[62]. От 1660 г. другое известие о том, что «знаменщик Ив. Соловей расписывал стенным письмом Аптекарский приказ»[63]. Окна и двери обивались сукном, лавки и столы также покрывались сукном. 1614 г. (октября 4) в Аптекарский приказ на обивку стен, лавок и дверей было отпущено 23 $^1/_2$ аршина сукна червчатого и зеленого «инбарского»[64], на новый стол — 4 аршина «сукна настрафилю светло-зеленого»[65]. Сукно нередко менялось. Так в 1658 г. (в октябре) из Казенного приказа было отпущено для той же цели сукно английское доброе червчатое и зеленое[66]. В 1670 г. вновь было отпущено на обивку стен и лавок такое же сукно и 3 аршина «сукна багрецу доброго» на стол[67]. Столы, полки и лавки потому «настилались», а также [покрывались] самым добрым сукном, что на них ставились суды, в которых «про Великого государя лекарства наряжены»[68]. Шкатулы, скрыни, сундуки часто покупались на рынке, но иногда изготовлялись специальным мастером. Так в 1670 г. (в июле) Оружейной палаты столяр Ян Меллер в особо отведенной и хорошо устроенной для него избе на Старом Аптекарском дворе (о чем было уже сказано) должен был заниматься изготовлением «про аптекарской Великого государя обиход шкафы, поставцы, скрыни, в чем всякие лекарства ставить». Тогда же (августа 14) ему было отпу-

---

59 Материалы. Вып. II. № 291. С. 209.
60 Там же. Вып. I. № 163—166. С. 57—59; Вып. II. № 241. С. 131.
61 [Ф. 143. Аптекарский приказ. Оп. 3. Д. 374. Л. 1.]
62 Материалы. Вып. III. № 889. С. 726.
63 *Забелин И. Е.* Указ соч. Ч. 1. С. 191.
64 Там же. С. 636.
65 Там же. С. 668.
66 *Новомбергский Н. Я.* [Материалы по истории медицины в России. СПб., 1906. Т. II. С. 4. № 10, 11. Далее: *Новомбергский Н. Я.* Материалы...]
67 Там же. С. 11—12. № 25, 26.
68 Там же. № 29, С 13.

щено 5 1/4 пудов сандала красного «в котором делать те шафы»[69]. К поставцам делались суконные завесы[70]; гнезда в ящиках и скрынях, где ставить лекарства про государя, оклеивались атласом червчатым или оклеивались [цветными листами][71]. Самые суды закрывались «кровельками» из камки червчатой[72].

Стеклянная посуда, употреблявшаяся в царевой Аптеке, отличалась росписью. Из стекла собственного производства сюда шло исключительно измайловское стекло, известное своим качеством приезжавшим в Москву иностранцам, например Кильбургеру[73]. В документах измайловское стекло всегда фигурирует с эпитетом «чистое измайловское стекло», как его особенность по сравнению с другими сортами стекла. Иногда (в 1676 г.) Измайловский завод изготовлял узорную посуду по особым образцам [для государева] аптекарского обихода[74]. Было в обыкновении расписывать посуду золотом. Так в 1671 г. (май) государь пожаловал золотописца Дмитрия Степанова сукном и дорогими ясками «за его многие труды для того, писал он, Дмитрей, в Оптекарской полате поставец золотом и серебром на скоро, в котором ставить лекарства про обиход великого государя; да он же, Дмитрей, в Оптекарской же полате писал склянишные многие сосуды золотом же и серебром разными образцы, в которых наряжать лекарства про обиход же великого государя»[75]. От первых лет XVIII столетия такие есть упоминания о мастере, который был занят «живописным письмом», «подписывал» столы, скляницы и иную стеклянную посуду[76]. Помимо стеклянной посуды местного производства, иноземцы, ездившие в иноземные страны, привозили оттуда про царский обиход скляницы. Так в 1672 г. аптекарь Роман Биниян между прочим закупил «за морем в аглинской земле» и провез в Москву «два сундука с скляницами золочеными»[77]. А так как эти закупки постоянно повторялись, то и царская Аптека постоянно пополнялась лучшими экземплярами стеклянной посуды. Иностранцы, которым удавалось побывать в царской Аптеке, удивлялись пышности ее обстановки, особенно отмечали роскошь стеклянной посуды. Так один иностранец (Шлейссинг) говорит, что он «никогда не видывал столь превосходной аптеки»; «фляжки, карафины были из хрусталя шлифованного, и крышки на оных и края выложены были красивою позолотою»[78]. Даже Корб (1698 г.), указывая на недостатки снабжения аптеки лекарствами, признает, что «склянки с разными мазями,

---

69 Материалы. Вып. II., № 150. С. 408, 410.
70 *Новомбергский Н. Я.* Материалы... Т. II. С. 14. № 31.
71 Материалы. Вып. II. № 450. С. 412; *Новомбергский Н. Я.* Материалы... Т. II. С. 13. № 29.
72 *Новомбергский Н. Я.* Указ. соч. С. 12—14. № 28, 31.
73 *Курц Б. Г.* [Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915]. С. 118.
74 Материалы... Вып. IV. № 1305. С. 872.
75 *Забелин И. Е.* Указ. соч. Ч. 1. С. 673.
76 Ф. 16. Госархив. Разряд XVI. Д. 320 (приходо-расходные книги). [Уточнить ссылку в предалах 1709 г. не удалось.]
77 Материалы... Вып. II. № 496. С. 470.
78 *Рихтер В.* [История медицины в России. М., 1820. Ч. 2. С. 142 и примеч. 1 на этой же странице].

хрустальные сосуды, аптекарские инструменты внешним блеском прельщают глаза»[79].

Иногда в Аптекарские палаты попадали предметы, уже совсем необыкновенные для приказной обстановки. Так в 1675 г. (в марте) из Посольского приказа были присланы туда «кресла костяные да стулец, покрыт бархатом красным» из Казенного приказа, в 1676 г.— часы столовые и два хрустальных зеркала[80]. Змеев еще отмечает разноцветные стекла в окнах, бархатные ковры на подоконниках, чучела павлинов, глобусы и прочее[81]. Вся эта обстановка оставляет впечатление сочетания московского с иноземным, впечатление пышности, имея в виду высоких пациентов Старой аптеки — царя и его семью[82].

V

Из предметов обстановки Аптеки особого упоминания заслуживают книги и посуда. Книги были обязательной принадлежностью, и в документах встречаются прямые указания на их нахождение в аптеках на специальных полках, «куда класть дохтурские книги». Змеев насчитывает до 29 видов медицинских книг, обращавшихся в московских аптеках, тем более [обычные] и многочисленные были травники. В 1673 г. (июня 13) к великому государю в поход в село Преображенское было отпущено 9 книг травников, частично в переплете, частично в тетрадях,— «все книги на словенском языке», в некоторых из травников «травы назнаменены и расцвечены» и «подписываны»; назывались они травниками или зельниками дохтура Симона Сиреннисуса[83]. Другими популярными руководствами были «Книга лекарская» Ивана Черни (перевод с польского издания 1517 г.), «Прохладный Вертоград» (с польского издания XVI в.)...*, «О рождении и плодозачатии», «Сказанье о немощах человеческих» и проч.[84] «Дохтурские книги» привозились с собой «дохтурами»[85] и покупались в иноземных странах и при всяких иных случаях. В 1678 г. лекарю Витешу Горстеку, посланному в немецкие города для приглашения лекарей и докторов и закупки аптекарских запасов, вместе с тем поручено было «в Вильне да во Гданске купить две или три книги лутчих творцов, которые писали о лекарском [деле] на польском языке, а на иных языках опричь польскаго не покупать»[86].

Однако же в употреблении были книги и на других языках. Так в 1670 г. у старца Аникиты Лужицкого монастыря бы-

---

[79] *Корб И. Г.* Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, после императора Леопольда I, к царю и великому князю Московскому Петру Первому в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоанном Георгом Корбом. М., 1867. С. 253.

[80] *Новомбергский Н. Я.* Материалы... . Т. II. С. 15—16. № 36, 37.

[81] *Змеев Л. Ф.* Чтения по врачебной истории России. С. 217.

[82] *Новомбергский Н. Я.* Врачебное строение... . С. 142. [Часть ссылки — на другую литературу — не разобрана.]

[83] Материалы... .Вып. III. № 1277. С. 839; Вып. IV. № 1348, С. 897—899; № 1584. С. 1191.

* [Далее не разобран текст в скобках над строкой — 4 слова.]

[84] *Новомбергский Н. Я.* Врачебное строение... . С. 230.

[85] Материалы... . Вып. IV. № 422. С. 1001.

[86] Там же. № 458. С. 1077.

ло куплено 6 книг «латинского и немецкого языку»[87]. В Аптекарском приказе был специальный переводчик этих книг. Так в 1662 г. такой переводчик Христофор Синарадцкий переводил на словенский язык латинскую книгу «Pharmacopoeia medikochymica Thesaurus sive pharmaco logicus»[88]. В 70-х годах встречаем другого переводчика-иноземца...*, Ивана Федорова Васютинского, переводившего аптекарские латинские и польские «всякие надобные письма в оптеку, по которым книгам русские люди могут быть совершенными лекарями и аптекарями»[89]. По собственной инициативе русские лекари отдавали своих детей «учится в школу новонемецкую самому латинскому и цесарскому языку». Школа эта была основана иноземцем Яганом Понциусом[90].

Чем более расширялись операции московских аптек, тем все более и более возрастала потребность в аптекарской посуде, глиняной и стеклянной, что являлось стимулом к развитию местного производства. Привозного стекла не всегда можно было доставить в нужном количестве, и слишком дорого оно обходилось. Отсюда попытки основания скляничных заводов под Москвой. Легче всего было организовать производство глиняной муравленой аптекарской посуды. При Аптекарском приказе в его штате всегда состоял «алхимистских глиняных и муравленых дел мастер», поставлять годовое содержание и все материалы для производства, как-то: глину, дрова, свинец и проч.[91]

Глина была**... в Гжельской волости, и на крестьян была возложена повинность поставки той глины по мере надобности в Аптекарский приказ, «а на иные дела тое глины никак не давать, а [записать] тое глину на аптекарские дела». Глина доставлялась десятками возов, что указывает на довольно обширное производство глиняной муравленой посуды при Аптекарском приказе: посуда изготовлялась в тысячах экземплярах. Это производство было исконным в Гжельской волости; здесь были...— муравленники «многие горшечники, делают белые красные горшки», некоторые из них имели собственные лавки в Москве.

В Москве существовала гончарная слобода...***, оттуда только и брались мастера алхимистской и аптекарской посуды в Приказ. Муравченную глиняную посуду общеупотребительских форм всегда можно было приобрести на вольном рынке. В 1698—99 г., например, в Новую Аптеку было куплено 7000 стопок (иначе банок) муравленных «немецким образом», «2 горшка муравленых больших», «88 горшков простых коломенских», «10 корчаг глиненых простых же», «3 алембика глиненых, кото-

---

87 Там же. Вып. II.№ 450. С. 405.
88 Там же. Вып. III.№ 1019. С. 772.
* [Далее два слова не разобраны.]
89 Материалы... . Вып. IV. № 1415. С. 989.
90 *Новомбергский Н. Я.* Врачебное строение... . С. 229.
91 [Ф. 143. Аптекарский приказ. Оп. 3. Д. 252. Л. I; Д. 326. Л. 1.]
** [Далее одно слово не разобрано.]
*** [Далее 2 слова не разобраны.]

рые деланы нарочно по Аптекарскому приказу о трех главах составные»[92].

В первые годы XVIII в. Петр I использовал кустарное производство муравченной посуды в Гжельской волости. На десять дворов крестьян-муравченников «разных деревень этой волости была возложена повинность изготавливать муравчатые посуды на Аптекарский приказ своими средствами в записи всяких иных лежавших на них повинностей. Первоначальный заказ глиняной посуды на 1710 г. определялся цифрой 80 000 стопок «разных статей». К июню 1711 г. они доставили в Аптекарский приказ 25 245 судов.

Более всего гжельские муравченники производили стопок от пуда до 1 золотника емкостью, стопки с крышками, реторты большие, горшки ведерные и полуведерные, муравченные изнутри, корчаги гжельские, горшки коломенские «простые» белые, кувшины...*, ведерные и полуведерные; посуда приготовлялась в некоторых случаях по образцам из Аптекарского приказа.

При организации скляночного производства потребовалось привлечение иноземцев. Так первый завод, наибольший из всех по своей производительности, был основан в 1634 г. датчанином Юлием Коэтом. В...** годах во главе завода стоял Антон Елисеев сын Коэт; после него его жена и родственник ее Петр Коэт[93]. В 1667 г. вдова Антона Коэта просила об освобождении ее от взимания таможенных пошлин, писала: «пожалован де муж ее Великого государя скляниным заводом, а делали с того заводу в Оптекарскую полату реторты,и колвы, и рецепиоты, и сепратория, и алеорчики, и сулеи, и скляницы четвертныя и фунтовые и полуфунтовые, и иные всякие скляничные суды; и что де зделают всякого стекла на продажу, и те суды продавали беспошлинно для того, что прежде сего в Оптекарскую полату те скляничные суды покупали за морем дорогою ценою»[94].

По словам Кильбургера, завод Коэта производил в год 80 000—90 000 скляниц, значительная часть коих поступала в продажу[95]. Коэт изготовлял посуду по росписям Аптекарского приказа и иных по особым образцам. В 1663 г. с завода Коэта были взяты заготовленные по указу «скляничные фиоли» и дан новый заказ[96].

В 1670 г. в два раза было заказано 3796 судов: колбы самые большие, широкие и высокие; рецепиэнты, реторты, скляницы (в 12 и в 6 золотников), сулеи, стаканы, мурановы «по бумажным образцам»; «Все суды сделать телны и вода б была чиста»[97].

---

92 Ф. 16. Госархив. Разряд XVI. Д. 320 (приходо-расходные книги) [Л. 95 об.—96.]

* [Далее одно слово не разобрано.]

** [В рукописи год не указан.]

93 *Курц Б. Г.* [Сочинение Кильбургера...]. С. 323—324. [Часть ссылки на другую литературу не разобрана.]

94 Материалы.... Вып. II. № 390. С. 332.

95 [*Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера...]. С. 119.

96 Материалы.... Вып. II. № 353. С. 268.

97 Там же. Вып. III. № 1117. С. 809.

В 1679 г. от Коэта было принято 2316 [штук][98]. В 1689 г. в феврале — 2000 скляниц[99]. В 1698 г. в январе — 1140 мест судов, из которых отмечен один новый вид: «гельмы, которые называются алембиками»[100].

Более высокие сорта скляничной посуды изготавливались в Измайловском и Черноголовском заводах. Но оба эти завода производили ограниченное количество посуды и были невелики. По описи 1687 г. можно с достоверной отчетливостью представить себе устройство и производительность завода в Измайлове. Самый завод занимал сосновый амбар, забранный в дубовые столбы, углы забраны в замок, крыт драницами и прутьями, 3 окошка слюдяных темных.

К амбару пристроены тесовые чуланы. Оборудование состояло из печей для обжигания и [коксовки] судов, и чанов с котлами для варки золы и проч. В другом амбаре хранились инструменты, материалы и изготовленные суды. Из инструментов отмечали ножницы, «что обрезывают стекло», палки железные, «что стекло мешают», доски, «на которых стеклянные суды делают», клюки железные, «которыми горшки очищают», «формы медные» и проч.

Целый ряд инструментов для изготовления каретного стекла.

Из материалов указаны «к фигурному делу всякие запасы: пуд стекла тянутого с золотом, с финифтью и с красками», финифть белая, желтая, лазоревая. Стеклянная посуда производилась зеленая и белая. Зеленого стекла производились: скляницы четвертные, и «виницетки», и самые маленькие с шурупами, скляницы без шурупов, сулеи, братники, ставцы, кружки, мухановы (за 1685—1686 г. 110 штук), кувшины, блюда, чарки*...

Из белого стекла: кубки*... некоторые из них с «цветками репьями», один «прозолочен», кубки «долгие потешные», рюмки простые, рюмки тройные и граненые, рюмки на яблочках, одна рюмка в сажень, большое количество сулей, частью полосатых, витых, [«кистюшных»], кубок на змее двойном, кувшины, «в коих цветы подаются», «подсвешники прозолоченые», «сковородки», стаканы в $^1/_4$ ведра и больше, лампады, солонки, стаканы высокие, стаканы плоские, чаши гладкие и льдовые, фляги, скляницы...* и проч. Стаканы вырабатывались гладкие, полосатые, крупночешуйчатые, клетчатые, витые, «приказные» (10 штук). Всего за 1685—1686 г. было произведено более 10 000 предметов, из которых большая часть пошла, конечно, на сосуды наиболее ходовые: сулеек маленьких — 1792, стаканов высоких — 3067, стаканов плоских — 2850**.

Приведенный перечень скляночных изделий Измайловского завода указывает на довольно высокую технику, разнообразие видов сосудов одного и того же типа, изящество изделий.

---

98 Там же. Вып. IV. № 1614. С. 1227—1231.
99 Ф. 16. Госархив. Разряд XVI. Д. 320 (приходо-расходные книги), [Ч. 1. Л. 32 об.].
100 Ф. 143. Аптекарский приказ [уточнить ссылку не удалось].
* [Далее одно слово не разобрано.]
** [Далее зачеркнуто 1 $^1/_2$ строки.]

Значительная часть изделий Измайловского завода уходила на нужды дворца*, в государевы хоромы, к царевнам, на Сытный дворец, в Мастерскую палату и т. п. В расходной книге 1686 г. отмечен любопытный случай, что 13 июля государь «изволил быть в селе Измайлове на запасном дворе и жаловал судами все чины, которые были за ним, великим государем»[101].

Есть указание на отпуск скляниц и в Аптекарский приказ, о чем, впрочем, мы знаем и из других источников [102]. Наконец, некоторое количество стекла наиболее ходовых видов, сулеек, стаканов, скляниц четвертных отправлялось на продажу через целовальника на Гостиничный двор[103].

Черноголовский завод в селе Воскресенском был устроен по такому же образцу, как и Измайловский; только производительность его была меньше и не так разнообразна и более технически проста.

Русские скляничные заводы, следовательно, выбрасывали на рынок часть своих изделий. Другими источниками, питавшими московский рынок, где тот же Аптекарский приказ постоянно закупал посуду, был привоз стекла из-за моря и рубежа. Стекло шло через Лифляндию и Архангельск. Так в росписях товаров, провозившихся через Архангельск на гамбургских, бременских и голландских кораблях, Кильбургер указывает целые тонны (в 1673 г.— 4 тонны и 9 тонн) стеклянной и каменной посуды[104].

Но пожалуй, значительней был провоз стекла из Черкасс. Кильбургер говорит, что из Черкасс привозили в Москву не только очень много простого стекла, но особенно много синего стекла[105].

В 1663 г. калужскому посадскому человеку Ганке Луковникову было поручено произвести в Черкассах закупку скляниц для Аптекарского приказа[106]. В 1688 г. [путивлицу] посадскому человеку Игнатью Литвинову было уплачено за поставку в Старую Аптеку 29 660 скляниц 146 рублей 2 алтына 4 деньги[107]. В приходо-расходных книгах начала XVIII в. черкасское стекло фигурирует постоянно в значительном количестве. Как кажется, в прилегавших к московскому рубежу малороссийских городах существовало производство стеклянной посуды. Не без основания, конечно, в 1672 г. Тайный приказ приказал отыскать в порубежных городах Путивле, Севске, Трубчевске и других, «где сыскать мочно», «стекляных мастеров» (человек 10) «добрых, чтоб которые стекло варить, и горшки, и печи и всякие стеклянные суды и шурупы были делать горазды»[108].

Во всяком случае к концу XVII в. на московском рынке обращались стопы значительного количества стекла, что Аптекарский

---

* [Далее зачеркнуто 3 слова.]

101 [Ссылку: «л. 402» уточнить не удалось.]

102 Ф. 16. Госархив. Разряд XVI. Д. 320. Ч. I. Л. 15 об., 38, 51; Ч. II. Л. 71, 85 об., 95.

103 [Ссылку «л. 408» уточнить не удалось.]

104 *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера.... С. 136, 139.

105 Там же. С. 119.

106 Материалы.... Вып. II. № 293. С. 212.

107 Ф. 16. Госархив. Разряд XVI. Д. 320. [Ч. II. Л. 14].

108 *Заозерский А. И.* Указ. соч. С. 148—149.

приказ в случае надобности мог закупать его сотнями и даже тысячами штук у московских торговых людей.

Так 11 [января] 1692 г. было куплено у торгового человека Ивана [Протопопова] 500 скляниц, 15 февраля у Петра Степанова — 150 скляниц, 22 февраля у Якова Васильева 1500 пузырьков [скляничных][109].

В 1701 г. 16.IV у торгового человека Филиппа Степанова куплено было 1500 штук стеклянных разных банок, 5.VI у Якушки Семенова — более 800; 31.VII у Ф. Семенова — более 450 штук; 9.VIII у Як. Семенова — 400 штук*.

---

109 [Ф. 143. Аптекарский приказ. Оп. 2. Д. 1456. Л. 11, 47, 54.]

* [Ссылка отсутствует.]

КОММЕНТАРИИ

БОРЬБА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С ТАТАРАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Архив РАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 66. Л. 1—169. Публикуется по машинописи с правкой автора фиолетовыми чернилами и карандашом. Имеется правка карандашом и замечания читавших рукопись. Листы 103—104 — автограф синими чернилами. Рукой Новосельского сделаны родословные схемы крымских ханов. Дата на полях первого листа: «5/IV 1968 г.», а также: «М. П. 4 экз. М. Ловец». Очевидно, это пометы, сделанные рукой машинистки.

[а] Зборовский договор — 8 авг. 1649 г. был результатом победы, одержанной войском Б. Хмельницкого в союзе с Крымом над Речью Посполитой. Посредником в переговорах был хан Ислам Гирей. По условиям этого договора: 1) число войска Запорожского было увеличено до 40 тыс., составление списков поручалось гетману; 2) Чигирин с округом — во владении гетмана запорожского; 3) прощение казакам и шляхте, присоединившейся к казакам; 4) в тех местах, где будут жить реестровые казаки, польские войска не могут занимать квартиры; 5)... 6) об унии и церквах и имении будет особое постановление на сейме; киевский митрополит будет заседать в польском сенате; 7) должности в воеводствах Киевском, Черниговском и Брацлавском король обещал раздавать местной шляхте православного вероисповедания; 8) иезуиты не должны были находиться в Киеве и в других городах, где есть русские школы.

Война запорожских казаков с Польшей возобновилась в феврале 1651 г. Брошенный на поле боя и ограбленный крымским союзником Б. Хмельницкий потерпел военное поражение от Речи Посполитой и дипломатическое от Московского государства, которое ему не удалось призвать себе на помощь. 17 сентября 1651 г. коронный гетман Потоцкий и Б. Хмельницкий под Белой Церковью подписали мир: 1) число реестровых казаков было сокращено до 20 тыс. и должно было находиться в имениях королевских и в Киевском только воеводстве; 2) коронное войско не должно было стоять только в Киевском воеводстве и в тех местечках, где стоят реестровые казаки; 3) жители воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сами лично и через своих урядников должны были вступать во владения своими имениями и пользоваться всеми доходами и судопроизводством; 4) Чигирин остается при гетмане, который состоит под властью гетмана коронного; 5) ... 6) гетман запорожский должен отпустить татарскую орду и не вступать ни в какие сношения с него и с другими иностранными государствами (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Т. VI. С. 567, 577).

[б] Здесь и далее сокращение цитаты автором.

[в] Василий Лупу — молдавский господарь.

[г] Волошская и мунтянская (мултянская, мурьянская) земля — Дунайские княжества. Валахия позднее вместе с Молдавией составляла Румынию.

[д] Мунтяны (мултяне)— валахи.

[е] Война Речи Посполитой со Швецией — Северная война (1655—1660 гг.).

[ж] В монографии Г. А. Санина «Отношения России и Украины...» на с. 175 отмечена попытка захвата Азова казаками в 1656 г. без упоминания об атамане Павле Федорове. В более ранних трудах в русской историографии этот эпизод не отмечался.

[з] Венецианско-турецкая война 1645—1669 гг. Венеции помогали Испания, папа римский и Франция. Несмотря на ряд одержанных побед в морских сражениях (в 1651, 1654—1656 гг.), война закончилась поражением Венеции.

[и] О взаимоотношениях Дунайских княжеств, России и Украины в 1656—1657 гг. см. монографию Г. А. Санина (с. 180—182), а также Л. Е. Семеновой «Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в.» (М., 1969) и «Исторические связи народов СССР и Румынии» (М., 1968. Т. II).

[к] Волохи — см. коммент.«г» и «д». Можары, или маджары,— племя, жившее близ устья Волги на берегу р. Кумы; впоследствии смешались с чувашами.

[л] Венгрия в период позднего феодализма поделена была на 3 области: Трансильванское княжество, зависимое от Турции, но самостоятельное во внутренних делах; в западной части страны и северных областях в основном был протекторат Габсбургов (Австрия). Освободительная борьба венгерского народа в течение XVI и XVII вв. отстаивала конституционные права Трансильвании, свободу вероисповедания протестантов; борьба велась и против турок и против Габсбургов. В 1657 г. за-

кончилось правление Фердинанда III и началось правление Леопольда I. Мирные отношения с Турцией были нарушены князем Георгием Ракоци (Ракочи), поссорившимся с Портой и разбитым ею в 1660 г.

[м] Юрий Хмельницкий — гетман Украины. В 1657 г. отказался от гетманства в пользу И. Выговского, но в 1659 г. вновь избран гетманом. В 1660 г. после поражения, нанесенного польскими войсками под Чудновом и Слободищем украинским и русским войском, подписал Слободищенский договор, по которому Украина перешла под протекторат Польши. В 1663 г. отказался от гетманства и постригся в монахи. Захвачен татарами (в 1673 г.) и отправлен в Турцию, где снова объявлен был гетманом Украины и участвовал в Чигиринских походах 1677 и 1678 гг. В 1681 г.— низложен, а в 1685 г.— вновь объявлен турками гетманом, но вскоре убит.

[н] Событие русско-польской войны. К Чуднову В. Б. Шереметев отступил от Любара под напором превосходящих сил поляков (30 тыс.) гетмана С. Потоцкого и маршала Ю. Любомирского, с которыми объединилось 60-тысячное войско татар. После измены Ю. Хмельницкого, его присяги польскому королю и бегства из стана Шереметева казацкого 2-тысячного отряда, распространения голода в русской армии и падежа скота, продержавшийся до 23 октября (Ю. Хмельницкий капитулировал 1 октября) Шереметев пошел на переговоры, основой которых были уход русской армии из Малороссии, но так как Ю. Н. Борятинский, находившийся под Киевом, отказался выполнять эти условия, Шереметев как пленник был отведен в Крым для будущего выкупа.

[о] Мангуп — раннесредневековая цитадель в 20 км от Бахчисарая, центр княжества Феодоро, объединявшего до 1475 г. Западный Крым. См.: По горному Крыму. М., 1986. С. 101—120. (Сер. «Дороги к прекрасному»).

[п] Тинмаметевы и Урмаметевы — две ветви орды Больших ногаев. См.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948. Т I. С. 13—17 и далее.

[р] Алтаульские татары — дети брата кн. Исмаила (Большие ногаи) князя Шихмамая; образовали самостоятельную орду, отделились раньше других, ушли на р. Эмбу (их еще называли «энбулаки»).

[с] Едисанские татары — орда Малых ногаев, кочевали в Очаковской области, находились в подчинении у Крыма и через него под протекторатом турецких султанов.

[т] Юртовские татары — часть астраханских татар, происходивших от тюрко-монголов, смешавшихся с хазарами.

[у] См. коммент. «п».

[ф] См. там же.

[х] Улусы, выселенные из Крыма в начале XVII в. в степи к западу от нижнего течения Днепра,— орда Кантемира. См.: *Новосельский А. А.* Указ. соч. Т I. С. 358.

[ц] Кейкуват (кекуват)— чин в ногайской орде, о правах и полномочиях которого мало данных, не выяснено и происхождение этого чина. В его пользу шли с орды некоторые доходы и пошлины. См.: *Новосельский А. А.* Указ. соч. Т. I. С. 56—57.

[ч] Гилянцы — персы из Гиляндской провинции.

[ш] Из орды Малых ногаев, кочевавших между Азовом и Кабардой,— улусы Казы мурзы. Находились под протекторатом в основном Турции, но в иные времена и Крыма.

[щ] Тарковские кумыки — мусульмане, жили на р. Тереке.

[э] Андреевский Каганалп-мурза — кумыцкий мурза. Ср.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. VI. С. 562.

[ю] Аксойская степь — р. Аксой впадает в Дон в 21 км от г. Новочеркасска в Новочеркасском у.

[я] Горские кабардинские черкасы (черкесы), абадзинцы, бесслени — небольшие кавказские народности. Черкесы были поставщиками живого товара на кафском невольничьем рынке, но от Крымского ханства по мере своих сил сохраняли независимость; абазинцы упоминаются вместе с черкесами В. Д. Смирновым в его кн.: Крымское ханство под верховенством Оттоманской империи. СПб., 1887. С. 579; бесслени — черкесское кавказское племя. Имели монопольное право воспитания детей крымских ханов. См.: *Смирнов В. Д.* Указ. соч. Указатель.

[аа] Гадячский договор 1658 г., заключенный И. Выговским с Речью Посполитой, имел 22 статьи. Отметим наиболее важные: «1) Вера древняя греческая уравнивается в правах своих с римскою везде, как в Короне Польской, так и в Великом княжестве Литовском; 3) войска Запорожского будет 60 тыс... 4) гетману великого княжения русского украинского вечно быть первым киевским воеводою и генералом; 5) сенаторов в Короне Польской выбирать не только из поляков, но и из русских; 6) дозволяется в Киеве устроить академию, которая пользуется теми же правами, как и академия Краковская... 7) король и чины позволяют учредить и другую академию на правах киевской; 8) коллегии, училища и типографии, сколько их понадобится, вольно будет устраивать, вольно науками заниматься, вольно книги печатать... 9) случившееся при Хмельницком предается вечному забвению; 10) податей никаких правительство польское получать не

будет; обозы коронные не принимаются; обе Украины находятся только под гетманским управлением... 12) коронным войскам в Украине не быть кроме необходимости, но в таком случае они находятся под командою гетмана, казакам же вольно стоять по всем волостям королевским, духовным и сенаторским... 15) в войне короля с Москвою казаки могут держать нейтралитет, но в случае нападения московских войск на Украину король обязан защищать ее... 17) гетману не искать других иностранных протекций, кроме польской, он может быть в дружбе с ханом Крымским, но не должен признавать над собой власти государя московского, и казаки все должны возвратиться в свои жилища... 19) чигиринский повет остается при гетманской булаве по-прежнему...» (*Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. VI. С. 32—34).

[б] Голтва — местечко или городок на р. Псле в устье р. Голтвы.

[в] Иван Безпалый — наказной гетман (наказной — временный), воевал против И. Выговского на стороне московского царя.

[г] См.: коммент.«н».

[д] См.: коммент.«п» и «ш».

[е] Чонгар — местечко или городок на о. Чонгар. Важный пункт на подступах к Крымскому полуострову.

[ж] Чонгар — см. коммент.«е».

[з] С польским королем был гетман Западной Украины Павел Тетеря с украинскими войсками. Им противостояли русские и украинские войска под предводительством Г. Г. Ромодановского и гетмана левобережной Украины И. М. Брюховецкого.

[и] Чарнецкий Стефан, киевский воевода, коронный гетман, воевал на стороне польского короля.

[к] Дорошенко Петр Дорофеевич, гетман правобережной Украины (1665—1676). Выдвинулся в период освободительной войны с Речью Посполитой (1648—1654). С 1657 г. прилуцкий полковник. Участвовал в подавлении народного движения, руководимого М. Пушкарем и Я. Барабашем, против И. Выговского. В 1659 г. перешел на сторону Ю. Хмельницкого, который в 1660 г. назначил его чигиринским полковником. С 1663 г. — генеральный есаул при гетмане П. Тетере. После его смерти захватил власть в 1665 г.

[л] Барабаши — казаки днепровские, находящиеся под протекторатом Московского государства.

[м] Юрий Севостьян Любомирский — представитель старинного польского рода, преследовался партией королевы и канцлера Пражмовского. Вел открытую войну против короля. Впоследствии покинул Польшу.

[н] Казнадар (хазнадар) — казначей Крымского юрта.

[о] О полковнике Маховском см.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. VI. С. 179.

[п] В 1672 г. Турция нанесла поражение Речи Посполитой, захватив Каменец и всю Подолию. См.: Очерки истории СССР. XVII в. С. 518.

[р] С. М. Соловьев подробно описывает убийство Лодыженского казаками Запорожской Сечи: «Объявивши таким запорожским способом войну Москве, казаки начали толковать, чтобы быть в соединенье с Дорошенком... Запорожцы хвалились, что полтавский полковник на их стороне» (*Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. VI. С. 353).

[с] По Андрусовскому соглашению России отходила левобережная Украина, Польше — правобережная и Белоруссия, Запорожская Сечь — под совместным протекторатом. России отошли Смоленск, Дорогобуж, Белая Церковь, Невель, Красный, Велиж, Северская земля с Черниговом и Стародубом (Очерки истории СССР. XVII в. С. 517).

[т] Повторение абзаца на с. 83—84.

[у] Русско-польская война 1654—1667 гг.

[ф] Волохи и мунтьяны. См. коммент.«г» и «д».

[х] Румелия — страна ромеев, греков — древняя Фракия и Македония (позднее — европейская провинция Турции).

[ц] Котельва — город, потом слобода в Ахтырском у.

[ч] Дзиновский Иван Николаевич — острогожский полковник. Острогожск был им основан в 1652 г. Он вывел сюда людей из Малороссии после берестечского поражения.

[ш] Русско-турецкая война 1676—1681 гг. Поход турок и татар под Чигирин — главный город правобережной Украины — настолько потряс турецкую армию (хотя в результате 2-го похода город был сдан), что в следующем году военные действия велись лишь набегами. (Очерки истории СССР. XVII в. С. 521—529).

ИЗЮМСКАЯ ЧЕРТА

Архив РАН. Ф. 1714. Оп.1. Д. 75. Л. 24—27. Публикуется по машинописи с правкой автора. 3-й вариант зачеркнут (л. 27). Незначительная правка черными и фиолетовыми чернилами. Листы немного больше обычного формата. Даты нет (см. Предисловие).

[а] Опубликованная статья З. К. Звездина «К вопросу о социальных отношениях на Слободской Украине в конце XVII — начале XVIII в.» (Исторические записки. 1952. № 39) не содержит данных об Изюмской черте.

ОЧЕРК ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ БОЯРИНА ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА В 1654 г. НА НОВГОРОДСКОМ ФРОНТЕ

Архив РАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 71. Л. 1—45. Публикуется по автографу синими и черными чернилами на листах амбарной книги. Правка чернилом и карандашом. Рукопись не датирована, см. Предисловие.

ОТГОЛОСКИ ОПРИЧНИНЫ В ДОКУМЕНТАХ XVII в.

Архив РАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 70. Л. 34—39, 41—46. Публикуется по автографу синими чернилами с правкой красными чернилами (л. 34—39) и машинописи с этого автографа с карандашной правкой. На полях автографа красными чернилами написано: «Вариант № 2 последний. Переделан с варианта № 1». Вариант № 1 находится тоже в деле на л. 1—26 (автограф и машинопись в нескольких экземплярах). Рукопись не датирована, однако ее можно датировать: не ранее 1951 г. (см. Предисловие).

СЛУЖИЛОЕ ОБЩЕСТВО И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НА БЕЛООЗЕРЕ ПОСЛЕ СМУТЫ

Архив РАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 3. Л. 2—59, 60—86. Публикуется по автографу черными чернилами на листах амбарной книги. Правка теми же чернилами (на л. 2—59) и машинописи с него на листах удлиненного формата с синим шрифтом и правкой карандашом. Рукопись автором не датирована. Архивистом, описывавшим фонд, к. и. н. Панфиловой А. К. дело датировано 1920 г. по переписке. В письме к А. И. Яковлеву от 2 сентября 1920 г. А. А. Новосельский писал: «Из занятий по Белоозеру вышли у меня две небольшие статейки о служилом землевладении и о государевом Рыбном дворе на Белоозере» (Ф. 665. Оп. 1. Д. 423. Л.2).

РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В БЕЛОЗЕРСКОМ УЕЗДЕ В XVII в.

Архив РАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 13. Л. 2—43. Автограф черными чернилами на листах амбарной книги среднего формата. Правка красным и обычным карандашом. Первый лист отсутствует, пагинация авторская. Датировано 1920 г. архивистом, описывавшим фонд, к. и. н. Панфиловой А. К. (см. комментарии к статье «Служилое землевладение на Белоозере»).

ГОРОД КАК ВОЕННО-СЛУЖИЛАЯ И КАК СОСЛОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В XVII в.

Архив РАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 15. Л. 2—38. Публикуется по автографу черными чернилами на бланках большого формата «191... г.» Правка теми же чернилами. На л. 39 начинается текст, близкий по содержанию, но с другой авторской нумерацией листов, возможно вариант или часть, которая впоследствии вошла бы как часть статьи, может быть, начало новой работы. Рукопись не датирована автором. А. К. Панфилова предложила отнести эту работу к началу 20-х годов. На л. 2 имеется несколько написанных автором красным карандашом зачеркнутых названий статьи: «Черты единства города XVII в. как организации военной», «Город как военно-служилая организация», «Военный строй города», «Концентрация землевладения по городам».

[а] Текст ссылки не сверен ввиду отказа Архива древних актов (РГАДА) выдать ветхий столбец.

[б] Текст челобитных опубликован в кн. «Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.» (М., 1975. С. 303—308, 313—320, 322—333). В челобитной 1657 г. служилые люди ссылаются на поход прошлый — 162 г. (т. е. 1653/1654 г.— окончание борьбы за воссоединение с Украиной) против Речи Посполитой. Чигиринские походы: 1677 и 1678 гг. Однако см. об этом (анализ ситуаций при подаче челобитных): *Новосельский А. А.* Побеги крестьян и холопов и их сыск // Труды Института истории: Сб. ст. РАНИОН. М., 1926. Вып. 1. С. 331.

[в] Вторая часть ссылки: «МАМЮ (РГАДА). Ф. 1209. (Поместный приказ). Столбцы Вотчиной записки № 18411. Л. 29—32, 33—40, 41—43, 44» — не соответствует смыслу текста статьи.

[г] Текст ссылки не сверен ввиду отказа Архива древних актов выдать ветхие столбцы.

АПТЕКА XVII в.

Архив РАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 14. Л. 2—24. Публикуется по автографу: л. 2—6 и 19—24 формата 35×22 см, листы 7—18 представляют собой пожелтевшие бланки 1916 г. для справок Минского нотариального архива, формат листов такой же, чернила черные. Рукопись датирована автором: 7—9 марта 1925 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (*Л. Г. Дубинская, А. К. Панфилова*) 3

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

БОРЬБА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С ТАТАРАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII века 13

Глава первая
Русско-крымские отношения в 50-х годах XVII в. при гетмане Богдане Хмельницком 14

Глава вторая
Отношения России с Крымом в годы Ив. Выговского и участие последнего на стороне Польши до середины 60-х годов 33

Глава третья
Ногаи и калмыки в 50-х годах в южнорусских степях 43

Глава четвертая
Россия и татары в 1659 г. Конотопская битва. Вторжение хана в московскую Украину 60

Глава пятая
Крым и Россия в период Андрусовских переговоров 79

Глава шестая
Калмыки и ногаи в конце 50-х и в 60-х годах 91

Глава седьмая
Вторжения (ханов) 1660—1680-х годов 98

ИЗЮМСКАЯ ЧЕРТА 116
Фрагмент I 116
Фрагмент II 116
Фрагмент III 117

ОЧЕРК ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ БОЯРИНА ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА В 1654 г. НА НОВГОРОДСКОМ ФРОНТЕ 117

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ОТГОЛОСКИ ОПРИЧНИНЫ В ДОКУМЕНТАХ XVII в. 136

СЛУЖИЛОЕ ОБЩЕСТВО И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НА БЕЛООЗЕРЕ ПОСЛЕ СМУТЫ 139

РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В БЕЛОЗЕРСКОМ УЕЗДЕ В XVII в. 162

ГОРОД КАК ВОЕННО-СЛУЖИЛАЯ И КАК СОСЛОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В XVII в. 178

АПТЕКА XVII в. 197

КОММЕНТАРИИ 218

А. А. Новосельский

Н74 Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие) М.: Наука, 1994. — 223 с.
ISBN 5—02—008645—2

В книгу включены ранее не публиковавшиеся исследования выдающегося советского историка А. А. Новосельского, посвященные внешнеполитической истории русского государства в период его складывания как многонационального. Рассматривается сложный узел дипломатических отношений с Крымским ханством, Украиной, Польшей и Турцией во времена гетманства Ивана Выговского, Юрия Хмельницкого, Ивана Брюховецкого, Петра Дорошенко (вторая половина XVII в.), ранее в советской историографии не освещавшийся. Раскрываются конкретные социально-экономические аспекты устройства русской действительности XVII в. Вводится в научный оборот большой архивный материал.

Для всех интересующихся русской историей.

Н $\frac{0503020200-304}{042(02)-94}$ 86—93, II полугодие ББК 63.3(2)4

Научное издание

Алексей Андреевич Новосельский

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА

(Научное наследие)

Утверждено к печати
Архивом Российской академии наук

Редактор издательства С. А. Левина
Художник Б. М. Рябыщев
Художественный редактор И. Ю. Нестерова
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректор Е. Н. Белоусова

ИБ № 161

Сдано в набор 05.03.92
Подписано к печати 15.02.94
Формат 60×90 1/16
Гарнитура таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 14,1. Усл. кр. отт. 14,42. Уч.-изд. л. 17,4
Тираж 1500 экз. Тип. зак. № 151

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск 77, ул. Станиславского, 25